

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 26 (65). № 1

Серия «Исторические науки»

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2013

Редакционный совет журнала

«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:

Багров Н. В. – д. г. н., проф., академик НАН Украины, (главный редактор)

Шульгин В. Ф. – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)

Дзедолик И. В. – д. ф.-м. н., доц. (отв. секретарь)

Члены совета (редакторы серий):

Бержанский В. Н. – д. ф.-м. н., проф.

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.

Вахрушев Б. А. – д. г. н., проф.

Казарин В. П. – д. филол. н., проф.

Климчук С. В. – д. э. н., доц.

Копачевский Н. Д. – д. ф.-м. н., проф.

Непомнящий А. А. – д. ист. н., проф.

Подсолонко В. А. – д. э. н., проф.

Темурьянц Н. А. – д. б. н., проф.

Ротань В. Г. – д. ю. н., проф.

Шоркин А. Д. – д. филос. н., проф.

Редакционный совет серии «Исторические науки»:

Непомнящий А. А., доктор исторических наук, профессор (редактор серии) (aan@home.cris.net)

Герцен А. Г., кандидат исторических наук, профессор (ответственный секретарь)

Бачинская Е. А., доктор исторических наук, профессор

Ганкевич В. Ю., доктор исторических наук, профессор

Петрова Э. Б., доктор исторических наук, профессор

Платонова Н. И., доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Смынтына Е. В., доктор исторических наук, профессор

Тихонов И. В., доктор исторических наук, доцент

Тункина И. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Филимонов С. Б., доктор исторических наук, профессор

Хмарский В. М., доктор исторических наук, профессор

Храпунов И. Н., доктор исторических наук, профессор

Щевелев С. С., доктор исторических наук, профессор

Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 11 от 11 декабря 2013 г.

Подписано в печать 03.12.2013 г. Формат 70x100 1/16. 17,88 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/13-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 26 (65), № 1

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2013

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2013 г.

УДК 910.4(477.75)+908(047.2)»17/18»

КЕРЧЬ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Авсенёва С. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: lindabright@mail.ru*

Произведен анализ записок иностранных путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII – начале XIX в. На основе данных сочинений зарубежных вояжеров, таких как: Гутри М. (A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea. London, 1802), Кастельно Г. (Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvell Russia. Vol. 1–3. Paris, 1820), Лайэлл Р. (Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia. Vol. I. London, 1825), был рассмотрен отдельный аспект истории Керчи, а именно – состояние и постепенное развитие города с момента его вхождения в состав Российской империи и до конца первой четверти XIX века.

Керчь – один из древнейших городов Украины, насчитывающий двадцать шесть веков своей истории. Доказано, что первые поселения людей в районе Керчи были в эпоху мезолита. Позднее здесь обитали легендарные киммерийцы и пришедшие скифы. В начале VI в. до Р.Х. греческие колонисты, выходцы из Милета, основали на горе Митридат поселение, выросшее со временем в город Пантикапей, который позже превратился в крупный экономический, политический и культурный центр, в столицу могущественного Боспорского царства. Боспор, будучи крупнейшим и одним из сильнейших государств на берегах Черного моря, просуществовал вплоть до конца VI в. от Р.Х.

Средневековый период своей истории Пантикапей начинает под новым именем – Боспор. Эта эпоха в его истории занимает немалый отрезок времени – с начала VI в. и до конца XVIII в., от момента, когда город попал под власть Византийской империи, до 1774 г., когда Керчь по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора стала частью Российской империи.

Город начал развиваться как значительный центр Крымско-Кубанского региона лишь с начала XIX в. и вскоре превратился в форпост, защищавший военные и экономические интересы государства. Важной датой в его развитии стал 1821 год, когда указом Александра I в нем был учрежден морской торговый порт, что способствовало формированию нового промышленного города, который многие называли маленькой Одессой. В 1826 г. был открыт городской историко-археологический музей, что положило начало археологическим изысканиям на керченской земле, которые особенно активизировались после открытия кургана Куль-Оба в 1830 г. Город украсили новые общественные здания и другие постройки.

Можно смело утверждать, что начало XIX века знаменует собой новый важнейший этап в истории Керчи. Город со столь насыщенной и красочной историей не мог остаться без внимания людей интересующихся новыми открытиями, поклонни-

ков странствий и приключений. Вхождение Керчи в состав России в 1774 г. привлекло сюда большую волну ученых и путешественников, которые наблюдали, восхищались увиденным и поделились своими впечатлениями с современниками и сохранили их для потомков.

Ключевые слова: путешественники, Керчь, Боспор.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к данной теме исследования обусловлен особой ценностью такого рода исторического источника для истории Украины как путевая литература, которая, несмотря на высокую информативность, до начала XIX века не испытывала пристального внимания исследователей. В некоторой степени это объясняется сложностью поиска, а порой и работы с сочинениями путешественников. Особенно это касается работ иностранных вояжеров. Зачастую исследователи использовали в своих работах далеко не все труды, предпочтение отдавалось наиболее содержательным произведениям. Сочинения же остальных путешественников и по сей день остаются неизученными или вовсе неизвестными. Необходимость поиска всех доступных трудов вояжеров по Крыму указанного периода, их анализа и изучения, объясняют идею данного исследования.

В связи с этим, историография интересующего нас вопроса – изучение путевой литературы о Керчи, невелика. Некоторые ее аспекты освещены в работах Михайлова Л. А. [1–2], Тарбаева В. С. [3], Боровковой В. Н. [4], Федосеева Н. Ф. [5], Механикова С. В. [6]. Отдельные аспекты темы пребывания путешественников в Керчи в конце XVIII – первой половине XIX в. рассматриваются в работах исследователей истории Крыма, таких как: Непомнящий А. А. [7–10], Деремедведь Е. Н. [11–14], Мальгин А. В. [15], а также молодых специалистов Громенко С. В. [16–17], Каушлиев Г. С. [18–21], Храпунов Н. И. [22–24], Прохорова Т. А. [25–30].

Главными источниками по изучению данного вопроса являются тексты дневников, произведений, заметок, биографий, писем, записок и наблюдений путешественников, написанные по результатам посещения ими Керчи в конце XVIII – начале XIX в.

Цель работы: выявить и показать ценность мемуаров путешественников конца XVIII – первой четверти XIX в. как исторического источника для изучения истории Крыма в целом и, в частности, города Керчи.

1. ПУТЕШЕСТВИЯ КАК НАЧАЛО НАКОПЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О КРЫМЕ

С присоединением Крымского полуострова к России в конце XVIII в., сюда открылся путь для широкой российской и западноевропейской общественности, желающей наглядно ознакомиться с далеким прошлым Тавриды, а не черпать знания о ней только из сочинений античных и средневековых писателей. Поначалу число желающих посетить загадочный полуостров было незначительным, однако уже в первой четверти XIX в. путешествия приобретают более широкий размах [31, с. 14; 20,

с. 29–39; 7, 29, с. 97–101; 32, с. 206–214; 19, с. 66–74; 33, с. 80–92]. Измайлов В. В. и Сумароков П. И., странствовавшие по Крыму в начале первого десятилетия XIX в., отмечали, что встретить хоть одного путешественника в Тавриде – большая редкость, а уже в 1820 г. Муравьев-Апостол И. М. утверждал, что их здесь несметное множество и они то и дело попадают друг другу на пути. И что примечательно, не гнушались повергнуть себя опасности и отправлялись в увлекательное, полное опасностей турне даже знатные дамы [34, с. 323]. Прежде всего, сюда направлялись люди образованные, т.к. вторая половина XVIII ст. являла собой эпоху энциклопедизма. В научных кругах тогда бытовала мысль о необходимости накопления большого количества знаний из разных отраслей науки [35, с. 43–50]. В связи с этим и получило развитие направление «ученых путешествий», предпринятых Санкт-Петербургской академией наук с целью всестороннего изучения разных регионов России. Но были и иные формы «исследования» края, когда сюда заезжали различные путешественники со стран Европы, не ставившие себе целью детальное научное изучение края. Их осуществляли разнообразные авантюристы, устремившиеся на поиски счастья, служилые люди, сопровождавшие или ехавшие по указке начальства, молодые знатные юноши со своими воспитателями и многие другие. Немало путешественников прибывало в Крым по приглашениям светлейшего князя генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова. Это были французский дипломат Феликс Жак-Франсуа Депрео де Сен-Совер (1836 г.), англичанин Эдмунд Спенсер (1836 г.) и другие.

Небывалое распространение получил жанр путевых заметок [36, с. 160].

2. ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О КЕРЧИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Одними из первых путешественников заставших Керчь на заре вхождения в состав Российской Империи были англичане Мария Гатри, Роберт Лайэлл и француз Габриэль де Кастельно.

Мария Гатри (Гутри) (?–1797) [19, с. 67] – английская путешественница, сведений о жизни которой немного. В ходе исследований, проводимых Р. И. Татаринцевой, на основании одного косвенного свидетельства, удалось установить, что письма Гатри, составившие ее книгу, адресованы ее мужу Мэтью Гатри, доктору медицины, члену Королевских медицинских обществ Лондона и Эдинбурга, штатному лекару 1-го и 2-го Императорских кадетских корпусов в Петербурге, состоявшему на русской службе [37, с. 594].

Маршрут путешествия Марии Гатри начинался с Николаева. Маршрут путешествия автора книги легко отображается в содержании писем [37, с. 592–593], собранных в один большой труд: «Тур, предпринятый в 1795–1796 годы через Тавриду или Крым, Древнее Королевство Босфор, когда-то могущественную Республику Херсон Таврический и все другие страны северного берега Эвксина, отошедшего к России по Кайнарджийскому и Ясскому миру» (London, 1802. 456 p.). Увидев Керчь в 1795 г., путешественница называет его татарским, что указывает на преобладание татарского населения в числе немногочисленных тогда жителей города. Состояние

полуразрушенного города не произвело особого впечатления на путешественницу, внимание которой больше увлекли местные памятники древности: «Татарский город Керчь, в котором мы сейчас находимся, несомненно, является Пантикапеем <...> один из тех, построенных милетцами в Тавриде и, кажется, всегда был столицей Царства Боспорского и резиденцией его королей <...> Татарский город Керчь имеет мало достопримечательностей; единственное достойное внимания здесь – это руины древнего Пантикапея или вернее Боспора <...> Самое замечательное сооружение, которое время также не жалеет, это готический храм, строительство которого показывает, что он был посвящен Христу и был возведен после начала христианской эры <...> Античные мраморные статуи греческих мастеров также были раскопаны в Керчи, а также большой бассейн, отделанный мрамором, в настоящее время использующийся для поения лошадей.

Эти остатки древностей не встречаются в Еникале, что, несомненно, означает, что этот город был столицей древнего Боспора, если даже медали, носящие имя Пантикапей и другие атрибуты, свойственные ему, найдены здесь.

Мы не можем, однако, ожидать находки весьма значительной сферы изобразительного искусства в стране, которая сменила последовательно много разных национальностей, греков и римлян, древних завоевателей и жителей, варварские и татарские орды, которые, конечно, мало уважали работы своих предшественников; мы даже понимаем, по случайному рельефу, выглядывающему из-за стены церкви, что готические христиане полуострова использовали свободно античный материал, как и язычники или мусульмане. Но это продолжалось и в средние века, и в новейшей истории Боспора; в особенности в Керчи, его столице <...> Керчь расположена в сухой и бесплодной местности и ничего, кроме торговли и морского хозяйства, никогда бы не сделало его любимой резиденцией властителей страны; его порт, однако, сразу же объясняет причину этого явного предпочтения, а именно – он превосходит все места по безопасности от отмели, скал и бурь, по отношению к другим портам. Боспор Киммерийский, в сравнении с Еникале и Таманью (древняя Фанагория), и зимой удобней, что и объясняет выбор этого места для столицы королевства» [38, р.172–174] (Рис. 1.)

Через 15 лет сюда пожаловал француз Габриэль де Кастельно д'Орос (1757–1826) [39, с. 15]. Родился в семье служилого, получил образование в знаменитом коллеже Соррез, основанном в XVII в. в бенедиктинском аббатстве. После учебы стал адвокатом, затем – советником палаты дознания местного парламента. В 1797 г. по приглашению императора Павла I отправился в Россию. После Реставрации Кастельно совершил поездку в Петербург, а затем направился в Париж. Здесь он стал кавалером Св. Людовика и официально получил титул маркиза. Значительным событием в его жизни была публикация его труда по истории Новороссии. Три тома сочинения вышли в свет в 1820 г. в Париже (в 1827 г. книга была переиздана). Описание Керчи мы находим в третьем томе: «Эссе о древней и современной истории новой России» (Paris, 1820. Vol. 3. 347 p.).

По свидетельствам Кастельно в 1810 г. восстановление города продвигалось медленным темпом: «Затем появляется Керчь, она находится на краю пролива. Это место когда-то носило такие известные имена как Пантикапея, потом Боспор. Этот

древняя репутация была заменена очень жестоким забвением. Я обыскал весь город и увидел только отдельные старые здания. Крепость по-прежнему существует и надпись на ней сообщает: «мы добавили несколько укреплений». Есть казармы для гарнизона и за несколько километров две батареи под названием Павловская и Александровская, они являются действующей обороной пролива.

На едином пространстве, окруженном холмами, я заметил рынок или базар, где были греческие рыбаки, которые, похоже, не замечали окружающих их развалин.

Вокруг Керчи много развалин, некоторые из них из мрамора, реальные фрагменты колонн, стен, в частности, что на горе Митридат. Некоторые памятники выдуманные, как, например, могила этого царя Понта [40, р. 241] (Рис. 2.)

В 1822 г. Керчь посетил англичанин Роберт Лайэлл (1790–1831). Родился в Шотландии, образование получил в Эдинбургском университете, где изучал медицину. Позже покинул родину, переехал в Россию, где при поддержке лейб-медика А. Крейтона занялся врачебной практикой, главным образом в аристократических домах Петербурга и Москвы (1815–1821 гг.). В 1822 г. совершил путешествие в Крым и на Кавказ, сопровождая в качестве врача и секретаря трех богатых и знатных иностранцев (маркиза Пуччи, графа Сала и эсквайра Пенрина) [41, с. 323]. Позже в Лондоне был издан его труд «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (London, 1825. 527 p.).

Кратко передавая историю Керчи нового времени, путешественник отмечает положительные изменения в обустройстве города на момент его посещения, что указывает на преодоление состояния «крайнего убожества» в котором застали его первые путешественники: «Керчь, древняя Пантикапея, была основана греками более 2000 лет назад и долгое время занимала важнейшее место при царях Боспора. Пока Крым был под властью турок, они держали сильный гарнизон в ней и Паша также имел здесь резиденцию. По мирному договору 1774 г. между Портой и Россией, Керчь и Еникале были единственными местами на всем полуострове, которые остались в распоряжении последней. Затем татары покинули Керчь и она попала в руки греков. Во время посещения ее Палласом и Кларком она была доведена до «крайнего убожества». Ранее, до оккупации Крыма русскими, она не была похожа на поселение большого размера или с большим населением; уже Кларк в одном месте говорит, что он был информирован о том, что русские уничтожили здесь 5000 домов; в то же время, как в другом месте, он намекает только на 500 стертых с лица земли домов и, вне всякого сомнения, последняя оценка была правильной. В 1804 г., как говорил русский географ Щекатов, этот город состоял всего лишь примерно из сотни жалких домов. В 1813 г., по словам Всеволожского, его население составляло «несколько сотен мужчин!». По новой статистической карте Крыма, он теперь может похвастаться не более чем 154 домами и его население не превышает 300 или 400 душ. До сих пор это жалкое место и содержит несколько жалких магазинов, в которых с большим трудом мы закупили чай и сахар, хотя он хорошо обеспечен отличным хлебом, печеньем и макаронами. В последнее время построены некоторые частные дома, создавшие живой аспект в этих условиях общей подавленности. Хороший план по постройке здешних общественных зданий может быть скоро воплощен <...> Генуэзская крепость и древний собор, так убедительно описанные Палла-

сом и Кларком, были недавно отремонтированы. Вокруг последней лежало много кусков карнизов, капителей и колонн, здесь мы также нашли обезглавленную статую женщины титанических размеров, выполненную из мрамора, драпировка на которой была чрезвычайно красивая <...> В Керчи мы почувствовали себя в классических местах, где имя Митридата ассоциируется со многими объектами. Нам показали его могилу, его гору, его кресло и д.р. Гора Митридата высится над городом, а на ее вершине вырезано из твердой скалы огромное место под названием «Кресло Митридата». Ни один человек, имеющий чувства, не может знакомиться с превратностями жизни и смерти великого Митридата, не вздохнув!

Это была любимая идея Палласа, чтобы общий карантин для Азовского моря был устроен в этом городе и он полагал, что империя будет получать во многих отношениях преимущества, особенно в надежном способе обеспечения внутренних областей охраной от чумы <...> Наконец, правительство должным образом убедилось в важности Керчи как морского порта, а также в качестве места для общего карантина. <...> Город Керчь должен быть перестроен по новому и правильному плану, который мы видели, должен быть окружен одним бульваром, одновременно тянущимся к горе Митридат как украшение, и общей набережной. Порт должен быть усовершенствован и новый карантин, согласно отличному плану, должен быть учрежден. <...> Предлагается завести торговлю между Керчью, Черкессией и Грузией, а также с Доном и по близости Азовского моря. Г-н Скасси надеется, что этой торговле в скором времени будет способствовать пароходы, которые должны через проливы Босфор ходить к Дону, в Грузию, Черкессию и другие районы на побережье Черного моря» [42, р. 374–379].

ВЫВОДЫ

Чрезвычайно интересные и ценные наблюдения путешественников за городской повседневностью Керчи конца XVIII – первой четверти XIX в. выстраивают перед нами динамику развития города от начала его бытности в составе России как маленького заброшенного городка до превращения его в один из важнейших торговых центров Крыма, заново обустроенный, но с сохранением некоего восточного влияния в архитектуре, полный перспектив, над которыми неустанно трудилось постоянно меняющееся население.

Выявление сочинений малоизвестных путешественников: английских, французских, немецких, их перевод и анализ, систематизация биографических данных вояжеров, позволит получить более четкую картину динамики их интереса к отдельным группам памятников, аспектам культуры и этнографии Крыма в целом и, в частности, Керчи.

Список использованных источников и литературы

1. Керчь : документы и материалы по истории города / под. ред. Л. А. Михайлова. – Керчь : редотдел Крым. ком. по печ., 1993. – 400 с.
Kerch' : dokumenty i materialy po istorii goroda / pod. red. L. A. Mikhaylova. – Kerch' : redotdel Krym. kom. po печ., 1993. – 400 p.

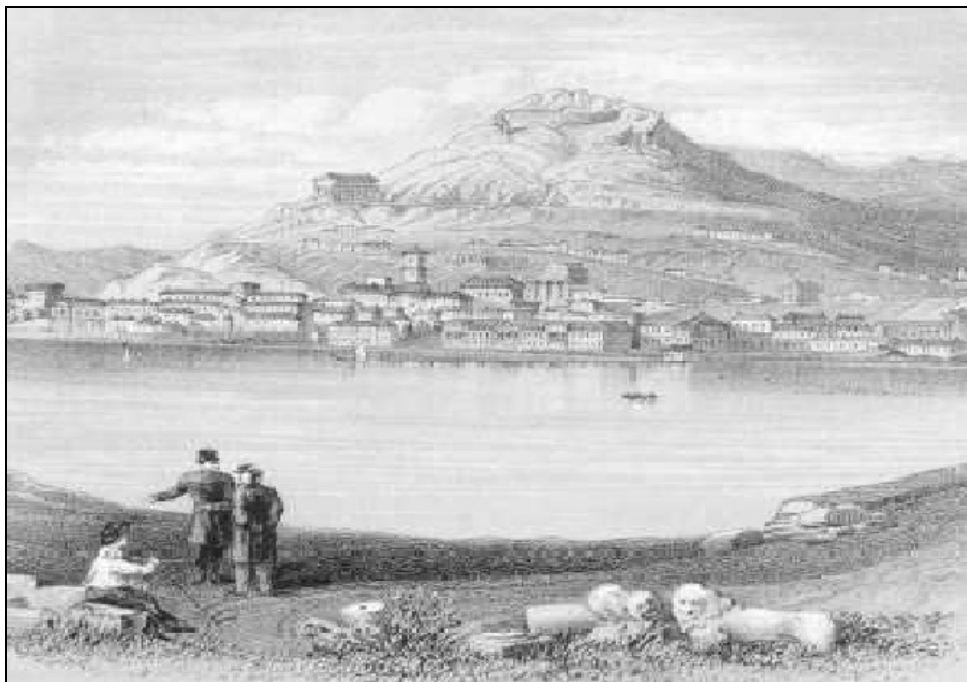

Рис. 1. Гора Митридат. Из архива Керченского историко-культурного заповедника.

Рис. 2. Карло Боссоли. Общий вид Керченского залива с горы Митридат.

2. Михайлов Л. А. Керчь в воспоминаниях ученых, писателей и путешественников : XVIII – XIX вв. / Л. А. Михайлов // 175 лет Керченскому музею древностей : матер. междунар. конф. – Керчь, 2001. – С. 172–174.
- Mikhaylov L. A. Kerch' v vospominaniyakh uchenykh, pisateley i puteshestvennikov : XVIII – XIX vv. / L. A. Mikhaylov // 175 let Kerchenskomu muzeyu drevnostey : mater. mezhhdunar. konf. – Kerch', 2001. – P. 172–174.
3. Тарбаев В. С. По керченским следам А. С. Пушкина / В. С. Тарбаев. – Керчь : керч. гор. тип., 2000. – 119 с.
- Tarbaev V. S. Po kerchenskimi sledam A.S. Pushkina / V. S. Tarbaev. – Kerch' : kerch. gor. tip., 2000. – 119 p.
4. Боровкова В. Н. Город Керчь в воспоминаниях путешественников / В. Н. Боровкова // Науч. сб. Керч. заповед. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2006. – Вып. 1. – С. 500–505.
- Borovkova V. N. Gorod Kerch' v vospominaniyakh puteshestvennikov / V. N. Borovkova // Nauch. sb. Kerch. zapoved. / Kerch. ist.-kul't. zapoved. – Kerch', 2006. – Vyp. 1. – P. 500–505.
5. Федосеев Н. Ф. Керчь в описании Павла Беккера / Н. Ф. Федосеев // Науч. сб. Керч. заповед. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2006. – Вып. 1. – С. 477–499.
- Fedoseev N. F. Kerch' v opisaniy Pavla Bekkera / N. F. Fedoseev // Nauch. sb. Kerch. zapoved. / Kerch. ist.-kul't. zapoved. – Kerch', 2006. – Vyp. 1. – P. 477–499.
6. Механиков С. В. «Записка о Керчи» Филиппа Филипповича Вигеля / С. В. Механиков // Науч. сб. Керч. заповед. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2006. – Вып. 1. – С. 469–476.
- Mekhanikov S. V. «Zapiska o Kerchi» Filipa Filippovicha Vigelya / S. V. Mekhanikov // Nauch. sb. Kerch. zapoved. / Kerch. ist.-kul't. zapoved. – Kerch', 2006. – Vyp. 1. – P. 469–476.
7. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий ; Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46).
- Nepomnyashchiy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XIX veka) / A. A. Nepomnyashchiy ; In-t ukr. arkhografii i istochnikovedeniya im. M. S. Grushevskogo NAN Ukrainy. – K., 1999. – 212 p. – (Seriya : «Nauchno-spravochnye izdaniya po istorii Ukrainy» ; vyp. 46).
8. Непомнящий А. А. Иностранные путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України : проблеми національного та культурного розвитку : міжн. наук.-метод. конф. : наук. доп. : у 2 ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.
- Nepomnyashchiy A. A. Inostrannye puteshestvenniki o kolonizatsii Kryma v kontse XVIII – XIX veke / A. A. Nepomnyashchiy // Zaselennya Pivdnya Ukraini : problemi natsional'nogo ta kul'turnogo rozvitku : mizhn. nauk.-metod. konf. : nauk. dop. : u 2 ch. – Kherson, 1997. – Ch. 1. – P. 219–223.
9. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : бібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Сімферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.
- Nepomnjashhyj A. A. Istorychne krymoznavstvo (kinec' XVIII – pochatok XX stolittja) : bibliografichne doslidzhennja / A. A. Nepomnjashhyj. – Simferopol' : Biznes-inform, 2003. – 456 p.
10. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1 : матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
- Nepomnjashhyj A. A. Mandrivnyctvo po Krymu u pershij tretyni XIX st. ta jogo rol' u rozvytku krajeznavstva ta turyzmu / A. A. Nepomnjashhyj // Turystychno-krajeznavchi doslshhzhennja / In-t turyzmu FPU. – Kyi'v, 1998. – Vyp. 1 : mater. III Vseukr. nauk.-prakt. konf. «Turyzm v Ukrai'ni : ekonomika ta kul'tura» : u 2 ch. – Ch. 2. – P. 138–144.
11. Деремедведь Е. Н. Английская литература путешествий XVIII–XX вв. о Крыме : реализация процесса коммуникации / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – С. 112–115.
- Deremedved' E. N. Angliyskaya literatura puteshestviy XVIII – XX vv. o Kryme : realizatsiya protsessa kommunikatsii / E. N. Deremedved' // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2004. – № 49. – P. 112–115.

12. Деремедведь Е. Н. История одного путешествия, или английская вилла для Роберта Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Крымское время. – 2008. – 17 янв. – С. 21.
Deremedved' E. N. Istoriya odnogo puteshestviya, ili angliyskaya villa dlya Roberta Layella / E. N. Deremedved' // Krymskoe vremya. – 2008. – 17 yanv. – P. 21.
13. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантурные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 208 с.
Deremedved' E. N. Krymskaya Riv'era : avantyurnye priklyucheniya anglichanok v Tavride / E. N. Deremedved'. – Simferopol' : Sonat, 2008. – 208 p.
14. Деремедведь Е. Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 163–169.
Deremedved' E. N. Krym glazami angliyskogo puteshestvennika R. Layella / E. N. Deremedved' // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2002. – № 43. – P. 163–169.
15. Мальгин А. В. Русская Ривьера : курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи : конец XVIII – начало XX в. / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 352 с.
Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era : kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii : konets XVIII – nachalo XX v. / A. V. Mal'gin. – Simferopol' : SONAT, 2006. – 352 p.
16. Громенко С. В. Адам Сераковский – польский мандрівник по Крыму та його подорожні листи / С. В. Громенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 42–49.
Gromenko S. V. Adam Serakovskiy – pol'skiy mandrivnyk po Krymu ta jogo podorozhni lysty / S. V. Gromenko // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo : ser. : «Istoricheskie nauki». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – P. 42–49.
17. Громенко С. В. Stepy, morze i gory : польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / С. В. Громенко ; под ред. проф. А. А. Непомнящего ; Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского, Крым. ун-т культуры, искусств и туризма, Крым. о-во поляков. – Симферополь : Антика, 2011. – 304 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 14).
Gromenko S. V. Stepy, morze i gory : pol'skie puteshestvenniki kontsa XVIII – nachala XX veka o Kryme / S. V. Gromenko ; pod red. prof. A. A. Nepomnyashchego ; Tavr. nats. un-t im. V. I. Vernadskogo, Krym. un-t kul'tury, iskusstv i turizma, Krym. o-vo polyakov. – Simferopol' : Antikva, 2011. – 304 p. – (Seriya : «Biobibliografiya krymovedeniya» ; vyp. 14).
18. Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 100–113.
Kaushliev G. S. Vklad angliyskikh puteshestvennikov v istoriko-kul'turnoe osvoenie Kryma (konets XVIII – nachalo XIX veka) / G. S. Kaushliev // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo : ser. : «Istoricheskie nauki». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – P. 100–113.
19. Каушлиев Г. С. До історії пам'яткознавчих розвідок мандрівників у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – С. 66–74.
Kaushliev G. S. Do istorii pam'jatkoznavchyh rozvidok mandrivnykiv u Krymu naprykinci XVIII – v pershij polovyni XIX stolittja / G. S. Kaushliev // Uchenye zapysky Tavrycheskogo nac. un-ta im. V. Y. Vernadskogo. ser. : «ystorycheskye nauky». – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – P. 66–74.
20. Каушлиев Г. С. Отечественные путешественники в изучении историко-культурного ландшафта Крыма на рубеже XVIII–XIX ст. / Г. С. Каушлиев // Питання історії науки і техніки. – 2011. – № 4 (20). – С. 29–38.
Kaushliev G. S. Otechestvennye puteshestvenniki v izuchenii istoriko-kul'turnogo landshafta Kryma na rubezhe XVIII–XIX st. / G. S. Kaushliev // Pitannya istorii nauki i tekhniki. – 2011. – № 4 (20). – P. 29–38.
21. Каушлиев Г. С. «Шлях на користь» : кримська подорож імператриці Катерини II в контексті вивчення історії краю / Г. С. Каушлиев // Краєзнавство. – 2009. – №1/2. – С. 50–57.
Kaushliev G. S. «Shljah na koryst'» : kryms'ka podorozh imperatryci Kateryny II v konteksti vyvchennja istorii kraju / G. S. Kaushliev // Krajeznavstvo. – 2009. – №1/2. – P. 50–57.
22. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 645–697.

Khrapunov N. I. Krym v opisaniyakh Redzhinal'da Kherbera (1806 g.) / N. I. Khrapunov // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol', 2008. – Vyp. 14. – P. 645–697.

23. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2009. – Вып. 15. – С. 656–681.

Khrapunov N. I. Puteshestvie po Krymu Stivena Grelleta / N. I. Khrapunov // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol', 2009. – Vyp. 15. – P. 656–681.

24. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь ; Керчь, 2011. – Вып. 17. – С. 595–630.

Khrapunov N. I. Khersones v opisaniyakh evropeyskikh puteshhestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. / N. I. Khrapunov // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol' ; Kerch', 2011. – Vyp. 17. – P. 595–630.

25. Прохорова Т. А. Анатолий Николаевич Демидов и его «Путешествие в Южную Россию и Крым» / Т. А. Прохорова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 152. – С. 92–97.

Prokhorova T. A. Anatoliy Nikolaevich Demidov i ego «Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym» / T. A. Prokhorova // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2009. – № 152. – P. 92–97.

26. Прохорова Т. А. Джеймс Александер и его путешествие в Крым в 1829 г. : к вопросу о роли иностранных путешественников в формировании науки о крымских древностях / Т. А. Прохорова // Межд. науч. конф. «Охрана культурного наследия : проблемы и перспективы» : тез. докл. и сообщ. / НЗ «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2012. – С. 57–59.

Prokhorova T. A. Dzhejms Aleksander i ego puteshchestvie v Krym v 1829 g. : k voprosu o roli inostrannykh puteshhestvennikov v formirovanii nauki o krymskikh drevnostyakh / T. A. Prokhorova // Mezhd. nauch. konf. «Okhrana kul'turnogo naslediya : problemy i perspektivy» : tez. dokl. i soobshch. / NZ «Khersones Tavricheskii». – Sevastopol', 2012. – P. 57–59.

27. Прохорова Т. А. К вопросу о становлении исторического краеведения в Крыму : «Путешествие в Южную Россию и Крым» А. Н. Демидова / Т. А. Прохорова // Дні науки істор. фак-ту : мат. II міжн. конф. уч., присв. 175-річчю Київського нац. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – К., 2009. – Вып. 2 : у 4 ч. / відп. ред. І. В. Семеніст. – Ч. 4. – С. 121–123.

Prokhorova T. A. K voprosu o stanovlenii istoricheskogo kraevedeniya v Krymu : «Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym» A. N. Demidova / T. A. Prokhorova // Dni nauki istor. fak-tu : mater. II mizhn. konf. uch., prisiv. 175-richchyu Kiivs'kogo nats. un-tu im. T. G. Shevchenka. – K., 2009. – Vip. 2 : u 4 ch. / vidp. red. I. V. Semenist. – Ch. 4. – P. 121–123.

28. Прохорова Т. А. Крымские древности в произведениях малоизвестных путешественников первой половины XIX в. : на примере путевых заметок Ж. де Сен-Совера / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / ред.-сост. М. М. Чореф. – Севастополь ; Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 103–108.

Prokhorova T. A. Krymskie drevnosti v proizvedeniyakh maloizvestnykh puteshhestvennikov pervoy poloviny XIX v. : na primere putevykh zameatok Zh. de Sen-Sovera / T. A. Prokhorova // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma / red.-sost. M. M. Choref. – Sevastopol' ; Tyumen', 2012. – Vyp. 4. – P. 103–108.

29. Прохорова Т. А. Проблемы поиска древних памятников Крыма путешественниками первой половины XIX века / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / ред.-сост. М. М. Чореф. – Севастополь ; Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 97–101.

Prokhorova T. A. Problemy poiska drevnikh pamyatnikov Kryma puteshhestvennikami pervoy poloviny XIX veka / T. A. Prokhorova // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma / red.-sost. M. M. Choref. – Sevastopol' ; Tyumen', 2012. – Vyp. 4. – P. 97–101.

30. Прохорова Т. А. Сочинение Леди с берегов Альмы : Юго-Западный Крым в записках анонимного автора / Т. А. Прохорова // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64). – № 2. – С. 156–165.

Prokhorova T. A. Sochinenie Ledi s beregov Al'my : Yugo-Zapadnyy Krym v zapiskakh anonimnogo avtora / T. A. Prokhorova // Uchen. zap. Tavricheskogo nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo : ser. : «Istoricheskie nauki». – 2012. – Т. 25 (64). – № 2. – Р. 156–165.

31. Петрова Э. Б. Античная Феодосия : история и культура / Э. Б. Петрова. – Симферополь : СОНАТ, 2000. – 264 с.

Petrova E. B. Antichnaya Feodosiya : istoriya i kul'tura / E. B. Petrova. – Simferopol' : SONAT, 2000. – 264 p.

32. Каушлив Г. С. Античні пам'ятки Тавриди у вітчизняній подорожній літературі : кінець XVIII – перша третина XIX ст. / Г. С. Каушлив // Праці Центру пам'яткознавства : зб. наук. пр. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – К., 2011. – Вип. 20. – С. 206–214.

Kaushlijev G. S. Antychni pam'jatky Tavrydy u vitchyznjanij podorozhnij literaturi : kinec' XVIII – persha tretyna XIX st. / G. S. Kaushlijev // Praci Centru pam'jatkoznavstva : zb. nauk. pr. / Centr pam'jatkoznavstva NAN Ukrainy i UTOPIK. – K., 2011. – Vyp. 20. – P. 206–214.

33. Громенко С. В. Дослідження подорожньої літератури в сучасній українській історіографії (1995–2012 рр.) / С. В. Громенко // Польські студії / Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія». – Київ, 2012. – № 5: дух і літера, № 25. – С. 80–92.

Gromenko S. V. Doslidzhennja podorozhn'oi' literatury v suchasnij ukrai'ns'kij istoriografii' (1995–2012) / S. V. Gromenko // Pol's'ki studii' / Nac. un-t «Kyjevo-Mogyljans'ka akademija». – Kyi'v, 2012. – № 5: duh i litera, № 25. – P. 80–92.

34. Мальгин А. В. Крым глазами путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. / А. В. Мальгин // Крым сквозь тысячелетия / сост., науч. и лит. ред. Э. Б. Петрова ; отв. ред. И. Р. Лепешченко ; шеф-ред. Б. Д. Дейч. – Симферополь : ЛИРа, 2004. – С. 321–343.

Mal'gin A. V. Krym glazami puteshestvennikov kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. / A. V. Mal'gin // Krym skvoz' tysyacheletiya / sost., nauch. i lit. red. E. B. Petrova ; otv. red. I. R. Lepeshchenko ; shef-red. B. D. Deych. – Simferopol' : LIRa, 2004. – P. 321–343.

35. Каушлив Г. С. Научно-исследовательская экспедиция А.Н. Демидова в историко-краеведческом познании Крыма / Г. С. Каушлив // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – С. 43–50.

Kaushlijev G. S. Nauchno-issledovatel'skaya ekspeditsiya A.N. Demidova v istoriko-kraevedcheskom poznanii Kryma / G. S. Kaushlijev // Uchenye zapiski Tavricheskogo nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. ser. : «istoricheskie nauki». – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – P. 43–50.

36. Даниленко В. Н. О начальном периоде в истории изучения Крыма / В. Н. Даниленко, А. В. Даниленко // Пантикапей – Боспор – Керчь : 26 веков древней столице : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2000. – С. 156–163.

Danilenko V. N. O nachal'nom periode v istorii izucheniya Kryma / V. N. Danilenko, A. V. Danilenko // Pantikapey – Bospor – Kerch' : 26 vekov drevney stolitse : mater. Mezhdunar. konf. / Kerch. ist.-kul't. zapoved. – Kerch', 2000. – P. 156–163.

37. Татаринцева Р. И. Из истории британско-крымских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри / Р. И. Татаринцева // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – 2003. – Вып. X. – С. 590–598.

Tatarintseva R. I. Iz istorii britansko-krymskikh literaturnykh svyazey kontsa XVIII stoletiya : putevye zapiski Marii Gutri / R. I. Tatarintseva // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – 2003. – Vyp. X. – P. 590–598.

38. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea : the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy / M. Guthrie. – London : T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. – 446 p.

39. Полевщикова Е. В. Неизвестное и известное о маркизе де Кастельно / Е. В. Полевщикова // Дерибасовская – Ришельевская : одес. альманах. – Одесса, 2005. – Кн. 23. – С. 15–26.

Polevshchikova E. V. Neizvestnoe i izvestnoe o markize de Kastel'no / E. V. Polevshchikova // Deribasovskaya – Rishel'evskaya : odes. al'manakh. – Odessa, 2005. – Kn. 23. – P. 15–26.

40. Castelnau G. Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvell Russia : statistique des provinces qu'elle composent. Fondation d'Odessa : ses progres. Son etat actuel ; details. Son commerce. Voyage en

Crimee, dans l'interet de l'agriculture et du commerce. Vol. 1-3 / G. Castelnau. – Paris, 1820. – Vol. 3. – 347 p.

41. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / ред. В. К. Гарданов. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – 635 с.

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII – XIX vv. / red. V. K. Gardanov. – Nal'chik : El'brus, 1974. – 635 p.

42. Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M.D. F.L.S., member of the Royal Asiatic Society of London, of the Wernerian Natural History Society of Edinburgh, &c. &c. &c.: [in 2 vol.] / R. Lyall. – London : Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. – Vol. 1. – 528 p.

Авсеньова С. М. Керч кінця XVIII – першої чверті XIX століття у записках іноземних мандрівників / С. М. Авсеньова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 3–15.

Зроблено аналіз записок іноземних мандрівників, які відвідали Кримський півострів у кінці XVIII – на початку XIX ст. На основі даних творів зарубіжних вояжерів, таких як: Гутрі М. (A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea. London, 1802), Кастельно Г. (Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvelle Russie. Vol. 1–3. Paris, 1820), Лайелл Р. (Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia. Vol. I. London, 1825), було розглянуто окремий аспект історії Керчі, а саме – стан і поступовий розвиток міста з моменту його входження до складу Російської імперії і до кінця першої чверті XIX століття.

Керч – один з найдавніших міст України, що нараховує двадцять шість століть своєї історії. Доведено, що перші поселення людей в районі Керчі були вже в епоху мезоліту. Пізніше тут мешкали легендарні киммерійці і скіфи. На початку VI ст. до Р. Х. грецькі колоністи, вихідці з Мілета, заснували на горі Мітрідат поселення, яке виросло з часом в місто Пантікапей, який пізніше перетворився на великий економічний, політичний і культурний центр, на столицю могутнього Боспорського царства. Боспорське царство, будучи найбільшим та одним з найсильніших держав на берегах Чорного моря, проіснувало аж до кінця VI в. до Р. Х.

Середньовічний період своєї історії Пантікапей починає під новим ім'ям – Боспор. Ця епоха в його історії займає чималий відрізок часу – з початку VI ст. і до кінця XVIII в., від моменту, коли місто потрапило під владу Візантійської імперії, до 1774 р., коли Керч за умовами Кючук-Кайнарджійського мирного договору стала частиною Російської імперії.

Місто почало розвиватися як значний центр Кримсько-Кубанського регіону лише з початку XIX ст. та незабаром перетворився на форпост, який захищав військові та економічні інтереси держави. Важливою датою в його розвитку став 1821 р., коли указом Олександра I у ньому був заснований морський торговельний порт, що сприяло формуванню нового промислового міста, яке багато хто називав маленькою Одесою. У 1826 р. був відкритий міський історико-археологічний музей, що поклало початок археологічним дослідженням на керченській землі, які особливо активізувалися після відкриття кургану Куль-Оба в 1830 р. Місто прикрасили нові громадські будівлі та інші споруди.

Можна сміливо стверджувати, що початок XIX століття знаменує собою новий найважливіший етап в історії Керчі. Місто з настільки насиченою і барвистою історією не могло залишитися без уваги людей, які цікавились новими відкриттями, шанувальників мандрів і пригод. Входження Керчі до складу Росії в 1774 р. привернуло сюди велику хвилю вчених і мандрівників, які спостерігали, захоплювалися побаченим і поділилися своїми враженнями з сучасниками і зберегли їх для нащадків.

Ключові слова: мандрівники, Керч, Боспор.

Avseneva S.N. Kerch in the late 18th – the first quarter of the 19th century in the notes of foreign travelers / S. N. Avseneva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 3–15.

Interest in this topic of research is due to the particular value placed on such a historical source for the history of Ukraine as a travel literature. However, despite this intrinsic value, very little scrutiny by researchers had been conducted up to the beginning of the 19th century. To some extent this is due to the complexity of the search required to discover the various travel notes as well as the nature of the material in and of itself. This is

especially true for the works of foreign travelers. Researchers often paid attention to the works of only certain travelers; preference having been given to what they believed to be the most meaningful. Proceedings of many travelers still remain unexplored or even unknown. The necessity to discover, analyze and study all available travelers' works of this period explains the intent of the present research.

The objective of this research is to identify and demonstrate the value of travelers' memoirs during the period of the late 18th to the beginning of the 19th century as a historical source for studying the history of the Crimea as a whole and Kerch in particular.

The Crimea had become a part of the Russian Empire by the end of the 18th century which gave direct access to the wider Western European public wishing to get acquainted with the remote past of Taurida who, up till this point, had to draw knowledge of it primarily from the works of ancient and medieval writers. Main sources for studying this issue are the texts of diaries, works, notes, biographies, letters and observations of travelers, written as a result of visiting Kerch throughout this aforementioned period.

Was conducted an analysis of the notes of foreign travelers, who visited the Crimean Peninsula during this period of the late 18th to early 19th centuries.

Based on the works of foreign travelers, such as: Guthrie M. (A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea. London, 1802), Castelnau G. (Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvell Russia. Vol. 1–3. Paris, 1820), Lyall R. (Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia. Vol. I. London, 1825) was considered a separate aspect of the history of Kerch as a state and gradual development of the town since it became a part of the Russian Empire until the end of the first quarter of the 19th century. Extremely interesting and valuable observations of travelers about everyday life of Kerch throughout this period illustrate the dynamics of development of the town from time it became a part of Russia from its beginnings as small abandoned town to its conversion into one of the most important commercial centers of the Crimea, newly redeveloped and full of prospects.

Revealing the little-known works of English, French and German travelers, their translation, analysis and systematization of the travelers' biographical data, will provide a clearer picture of the dynamics of travelers' interest to separate groups of monuments, cultural and ethnographic aspects of the history of the Crimea as a whole and Kerch in particular.

Keywords: travelers, Kerch, Bospor.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

УДК 94(477)»1941/1944»:355.355(477.41+477.53):34

**ФІНАНСОВО-ПОДАТКОВА ПОЛІТИКА ОКУПАЦІЙНИХ ОРГАНІВ ВЛАДИ
ТА СПЕЦИФІКА ЇЇ РЕАЛІЗАЦІЇ НА ПРИКЛАДІ РЕЙХСКОМІСАРІАТУ
«УКРАЇНА» ТА ГЕНЕРАЛЬНОЇ ОБЛАСТІ «КИЇВ» (1941–1944)**

Двірня К.П., Главацький М.В.

*Інститут історичної освіти Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова,
Київ, Україна
E-mail: maks_glavatskyi@ukr.net*

На основі архівних документів Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України та Державного архіву Київської області розкривається фінансово – податкова політика та специфіка її реалізація на прикладі Рейхскомісаріату «Україна» та генеральної області «Київ» як складових адміністративно - територіального поділу України у 1941–1944 рр. Автори виписують особливості різних регіонів окупованої території України, визначаючи регіональну специфіку фінансово-податкової системи окупаційної влади. Ця наукова проблема не стала об'єктом окремого історичного дослідження та потребує поглибленого й багатовекторного аналізу.

В перші місяці окупації створюється цілісна система правового регулювання щодо фінансів та податкових стягнень з місцевого населення. Аналіз архівних документів переконує в тому, що ці питання вирішувалися в кожній із складових управлінської структури Рейхскомісаріату «Україна» від найвищої ланки до найнижчої. В управлінську систему окупаційної влади входили генеральні області, гебітс-комісаріати, міські, районні та сільські управи, робота і функції яких були чітко регламентовані спеціальними інструкціями, розпорядженнями, наказами. Можемо стверджувати, що німецькій окупаційній адміністрації за період господарювання не вдалося створити таку грошову систему, що була б повноцінною та задовольняла потреби окупантів. Причини цього потрібно визначати у термінах окупації, що були недостатніми для налагодження тривалого грошового обігу на території Рейхскомісаріату «Україна». На цій території не було достатньої товарної маси для укріплення грошової системи, що не могла виконувати регулятивну функцію.

Архівні документи переконливо свідчать, що на території генеральної області «Київ» існувала своєрідна система фінансових надходжень, що мала свої форми, напрямки, методи роботи, спостерігається впровадження фінансової системи органів окупаційної влади, що була властива саме для цього регіону. Генералкомісар регіону, як представник німецької влади, намагався використати особливості цього регіону для потреб Третього Рейху, вживаючи всіх необхідних для цього важелів впливу.

Аналіз документів переконує, що податкова система, запроваджена в РКУ, не відображала потреб відбудови господарства країни, що так рекламувалася німцями, а була в першу чергу спрямована на економічну експлуатацію місцевого населення та забезпечення роботи цивільних і карально-репресивних установ окупаційної ад-

міністрації. На території генеральної області «Київ» була створена регіональна специфічна структура податкової системи, зрозуміла та чітка для виконання населенням саме цього регіону. Генералкомісар мав право вносити свої поправки, зауваження, висновки до діючої системи оподаткування. Саме тому деякі однакові види зборів та податків у регіоні могли виконуватися ще із більшою прискіпливістю чи навпаки, не були обов'язковими у виконанні, порівнюючи із загальною територією РКУ.

Проте система податків і зборів, що була встановлена, виконувала функції забезпечення німецьких органів влади необхідними засобами продовольства, сировини, що з однієї сторони було практичним напрямком реалізації планів Німеччини на завойованих територіях, а з іншого – проводило практичну роботу щодо встановлення «повного порядку», забезпечення Німеччини методом подальшого грабування багатств України та експлуатації людського ресурсу.

Ключові слова: архів, фінансово-податкова політика, органи окупаційної влади, генеральна область «Київ», Рейхскомісаріат «Україна», план «Ост», план «Барбаросса», управа, гебітскомісаріат, господарський план, пропаганда, гроші, зона військового управління, штрафи, покарання, бюджет.

Події Великої Вітчизняної війни вже близько 70 років є предметом прискіпливого дослідження істориків. Тема політики німецької окупаційної влади на території України є багатовекторною та потребує широкого спеціального вивчення. Однією з таких тем є фінансова та податкова система окупаційних органів влади на території Рейхскомісаріату «Україна» та генеральної області «Київ» як його складової.

В історичній науці дослідженню проблем фінансової та податкової системи окупаційного режиму не приділялося належної уваги. Лише за часів незалежної України з'являються спеціальні наукові розробки, що розкривають лише окремі аспекти фінансово-податкової політики у вказаному вище регіоні. Однією з перших таких робіт є монографія А. М. Алексеева «Военная валюта» [1, с. 58], яка вийшла у повоєнний період (1948 р.). Ця проблема досліджується також у спільній праці М. М. Загорюлька та А. В. Юденкова «Крах плану «Ольденбург» [2, с. 160]. Новітню історіографію заявленої теми представляє колективна праця «Нацистське золото з України» [3, с. 56–60], а також монографічне дослідження І. Г. Вєтрова «Економічна експансія Третього Рейху в Україні 1941–1944 рр.» [4, с. 63–65]. Правові аспекти регулювання фінансово-податкової системи окупаційного режиму глибоко вивчає у своїй роботі О. М. Гончаренко [5, с. 328–337].

В новітній період тематиці грошових систем та знаків на території окупованої України приділили особливу увагу дослідники А. С. Бадаєв [6, с. 67], Б. В. Сенілова [7, с. 79–81], Ю. І. Левченко [8, с. 117], Я. М. Натанзон [9, с. 68], І. М. Пасюк [10, с. 112–114]. Автори виписують особливості різних регіонів окупованої території України, визначаючи регіональну специфіку фінансово-податкової системи окупаційної влади. Відзначимо, що проаналізовані вищевказані наукові праці переконують в тому, що ця наукова проблема не стала об'єктом окремого історичного дослідження та потребує поглибленого й багатовекторного аналізу.

Автори публікації ставлять перед собою наступні завдання: розкрити особливості фінансово-податкової системи органів окупаційної влади вцілому на території Рейхскомісаріату «Україна» та в генеральній області «Київ», дослідити спільні та відмінні риси здійснення цієї політики.

Відзначимо, що після нападу Німеччини на Радянський Союз розпочалося втілення в життя плану «Ольденбург» – економічного розділу плану «Барбаросса» на окупованих територіях. Провідні ідеї плану «Ольденбург» ще до війни з СРСР були деталізовані в «Директивах по керівництву економікою у щойно окупованих східних областях» (так званий «Зеленій папці Герінга»). За наказом Герінга від 3 липня 1941 р. виконання настанов, що містилися в цьому документі, було обов'язковим в тих областях, що передавалися цивільному управлінню окупаційної влади. Для здійснення плану «Ольденбург» створено спеціальний економічний штаб та господарські інспекції для окупованих районів. Основні розпорядження містилися в «Коричневій папці». Друга частина цієї папки містила накази та розпорядження щодо фінансово-податкової системи в Рейхскомісаріаті «Україна». В «Коричневій папці» існував розділ «Директиви по управлінню фінансовим господарством», де були зазначені шляхи перебудови фінансової системи на території України у вигідному для окупантів варіанті. Відповідно до планів генерального плану «Ост» німецьке керівництво приступило до виконання визначених директив.

В перші місяці окупації створюється цілісна система правового регулювання щодо фінансів та податкових стягнень з місцевого населення. Аналіз архівних документів переконує в тому, що ці питання вирішувалися в кожній із складових управлінської структури Рейхскомісаріату «Україна» (далі – РКУ) від найвищої ланки до найнижчої. В управлінську систему окупаційної влади входили генеральні області, гебітскомісаріати, міські, районні та сільські управи, робота і функції яких були чітко регламентовані спеціальними інструкціями, розпорядженнями, наказами.

Що стосується першої складової заявленої проблематики - фінансової системи, то слід звернути увагу на особливості грошового обігу, що мав місце на окупованій території. Так, як Рейхскомісаріат формувався поступово з частин військової зони, то на його теренах були поширені всі грошові одиниці, що мали обіг в зоні військового управління, а саме: окупаційні марки, рублі та червінці. Така ситуація залишалась до грошової реформи від 4 липня 1942 р. Відповідно до розпорядження про грошову реформу: «грошовою одиницею Рейхскомісаріату «Україна» стає карбованець» [11, арк. 131]. В обіг були випущені банкноти номіналом в 1, 5, 10, 20, 50, 100, 200, 500 [12, с. 304]. Також в 1942 р. був видрукований тираж грошових знаків номіналом 2 карбованці. Ці грошові одиниці були в обігу тільки на території Рейхскомісаріату «Україна», а в інших окупованих областях не приймалися [13, арк. 40]. Платіжними засобами залишалися в обмеженому вигляді радянські грошові знаки. Як підтверджено документами, «із грошових знаків СРСР залишити знаки вартістю 1 і 3 рублі, а також розмінну монету». В окупаційних постановах щодо грошової реформи вказувалось: «Всі інші грошові знаки є недійсними... вони підлягають обміну в Центральному емісійному банку України... по курсу 1 рубль = 1 карбованець» [13, арк.133].

Відзначимо, що на території РКУ знаходилися в обігу всі грошові одиниці, які були в обігу в Німеччині. Дослідник А. С. Бадаєв стверджує наступне: «Це була тверда валюта, якою розраховувались за послуги на території Рейхскомісаріату. Не дивлячись на два варіанти назв, ці гроші називали рейхсмарками» [6, с. 53]. Підтвердження цього знаходимо в матеріалах, які стосуються грошової реформи і де виписано наступне: «До особливого розпорядження кредитні білети Рейху також являються дійсним засобом розрахунку» [13, арк. 133]. Цим документом для німців на окупованих українських землях надавалася можливість здійснювати взаєморозрахунки у твердій валюті рентного банку Німеччини, що мала назву рентна марка зразка 1923–1937 рр. Її номіналами були – 1, 2, 5, 20, 50, 100, 500, 1000 рентенмарок, а також рейхсмарки зразка 1924–1942 рр. у номіналах 5, 10, 20, 50, 100, 1000 рейхсмарок [10, с. 78] (На цей час 1 рентна марка дорівнювала 1 рейхсмарці [14, с. 314]. Слід відзначити, що рейхсмарки знаходилися в обігу і на території зони оперативного тилу вермахту, але їх використання обмежувалося «особливими розпорядженнями» командування тилового району групи армій «Північ». Так, за цими документами від 1 вересня 1941 р., заборонявся обмін рейхсмарок в окупованих районах на валюту СРСР [15, арк. 231]. В Рейхскомісаріаті «Україна» вони були у вільному обігу, оскільки ця територія була підконтрольною Третьому рейху. Отже, на території Рейхскомісаріату «Україна» після грошової реформи законними платіжними засобами були українські карбованці, німецькі марки, рублі (номіналом в 1 і 2), а також радянська розмінна монета [16, арк. 7]. Також в обігу знаходилися німецькі монети з дорогоцінних металів номіналом в 2, 5 рейхсмарок та звичайні розмінні монети номіналом в 1, 2, 5, 10, 50 пфенігів.

Рівень життя населення Рейхскомісаріату «Україна» визначався співвідношенням заробітної платні та вартістю товарів. Для розуміння ситуації потрібно навести фінансову ситуацію в регіоні. Заробітна плата кваліфікованого робітника становила 400 крб., бухгалтера – 500 крб., вчителя – 250 крб. Ставки фахівців та керівників підприємств коливались від 900 крб. до 1500 крб. [4, с. 116]. В той час кілограм хліба коштував 140–150 крб., сала – 700–750 крб., масла – до 800 крб., житнього борошна 40–80 крб., пшона 10–68 крб., картоплі 10–23 крб. [17, с. 48]. Порівняння заробітної платні та цін на продукти дозволяє стверджувати, що політика окупаційної влади була грабіжницькою.

Можемо стверджувати, що німецькій окупаційній адміністрації за період господарювання не вдалося створити таку грошову систему, що була б повноцінною та задовольняла потреби окупантів. Причини цього потрібно визначати у термінах окупації, що були недостатніми для налагодження тривалого грошового обігу на території Рейхскомісаріату «Україна». На цій території не було достатньої товарної маси для укріплення грошової системи, що не могла виконувати регулятивну функцію.

За таких умов селянин намагався реалізувати свою продукцію завдяки базарній торгівлі. Але і в цьому виді діяльності окупаційна влада намагалася обмежити можливості населення. Вона встановила правила та розпорядження, за яким майже вся сільськогосподарська продукція повинна була здаватися на користь німецької влади, держави. Селянину натомість із усього переліку товарів залишалася мізерна кількість, якою було важко прогодувати свою сім'ю.

Для осіб, що намагалися реалізувати свою продукцію на базарі, існувала окрема процедура. Лише гебітскомісар мав право видавати довідку про можливість здійснення торгівлі на базарі, за умов повної оплати селянином продукції державі. Види та кількість товарів, що можливо було продавати, щоразу змінювалися [18, с. 141].

Існувала ціла система фінансових та фіскальних заходів органів окупаційної влади. На місцях цей сектор управління очолювали керівники фінансових відділів місцевих управ. Незважаючи на те, що фактично ці керівники залежали від голів районних та міських управ, вони мали можливість проконсультуватися по суперечливим питанням з німецькими управлінцями. Самі ж фінансові відділи управ контролювали операції з руху коштів, що перебували на балансі управ, здійснювали підготовку бюджетних планів, які направляли до підпорядкованих ним гебітскомісаріатам. Гебітскомісар особисто контролював стан підготовки проектів бюджету фінансовими установами [19, арк. 9].

Для розуміння специфіки реалізації фінансової системи на цій території потрібно проаналізувати господарський план бюджету на місцевому рівні. Гебітскомісар отримував від управ проект плану бюджету, обов'язковою вимогою якого було дублювання на двох мовах – на німецькій та українській. Господарський план приймався на 3 місяці, містив відповідні графи «прибутки» та «видатки». Зокрема, серед витрат зазначалося про лікування хворих, видатки на утримання персоналу органів влади, канцелярські витрати, опалення приміщень. В сусідній графі аналізувалися подібні видатки на прикладі попереднього року.

Архівні документи переконливо свідчать, що на території генеральної області «Київ» існувала своєрідна система фінансових надходжень, що мала свої форми, напрямки, методи роботи. Районні управи отримували значну частину надходжень від адміністративних штрафів, базарного збору [20, арк. 2–4]. Органи управління намагалися збирати кошти за лікування хворих та шляхом надання транспортних послуг. Власні надходження складали лише 1/10 частину всієї суми бюджету. Цієї суми було недостатньо, адже лише на утримання апарату органів управління на районному рівні потрібно було виділяти щонайменше половину бюджетних коштів [19, арк. 17–19]. Іншу суму повинен був доплачувати гебітскомісар [21, арк. 8–11].

Адміністративні штрафи стали важливою складовою наповнення місцевих бюджетів. Це твердження можна проілюструвати на прикладі м. Києва. У квітні 1942 р. Київською Міською Управою було прийнято такі нормативно-правові документи: «Положення про заходи адміністративного покарання» та «Список дрібних правопорушень, за вчинення яких застосовуються адміністративні покарання» [22, арк. 101]. У цьому документі зазначалося про випадки адміністративного покарання, зокрема, застосування до осіб, що не виконували розпоряджень представників органів управління, без поваги ставилися до органів міського самоврядування, з'являлися у стані сп'яніння у громадських місцях, порушували громадський спокій та лад, ухилялися від реєстрації на біржі праці, порушували санітарні та протипожежні правила [22, арк. 43–45].

Інститут виконавців постанов голови м. Києва було створено при адміністративному відділі [21, арк. 92]. Застосовувати адміністративні покарання мали право го-

лова міста, а також голови районних управ, яким підпорядковувалися начальники охоронної поліції [22, арк. 157].

На території генеральної області «Київ» спостерігається впровадження фінансової системи органів окупаційної влади, що була властива саме для цього регіону. Генералкомісар регіону, як представник німецької влади, намагався використати особливості цього регіону для потреб Третього Рейху, вживаючи всіх необхідних для цього важелів впливу.

Фінансові відносини регулювалися між органами влади центрального та регіонального рівнів, місцевим населенням. Створювалася система нових нормативних актів, що регулювали цю сферу суспільства.

Для забезпечення фінансових потреб функціонування установ та організацій РКУ були запроваджені податки і збори, які потім підлягали розподілу та визначали особливість фінансової системи в окремих регіонах окупованої території Рейхскомісаріату «Україна». Проте життя за умов окупації, діяльність органів німецької влади показало, що в переважній більшості випадків домінуючою функцією окупаційного життя була фіскальна діяльність органів влади у відносинах з місцевим населенням. За цих умов надзвичайно важливим джерелом наповнення місцевих бюджетів ставали штрафні санкції та дотації від вищих німецьких органів влади.

Для функціонування організацій на території Рейхскомісаріату «Україна» була створена система податків та зборів. Найпершим документом, де розглядалося питання податків на території РКУ було Розпорядження Рейхскомісара України від 21 жовтня 1941 р. «Податкова система на території РКУ». В цьому документі вказувалося, що на території РКУ діє радянська податкова система, окрім тих положень, де є особливі розпорядження нормотворення Рейхскомісара. Але в цілому використати радянську модель окупаційною владою було неможливо тому, що не всі працівники державних установ були знайомі з попередніми правовими нормами, розуміли всю специфіку реалізації правових норм. Саме тому довелося створювати таку податкову систему, яка була б зрозумілою місцевим управлінцям для подальшого виконання. Фактично відбулося накладання нових форм та видів податків для населення вже нових реалій окупації на старі довоєнні зразки [18, с. 233–240].

Архівні матеріали Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України засвідчують, що на території РКУ була створена специфічна система податків та збирання «данини» на українських територіях. Інструкція Рейхскомісара від 21 жовтня 1941 р. демонструє запроваджену в цей час систему оподаткування [23, арк. 25]. Тут вказується про такий вид податку, як «оборотний податок». Від продажу товарів цьому податку підлягають обороти господарських організацій та підприємств, які йдуть з продажу товарів. Податку підлягають вироби речей з матеріалів замовника, ремонт речей, транспортування на автомобілях та кіньми, послуги фотостудій, перукарень та пралень, службові та трудові послуги. Сума податку коливалася від 5 до 100 крб. Оплата здійснювалася до 15-го числа кожного місяця. Державні підприємства та колгоспи здійснювали оплату податку за радянським законодавством.

Відзначимо, що місцеве населення окупованої території РКУ підлягало обов'язковому оподаткуванню. Однак існували винятки по обмеженню податків за

умови, якщо щомісячний дохід особи не перевищував 150 крб. Державні установи та інші підприємства і організації обчислювали податок від доходу при кожній виплаті заробітної платні. Традиційно виплачувалися затримані суми за минулий місяць до 5-го числа кожного наступного місяця [12, арк. 24]. Згідно вказаного вище документу, однією із складових податкової системи на території РКУ є податок на прибуток державних підприємств, колгоспів, кооперативних та громадських організацій [24, арк. 3].

В матеріалах фонду Ф. Р-2515 Державного архіву Київської області зазначалося, що на території генеральної округи «Київ» гебітскомісар мав право на власний розсуд встановлювати місцеві податки та грошові оплати на підпорядкованій йому території [25, арк. 1].

Страхове товариство України встановило для населення обов'язкове стягнення на страхування життя та майна жителів цього регіону.

Скарбницю окупаційної влади складали основні за розміром та значимістю податки на теренах Рейхскомісаріату «Україна», а саме: податок з обороту по продажу товарів, податок з прибутку громадських господарств (колгоспів) [25, арк. 6]. Але це був не повний перелік. Також потрібно зазначити про податок з прибутку кооперативних підприємств та підприємств громадських організацій, прибутковий податок з місцевого населення, квартирна плата, поземельний податок, промисловий податок тощо.

Система зборів включала в себе збір на підтримку народного здоров'я, адміністративний збір за видачу довідок, копій, місцевий районний збір, збір з домівок. Для місцевої влади найбільш прибутковими були збори за перевірку мір та ваги, довідки громадянського стану, дозволи на виробництво.

Слід зауважити, що гебітскомісар кожної генеральної області мав право встановлювати свої особливі розпорядження, що були дійсні для виконання в підпорядкованій йому територіальній одиниці.

В генеральній області «Київ» спостерігається особливе прагнення до виконання податку на собак з усіх мешканців сільських управ з боку окупаційної адміністрації. Розпорядження районної управи вказували на необхідність стягнення цього податку, а у разі відсутності оплати право продавати власність осіб, що не оплатили зазначені платежі. Сільський староста особисто відповідав за виконання цього збору [25, арк. 261].

Про чітку фінансово-податкову систему на окупованій території свідчать наступні факти. 15 грудня 1941 р. Київська Міська Управа на основі розпорядження генерал комісара області «Київ» випустила постанову № 257 про встановлення податкової системи на території зазначеного регіону [26, арк. 16–18]. Зокрема передбачалися такі збори та податки: податок з міського нерухомого майна, «тобто з житлових будинків з належними до них будинками, з фабрик, заводів, театрів, лазень і взагалі з усяких будівель, а також з розташованих в м. Києві та його околицях і забудованих земельних ділянок, складочних місць, городів, садів і т.д.» [26, арк. 16]. Розмір податку становив 5% від валового прибутку нерухомого майна. Податок сплачувався двічі на рік – 1-го травня і 1-го серпня 1942 р. Окремим розпорядженням був податок з коней, автомашин, човнів і роверів, які належали державним, ко-

оперативним і громадським установам, підприємствам, організаціям і товариствам, а також приватним особам в такому розмірі: з коней – 200 крб. або 20 марок на рік, з автомашин та моторового човна з кожної сили – 30 крб. або 3 марки на рік, з кожного човна для перевозки людей і вантажу – 200 крб. або 20 марок на рік. Податок сплачувався рівними частинами: за коні та автомашини – двічі на рік 1-го лютого та 1-го липня 1942 року, за човни та ровери – одноразово 1-го травня 1942 року. Податок з великої рогатої худоби розміром 100 крб: або 10 марок на рік. Податок сплачується двічі на рік – 1-го лютого та 1-го липня 1942 р. [26, арк. 17].

Населення окупованих територій, в тому числі і генеральної області «Київ», сплачувало податки для відновлення зруйнованої бойовими діями інфраструктури, а саме: шкіль, містків та інших будівель. Для цього запроваджувався одноразовий податок розміром 120 крб. з кожної працездатної особи. Від сплати податку звільнялися громадяни німецького походження, поліцей та члени сімей добровольців, які служили в німецькій армії [27, арк. 6]. Представники місцевого населення, які планували займатися ремісничо-кустарною діяльністю, мусили отримати відповідні дозволи фінансових відділів, які видавали тимчасові реєстраційні свідоцтва, де чітко зазначався вид виробничої діяльності.

Окрім визначених податків окупанти запровадили механізми, що забезпечували посилення експлуатації як у місті, так і у селі.

Так, за наказом гебітскомісара м. Білої Церкви (генеральна область «Київ») на підприємствах було введено 54-годинний робочий тиждень. Система податків для цього регіону була урізноманітнена видами та формами зборів. Крім погектарного податку, що становив 100 крб. для кожної працездатної особи, починаючи від 16-річного віку, вводився прибутковий податок із ремісників, так звані шлюбні та смертні податки, податок за реєстрацію новонародженого тощо. Конфіскації підлягало все зерно, за винятком 10 кг. у розрахунку на кожного члена родини на місяць та 1.5 кг раціону тварин на день. З липня 1942 р. встановлювалася заборона продавати сільськогосподарські продукти. Їх повністю мали здавати заготівельним організаціям [28, арк. 83]. На кожен двір встановлювався свій сільськогосподарський податок.

Система управління окупаційними органами влади громадськими господарствами (таку назву мали колгоспи в період окупації) була наступною. Районний агроном давав наказ про необхідність проведення весняних робіт у колективних господарствах. У разі невиконання його розпорядження на старосту села накладався штраф, що становив 1500-2000 крб. Таким же методом відбувалися плани здачі сільськогосподарської продукції. Ці способи стимулювання населення призвели до того, що у 1942 р. плани м'ясопоставок у цьому регіоні становили 100% [15, арк. 1]. Такий метод давав окупаційній владі можливість контролювати працю селян такими методами, що забезпечувати максимальні доходи та вивезення продукції до Третього Рейху.

Аналіз документів переконує, що податкова система, запроваджена в РКУ, не відображала потреб відбудови господарства країни, що так рекламувалася німцями, а була в першу чергу спрямована на економічну експлуатацію місцевого населення та забезпечення роботи цивільних і карально-репресивних установ окупаційної адміністрації. На території генеральної області «Київ» була створена регіональна специфічна структура податкової системи, зрозуміла та чітка для виконання населенням саме

цього регіону. Генералкомісар мав право вносити свої поправки, зауваження, висновки до діючої системи оподаткування. Саме тому деякі однакові види зборів та податків у регіоні могли виконуватися ще із більшою прискіпливістю чи навпаки, не були обов'язковими у виконанні, порівнюючи із загальною територією РКУ.

В контексті порівняльного аналізу фінансово-податкової системи на досліджуваній території потрібно відзначити, що виконання основних положень, інструкцій здійснювалося зверху, але акцент у виконанні постанов належить низовим ланкам, місцевим органам управління.

Отож, на території генеральної області «Київ» у порівнянні в цілому з Рейхскомісаріатом «Україна» склалася особлива модель фінансово-податкової системи, що була складовою соціальної політики органів німецької окупаційної влади, яка враховувала регіональні особливості. Це проявлялося в тому, що на цій території генералкомісар області встановив систему оподаткування, що була жорсткішою, ніж в РКУ в цілому, але відтворювала основні тенденції розвитку на окупованій території. Проте система податків і зборів, що була встановлена, виконувала функції забезпечення німецьких органів влади необхідними засобами продовольства, сировини, що з однієї сторони було практичним напрямком реалізації планів Німеччини на завоєнованих територіях, а з іншого – проводило практичну роботу щодо встановлення «повного порядку», забезпечення Німеччини методом подальшого грабування багатств України та експлуатації людського ресурсу.

Список використаних джерел та літератури

1. Алексеева А. М. Военная валюта / А. М. Алексеева. – М. : госфиниздат, 1948. – 104 с.
Alekseeva A. M. Voennaya valyuta / A. M. Alekseeva. – M. : Gosfinizdat, 1948. – 104 s.
2. Загорулько М. М. Крах плана «Ольденбург» / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. – М. : Экономика, 1980. – 376 с.
Zagorulko M. M. Krah plana «Oldenburg» / M. M. Zagorulko, A. F. Yudenkov. – M. : Economica, 1980. – 376 s.
3. Боряк Г. В. «Нацистське золото з України» : у пошуках архівних свідчень / Г. В. Боряк, М. Дубик, Н. К. Маковська ; Ін-т археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. – К., 1998–2000. – Вип. 1. – 136 с.
Boryak G. V. «Natsystske zoloto z Ukrainy» : u poshykah arhivnuh svidchen / G. V. Boryak, M. Dybuk, N. K. Makovska ; Instytut arheografii ta dжерелознавства ім. М. С. Hrushevskogo NAN Ukrainu. – K., 1998 – 2000. – Vyp. 1. – 136 s.
4. Ветров І.Г. Економічна експансія Третього Рейху в Україні 1941–1944 рр. / І. Г. Ветров, К. : Четверта хвиля, 2000. – 232 с.
Vetrov I. G. Economichna ekspansiya Tret'ogo Reihy v Ukraini 1941–1944 rr. / I. G. Vetrov. – K. : Chetverta hvulya, 2000. – 232 s.
5. Гончаренко О. М. Функціонування окупаційної адміністрації Рейхскомісаріату «Україна» : управлінсько-розпорядчі та організаційно-правові аспекти (1941–1944 рр.) : монографія / О. М. Гончаренко / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – К., 2011. – 600 с.
Goncharenko O. M. Fynktsionyvannya okypatsiynoi administratsii Reichskomisariaty «Ukraina» : upravlinsko-rozporyadtchi ta organizatsiino-pravovi aspektu (1941–1944 rr.): monografiya / O. M. Goncharenko / NPU im. M. P. Dragomanova. – K., 2011. – 600 s.
6. Бадаев А. С. Бумажные деньги, ходившие на Украине : каталог / А. С. Бадаев. – Чернигов, 1991. – 196 с.
Badaev A. S. Bumazhnye denhy, khodyvshye na Ukraine : katalog / A. S. Badaev. – Chernyuhov, 1991. – 196 s.
7. Сенилов Б. В. Военные деньги Второй мировой войны / Б. В. Сенилов. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 128 с.

Senylov B. V. Voennye denhy Vtoroy myrovoy voyny / B. V. Senylov. – М. : Fynansy i statystyka, 1991. – 128 s.

8. Левченко Ю. І. Грошові системи на території України під час окупації (1941–1944 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2012. – Вип. 33. – С. 114–119.

Levchenko Y. I. Hroshovi systemy na terytorii Ukrainy pid chas okupatsii (1941–1944 rr.) // Naukovi pratsi istorychnoho fakultetu Zaporizkoho natsionalnoho universytetu. – 2012. – Vyp. 33. – S. 114–119.

9. Натанзон Я. В. Бумажные денежные знаки на оккупированных территориях СССР в период Второй мировой войны: каталог / Я. Натанзон. – К. : Логос, 2012. – 140 с.

Natanzon Y. V. Bumazhnye denezhnye znaky na okkupirovannykh terrytoryyakh SSSR v period Vtoroy myrovoy voyny : katalog / Y. Natanzon. – К. : Lohos, 2012. – 140 s.

10. Пасюк І.М. Грошовий обіг на Волині з найдавніших часів до нашого часу / І. М. Пасюк. – Луцьк : Твердиня, 2008. – 140 с.

Pasyuk I. M. Hroshovyuy obih na Volyni z naydavnishykh chasiv do nashoho chasu / I. M. Pasyuk. – Lutsk : Tverdnyua, 2008. – 140 s.

11.Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України), ф. КМФ-8, оп. 1, spr. 182, ark. 161.

Tsentrallyy derzhavnyy arkhiv vyshchykh orhaniv vldy ta upravlinnya Ukrainy (dali – TSDAVO Ukrainy), f. KMF-8, op. 1, spr. 182, ark. 161.

12.Шуст Р. М. Нумізмати́ка : історія грошового обігу та монетної справи в Україні : навч. посібн. / Р. М. Шуст. – К. : Знання, 2007. – 371 с.

Shust R. M. Numizmatyka : istoriya hroshovoho obihu ta monetnoi spravy v Ukraini : navch. posibn. / R. M. Shust. – К. : Znannya, 2007. – 371 s.

13.Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України), ф. 1, оп. 23, spr. 533, 55 ark.

Tsentrallyy derzhavnyy arkhiv hromadskykh obyednan Ukrainy (dali – TSDAHO Ukrainy), f. 1, op. 23, spr. 533, 55 ark.

14.Рябченко П. Ф. Полный каталог бумажных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1994 гг.) / П. Ф. Рябченко, К. : София, 1995. – 672 с.

Ryabchenko P. F. Polnyy katalog bumazhnykh znakov i bon Rosyyi, SSSR, stran SNH (1769- 1994 hh.) / P. F. Ryabchenko. – К. : Sofyya, 1995. – 672 s.

15.Державний архів Київської області (далі – ДАКО), ф. 2225, оп. 1, spr. 10, ark. 83.

Derzhavnyy arkhiv Kyivskoi oblasti (dali – DAKO), f. 2225, op. 1, spr. 10, ark. 83.

16.ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 5, spr. 13, 426 ark.

TSDAVO Ukrainy, f. 4620, op. 5, spr. 13, 426 ark.

17.Форостівський Л. Київ під ворожими окупаціями / Л. Форостівський, Буенос-Айрес: видавництво Миколи Денисюка, 1952, 80 с.

Forostivskiy L. Kyiv pid vorozhymy okupatsiyamy / L. Forostivskiy, Buenos-Aires: vydavnytstvo Mykoly Denysyuka, 1952, 80 s.

18.Орлик В. До питання фінансової політики нацистів в окупованій Україні / В. Орлик, Л. Маренець // Архіви України. – 2005. – № 1/3.

Orlyk V. Do pytannya fiskalnoi polityky natsystiv v okupovaniy Ukraini / V. Orlyk, L. Marenets // Arkhivy Ukrainy. – 2005. – № 1/3.

19.ЦДАВО України, ф. КМФ-8, оп. 2, spr. 150, 152 ark.

TSDAVO Ukrainy, f. KMF-8, op. 2, spr. 150, 152 ark.

20.Полтавський обласний державний архів (далі – ПОДА), ф. Р-2341, оп. 1, spr. 5, ark. 282.

Poltavskyy oblasnyy derzhavnyy arkhiv (dali – PODA), f. R-2341, op. 1, spr. 5, ark. 282.

21.ЦДАВО України, ф. КМФ-8, оп. 2, spr. 148, 282 ark.

TSDAVO Ukrainy, f. KMF-8, op. 2, spr. 148, 282 ark.

22.ЦДАВО України, ф. КМФ-8, оп. 2, spr. 159, 141 ark.

TSDAVO Ukrainy, f. KMF-8, op. 2, spr. 159, 141 ark.

23.ЦДАВО України, ф. 3206, оп. 4, spr. 7, ark. 24–26.

TSDAVO Ukrainy, f. 3206, op. 4, spr. 7, ark. 24–26.

24.ДАКО, ф. Р-2515, оп. 1, spr. 1, ark. 1–7.

DAKO, f. R-2515, op. 1, spr. 1, ark. 1–7.

25. ПОДА, ф. Р-2795, оп. 1, спр. 1, арк. 4–7.
ПОДА, f. R-2795, op. 1, spr. 1, ark. 4–7.
26. ДАКО, ф. Р-2412, оп. 2, спр. 4, арк. 234.
ДАКО, f. R-2412, op. 2, spr. 4, ark. 234.
27. ПОДА, ф. Р-2341, оп. 1, спр. 5, арк. 282.
ПОДА, f. R-2341, op. 1, spr. 5, ark. 282.
28. ДАКО, ф. 2225, оп. 1, спр. 10, арк. 83.
ДАКО, f. 2225, op. 1, spr. 10, ark. 83.

Двирная К. П. «Финансово-налоговая политика оккупационных органов власти и специфика реализации на примере рейхскомиссариата «Украина» и генеральной области «Киев» (1941–1944 гг.) / К. П. Двирная, М. В. Главацкий // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 16–27.

На основе архивных документов Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Государственного архива Киевской области раскрывается финансово-налоговая политика и специфика ее реализации на примере рейхскомиссариата «Украина» и генеральной области «Киев» как составляющих административно-территориального деления Украины в 1941–1944 гг. Авторы выписывают особенности различных регионов оккупированной территории Украины, определяя региональную специфику финансово-налоговой системы оккупационной власти. Эта научная проблема не стала объектом отдельного исторического исследования и требует углубленного и многовекторного анализа.

В первые месяцы оккупации создается целостная система правового регулирования в отношении финансов и налоговых взысканий с местного населения. Анализ архивных документов убеждает в том, что эти вопросы решались в каждой из составляющих управленческой структуры рейхскомиссариата «Украина» от высшего звена до низшего. В управленческую систему оккупационной власти входили генеральные области, гебитскомиссариат, городские, районные и сельские управы, работа и функции которых были четко регламентированы специальными инструкциями, распоряжениями, приказами. Можем утверждать, что немецкой оккупационной администрации за период хозяйствования не удалось создать такую денежную систему, которая была бы полноценной и удовлетворяла потребности оккупантов. Причины этого нужно определять в терминах оккупации, были недостаточными для налаживания длительного денежного обращения на территории рейхскомиссариата «Украина». На этой территории не было достаточной товарной массы для укрепления денежной системы, не могла выполнять регулятивную функцию.

Архивные документы убедительно свидетельствуют, что на территории генеральной области «Киев» существовала своеобразная система финансовых поступлений, имела свои формы, направления, методы работы, наблюдается внедрение финансовой системы органов оккупационной власти, которая была присуща именно для этого региона. Генералкомисар региона, как представитель немецкой власти, пытался использовать особенности этого региона для нужд Третьего Рейха, принимая все необходимые для этого рычаги влияния.

Анализ документов убеждает, что налоговая система, введенная в РКУ, не отражала потребностей восстановления хозяйства страны, так рекламировалась немцами, а была в первую очередь направлена на экономическую эксплуатацию местного населения и обеспечения работы гражданских и карательно-репрессивных учреждений оккупационной администрации. На территории генеральной области «Киев» была создана региональная специфическая структура налоговой системы, понятная и четкая для выполнения населением именно этого региона. Генералкомисар вправе вносить свои поправки, замечания, выводы к действующей системе налогообложения. Именно поэтому некоторые одинаковые виды сборов и налогов в регионе могли выполняться еще с большей тщательностью или наоборот, не были обязательны в выполнении, сравнивая с общей территорией РКУ.

Однако система налогов и сборов, которая была установлена, выполняла функции обеспечения немецких органов власти необходимыми средствами продовольствия, сырья, с одной стороны было практическим направлением реализации планов Германии на завоеванных территориях, а с другой - проводило практическую работу по установлению «полного порядка», обеспечения Германии методом дальнейшего грабежа богатств Украины и эксплуатации человеческого ресурса.

Ключевые слова: архив, финансово-налоговая политика, органы оккупационной власти, генеральная область «Киев», Рейхскомиссариат «Украина», план «Ост», план «Барбаросса», управа, гебитскомиссариат, хозяйственный план, пропаганда, деньги, зона военного управления, штрафы, наказания, бюджет.

Dvirna K. P. Financial and fiscal policies of the occupying authorities and the specifics of its implementation as an example reichscommissariat «Ukraine» and the general area of «Kyiv» (1941–1944) / K. P. Dvirna, M. V. Glavatskyi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 16–27.

Post by the German occupation authorities in the Ukraine is a multi-vector and requires extensive special study. One such topic is the financial and tax system of the occupation authorities in the Reich Commissariat «Ukraine» and the general area of «Kyiv» as its component.

In historical science to the problems of the financial and tax system of the occupation regime has been neglected. Authors prescribe the features of different localities in Ukraine, defining regional specific financial and tax system of the occupation authorities. Note that the above reviewed scientific papers argue that this scientific problem is not the subject of a separate historical research and requires in-depth and multi-vector analysis.

Authors have set the following objectives: to reveal the features of financial – of the tax system as a whole occupying power in the Reich Commissariat «Ukraine» and in the general area of «Kyiv» to explore differences and similarities implementation of this policy.

Archival documents clearly show that in the general field of «Kyiv» there was a peculiar system of financial income, which had its own forms, directions, methods. The district council received a significant portion of revenues from administrative fines bazaar fee. Controls are trying to raise funds for treatment and by providing transportation services. Own revenues accounted for only 1/10 of the full amount of the budget. This amount was not enough, because only the maintenance of the apparatus of government at the district level to be allocated at least half of the budget. The rest had to pay extra amount hebitskomisar.

Document analysis shows that the tax system introduced in CGS, did not reflect the needs of rebuilding the economy of the country, as advertised by the Germans and was primarily focused on the economic exploitation of the local population and support the work of civil and penal and repressive institutions of the occupation administration. On the territory of the general area of «Kyiv» was established regional specific structure of the tax system, clear and precise to perform the population of this region. Heneralkomisar had a right to make their corrections, comments, and conclusions to the current tax system.

In the context of comparative analysis of financial – of the tax system in the study area should be noted that implementation of guidelines, instructions carried on top, but the emphasis in the performance of the decision belongs to the lower tiers, the local administration.

Thus, in the general area of «Kyiv» in comparison with the whole Reich Commissariat «Ukraine» was a special model of the financial and tax system that was part of the social policy of the German occupation authorities, which take into account regional differences. It was shown that in this area heneralkomisar region established a system of taxation that was tougher than the CGS as a whole, but to reproduce the main trends in the occupied territories. However, the system of taxes and fees that were set, served as the German authorities provide the necessary means of food, raw materials, on the one hand it was a practical focus of the plans of Germany in the conquered territories, but on the other - the practical work conducted to establish «complete order» Germany by providing further loot the wealth of Ukraine and the exploitation of human resources.

Keywords: archive, financial - fiscal policy of the occupation authorities, the general area of «Kyiv», Reichskommissariat «Ukraine», plan «Ost», plan «Barbarossa», Council, hebitskomisariat, management plan, promotion, money, the zone of military control, fines, penalties, budget.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Е. В. Смынтына

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК 902 (477) «18/19»

**МАТЕРИАЛЫ VI АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В ОДЕССЕ
КАК ИСТОЧНИК О РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЯ
НА ЮГЕ УКРАИНЫ**

Кармазина Н. В.

*Университет экономики и управления, Симферополь, Украина
E-mail: karmazina_nata@ukr.net*

Определяется влияние VI археологического съезда в Одессе в 1884 году на развитие памятниковедения Юга Украины. На основе опубликованных материалов по итогам этого научного форума представлена подготовительная работа к нему, в ходе которой показаны мероприятия по изучению, охране, популяризации древностей. Проанализированы доклады и сообщения съезда, посвященные вопросам изучения и охраны культурного наследия Северного Причерноморья и Крыма. Представлены неопубликованные материалы съезда, сохранившиеся в фонде Государственного архива Одесской области, касавшиеся вопросов памятниковохранения. Показано значение VI Археологического съезда для изучения и сохранения древностей Юга Украины. Уделено внимание популяризации древностей в рамках выставки, организованной при этом научном форуме. Охарактеризовано предметы личных коллекций, недавние находки, презентованные там. В статье рассмотрен ход экскурсии в Крым, организованной после съезда.

Обобщено значение материалов VI археологического съезда для изучения развития исторического памятниковедения на Юге Украины. Являясь целостным источниковедческим комплексом, материалы VI археологического съезда в Одессе представляют большой интерес для исследования принципов и форм развития системы охраны древностей на Юге России. Они характеризуют деятельность провинциальных ученых, источники пополнения и использования частных и музейных коллекций памятников истории и культуры, выставочную практику в России второй половины XIX – начала XX в.

В статье акцентируется внимание на то, что одной из причин, которая вызвала необходимость созыва археологического съезда, была обеспокоенность состоянием и забота о лучшем сохранении древностей. Для развития системы охраны культурного наследия необходимо было научное изучение и популяризация памятников, введение преподавания археологии, создание музеев. Съезд способствовал развитию теории археологии, определению ее предмета, методологии, а также плана археологических раскопок, накоплению и обобщению научного материала.

Ключевые слова: археологический съезд, памятниковедение, древности, Юг Украины.

Во второй половине XIX – начале XX века заметным явлением в общественной жизни России стали археологические съезды, которые на протяжении всего времени

их проведения оставались основным общероссийским форумом представителей гуманитарных дисциплин исторического профиля. Их появление вызвано значительным интересом научной общественности к древностям, а в связи с этим – объективной необходимостью разработки теоретических и практических проблем археологии. Съезды внесли существенный вклад в развитие археологии, истории, палеографии, нумизматики, сфрагистики, лингвистики, этнографии, исторической географии и архивоведения.

Главную цель археологических съездов организаторы видели в объединении всех научных сил России в области разыскания, изучения, охраны и популяризации памятников истории и культуры. Определяя своей основной задачей исследование и охрану памятников истории и культуры всех исторических эпох, археологические съезды немало внимания уделяли вопросам выявления и исследования частных коллекций, формирования и развития провинциальных и учебных музеев как центров по сохранению и изучению памятников культуры, развитию музейного дела.

На сегодняшний день археологическим съездам в своих работах уделяли внимание такие исследователи как С. З. Заремба [1], А. А. Непомнящий [2], А. В. Шаманаев [3], И. С. Романенко [4], Ю. М. Дементьева [5], которые рассматривали значение трудов этих научных форумов для составления биобиблиографии, для изучения деятельности отдельных ученых, развития музейного дела. Исходя из этого, цель данной статьи – определить влияние на развитие памятниковедения Юга Украины VI археологического съезда 1884 г., который стал важным событием научной жизни России и проходил в Одессе с 15 августа по 1 сентября. В его работе приняли участие 372 депутата из 61 города. На съезд собрались представители Императорской археологической комиссии, Академии наук и Академии художеств, Императорского Эрмитажа, Археографической комиссии, Русского и Московского археологических обществ, Одесского общества истории и древностей, Русского географического общества, Православного Палестинского общества, восьми университетов, трех духовных академий, Археологического института, Историко-филологического института в Нежине, двух архитектурно-художественных обществ и др. Своих депутатов на форум российских ученых прислали Греческое филологическое общество в Константинополе (Турция), Хорватское археологическое общество в Загребе и Археологический музей в Ольмюце (Австро-Венгрия) [6, с. XLIX–LXII].

Вниманию участников VI съезда были предложены 137 докладов и сообщений широкого тематического и хронологического диапазона. Как отметил известный российский филолог и историк И. В. Помяловский (1845–1906): «съезд вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды: по обилию материалов, которые были представлены..., по вниманию, с которым относилась к нему образованная публика, он нисколько не уступал ни одному из предшествовавших съездов» [7, с. 25].

Основным источником изучения деятельности VI археологического съезда являются материалы, опубликованные организаторами. Их можно разделить на следующие группы: правила съезда, содержащие программу работы съезда, протоколы заседаний в ходе подготовки съезда; труды предварительных комитетов – отчеты о работе по организации съезда и выставок, публикации исследований и отчетов археологических исследований, проведенных в период подготовки съезда; известия о

занятиях съезда – протоколы публичных заседаний, списки участников и культурная программа (экскурсии, археологические раскопки, часы посещения выставки и т. д.); списки участников съездов; труды съезда – правила, программы, «вопросы, на которые съезд хотел бы получить ответы» – своеобразные научные запросы, протоколы публичных заседаний, отчеты и представленные доклады.

Опубликованные в материалах археологических съездов доклады, сообщения и целые исследования посвящены вопросам истории, археологии, этнографии, литературы, лингвистики, историографии, исторической географии, искусствоведения и ряда других гуманитарных дисциплин и содержат богатый фактический материал. Ряд исследований не потерял своей научной ценности и по сей день. Такой широкий диапазон вопросов, рассматриваемых на археологических съездах, связан, прежде всего, с более обширным понятием термина «археология», бытовавшем во второй половине XIX в. Археология рассматривалась как наука о разыскании и исследовании древностей различного вида. Анализ материалов съезда дает возможность охарактеризовать состояние работы по охране памятников истории и культуры, музейного дела на Юге Украины в последней четверти XIX века.

Идея об организации очередного собрания российских археологов в Одессе была озвучена на закрытии V съезда в Тифлисе осенью 1881 г. [8, с. XCV]. Причиной этого стала насущная необходимость многостороннего исследования и изучения Юга России со стороны представителей различных областей археологической науки. Так как инициатива проведения следующего съезда в Одессе была высказана от имени Новороссийского университета, то на него была возложена подготовительная работа по его устройству. Образованная для этого советом Новороссийского университета комиссия обратилась с просьбой к университетам, археологическим обществам и другим ученым обществам и учреждениям о командировании в Москву депутатов для принятия участия в работах Предварительного комитета и к ученым, известным своими трудами по археологии или своими собраниями древностей, о предоставлении подробно мотивированных вопросов, предлагаемых для обсуждения на съезде.

В декабре 1882 года в Москве под председательством вице-президента Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевича и председателя Московского археологического общества А. С. Уварова был создан Предварительный комитет, который выработал правила съезда.

Дальнейшая подготовительная работа по устройству съезда была сосредоточена в Одессе в Распорядительном комитете съезда при Новороссийском университете под председательством профессора Н. П. Кондакова. Н. П. Кондаков сыграл определяющую роль в организации этого научного форума. Он лично руководил устройством выставки, редактировал труды, вел переписку с делегатами [9, с. 22–23].

Подготовка к съезду активизировала проведение учебных экскурсий с целью отыскания новых данных и свежих материалов. Одна из них была осуществлена на острове Березань весной 1884 года членами Новороссийского общества естествоиспытателей Р. А. Пренделем и И. М. Видгальмом. Их исследование позволило сделать вывод, что березанские останки могут быть отнесены ко времени древнегреческих поселений на берегах Черного моря, а не к эпохе доисторического человека. Раскопки подтвердили несостоятельность предположения Келера о том, что на этом

острове находился храм Ахилла Понтарха. Предметы, найденные в ходе экспедиции, были представлены на выставке, устроенной при съезде.

Распорядительный комитет организовал издательскую деятельность в ходе подготовки к новому съезду в Одессе. С целью презентации актуальных вопросов археологии и программы сбора археологического материала были изданы три брошюры члена распорядительного комитета А. А. Матвеева «К вопросу об археологических исследованиях в Южной России», «Программа историко-географических сведений» и «Археология».

Кроме того, Распорядительный комитет считал насущной потребностью составить сборник всех надписей древнегреческих колоний берегов Черного моря. Взялось за подготовку такого издания Русское археологическое общество, которое к началу съезда под редакцией В. В. Латышева представило начало этого труда. Еще одним изданием Распорядительного комитета стала составленная профессором Л.Ф. Воеводским «Карта древних поселений на Юге России», необходимость в которой назрела давно в виду отсутствия наглядного свода о местоположении древних припонтийских колоний.

VI археологическому съезду был посвящен «Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на Юге нынешней России в период пребывания эллинов» П. О. Бурачкова. Работа получила высокую оценку у современников, которые отмечали, что «по обилию нумизматических данных труд занимает одно из выдающихся мест в ряду сочинений, посвященных описанию и объяснению монет греческих поселений на берегах Черного моря».

Официально заявленной программой съезда стало изучение классических и византийских древностей Северного Причерноморья и Крыма, поэтому одна из групп докладов была посвящена древностям этого края. Программным докладом, очерчивающим перспективы археологического изучения Юга России, стало сообщение одесского историка В. Н. Юргевича [10]. Среди приоритетных районов разысканий были выделены Аккерман и Инкерман (Севастополь).

С критическим анализом, опубликованного ранее в виде отдельной брошюры доклада А. В. Орешникова «Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов» [11], выступил П. О. Бурачков [12].

Начальному периоду истории изучения Крыма было посвящено сообщение В. Г. Тизенгаузена, который охарактеризовал хранящуюся в архиве Археологической комиссии рукопись одного из пионеров изучения Крыма П. Дюбрюкса [13]. Особый интерес современников вызвали результаты исследований различных типов гробниц, находящихся в Керчи. Автор пытался установить их происхождение и хронологическую преемственность между ними.

Памятникам Боспорского царства посвятили свои доклады Х. Х. Гиль [14], В. В. Латышев [15], А. М. Подшивалов [16]. Вопросу о некоторых монограммах, встречающихся на боспорских монетах, был посвящен реферат Х. Х. Гиля, который обладал коллекцией древних монет и фактически был новой попыткой разъяснить их. В. В. Латышев опубликовал отчет о ходе работы по подготовке к изданию общего сборника греческих и латинских надписей Северного Причерноморья [17].

Академик архитектуры, археолог А. А. Авдеев остановился на описании и исторической характеристике исследуемого им памятника – церкви Св. Иоанна Предтечи в Керчи, представил план реставрационных работ [18].

Христианским древностям Крыма посвящен был реферат протоиерея Чепурина «О пещерных церквях в Крыму». Автором были высказаны причины их возникновения, представлены описание и типологизация храмов [7, № 3.– С. 2–3, 12].

Среди неопубликованных материалов съезда, сохранившихся в фонде 275 «VI Археологический съезд» в Государственном архиве Одесской области, представляют интерес рукописи В. Х. Кондараки «Ответы на нижеследующие вопросы или тезисы по программе и приложению к ней Распорядительного комитета VI Археологического съезда» [2, с. 583], где известный крымский краевед, не имевший возможности принять участие в работе съезда, высказал свою точку зрения на суждения А. Я. Гаркави о принадлежности Чуфут-Кале караимам и о происхождении названия «Крым» [19, л. 4–14]. В рукописной статье В. Соснякова «К вопросу о заселении Новороссийского края» [19, л. 15–36] содержится богатый фактический материал по истории Северного Причерноморья и Крыма в конце XVIII – начале XIX века. По решению редакционного комитета VI Археологического съезда от 29 декабря 1884 г. данные статьи было решено не печатать [20, л. 5–6]. В данном фонде выявлены и две неатрибутированные рукописи «К вопросу о составлении легенды для археологической карты России по доисторической археологии» [21] и «План раскопок, сделанных в Херсонесе» [22].

VI Археологический съезд, занимавшийся малоработанными вопросами истории и археологии Северного Причерноморья и Крыма по бесспорной оценке современников имел «большое значение для русской нации» [23, с. 346]. Ученым, наконец, представилась возможность подвергнуть пересмотру дискуссионные вопросы о скифских, классических и византийских древностях. В связи с этим современники выделяли крымоведческие доклады А. Я. Гаркави и Ф. Ф. Лашкова [24, с. 829, 832–833]. Подводя итоги съезда, ученые подчеркивали, что много нового было сказано о крымских христианских памятниках, особенно об Инкермане и Херсонесе.

Способствовала популяризации древностей Юга Украины археологическая выставка, открытая при съезде и разместившаяся в трех залах верхнего этажа здания Новороссийского университета. На ней было представлено значительное количество разнообразных предметов древности из частных коллекций или недавно открытых предметов. Выставочная практика демонстрировала уровень развития археологии в России, привлекала внимание общества к проблеме охраны памятников истории и культуры, и носила научно-просветительский характер. Структура выставки соответствовала структуре съезда и имела следующие разделы: древности первобытные; древности языка и письма, древности восточные, отдел картографии, отдел рукописей и старопечатных книг, исторический отдел, отдел церковных древностей. К участию в выставке Предварительный комитет старался привлечь как можно больше частных коллекционеров, музеев, собраний различных научных обществ.

Собрание греческих древностей, в том числе и золотых украшений, терракотов из Ольвии и Пантикапея было выставлено И. И. Курисом из его коллекции. К отделу классических древностей Юга России относились предметы, выставленные

И. К. Суручаном, из которых наибольшее внимание привлекали терракотовые изделия. Много интересных находок из области греко-скифских древностей отмечалось в выставленном собрании запорожских древностей Д. И. Яварницкого.

Планы раскопок древнего Херсонеса, планы его базилик, фотографические снимки архитектурных деталей, а также акварельные рисунки армянской церкви св. Урпата и св. Сергиза в Крыму, церкви Иоанна Предтечи в Керчи были представлены архитектором А. А. Авдеевым. Виды Аккерманских пещер, памятников Бахчисарая и Чуфут-Кале – художником А. Ф. Красовским.

Протоирей Я. Я. Чепурин представил на выставку собрания акварельных снимков с фресковой росписи, им открытой в пещерных церквях Крыма, в частности Мангупа.

Таким образом, археологическая выставка, открытая при съезде и разместившаяся в трех залах верхнего этажа здания Новороссийского университета способствовала популяризации древностей Юга Украины. На ней было представлено значительное количество разнообразных предметов древности из частных коллекций или недавно открытых предметов.

Важным дополнением к занятиям съезда стала археологическая экскурсия в Крым, которая началась сразу после закрытия съезда 30 августа 1884 г. 90 его участников отправились на пароходе «Владимир» в Севастополь, где в это время находился вице-президент Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевич. Под его руководством и некоторых членов съезда, знакомых с этой местностью, осмотрели раскопанные кварталы древнего Херсонеса, а также специально приготовленные для экскурсантов.

Раскопки, осуществленные в присутствии членов съезда, оказались неудачными, так как ничего найдено не было. Раскопки близ Херсонеса, предпринятые председателем съезда графом Уваровым, носили скорее характер разведок, и ничего значительного не было обнаружено.

После осмотра Херсонеса под руководством протоиерея Чепурина экскурсантами был осуществлен обзор древностей Инкермана, крымских пещерных церквей. Затем участники съезда посетили Балаклаву, Георгиевский монастырь, Бахчисарай, Тепе-Кермен, Черкес-Кермен, Чуфут-Кале и Успенский скит. Вся экскурсия дала возможность познакомиться с местными древностями, обсудить вопросы о ходе и перспективах исследования памятников.

Являясь целостным источниковедческим комплексом, материалы VI археологического съезда в Одессе представляют большой интерес для исследования принципов и форм развития системы охраны древностей на Юге России, деятельности провинциальных музеев, источников пополнения частных и музейных коллекций, выставочной практики в России второй половины XIX – начала XX в.

Анализ материалов VI археологического съезда позволяет отметить, что одной из причин, которая вызвала необходимость созыва археологического съезда, была обеспокоенность состоянием и забота о лучшем сохранении древностей. Для развития системы охраны культурного наследия необходимо было научное изучение и популяризация памятников, введение преподавания археологии, создание музеев. Съезд способствовал развитию теории археологии, определению ее предмета, методологии, а также планов археологических раскопок, накоплению и обобщению научного материала.

Список использованных источников и литературы

1. Заремба С. З. Археологічні з'їзди XIX – початку XX ст. – важливий етап розвитку українського пам'яткознавства / С. З. Заремба // Українське пам'яткознавство : історія, теорія, сучасність. – К., 1995. – С. 121–140.
- Zarembo S. Z. Arheologichni z'їzdi XIX – pochatku XX st. – vazhlivij etap rozvitku ukraїns'kogo pam'jatkoznavstva / S. Z. Zarembo // Ukraїns'ke pam'jatkoznavstvo : istorija, teorija, suchasnist'. – K., 1995. – S. 121–140.
2. Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования на всероссийских Археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) / А. А. Непомнящий // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2002. – Вып. 9. – С. 579–590.
- Nepomnjashhij A. A. Krymovedcheskie issledovanija na vsrossijskih Arheologicheskikh s'ezdah (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) / A. A. Nepomnjashhij // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – Simferopol', 2002. – Vyp. 9. – S. 579–590.
3. Шаманаев А. В. Н.П. Кондаков и VI Археологический съезд в Одессе (1884) / А. В. Шаманаев // Научные ведомости БелГУ. Сер.: «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2011. – № 1. – С. 71–76.
- Shamanaev A. V. N.P. Kondakov i VI Arheologicheskij s'ezd v Odesse (1884) / A. V. Shamanaev // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser.: «Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika». – 2011. – №1. – S. 71–76.
4. Дементьева Ю. М. Материалы археологических съездов (1869–1914) как источник по истории музейного дела России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 71–83.
- Dement'eva Ju. M. Materialy arheologicheskikh s'ezdov (1869–1914) kak istochnik po istorii muzejnogo dela Rossii // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. – 2008. – № 80. – S. 71–83.
5. Романенко І. С. Проблеми української церковної археології на археологічних з'їздах другої половини XIX – початку XX століття / І. С. Романенко // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: «Історія». – 2009. – № 2. – С. 57–63.
- Romanenko I. S. Problemi ukraїns'koї cerkovnoї arheologii na arheologichnih z'їzdah drugoї polovini XIX – pochatku XX stolittja / I. S. Romanenko // Naukovi zapiski Ternopil's'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Gnatjuka. Serija: Istorija. – 2009. – № 2. – S. 57–63.
6. Личный состав съезда // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1886. – Т. 1. – С. XLIX–LXII.
- Lichnyj sostav s'ezda // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1886. – T. 1. – S. XLIX–LXII.
7. Помяловский И. В. Шестой Археологический съезд в Одессе 1884 г. / И. В. Помяловский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1885. – № 1. – Отд. 4. – С. 1–26; № 3. – Отд. 4. – С. 1–56.
- Pomjalovskij I. V. Shestoj Arheologicheskij s'ezd v Odesse 1884 g. / I. V. Pomjalovskij // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – 1885. № 1. – Otd. 4. – S. 1–26; № 3. – Otd. 4. – S. 1–56.
8. Протокол заседания съезда 21 сентября // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. – 1881. – М., 1887. – С. XCV.
- Protokol zasedanija s'ezda 21 sentjabrja // Trudy V-go Arheologicheskogo s'ezda v Tiflise, 1881. – M., 1887. – S. XCV.
9. Редин Е. К. Профессор Никодим Павлович Кондаков : к тридцатилетней годовщине его учено-педагогической деятельности / Е. К. Редин // Записки имп. Русского археологического общества: труды отделения археологии древне-классической, византийской и западноевропейской, 1897. – Т. 9, вып. 3/4. – С. 1–40.
- Redin E. K. Professor Nikodim Pavlovich Kondakov : k tridcatiletnej godovshhine ego ucheno-pedagogicheskoi dejatel'nosti / E. K. Redin // Zapiski imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo obshhestva. Trudy otdelenija arheologii drevne-klassicheskoi, vizantijskoj i zapadnoevropejskoj. – 1897. – T. 9, vyp. 3/4. – S. 1–40.
10. Юргевич В. Н. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического исследования / В. Н. Юргевич // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 29–41.
- Jurjevich V. N. Zamechanija o nekotoryh mestnostjah Novorossijskogo kraja, zasluzhivajushhih arheologicheskogo issledovanija / V. N. Jurjevich // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – T. 2. – S. 29–41.

11. Орешников А. В. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам / А. В. Орешников // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 80–103.
- Oreshnikov A. V. Bosfor Kimmerijskij v jepohu Spartokidov po nadpisjam i carskim monetam / A. V. Oreshnikov // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 80–103.
12. Бурачков П. О. По поводу брошюры А. В. Орешникова «Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов» // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 114–118.
- Burachkov P. O. Po povodu broshjury A. V. Oreshnikova «Bosfor Kimmerijskij v jepohu Spartokidov» // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 114–118.
13. Тизенгаузен В. Г. Записка Дюбрюкса: «Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи» // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 135–199.
- Tizengauzen V. G. Zapiska Djubrjuksa: «Neskol'ko zametok o razlichnyh rodah grobnic, nahodjashhihsja v okrestnostjah Kerchi» // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 135–199.
14. Гиль Х. О боспорских монетах с монограммами // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 104–113.
- Gil' H. O bosporskih monetah s monogrammami // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 104–113.
15. Латышев В. В. О календарях Ольвии, Тиры и Херсониса Таврического // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 56–71.
- Latyshev V. V. O kalendarjah Ol'vii, Tiry i Hersonisa Tavricheskogo // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 56–71.
16. Подшивалов А. М. Некоторые данные для исторического исследования о правителях Босфора Киммерийского по лапидарным и нумизматическим памятникам // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 72–79.
- Podshivalov A. M. Nekotorye dannye dlja istoricheskogo issledovanija o praviteljah Bosfora Kimmerijskogo po lapidarnym i numizmaticheskim pamjatnikam // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 72–79.
17. Латышев В. В. Сообщение о ходе работы по изданию общего сборника греческих и латинских надписей Северного побережья Черного моря // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 44–45.
- Latyshev V. V. Soobshhenie o hode raboty po izdaniyu obshhego sbornika grecheskih i latinskih nadpisej Severnogo poberezh'ja Chernogo morja // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1888. – Т. 2. – С. 44–45.
18. Авдеев А. А. Церковь Св. Иоанна Предтечи в Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1887. – Т. 3. – С. 381–386.
- Avdeev A. A. Cerkov' Sv. Ioanna Predtechi v Kerchi // Trudy VI Arheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.). – Odessa, 1887. – Т. 3. – С. 381–386.
19. Государственный архив в Одесской области (ГАОО), ф. 275, оп. 1, д. 36. Gosudarstvennyj arhiv v Odesskoj oblasti (GAOO), f. 275, op. 1, d. 36.
20. ГАОО, ф. 275, оп. 1, д. 17.
- GAOO, f. 275, op. 1, d. 17.
21. ГАОО, ф. 275, оп. 1, д. 22.
- GAOO, f. 275, op. 1, d. 22.
22. ГАОО, ф. 275, оп. 1, д. 32.
- GAOO, f. 275, op. 1, d. 32.
23. VI Археологический съезд в Одессе // КС. – 1884. – Октябрь. – С. 337–346.
- VI Arheologicheskij s'ezd v Odesse // KS. – 1884. – Oktjabr'. – С. 337–346.
24. Анучин Д. Шестой Археологический съезд в Одессе. I. Труды отдела первобытных и языческих древностей и общий обзор деятельности съезда / Д. Анучин // ВЕ. – 1884. – № 12. – С. 812–834.
- Anuchin D. Shestoj Arheologicheskij s'ezd v Odesse. I. Trudy otдела pervobytnyh i jazycheskikh drevnostej i obshhij obzor dejatel'nosti s'ezda / D. Anuchin // VE. – 1884. – № 12. – С. 812–834.

Кармазіна Н. В. Матеріали VI археологічного з'їзду в Одесі як джерело про розвиток історичного пам'яткознавства на Півдні України / Н. В. Кармазіна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 28–36.

Визначається вплив VI археологічного з'їзду в Одесі в 1884 році на розвиток пам'яткознавства Півдня України. На основі опублікованих матеріалів за підсумками цього наукового форуму подано підготовчу роботу до нього, в ході якої показані заходи з вивчення, охорони, популяризації старожитностей. Проаналізовано доповіді та повідомлення з'їзду, присвячені питанням вивчення та охорони культурної спадщини Північного Причорномор'я та Криму. Подані неопубліковані матеріали з'їзду, що збереглися у фонді Державного архіву Одеської області, які стосувалися питань пам'яткознавства. Показано значення VI археологічного з'їзду для вивчення і збереження старожитностей Півдня України. Приділено увагу популяризації старожитностей у рамках виставки, організованої при цьому науковому форумі. Охарактеризовано предмети особистих колекцій, недавні знахідки, презентовані там. У статті розглянуто хід екскурсії до Криму, організованої після з'їзду.

Узагальнено значення матеріалів Шостого археологічного з'їзду для вивчення розвитку історичного пам'яткознавства на Півдні України. Будучи цілісним джерельним комплексом, матеріали VI археологічного з'їзду в Одесі становлять великий інтерес для дослідження принципів і форм розвитку системи охорони старожитностей на Півдні Росії. Вони характеризують діяльність провінційних вчених, джерела поповнення та використання приватних і музейних колекцій пам'яток історії та культури, виставкову практику в Росії другої половини XIX – початку XX ст.

У статті акцентується увага на те, що однією з причин, яка викликала необхідність скликання археологічного з'їзду, була стурбованість станом і піклування про краще збереження старожитностей. Для розвитку системи охорони культурної спадщини необхідно було наукове вивчення та популяризація пам'яток, введення викладання археології, створення музеїв. З'їзд сприяв розвитку теорії археології, визначення її предмета, методології, а також плану археологічних розкопок, накопиченню та узагальненню наукового матеріалу.

Ключові слова: археологічний з'їзд, пам'яткознавство, старожитності, Південь України.

Karmazina N. V. Proceedings of the VI Archaeological Congress in Odessa as a source of historical development in the southern Ukraine monument study / N. V. Karmazina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 28–36.

The article defines the influence of the Sixth Archaeological Congress on the development of monument study of Southern Ukraine, which took place in Odessa in 1884. On the basis of the published materials of this scientific forum, the preparatory work is represented, within which are shown measures aimed at researching, preservation and promotion of antiquities. The reports and the speeches of the Congress directed at issues of study and protection of the cultural heritage of the Northern Black Sea and the Crimea are analyzed. Unpublished materials preserved in the State Archives of Odessa region, relating to issues of monument study are presented. The importance of the six Congress of the archaeological study for preservation of antiquities of the South of Ukraine is shown. The meaning of antiquity popularization is shared in frames of the exhibition, organized within the scientific forum. The represented articles from private collections, the latest findings are described. The importance of the Six Archaeological Congress materials for studying of historical development of monument study on the South of Ukraine is generalized.

The article focuses on the fact that one of the reasons, which caused the demand of convening of Archaeological Congress was concern about condition and anxiety about antiquity preservation on a higher level. Scientific research, monument popularization are required for the development of the cultural heritage protection system. Congress contributed to the archeology theory development, subject definition, methodology, archeological excavation plan, the accumulation and synthesis of scientific matter.

Congress contributed to the development of the theory of archeology, the definition of its subject matter, methodology and plan of archaeological excavations, the accumulation and synthesis of scientific material.

Keywords: Archaeological Congress, monument study, antiquities, South Ukraine.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. В. М. Хмарский

УДК 94=411.21«847/850»

УЯВЛЕННЯ ПРО ПІВНІЧНЕ УЗБЕРЕЖЖЯ ЧОРНОГО МОРЯ ТА ПРО КРИМСЬКИЙ ПІВОСТРІВ АРАБСЬКОГО ВЧЕНОГО ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ IX СТОЛІТТЯ АЛ-ХУВАРІЗМІ

Крюков В. Г.

*Луганський національний університет імені Тараса Шевченка, Луганськ, Україна
E-mail@lnpu.edu.ua*

Дослідження містить аналіз повідомлень про обриси берегової лінії північного узбережжя Чорного моря та Кримського півострова, а також про розташовані у цьому регіоні населені пункти та інші географічні об'єкти, які подані у найдавнішому за часом свого походження (перша половина IX століття) творі «астрономічного» жанру арабської географічної писемної традиції доби раннього середньовіччя «Книга картини Землі», написаному математиком, астрономом і географом Абу Джа'фаром Мухаммадом ібн Муса ал-Хуварізмі. Виявлено, що названа книга являє собою переказ тієї інформації, яка міститься у творі античного вченого II століття Клавдія Птолемея «Географічний poradnik» з доданням до цього переказу власних міркувань ал-Хуварізмі, що відображували як здобутки арабської науки доби раннього середньовіччя, так і реалії сучасного йому світу. Інформація ал-Хуварізмі про населені пункти досліджуваного регіону, а саме про Борисфен (Ольвію), Євпаторій та Феодосію, обмежена координатними показниками географічного розташування й арабською передачею назв цих міст. У описанні північної берегової лінії Чорного моря зафіксовані лише координати безіменних елементів ландшафту, які у «Географічному poradniku» означені конкретними назвами. Щодо обрисів Кримського півострова, то протяжність цього географічного пункту зі заходу на схід у ал-Хуварізмі є більшою, ніж у Клавдія Птолемея. Дане явище зумовлено тим, що система відліку координат від початкового меридіану ал-Хуварізмі ґрунтується на постійній величині градуса початкового меридіану Землі, яка була визначена вченими Арабського халіфату близько 828 року.

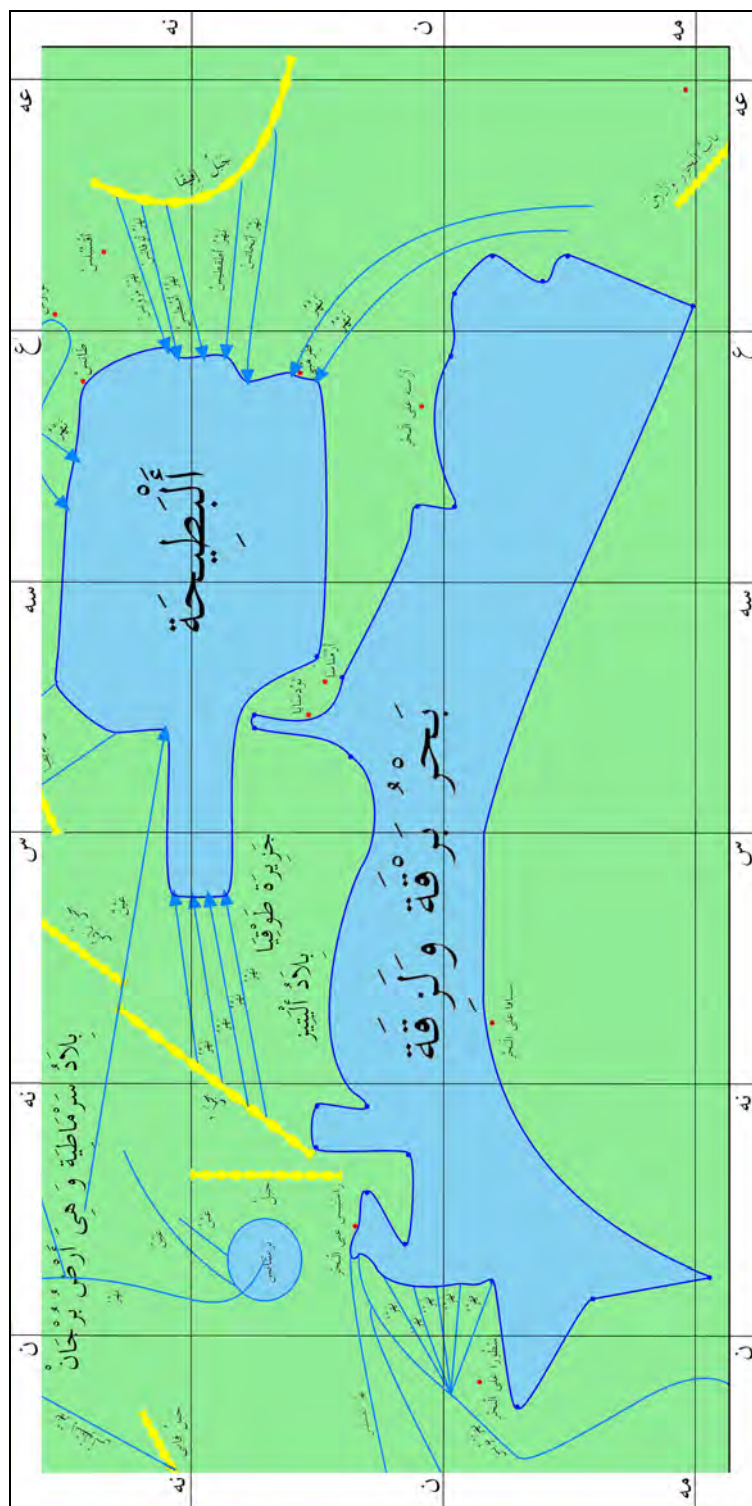
Ключові слова: Чорне море, Кримський півострів, берегова лінія, координати, початковий меридіан, Арабський халіфат, «астрономічний» жанр, писемна традиція, раннє середньовіччя.

З часів стародавності Чорне море являло собою водний басейн, яким забезпечувалися міжцивілізаційні зв'язки античного світу з іраномовним населенням степової смуги Північного Причорномор'я. Відмітними ознаками цього історичного явища були: античний культурний вплив на історичний розвиток тубільних, головним чином кочових, етнічних спільностей, а також тривале співіснування античної полісної форми державного устрою з родоплемінним суспільно-політичним ладом племінних утворень тубільних етносів [2, с. 43–47]. Втім, вторгнення гунів у степи Північного Причорномор'я і на Кримський півострів та подальші пересування кочо-

вих орд зумовили загибель елліністичних державних утворень цього регіону і тимчасовий занепад чорноморської торгівлі. Відновлення активності функціонування торгівельного маршруту, що пролягав уздовж північного узбережжя Чорного моря через портові міста Кримського півострова спостерігається у повідомленнях візантійських писемних документів про ті історичні події, що відбувалися наприкінці VII – на початку VIII століть [31, р. 571]. Але відновлення активних економічних і культурних взаємин між Візантійською імперією, спадкоємницею античної цивілізації, та Північним Причорномор'ям, відбулося у новій етноісторичній ситуації, відмітними ознаками якої були залюднення степової смуги названого регіону тюркськими кочовими ордами, і наявність у його лісостеповій смузі східноєвропейських слов'ян. Тому метою даної наукової праці є здійснення порівняльного аналізу уявлень представників античної й арабської ранньосередньовічних географічних писемних традицій щодо північного узбережжя Чорного моря та Кримського півострова. Остання складова цього порівняльного аналізу являє собою важливий для досягнення визначеної мети інформаційний чинник, самодостатність якого зумовлюється наступними обставинами: 1. Інформація, що міститься у творах географів Арабського халіфату IX – початку X століть, являє собою своєрідний синтез теоретичних засад і практичних знань, що походили як від індійських та персидських астрономічних і космографічних поглядів і біблійської писемної традиції, так і (що є особливо важливим) від античних географічних уявлень [29, s. 157–158; 8, с. 66–74, 87–88; 6, с. 8–10]; 2. Згадану інформацію доцільно уважати за своєрідний «погляд іззовні» на досліджуваний нами регіон, який був створений представниками іншої цивілізації на відмітних від європейської писемної традиції ознаках.

Найбільш раннім за часом свого походження арабським географічним твором, що зберігся до сьогодення, є «Книга картини Землі» / *كِتَابُ صُورَةِ الْأَرْضِ* /, що була написана між 836 і 847 роками математиком, астрономом і географом Абу Джа'фаром Мухаммадом ібн Муса ал-Х'варізмі [3, с. 511–512; 7, с. 195]. Під час правління аббасидського халіфа Абу-л-'Аббаса 'Абдаллаха ал-Ма'муна (813–833 рр.) цей учений був одним із провідних науковців Арабського халіфату. У якості халіфського астролога він працював у науковому центрі, званому «Будинку Мудрості» / *بَيْتُ الْحِكْمَةِ* /, беручи участь у астрономічних дослідженнях щодо вимірювання градуса меридіана Землі та створення карти світу [8, с. 629; 32, р. 358]. На наш час є відомим лише один примірник рукопису названого твору, час написання якого датується 1037 роком. Він був знайдений у Каїрі німецьким орієнталістом Вилкіном Спітта у 1878 році, і вивезений названим дослідником до Європи [8, с. 630–631; 7, с. 195]. До текстів цього примірника додані чотири карти, які, на думку дослідників, являють собою необроблену передачу якоїсь іншої карти [28, s. 161–162]. Згадані карти накреслені схематично, і позбавлені показників широт і довгот.

Після цієї подві «Книга картини Землі» привернула увагу європейських орієнталістів. Зокрема, італійський арабіст Карло Налліно на засадах докладного опрацювання текстів твору ал-Х'варізмі зробив висновок про те, що книга цього автора являє собою переробку «Географічного poradника» / *ἡ γεωγραφικὴ οὐφήγησις* /, написаного античним географом II століття Клавдієм Птолемеєм [30, р. 525–543].

Щодо карт, доданих до тексту «Книги картини Землі», то бельгійський орієнталіст Ернст Хонігманн висловив міркування про те, що ал-Х^уварізм у своєму творі, певно, прагнув поєднати показники карт Клавдія Птолемея з тією картою світу, що була складена в «Будинку Мудрості» за участю самого ал-Х^уварізму [20, s. 123–125, 143–148]. Однак сама ця карта у «Книзі картини Землі» відсутня. Надалі дослідження твору ал-Х^уварізму розвивалися у напрямі систематизації і коментування відомостей про окремі регіони. Зокрема, угорський дослідник Каролі Цегледі опрацював інформацію про Подунав'я [15, s. 46–79]. Німецький орієнталіст Хуберт Дауніхт присвятив свою наукову працю аналізу повідомлень ал-Х^уварізму про ту частину території Азії, яка простягається від Каспійського моря та Індійського океану на заході до Тихого океану на сході [17]. Інший німецький учений, Рейнхард Вібер, проаналізував повідомлення «Книги картини Землі» про області Північно-Західної Європи [34]. Втім, інформація ал-Х^уварізму про північне узбережжя Чорного моря і про Кримський півострів залишилися поза увагою європейських орієнталістів.

«Книгу картини Землі» ал-Х^уварізму доцільно зарахувати до так званого «астрономічного» жанру арабської географічної писемної традиції доби раннього середньовіччя, який був провідним на ранньому етапі розвитку арабської географічної науки (з початку IX століття) [19, s. 111–135]. Ті наукові твори, що належать до названого жанру, являють собою спроби створення астрономоматематичної моделі світу, званої «картиною Землі» / *صُورَةُ الْأَرْضِ* /, особливо її «населеної чверті» / *رُبْعُ الْمَعْمُورِ* /. Тому суттєвою ознакою цих творів є навантаження наведеної в них інформації даними про розташування на поверхні Землі елементів ландшафту, тобто берегових ліній морів і океанів, а також островів і півостровів, рік, озер, гірських пасом, тощо. Згадана обставина зумовила обмеженість змістовного навантаження цієї інформації найменуваннями географічних об'єктів та показниками координат, які визначають їх розташування на поверхні Землі. Зокрема, потрібна нам інформація зосереджена у творі ал-Х^уварізму в таблиці показників координат міст, розташованих у місцевостях, що знаходяться поза сьомим «кліматом» Землі [16, s. 36–37]; у описанні Чорного моря та його північної берегової лінії [16, s. 72]; та у переліку координатних показників розташування великих країн Європи й Азії [16, s. 104–105].

«Книга картини Землі» була написана у той час, коли арабська географічна наука розвивалася на засадах успадкування наукових здобутків античної географії. Тому значна частина джерельного матеріалу, що міститься у названому творі, була запозичена ал-Х^уварізм із «Географічного poradника» Клавдія Птолемея [30, p. 525–543]. Разом з цим автор досліджуваного нами твору успадкував деякі теоретичні засади античної географічної науки, що відображені у творі Клавдія Птолемея [29, s. 163–164; 26, p. 78]. Важливим елементом цього спадку була концепція, згідно з якою моря являють собою затоки того великого Океану, що оточує сушу з усіх боків. Виявлено також прихильність ал-Х^уварізму до версії античних учених про те, що придатною для життя людей є лише четверта частина земної суші. Відображенням цієї прихильності є той факт, що наявна у «Книзі картини Землі» інформація стосується лише того територіального простору, який простягається в довготному напрямі від початкового меридіану до довготи 180°00',

а в широтному напрямі охоплює території, що розташовані поміж широтою 63°00' на північ від екватора, і широтою 15°00' на південь від екватора. Простежується також упровадження птолемейської системи відліку координатних показників географічних пунктів на схід від початкового меридіана, який перетинав «острови Щасливих» / جَزَائِرُ السَّعَادَةِ /, ототожнені з Канарськими островами [24, s. 17–18]. Але «Книга картини Землі» не є звичайним перекладом твору Клавдія Птолемея. Насправді вона являє собою переказ тієї інформації, що міститься в «Географічному пораднику» з доданням до цього переказу власних міркувань ал-Х'варізмї, що відображували як здобутки арабської науки доби раннього середньовіччя, так і реалії сучасного цьому вченому світу.

Розглянуті наукові й світоглядні позиції ал-Х'варізмї явно простежуються у вище згаданому описанні Чорного моря та його берегової лінії. Цей водний басейн являє собою, згідно з названим ученим, шосту, найбільш віддалену в північно-східному напрямі затоку «Океану Навколишнього» / الْمَحِيطُ /. Решта морів / بَحْرُ / співвідносяться з окремими частинами водного простору Середземного моря. Зокрема, перше «море», зважаючи на те, що воно означене назвою розташованого в західній частині південного берега протоки Гібралтар міста Танжер / طَنْجَة /, означає Гібралтарську протоку та прилеглу до неї із сходу частину водного простору Середземного моря [21, cüz 11, s. 702–705]. Найменування другого «моря», являє собою назву Мавританії / مَرْطَنَة / [6, с. 87] і, таким чином, означає ту частину водного простору Середземного моря, яка на півдні обмежена узбережжям Марокко й, імовірно, Західного Алжиру. Третє море означене назвою області, відомої як «Іфрікія» / إِفْرِيقِيَّةُ /, прибережна смуга якої простягалася на схід уздовж гір Атласа, а потім – до плато Кіренаїка [10, с. 11]. Назва четвертого моря співвідноситься з тогочасним найменуванням плато Кіренаїка, а саме «Барка» / بَرْقَة / [18, с. 1048], й, імовірно, відповідає тій частині водного простору Середземного моря, південна межа якого простягалася на схід від затоки Сідро до середземноморського узбережжя Єгипту. Отже, під гідронімом «море Єгипту і Сирії» / بَحْرُ مِصْرَ وَالسَّامِ / розумілася східна частина водного басейну Середземного моря. Висловлено міркування, що в даному випадку назва «море Сирії» означає Мармурове море [24, s. 105]. Виявляється, що кожне із згаданих «морів» означене у «Книзі картини Землі» назвою, відповідною до найменування відомої ал-Х'варізмї місцевості, прилеглої до його узбережжя.

Той самий принцип ал-Х'варізмї застосував і до найменування Чорного моря, означивши цей водний басейн замість грецького найменування «Πόντος» незрозумілою на перший погляд назвою «море Барки і Лазіки» / بَحْرُ بَرْقَة وَلَزِيْقَة /. Що стосується першої складової цієї подвійної назви, а саме «Барка», то вона згадується в переліку морів повторно. Але вірогідним є те, що в даному випадку йдеться не про плато Кіренаїка, а про місцевість, прилеглу до узбережжя саме Чорного моря. Схожим з назвою «Барка» за вимовою є топонім «Іберія» / Ἰβηρία /, який означав область Картлі, тобто територію Східної Грузії [25, s. 175]. Щодо другої складової назви Чорного моря, тобто «Лазіка», то доцільно мати на увазі той факт, що в античних, візантійських, та у вірменських писемних джерелах етнонімом «лази» означалося тубільне населення Колхіди [27, s. 22–24]. Виявляється, що подана у «Книзі картини Землі» назва Чорного моря є відповідною найменуванням країн, які у часи

життя ал-Х^уварізмі або входили до складу володінь Арабського халіфату (Іберія), або були прилеглими до цих володінь (країна лазів) [6, с. 148–149].

Щодо описання північної берегової лінії Чорного моря, то насамперед доцільно зазначити, що координатні показники розташування географічних об'єктів, які знаходилися на північному узбережжі цього водного басейну, відрізняються від тих, що подані у «Географічному порадику» . Дане явище спричинене тим, що відлік усіх координатних показників у ал-Х^уварізмі ґрунтується на постійній величині градуса початкового меридіану Землі, визначеного вченими Арабського халіфату близько 828 року [22, р. 83–88; 33, р. 112–118]. Однак найменування міст, розташованих на північному узбережжі Чорного моря, були запозичені ал-Х^уварізмі безпосередньо із «Географічного порадику» . Зокрема, таблиці показників координат міст, розташованих у місцевостях, що знаходяться поза сьомим «кліматом» Землі, згадані міста «Растіянис на морі» / رَاسْتِيَانِسْ عَلَى الْبَحْرِ /, «Авфатарія на морі» / أَوْفَطْرِيَا /, «Таурсана на морі» / عَلَى الْبَحْرِ ثَاوْرَسَانَا /, і «Арсаса» / أَرْسَاسَا /. Перша із цих назв у творі Клавдія Птолемея позначає античне місто Ольвію, яке також іменувалося «Борисфен» / Ολβια η καί Βορυσθένης / [14, III, 5, 14]. Згадане місто знаходилося на західному березі Бузького лиману, поблизу від місця впадіння останнього в Дніпровський лиман, обіч із сучасним населеним пунктом Парутіно [12, с. 45]. Відсутність у цій назві першої літери «ба» / ب / доцільно пояснити тим, що переписувач твору ал-Х^уварізмі уважав цю літеру за стягнений прийменник «бі», / ب /, який в арабській мові має значення «в», тобто «біля», «при» . Отже, найбільш відповідним грецькому написанню цього топоніму є виправлений варіант, який має вигляд «Барастіянис» / بَرَاْسْتِيَانِسْ /. Другу назву доцільно ототожнити з античним населеним пунктом «місто Євпаторій» / Ευπατορία πόλις / [14, III, 6, 1], яке було засноване, згідно з повідомленням античного географа Страбона (64 р. до н.е. – 23 р. н.е.), у 110 р. до н. е. деє поблизу від Херсонеса Таврійського під час військової експедиції проти скіфів, здійсненої збройними силами Понтійської держави, очолюваної Діофантом, стратегом Мітрідата VI Євпатора [11, VIII, 4, 7; 23, I², 352]. Четверта назва наведена також у описанні берегової лінії Чорного моря, де має форму «Саурсана» / ثَاوْرَسَانَا /. Саме остання форма написання є менше спотвореною, ніж перша. Дійсно, якщо замінити в ній третю літеру «ра» / ر / на літеру «даль» / د /, а сьому літеру «нун» / ن / – на «йа» / ي /, то можна відновити первісний варіант написання даної назви, а саме «Саудісайа» / ثَاوْدِسَايَا / [6, с. 80], який є тотожним топоніму «Феодосія πόλις» Клавдія Птолемея [14, III, 6], і означає місто Феодосію [27, с. 169]. Щодо четвертої назви, то її виправлення є значно складнішим. За образом берегової лінії Чорного моря та за відповідністю даним Клавдія Птолемея найменувань населених пунктів, поданих у «Книзі картини Землі», дана назва співвідноситься з античним «містом Гермонасса» / Ἑρμόνασσα πόλις / [14, V, 8, 8; 27, с. 169], руїни якого знаходяться на східному березі Керченської протоки, на місці сучасної станиці Таманська [5, с. 95, 98]. Дана обставина надає підставу для міркування, що первісна форма написання цього топоніму відновлюється заміною третьої літери «сін» / س / двома літерами – «мім» / م / та «нун» / ن /. У цьому разі первісне написання назви має форму «Арманаса» / أَرْمَنَاسَا /.

Відмітною ознакою описання ал-Х^уварізмі північного узбережжя Чорного моря є те, що цей учений не запровадив до свого твору ті назви географічних пунктів, які наведені у «Географічному пораднику», надавши їм лише координатні показники. Зокрема, географічний пункт, означений координатами: «довгота 61°30' і широта 51°50'», ідентифікується із топонімом Клавдія Птолемея «мис Харакс» / *Χαραξ ακρον* / [14, III, VI, 2] і ототожнюється із мисом Ай-Тодор, який знаходиться на південний захід від міста Ялта в районі селищ Гаспра, Кореіз та Місхор [9, с. 56–57]. На пагорбі того мису знаходяться руїни збудованої римлянами у 63 році фортеці Харакс, яка згадується у творі Клавдія Птолемея серед населених пунктів Кримського півострова [14, VI, 2; 4, с. 254–255]. Наступний географічний пункт, згідно з ал-Х^уварізмі, розташований на північний захід від мису Ай-Тодор, на широті 52°45', є тотожний згаданому Елавдієм Птолемеєм гідроніму «гавань Ктенунт» / *Κτενουρ λιμνη* / [14, III, VI, 1] який належить співвіднести із Севастопольською бухтою, що являла собою один з елементів берегової лінії в районі розташування античного міста Херсонес Таврійський [1, с. 116]. Надалі у «Книзі картини Землі» подані координати: довгота 54°30' і широта 51°30'. Цей географічний пункт, розташований на захід від попереднього, співвідноситься з поданим у «Географічному пораднику» топонімом «мис Парфеній» / *Παρθένιον ακρον* / [14, III, VI, 1]. Згідно зі Страбоном, цей мис знаходився на відстані у 100 стадій, тобто близько 18 кілометрів, від міста Херсонес Таврійський, і в тому місці знаходився храм божества Діви [11, VII, 4, 2]. Грунтуючись на даних про відстань до «мису Парфеній» від Херсонесу Таврійського, ми вважаємо за найбільш імовірну версію, згідно з якою названий мис доцільно ототожнити з мисом Херсонес, що являє собою крайній південно-західний пункт Кримського півострова [13, с. 36]. Згідно з наведеними ал-Х^уварізмі координатами: довгота 53°40' і широта 52°30', наступний географічний пункт, порівняно з попередніми, розташований на захід від реальної Каркінітської затоки. Саме тому він ідентифікований з топонімом «мис Ієрон» / *Ίερον ακρα* /, тобто «Священний мис», інформація про який міститься у творі Клавдія Птолемея [4, III, 5, 3]. Висловлено припущення, що даний мис мав знаходитися в північно-західній частині острова-коси Тендра, де у античні часи існувало святилище, присвячене гомерівському герою Ахіллу [1, с. 122]. Після цього ал-Х^уварізмі, назвавши координатні показники географічного пункту, співвіднесеного з птолемеївським «мисом Місаріс» / *Μύσαρις ακρα* / (здогадно, з якимсь географічним об'єктом, розташованим на острові Фідонісі), повідомив про те, що берегова лінія «повертається» / *يَرْجِعُ* / до довготи 52°45' і широти 51°30'. Наведені у цьому вислові координатні показники доцільно співвіднести з грецьким топонімом «Перешийок Ахіллеос Дромон», тобто «Ахіллів біг» / *ο ἰσθμὸς τοῦ Ἀχιλλέως δρόμου* /, звістки про який міститься у творі Клавдія Птолемея [14, III, 5, 1]. Згаданий географічний пункт ототожнений з реальними островом-косою Тендра та з островом-косою Джарилгач, які розташовані в Каркінітській затоці Чорного моря на південь від Кінбурнського півострова [1, с. 119–123].

Отже, виявляється, що інформація ал-Х^уварізмі щодо античних міст північного узбережжя Чорного моря і Кримського півострова, зокрема Борисфена, Євпаторія, Феодосії та Гермонасси, обмежена лише координатними показниками й арабською

передачею їх назв, поданих у творі Клавдія Птолемея. Зважаючи на те, що Борисфен (Ольвія), Євпаторій і Гермонасса припинили своє існування задовго до часів життя ал-Х^уварізмї, а місто Феодосія в першій половині IX століття вже не відігравало будь-якого значення як торгівельно-ремісничий центр Криму, доцільно уважати, що дана інформація являє собою такі запозичення із тексту «Географічного poradника», які позбавлені будь-якого ототожнення з сучасними ал-Х^уварізмї реаліями. З іншого боку, в описанні північного узбережжя Чорного моря спостерігаються спроби цього вченого звести подану в творі Клавдія Птолемея інформацію у відповідність до реалій сучасного йому світу. Зокрема, у «Книзі картини Землі» зафіксовані лише координатні показники розташування безіменних елементів ландшафту, які у «Географічному poradнику» означені конкретними назвами. На нашу думку, дане явище доцільно пояснити обізнаністю ал-Х^уварізмї щодо відсутності в часи його життя тих населених пунктів й культових споруд, які в часи античності визначали назви згаданих географічних об'єктів північного узбережжя Чорного моря.

Кримський півострів у переліку координатних показників розташування великих країн Європи й Азії означений назвою «[Пів]острів Тавкийя» / جزيرة طوقيا /. Відзначимо, що арабський іменник «джазіра» має два значення, а саме «острів» та «півострів», і тому в даному фрагменті його належить розуміти саме в останньому значенні. Топонім «Тавкийя» ототожнюється зі стародавньою грецькою назвою Кримського півострова, а саме «Таврика» / Ταυρικά /. Втім цей топонім явно спотворений. Для його виправлення треба додати до нього на третю позицію літеру «ра» / ر /, і тоді відновлене правильне арабське написання цієї назви має форму «Таврікийя» / طورقيا /. Отже, виведена форма написання являє собою відносний прикметник, що перекладається як «Таврійський». Тому вельми імовірним є те, що у творі ал-Х^уварізмї міститься лише частка тієї назви Кримського півострова, яка зустрічається в стародавніх грецьких писемних документах, а саме «Херсонес Таврійський» / Χερσονήσου Ταυρικού / [6, с. 148]. Перша частина даного найменування, а саме «Χερσονήσου», має суто географічне значення, тобто «півострів», а друга її частина має походження від етнічної назви «Ταυροί», яка означала племена таврів, що населяли гірську і узбережну зони південної частини Кримського півострова [5, с. 65].

Клавдій Птолемей мав уявлення Херсонес Таврійський як про досить велику територію, що охоплювала узбережжя Чорного моря від Бузького лиману на заході до Керченської протоки на сході, та береги Азовського моря, на якій містяться назви 13-ти географічних об'єктів [14, III, 6, 2]. У часи життя цього вченого на кримському узбережжі розташовувалися 10, а у віддалених від моря місцевостях – 14 міст [14, III, 6, 5]. Отже, повідомлення Клавдія Птолемея про Херсонес Таврійський відображують важливе значення, яке справляв Кримський півострів у економічному та у суспільно-політичному житті античного світу взагалі, і Північного Причорномор'я зокрема, в часи життя названого вченого. Щодо інформації «Книги картини Землі» про «[Пів]острів Тавкийя», то вона значно відрізняється від повідомлень, поданих у «Географічному poradнику». Дійсно, якщо порівняти дані Клавдія Птолемея і ал-Х^уварізмї, то виявляється більша протяжність північної та південної берегових ліній Чорного моря в напрямі зі сходу на захід, і менша довжина східної та

західної берегових ліній цього моря в напрямі з півночі на південь у «Книзі картини Землі» відносно «Географічного poradnika». Ця відмінність була спричинена користуванням ал-Х^уварізмі тією системою відліку координат, що була опрацьована у Арабському халіфаті в часи життя цього вченого. Дана обставина зумовила значні відмінності в обрисах Кримського півострова. Із порівняння координатних показників міст Борисфена і Феодосії, які обмежували територію Кримського півострова відповідно з заходу та зі сходу, виявляється, що різниця у географічному положенні названих міст за довготою в «Книзі картини Землі» складає 10°10', а в «Географічному poradniku» – 6°20' [15, s. 36; 14, III, 5, 14; III, 6]. Таким чином, протяжність Криму з заходу на схід у ал-Х^уварізмі є більшою, ніж у Клавдія Птолемея, на 3°50', і тому в першого із названих авторів контури цього півострова є значно більше простягнутими в довготному напрямі, ніж у другого. Узагалі, змістовне навантаження інформації про Кримський півострів, що міститься у творі ал-Х^уварізмі, є надто мізерним порівняно з «Географічним poradnikom» і має суто теоретичний характер. Дійсно, якщо Клавдій Птолемей перелічив на узбережжі Кримського півострова десять міст, то ал-Х^уварізмі назвав лише одне, а саме Феодосію. Причину згаданого явища ми убачаємо у невідповідності повідомлень Клавдія Птолемея про Кримський півострів реаліям часів життя ал-Х^уварізмі.

Р. С. Визнаючи за обґрунтоване міркування Ернста Хонігманна про те, що «Книга Картини Землі» ал-Х^уварізмі була створена на засадах поєднання тих карт Клавдія Птолемея, що додані до «Географічного poradnika», зі складеною в «Будинку мудрості» так званою «Картою ал-Ма'муна», яка не збереглася до сьогодні, ми уважаємо за доцільне навести комп'ютерну версію фрагменту останньої. Складовими цього фрагменту є досліджувані нами регіон та суміжні з ним місцевості. Відтворення втраченого історичного документу відбувалося на засадах електронного опрацювання координатних показників місць розташування окремих об'єктів північного узбережжя Чорного моря та Кримського півострова, що були наведені в оригінальних текстах «Книги картини Землі» ал-Х^уварізмі.

Список використаних джерел та літератури

1. Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря / М. В. Агбунов; отв. ред. И. Т. Кругликова, Н. А. Хотинский. – М. : Наука, 1987. – 153 с.
Agbunov M. V. Antichnaja locija Chernogo morja / M. V. Agbunov; отв. red. I. T. Kruglikova, N. A. Hotinskij. – Moskva : Nauka, 1987. – 153 s.
2. Багалій Д. І. Схема української історіографії / Д. І. Багалій // Багалій Д. І. Вибрані праці / Д. І. Багалій ; гол ред. В. В. Кравченко. – Харків : Золоті сторінки, 2001. – Т. 2 : Джерелознавство та історіографія історії України. – С. 43–61.
Bagalij D. I. Shema ukraïns'koï istoriografii / D. I. Bagalij // Bagalij D. I. Vibrani praci / D. I. Bagalij ; gol red. V. V. Kravchenko. – Harkiv : Zoloti storinki, 2001. – Т. 2 : Dzhereleznavstvo ta istoriografija istorii Ukraïni. – S. 43–61.
3. Бартольд В. В. Введение к изданию «Худуд ал-алам» / В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения / [пред. ред. кол. Б. Г. Гафуров]. – М. : Восточная литература, 1963 – 1973. – Т. 8 : Работы по источноковедению / В. В. Бартольд; отв. ред. А. С. Тверитинова – 1973. – С. 504–545.
Bartol'd V. V. Vvedenie k izdaniyu «Hudud al-alam» / V. V. Bartol'd // Bartol'd V. V. Sochinenija / [pred. red. kol. B. G. Gafurov]. – Moskva : Vostochnaja literatura, 1963 – 1973. – Т. 8 : Raboty po istochnikovedeniju / V. V. Bartol'd ; отв. red. A. S. Tveritinova – 1973. – S. 504–545.
4. Блаватский В. Д. Харакс / В. Д. Блаватский // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва : Наука, 1951. – № 19. – С. 250–291.

Blavatskij V. D. Haraks / V. D. Blavatskij // *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR*. – Moskva: Nauka, 1951. – № 19. – S. 250–291.

5. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья / В. Ф. Гайдукевич // *Античные города Северного Причерноморья : очерки истории и культуры* / [отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова]. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1955. – С. 23–147

Gajdukevich V. F. Istorija antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ja / V. F. Gajdukevich // *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ja : ocherki istorii i kul'tury* / [otv. red. V. F. Gajdukevich, M. I. Maksimova]. – M. ; L. : izd-vo AN SSSR, 1955. – S. 23–147

6. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата : тексты, перевод, комментарий / Т. М. Калинина ; отв. ред. В. Л. Янин. – Москва : Наука, 1988 – 179 с.

Kalinina T. M. Svedenija rannih uchenyh Arabskogo halifata : teksty, perevod, kommentarij / T. M. Kalinina ; otv. red. V. L. Janin. – Moskva : Nauka, 1988 – 179 s.

7. Коновалова И. Г. Восточные источники / И. Г. Коновалова // *Древняя Русь в свете зарубежных источников* / [отв. ред. Е. А. Мельникова]. – М. : Логос, 1999. – С. 169 – 258.

Konovalova I. G. Vostochnye istochniki / I. G. Konovalova // *Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov* / [otv. red. E. A. Mel'nikova]. – Moskva: Logos, 1999. – S. 169 – 258.

8. Крачковский И. Ю. Математическая география у арабов (от ал-Хоризми до Улугбека) / И. Ю. Крачковский // *Научное наследство: естественно-научная серия* / [отв. ред. С. И. Вавилов; ред. А. М. Деборин, Х. С. Коштоянц]. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 625–652.

Krachkovskij I. Ju. Matematicheskaja geografija u arabov (ot al-Horizmi do Ulugbeka) / I. Ju. Krachkovskij // *Nauchnoe nasledstvo: estestvenno-nauchnaja serija* / [otv. red. S. I. Vavilov; red. A. M. Deborin, H. S. Koshtojanc]. – M. ; L. : izd-vo AN SSSR, 1948. – T. 1. – S. 625–652.

9. Масленников А. А. Харакс / А. А. Масленников // *Античные государства Северного Причерноморья* / [отв. ред. Г. А. Кошеленко]. – М. : Наука, 1984. – С. 56–57

Maslennikov A. A. Haraks / A. A. Maslennikov // *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ja* / [otv. red. G. A. Koshelenko]. – M. : Nauka, 1984. – S. 56–57

10. Семенова Л. А. Из истории фатимидского Египта / Л. А. Семенова; отв. ред. Л. И. Надирадзе. – М. : Наука, 1974. – 264 с.

Semenova L. A. Iz istorii fatimidского Egipta / L. A. Semenova; otv. red. L. I. Nadiradze. – M. : Nauka, 1974. – 264 s.

11. Страбон. География. В семнадцати книгах / [ред. С. Л. Утченко, пер. с греческого Г. А. Стратановского, ред. перевода О. О. Крюгер]. – Л. : Наука, 1964. – 943 с., 7 л. карт.

Strabon. Geografija. V semnadcati knjigah / [red. S. L. Utchenko, per. s grecheskogo G. A. Stratanovskogo, red. perevoda O. O. Krjucer]. – L. : Nauka, 1964. – 943 s., 7 l. kart.

12. Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье / Д. Б. Шелов; отв. ред. В. Д. Блаватский. – Москва: АН СССР, 1956. – 195 с.

Shelov D. B. Antichnyj mir v Severnom Prichernomor'e / D. B. Shelov; otv. red. V. D. Blavatskij. – Moskva: AN SSSR, 1956. – 195 s.

13. Щеглов А. Н. Полис и хора / А. Н. Щеглов ; ред. С. Н. Бибикив. – Симферополь: Таврия, 1976. – 175 с. (Серия : «Археологические памятники Крыма»).

Shhegllov A. N. Polis i hora / A. N. Shhegllov ; red. S. N. Bibikov. – Simferopol': Tavrija, 1976. – 175 s. – (Serija : «Arheologicheskie pamjatniki Kryma»).

14. Czeglédy K. Die Karte der Donaulandschaftsgruppe nach al-Huwarizmi / von K. Czeglédy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1950 – Т. 1. – Fascicle I. – S. 46–79.

15. Das Kitab surat al-ard des Abu Ġa'far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi / [herausgegeben nach dem handschriftlichen Unicum der Bibliothèque de l'Université et régionale in Strassburg (cod. 4247) von Hans v. Mžik] // *Bibliothek arabischer Historiker und Geographen* / [herausgegeben von Hans v. Mžik]. – Leipzig: Verlag «Walter de Gruyter und Co.» . – Band 3. – 162 s.

16. Daunicht H. Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarizmi's. Beiträge zur Historische Geographie und Gerschichte Asiens / von H. Daunicht. – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität, 1968. – Band. 1: Rekonstruktion der Karte, interpretation der karte. – 496 s., eine karte.

17. Despois J. Barka / by J. Despois // *The Encyclopaedia of Islam : a dictionary of the geography, ethnography and biography of the muhammadan peoples*. New edition / [edited by J. H. Kramers. Prepared by a

number of leading orientalists. Under the patronage of the International union of the academs]. – Leiden : Verlag von E. J. Brill; London: Luzac. – 1954–1993. – Vol. 3. – Fascicle 17. – P. 1048–1050.

18. Honigsmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen und armenischen Quellen / von Ernst Honigsmann. – Bruxelles: Palais des academies, 1935. – 269 s.

19. Honigsmann E. Die sieben Klimata und die *πολεξε επισημο*; Eine Unters. zur Geschichte und Astrologie im Alterum und Mittelalter. Mit Unterstützung der Notgemeinschaft der dt. Wiss und des Forschungsinstit für Geschichte der Naturwiss / von Ernst Honigsmann. – Haidelberg: Winter, 1929. – 247 s.

20. Islam Ansiklopedisi. İslâm âlemi tarih, coğrafya ve biyografya lugati. / [maarif vekâletinin karazî üzerine İstanbul üniversitesi Edebiyat fak. A. Adivar, R. Arat, A. Ameş, C. Baysun, B. Darkot tarafından Leyden tab'î esas tutularak telif, tâdil, ikmâl ve tercüme sureti ile neşredilmiştir]. – İstanbul: Maarif barimesi, 1942 – 1950. – Cilt 2. – Cüz 11–20: 'Ambara – Dürürgüm-mid. – 846 s., 19 ill., map.

21. King D.A. Kibla 2. Astronomical Aspects // The Encyclopaedia of Islam : a dictionary of the geography, ethnography and biography of the muhammadian peoples. New edition / [edited by J. H. Kramers. Prepared by a number of leading orientalists. Under the patronage of the International union of the academs]. – Leiden : Verlag von E. J. Brill; London: Luzac. – 1954–1993. – Vol. 5. – Fascicle 79/80. – P. 83–88.

22. Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latine / B. Latyshev. – San-Pietroburgo: Comissionnaires de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Pétersbourg, 1896. – Volumen I. – Edited 2. – 524 p.

23. Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny / T. Lewicki; pod redakcją Gerarda Labudy. Z prac Kierownictwa Badań nad Początkami Państwa Polskiego (1949–1953) i Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk (1954). – T. 1. – Wrocław ; Kraków : wydawnictwo polskiej Akademii nauk, 1956. – 383, XIV s.

24. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca. 840–940). – Leipzig : Dieterich, 1903. – L. 557 s.

25. Mieli A. La science arabe et son rôle dans l'évolution scientifique mondiale / [par Alto Mieli; avec quelques additions de Henri-Paul-Joseph Renaud, Max Meyerhof, Julius Ruska. – Leiden : Verlag von E. J. Brill, 1938. – XIX, 388 p.

26. Minorsky V. A. Laz / von V. A. Minorsky // Enzyklopaedie des Islam : geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker / [herausgegeben von M. Houtma, A. J. Wensinck, W. Heffening, H. A. R. Gibb, E. Levi-Provençal]. – Leiden ; Leipzig : Verlagsbuchhandlung von dem E. J. Brill und Otto Harrossowita, 1908 – 1936. – Band III. – S. 22–24.

27. Mžik H. Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der «Γεωγραφικὴ ὑφήγησις» des Klaudios Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi / von H. Mžik // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes / [herausgegeben von V. Christian, W. Czermar, H. Junker, P. Kretschmer]. – Wien: Selbstverlag des orientalistischen institutes der universität, 1936. – Band 43. – № 3/4. – S. 161–193.

28. Mžik H. Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geographen / von H. Mžik // Der Islam: zeitschrift für Geschichte und kultur des islamischen orientes / herausgegeben von C. H. Bekker in Berlin und H. Ritter in Hamburg. – Berlin ; Leipzig : Verlag «Walter de Gruyter und Co.», 1915. – Band 6. – Heft 2–5. – 335 s.

29. Nallino C. A. Raccolta di Scritti editi e inediti, V / Nallino C. A. // Astrologia, astronomia, geografia / [a cura di Maria Nallino]. – Roma: Publisazipni dell 'Istituto per l'Oriente, 1944. – P. 525–558.

30. Theophanis Chronographia / [ex recensione Joannis Classeni] // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / [editio emendatio et copiosior, consilio B. G. Niebuhr. Opera eiusdem Niebuhr. J. Bekkeri, L. Schopeni, G. Dindorfii. Aliorumque philologorum parata]. – Bonnae: Impensis E. Weberi, 1828–1898. – Vol. 1. – № 2. – 1839. – LIV, 786 p.

31. Toomer C. J. Al-Khwarizmi, Abu Ja'far Muhammad ibn Musa / C. J. Toomer // Dictionary of Scientific Biography / by Charles Coulston Gillispie, American consil of learned societies. – Vol. 7: Iambichus – Karl Landsteiner. – New-York : Seibner, 1973. – XII, 625 p.

32. Watt W. M. Muhammad: Prophet and statesman / by W. Montgomery Watt. – London : Oxford university press, 1961. – VIII, 250 p.

33. Wieber R. Nordwesteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Ptolemäischen Geographie von Muhammad B. Musa al-Hwarizmi / Von Reinhard Wieber. – Walldorf ; Hessen : Vorndran, 1974. – 141 s.

Крюков В. Г. Представление о северном побережье Черного моря и о Крымском полуострове арабского ученого первой половины IX в ал-Х'варизми / В. Г. Крюков // Ученые записки Таврического

национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 37–48.

Исследование содержит анализ сведений об очертании береговой линии северного побережья Черного моря и Крымского полуострова, а также о расположенных в этом регионе населенных пунктах и других географических объектах, которые содержатся в наиболее раннем по времени возникновения (первая половина IX столетия) сочинении «астрономического» жанра арабской географической письменной традиции периода раннего средневековья, «Книга картины Земли», написанном математиком, астрономом и географом Абу Джа'фаром Мухаммадом ибн Муса ал-Х'варизми. Определено, что названная книга представляет собою изложение той информации, которая содержится в сочинении античного ученого II столетия Клавдия Птолемея «Руководство по географии» с дополнением этого изложения собственными соображениями ал-Х'варизми, которые отображали как достижения арабской науки периода раннего средневековья, так и реалии современного ему мира. Информация ал-Х'варизми о населенных пунктах исследуемого региона, а именно о Борисфене (Ольвии), Евпатории и Феодосии, ограничена координатными показателями географического расположения и арабской передачей названий этих городов. В описании береговой линии Черного моря зафиксированы лишь координаты безымянных элементов ландшафта, которые в «Руководство по географии» обозначены конкретными названиями. Что касается очертания береговой линии Крымского полуострова, то протяженность этого географического пункта с запада на восток у ал-Х'варизми большая, нежели у Клавдия Птолемея. Данное явление обусловлено тем, что система отсчета координат от начального меридиана ал-Х'варизми основана на постоянной величине градуса начального меридиана Земли, которая была вычислена учеными Арабского халифата около 828 года.

Ключевые слова: Черное море, Крымский полуостров, береговая линия, координаты, начальный меридиан, Арабский халифат, «астрономический» жанр, письменная традиция, раннее средневековье.

Kryukov V.G. The notions on northern coast of the Black Sea and the Crimean peninsula of Arabic scientist of the first half of the IX century al-H'warizmi / V.G. Kryukov Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 37–48.

The research is devoted to the analysis of accounts about outline of the northern coastline of the Black Sea and Crimean peninsula, as well as about antique settlements and another geographical objects located in this region represented in the work of «astronomical» genre of Arabic geographical written tradition during the Early Middle Ages «The Book of the Picture of the Earth» by the mathematician, astronomer and geographer of the first half of the IX century Abu Dja'far Muhammad ibn Musa al-H'warizmi. This work is al-H'warizmi's revision of the larger work «The Geographical Manual» by the ancient geographer and erudite of the II century Claudius Ptolemaios with regard to the achievements of Arabian geographical science within the period of the early Middle Ages and realities of the first half of the IX century. The information al-H'warizmi abo-ut antique settlements of this region, videlicet Borisfen (Olvia), Eupatorius and Feodosia is contains only co-ordinate indexes of the geographical location and Arabian spelling of these settlements. Furthermore, there are no denominations geographical objects located on the northern sea coast of the Black Sea in «The Book of the Picture of the Earth» available in «The Geographical Manual». The author explains this fact by al-H'warizmi's knowledge of absence of those antique settlements and buildings for public worship during the life time of this Arabian erudite which determined of these geographical points in the time of antiquity. Besides, in «The Book of the Picture of the Earth» the configuration of the water space of the Black Seais more lengthened in the direction of longitude, therefore the Crimean peninsula is more extensive from the west to the east. This aspect of al-H'warizmi's reconsideration of Claudius Ptolemaios information was founded on the fact that this Arabian erudite employed for his research a completely different frame of reference from the prime meridian of co-ordinate locations of geographical objects on the Earth surface. The origin and use of this frame of reference in the geographical researches became possible when erudites of the Arabian caliphate made calculations of degree of the prime meridian about 828 year.

The keywords: Black Sea, Crimean peninsula, coast line, co-ordinates, prime meridian, Arabian caliphate, «astronomical» genre, written tradition, Early Middle Ages.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. В. Ю. Ганкевич

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

УДК 94+63.006(477)(1-078) «1941–1944»

ОСОБЛИВОСТІ ОКУПАЦІЙНОЇ ПОЛІТИКИ ЩОДО СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА В АДМІНІСТРАТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНИХ ОДИНИЦЯХ УКРАЇНИ 1941–1944 рр.

Левченко Ю. І.

*Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова, Київ, Україна
E-mail: hscj@i.ua*

Зроблено спробу аналізу стану сільського господарства в адміністративних утвореннях на території окупованої України німецькими та румунськими окупантами. Виявлені спільні та відмінні риси щодо стану сільського господарства, його реформування окупантами, засобів вилучення сільськогосподарської продукції тощо.

Ключові слова: нацистська Німеччина, Румунія, Україна, сільське господарство, зона військової адміністрації України, Рейхскомісаріат «Україна», дистрикт «Галичина», губернаторства «Буковина», «Бессарабія», «Трансністрія».

ВСТУП

Дослідження стану сільського господарства окупованої України в 1941–1944 рр. одне із важливих питань сучасної історичної науки. Свідченням цього є безліч наукових статей та сотні монографій в яких піднімається зазначена проблема. Однак, не дивлячись на значний науковий доробок, розкриття стану сільського господарства розглядається тенденційно, зазвичай зводяться до тези, що німецькі окупанти прагнули якнайбільше вивезти з України сільськогосподарської продукції для забезпечення вермахту на «східному фронті» та її поставок для цивільного населення Третього рейху. При цьому, на другий план відходить сільськогосподарська політика Румунії в губернаторствах «Бесарабія», «Буковина», «Трансністрія», а питання відмінності стану сільського господарства в німецьких окупаційних одиницях – дистрикт «Галичина», Рейхскомісаріат «Україна» та «зони військової адміністрації» взагалі не піднімається. Утворені німецькими та румунськими загарбниками на території Української РСР адміністративно-територіальні одиниці мали різні форми управління, а тому становище сільського господарства в них мало специфічні особливості. На жаль зазначена проблема до цього часу не досліджена. Це пояснюється заідеологізованістю цієї теми в радянський період та розкриття її в одному напрямку – дослідження завданих збитків, тяжке становище селян та їх рабська праця на окупантів. Все це утвердило стереотип про однакове становище сільського господарства під час режиму окупації на захопленій території Радянського союзу, в тому числі і Українській РСР. Нажаль сучасна українська історична наука ще не повністю позбулась радянських стереотипів у розкритті цієї проблеми.

Дослідження німецької та румунської окупаційної влади щодо використання сільського господарства загарбаної і розділеної на частини України почалося ще в роки війни, коли до рук радянських науковців потрапили трофейні документи. Дослідження цього часу виходили переважно у вигляді брошур і мали пропагандистсько-

описовий характер. Це були праці О. Леонтєва, Л. Новиченко, З. Шульги, Є. Ярославського та ін [1]. Після звільнення території України в 1944 р. з'явилися дослідження створені на основі діяльності Надзвичайної Державної Комісії з розслідування злочинів окупантів, присвячені окремим регіонам України - Харківщини, Київщини, Полтавщини, Львівщини, Одещини в роки окупації [2]. Вони першими намагалися показати особливості сільського господарства цих областей під «пануванням» німців та румунів. Однак, їх висновки зводились до підрахунку збитків у сільському господарстві. Наступним періодом є 50-80-ті роки ХХ ст. В цей час були опубліковані більш ґрунтовні дослідження з цієї проблеми, а саме: Ю. В. Арутюняна, С. П. Лаути, М. М. Загоруйка, А. Ф. Юденкова, Н. И. Сініциної, В. Р. Томіна, П. С. Дишлевого та багатьох інших [3]. Виключно за радянською концепцією, вони розглядали політику окупантів щодо сільського господарства акцентуючись на її експлуататорському характері. Тільки із здобуттям Україною незалежності на початку 90-х рр. ХХ ст. починається дослідження окремих аспектів вказаної проблеми, що до цього були заборонені: лояльне ставлення селян до окупаційної влади, засоби впливу окупантів на селян, особливості сільськогосподарської політики в різних частинах України та багато інших. В цей час з'являються праці: А. А. Аникеева, І. А. Байраківського, В. І. Лаврищука, І. М. Романюка, О. В. Потельчака, М. Слободянюк та ін [4]. З останніх праць, що з'явилися на початку ХХІ с., слід виділити дослідження: Н. М. Глушенка та С. І. Власенка присвячені сільському господарству в Рейхскомісаріаті «Україна» та «зони військової адміністрації», а також працю О. Г. Перехреста присвячену сільському господарству періоду Другої світової війни [5].

Вищенаведене свідчить, що цілісного дослідження, присвяченого питанням вивчення особливостей становлення сільського господарства в окремих окупаційних утвореннях України не відбувалося.

Саме тому для розкриття цього питання автор ставить перед собою наступні завдання:

- 1) Розкрити особливості та відмінності становлення сільського господарства у окремих окупаційних одиницях створених на території України під контролем Третього рейху та Румунії.
- 2) Порівняти політику німецьких та румунських окупантів в адміністративно-територіальних одиницях щодо використання сільського господарства.

1. ПЛАНИ НІМЕЧЧИНИ ТА РУМУНІЇ ЩОДО ВИКОРИСТАННЯ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА УКРАЇНИ НАПЕРЕДОДНІ ВІЙНИ

Плани необхідності захоплення України, використання її сільськогосподарського та сировинного потенціалу з метою власного економічного й продовольчого зміцнення, нацистська верхівка розробляла з перших днів утвердження при владі [6, арк. 117, 121; 7, с. 170; 8, с. 114]. Теоретичне обґрунтування політики експансії та використання природних багатств окупованих територій утвердилось протягом 1933–1939 років. Остаточне вирішення питання використання сільського господарства України було зроблене 1941 році. Це засвідчує директива під назвою: «Основні напрямки політики щодо України». За її положеннями після «війни на Сході» вона мала перетворитися на «житницю» Європи, тобто Третього рейху [8, с. 116; 9,

арк. 132]. Однак, на час війни Україні відводилась більш скромна роль - продовольчої та сировинної бази для забезпечення Німеччини і вермахту [10, с. 31].

Зовсім іншою була ситуація в Румунії. Справа в тому, що до початку Другої світової війни вона взагалі не мала жодних причин воювати проти СРСР і тому не мала будь-яких планів щодо використання сільськогосподарських потужностей України. Все змінилось після радянського ультиматуму від 26 червня 1940 р., за яким королівська Румунія була змушена передати СРСР Бессарабію та Північну Буковину. Тоді ж Північна Буковина була реорганізована в Чернівецьку область, а Південна Бессарабія в Ізмаїльську область які в тому ж році були включені до складу Української РСР. З приходом до влади І. Антонеску та встановлення його диктаторського режиму Румунія приєдналась до країн антирадянського блоку на чолі з Третім рейхом, що беззаперечно вплинуло на її участь у війні проти СРСР. Домовленість про участь Румунії у цій війні була досягнута під час зустрічі А. Гітлера та І. Антонеску в травні 1941 року. За це фюрер обіцяв не перешкоджати Румунії повернути втрачені у 1940 р. території [11, с. 524]. Повернувшись в Бухарест, І. Антонеску розпочав підготовку до нападу на СРСР. В травні – червні 1941 р. відбулись міністерські засідання на яких обговорювалися питання її підготовки, включення територій Бессарабії та Буковини до «старого королівства», а також захоплення на території противника сільськогосподарського врожаю і використання його для подолання продовольчої кризи в Румунії, що розпочалась з початком Другої світової війни [11, с. 527]. Отже, початкові румунські плани з використання продовольчого потенціалу, в тому числі й сільськогосподарства, не були такими одіозними, як німецькі й зводились до задоволення негайних продуктивних потреб румунської держави.

2. ГРАБУНОК СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА ПІД ЧАС ЗАХОПЛЕННЯ УКРАЇНИ

Відзначимо, що з перших днів перебування німецьких військ на території України розпочалась тотальна реквізиція з українських колгоспів та радгоспів уцілілих запасів сільськогосподарської продукції врожаю 1941 р. та конфіскація продуктів харчування в селян. Реквізиції відбувалися на підставі наказу «Про постачання військ» від 16 червня 1941 р., в якому говорилося: «війська повинні жити за рахунок місцевого сільського господарства» [12, с. 123–124]. Відповідно до цього, реквізиції відбувалися через видання німецькими офіцерами спеціальних росписок, які «гарантували» власникам відшкодування їх вартості після завершення війни [13, арк. 4]. За даними А. А. Аникеева: «З 1266 тис. т. реквізованого нацистами зерна з території СРСР 949 тис. т. було риквізовано з території, підконтрольній групі армій «Південь» [14, с. 127]. Окрім реквізицій відбувався відкритий грабунок сільськогосподарської продукції, що був «легалізований» «Інструкцією по конфіскації майна у противника», за якою солдати мали право вилучити у місцевого населення «продукти харчування в межах особистої потреби» [14, арк. 4]. За даними М. В. Ковалю: «До вересня 1941 р. від солдатів та офіцерів «східного фронту» у різні міста Німеччини надійшло 11 600 ти. посилок з продовольством, що було відібране в українських селян» [15, с. 221].

Подібною була ситуація на тих територіях, які захоплювалися і підлягали румунським окупантам. В спеціальних інструкціях, які бухарестська влада надавала румунському генеральному штабу, говорилося, що «Нічого не буде привезено із Румунії, війська повинні забезпечуватися за рахунок тих територій, на яких вони знаходяться» [16, с. 164]. З цього приводу керівник штабу генерал Мазаріні в перші дні війни видав наказ наступного змісту: «Необхідно із місцевих ресурсів задовольняти потреби армії: брати на місці все, що потрібно, все що є, брати без церемоній...» [17, с. 178]. Подібні накази швидко поширились по румунських арміях. Наприклад, полковник Ніколеску наказував: «Хліб, худоба, птиця – все це має бути реквізовано у населення для армії. У кожному будинку необхідно проводити обшук та забирати все без залишку» [18, с. 51]. Не можливо встановити точну кількість награбованої сільськогосподарської продукції румунською армією під час захоплення південно-західної України. Таке становище було викликано двома факторами. Перший обумовлений діями німецьких військово-економічних органів, які першими «конфісковували» все необхідне для продовження війни. Другий фактор є той, що румуни намагалися приховати від німців кількість привласненої сільськогосподарської продукції. Відповідно до цього, повного обліку награбованої сільськогосподарської продукції румунськими загарбниками не могло бути [16, с. 305].

3. РЕФОРМУВАННЯ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА

Захопивши Українську РСР німецькі та румунські загарбники розчленували її, утворивши ряд адміністративно-територіальних одиниць: дистрикт «Галичина», Рейхскомісаріат «Україна», «зону військової адміністрації» – під керівництвом Німеччини і три губернаторства: «Бессарабія», «Буковина» і «Трансністрія» – під управлінням Румунії.

Відповідно до вказаного поділу на адміністративно-територіальні одиниці відбувалось реформування сільського господарства. На думку автора, реформування сільського господарства було схожим в Рейхскомісаріаті «Україна» та «зоні військової адміністрації». Так, воно пройшло в цих окупаційних одиницях три спільні етапи. Перший хронологічно визначається від жовтня 1941 р. до 19 лютого 1942 р. Це період коли на захопленій німцями території України колгоспно-радгоспна система була тимчасово збережена під німецьким управлінням [14, с. 139]. Другий – від 19 лютого 1942 р. до 3 червня 1943 рік. – етап реформування сільського господарства на підставі «Закону про новий земельний лад». Він декларував перехід від колективного до індивідуального землеволодіння, пройшовши п'ять фаз: «реорганізація» колгоспу в громадське господарство; перехід громадського господарства в хліборобську спілку; відокремлення індивідуальних приватних господарств від хліборобської спілки. Радгоспи в свою чергу перетворювалися в державні маєтки [19, арк. 64; 20, арк. 4–10]. Однак, суттєвих змін в сільському господарстві не відбулося в силу того, що бажана реформа досягла тільки свого другого етапу – створення хліборобських спілок, що за своєю суттю та способом господарювання зовсім не відрізнялася від сталінської колгоспної системи. В окремих районах рейхскомісаріату «Україна» в 1943 р. з метою пропаганди «земельного закону» були створені селянські індивідуальні господарства, але вони існували не довго в силу швидкого звільнення загарбаної території радянською армією в 1943–1944 рр. Третій охоплював

рамки від 3 червня 1943 р. до повного звільнення території України. В цей період діє «Декларація про власність», яка передбачала введення індивідуальної приватної власності на землю для українських селян [21, арк. 7–11; 22, арк. 1]. Проте, наступ радянської армії та відносно швидке визволення української території від окупації зробили неможливим реалізацію здійснення положень цієї «Декларації».

В дистрикті «Галичина», який в серпні 1941 р. став частиною «Польського» Генерал-губернаторства, колгоспно-радгоспна система була ліквідована в перші місяці появи цивільної адміністрації. Відповідно до цього, земля колгоспів проголошувалась власністю уряду Генерал-губернаторства та передавалась селянам в тимчасове користування [23, арк. 21]. В свою чергу, радгоспи були перетворені за «польським» зразком на лігеншафти [24, арк. 6].

Адміністративно-територіальні одиниці «Бессарабія», «Буковина» і «Трансністрія», що перебували під владою Румунії, в сфері сільського господарства мали свої особливості. Так, в губернаторствах «Буковина» і «Бессарабія», що в листопаді 1941 р. безпосередньо увійшли до складу Румунії відновлювалися «старі порядки», що існували до 28 червня 1940 р. Тут, були ліквідовані всі «соціалістичні перетворення», в тому числі й колгоспно-радгоспна система. Бухарестська влада продовжила аграрну політику 1918–1940 рр. – відновила приватну власність на землю і повернула дрібним, середнім та великим землевласникам експропрійовані за радянської влади землі [25, с. 196–197; 26, с. 181].

Особливим було становище сільського господарства в губернаторстві «Трансністрія», навідміну від губернаторств «Бессарабія» та «Буковина», тут «реформування» відбувалося за німецьким зразком. В осені 1941 р. колгоспно-радгоспна система була збережена під контролем румунської влади [27, арк. 1–3]. Пізніше, наказом губернатора від 14 березня 1942 р. колгоспно-радгоспна система ліквідовувалась. Відповідно до цього, колгоспи були поділені на господарства середньої величини під назвою «трудова громада», без права власності селян на землю [28, арк. 11, 21]. Радгоспи перетворювались на «державні маєтки». Нарешті 15 червня 1943 р. І. Антонеску підписав декрет відповідно до якого селяни отримували землю у приватну власність. Наказом 6 жовтня 1943 р. роз'яснювалось, що землю у приватну власність отримають ті селяни, які входили до «трудових громад» [29, с. 417.] Таке становище можна пояснити тільки тим, що під час підписання угоди в м. Бендери Румунія отримувала цю територію тільки в тимчасове управління [30, с. 768].

4. ОРГАНИ УПРАВЛІННЯ СІЛЬСЬКИМ ГОСПОДАРСТВОМ

Керівництво економікою, а у її числі й сільським господарством, в захоплених радянських територіях було доручене наказом А. Гітлера 29 червня 1941 р. рейхсмаршалу Г. Герінгу, як уповноваженому по чотирірічному плану. Для керівництва окупованою частиною радянської економіки в зоні військової адміністрації вермахту створювався та діяв «Східний штаб», який займався впровадженням «в життя» економічних наказів рейхсмаршала на підконтрольній території. Він складався з господарських груп, що відповідали за різні напрямки економіки – промисловість, сільське господарство, лісове господарство та ін. Сільськогосподарська група отримала назву «La». До її компетенції входило керівництво сільським господарством та заготівля сільськогосподарської продукції. В тилкових районах груп армій (саме в

них протягом 1941–1943 рр. перебували східноукраїнські області, що не увійшли до складу Рейхскомісаріату «Україна») діяли господарські інспекції, які виконували розпорядження «Східного штабу». В свою чергу їм підпорядковувалися господарські команди. Вони отримували накази від господарчих інспекцій та відправляли їх для впровадження «в життя» німецьким обласним сільськогосподарським комендатурам на чолі з сільськогосподарським фюрером. Він на основі отриманих наказів видавав розпорядження обласним сільськогосподарським управам. Далі накази надходили до окружної управи, якій підпорядковувалися районні сільськогосподарські управи, останнім в свою чергу були підзвітні старости та управляючі громадських та державних маєтків [31, с. 8–9].

В цивільних окупаційних одиницях керівництво сільським господарством покладалося на відділи, директорії та директорати, які входили до складу адміністративних апаратів Рейхскомісаріату «Україна», дистрикту «Галичина» та губернаторств: «Трансністрія», «Буковина», «Бессарабія». Так, в Рейхскомісаріаті «Україна» відділ сільського господарства входив до складу господарського управління рейхскомісаріату, аналогічне управління та відділ мало міністерство окупованих східних територій на чолі з А. Розенбергом, яке фактично контролювало рейхскомісаріат [32, с. 91; 33, арк. 15]. На основі наказу фюрера від 17 липня 1941 р. військовий економічний апарат Г. Герінга та цивільне управління А. Розенберга були змушені співпрацювати [30, с. 766]. Тому, Е. Кох в економічних питаннях юридично був їм підпорядкований але фактично керував рейхскомісаріатом на власний розсуд, посиляючись на накази фюрера. В дистрикті «Галичина» також існував відділ сільського господарства, що входив до управлінського апарату губернатора, який підпорядковувався відповідному відділу уряду Генерального-губернаторства. Незважаючи на те, що захоплені Третій рейхом польські території в 1939 р., були реорганізовані в Генерал-губернаторство, контроль за економікою цієї окупаційної одиниці здійснював німецький уряд, тому управління сільським господарством здійснювало міністерство сільського господарства та продовольства нацистської Німеччини [34, арк. 5; 35, с. 97]. У губернаторствах «Бессарабія» та «Буковина» до управлінського апарату губернатора входила директорія сільського господарства, а в «Трансністрії» – директорат агрокультури і економіки. Вони через «Військово-цивільний кабінет для адміністрації Бессарабії, Буковини, Трансністрії» підпорядковувалися румунському уряду. Відповідно до цієї вертикалі підпорядкованості міністр сільського господарства Румунії мав право втручатися в керівництво сільським господарством цих губернаторств [36, арк. 1; 37, с. 161].

Не зважаючи на різні «вищі» інстанції по керівництву сільським господарством в цивільних адміністративно-територіальних одиницях, безпосереднє управління сільським господарством було покладено на нижчі ланки адміністративного апарату. Так, в Рейхскомісаріаті «Україна» – це були сільські старости і управляючі громадських господарств, дистрикті «Галичина» – волосний старійшина та сільський голова, губернаторствах «Буковина» та «Бессарабія» – примар, «Трансністрії» – сільський староста. Всі вони впроваджували «в життя» накази вищих посадових чинів окупаційної адміністрації.

5. ЗАГОТІВЕЛЬНА ПОЛІТИКА І ЗАСОБИ ВИЛУЧЕННЯ СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКОЇ ПРОДУКЦІЇ

Важливою складовою режиму окупації на території України була заготівельна політика. За рахунок поставок сировини та продовольства з окупованих територій, Третій рейх планував продовжувати військові дії та водночас забезпечувати власне населення продуктами харчування. Щорічно із окупованих східних областей нацисти планували вивозити 10–11 млн. т. зерна, близько 40 тис. т рослинної олії, 1 млн. т жмихів, понад 240 т. цукру велику кількість м'яса та інших продуктів. Більшу половину цієї продукції мала поставляти Україна. Покращити свої справи за рахунок захоплених південно-західних районів України планувала Румунія. Так, для діючих на «східному фронті» військових частин командування, щорічно розраховувало одержувати з української території 94 500 т пшениці, 311 000 т фуражу, 206 500 т кормів для коней, 135 500 т картоплі [10, с. 32]. Все це всвідчить про те, що забезпечення сільськогосподарською продукцією було одним із головних для німецьких та румунських окупантів. Тому, ними були вироблені різні спеціальні засоби вилучення сільськогосподарської продукції.

Засоби вилучення продуктів у кожній з адміністративно-територіальних одиниць мали свої неповторні особливості. Наприклад, в Рейхскомісаріаті «Україна» таким засобом стала здача контингенту – обов'язкових норм постачання продукції аграрного виробництва. Однак, його сталих норм в Рейхскомісаріаті не існувало. Як стверджує дослідниця Н. М. Глушенюк: «Згідно до розпоряджень Коха до генерал-комісарів відхилення від контингенту допускалося тільки в сторону збільшення» [38, с. 140]. Окрім, здачі контингенту цивільною адміністрацією практикувалось вилучення продукції з хліборобських спілок, сплата податків та оренди сільськогосподарськими продуктами, податок за обмолот зерна за яким половина помеленого зерна здавалась окупаційній владі, одноразові конфіскації певних видів продуктів та інші допоміжні засоби вилучення.

В «зоні військової адміністрації» основним засобом вилучення були – «державні поставки» сільськогосподарської продукції. Їх види та розміри в окремих районах і населених пунктах цієї окупаційної одиниці були різними. За даними І. С. Власенко, їх характерною рисою була виражена тенденція до їх постійного зростання, але «поряд із цим, зустрічалися поодинокі випадки зниження норм постовок сільськогосподарської продукції» [39, с. 175]. На думку дослідниці, це було пов'язано з наближенням фронту та активністю партизан. Допоміжними засобами були вилучення врожаю з хліборобських спілок, одноразові обов'язкові поставки, податки що оплачувалися сільськогосподарською продукцією.

З утвердженням цивільної адміністрації дистрикту «Галичина» почався збір контингентів, що був основним (і мабуть єдиним) засобом вилучення сільськогосподарської продукції. Оскільки протягом всієї окупації його норми весь час зростали. Наприклад, в 1941 р. дистрикт мав здати 130 000 т зерна – у 1942 р. – 350 000 т, а в 1943 р. – 500 000 т. [50, арк. 23]. В самому «Польському» Генерал-губернаторстві контингенти в 1941–1942 рр. зросли до такої межі, що самі представники німецької адміністрації називали їх «контингентами на межі можливого». Це засвідчують на-

ступні дані: з 1940 р. до січня 1942 р. норми контингенту зросли на 300%, а з 1942 р. до 1943 р. ще на 120% [51, с. 170, 207].

Основним засобом вилучення в губернаторствах «Бессарабія» та «Буковина» була «продуктова декларація», в якій кожен селянин вказував кількість зібраного ним врожаю. Відповідно до неї встановлювався мінімум для потреб сім'ї (80 кг. зерна для дорослого, 40 кг. для дитини), а також господарських потреб. Весь надлишок врожаю селянин здавав державі за встановленою ціною (від 11 лей за кг.) [52, с. 16].

В губернаторстві «Трансністрія» основним засобом вилучення сільськогосподарської продукції було її вилучення з «трудових громад». Це регламентувалось відповідно до наказу 14 березня 1942 р., за яким вироблена селянами продукція поділялася порівно між державою і бригадою. При цьому здійснювалося відрахування 20% на насіннєвий фонд, 10% у фудажний фонд та ін. утримання [53, с. 152]. Допоміжними засобами вилучення були різноманітні види податків та поставок для селян одноосібників, що не входили до «трудових громад» на користь окупаційної армії – м'яса, молока, бринзи, меду та ін. [19, арк. 54].

6. СТАНОВИЩЕ СЕЛЯН ПІД ЧАС ОКУПАЦІЇ

Різним було становище селян і їх трудових та господарських обов'язків в утворених окупантами адміністративних одиницях.

В Рейхскомісаріаті «Україна» та «зоні військової адміністрації» становище селян було схожим. Головним для їх була праця в «громадських господарствах» і «державних маєтках». За розпорядження А. Розенберга 5 серпня 1941 р. трудову повинність селяни мали виконувати віком від 15 до 45 р., пізніше вікові межі були збільшені від 14 до 65 років. Робочий день під час польових робіт тривав з 5–6 години до 18–19 годин, а встановлена німцями норма складала 22–25 трудоднів на місяць [8, с. 129]. За свою працю селяни отримували натуральну або грошову платню. Важким для селян був податковий тягар. Вони сплачували податок із господарства, подушний, «за звільнення від радянської влади», податок за утримання корови, коня, собаки та ін. [10, с. 56]. Окрім цього, німецька окупаційна влада використовувала селян на будівництві доріг та відновленні стратегічних об'єктів.

Цивільна адміністрація дистрикту «Галичина» звилала становище селян до загального рівня сільського населення «Польського» генерал-губернаторства. Підтвердженням цьому є те, що на Галичину було поширено розпорядження про обов'язок праці всіх мешканців віком від 18 до 60 років [44, с. 188]. На період збору врожаю в селах встановлювався надзвичайний стан, що забезпечував максимально використовувати селян для забезпечення здачі контингенту [45, с. 192]. Не виконання контингенту каралося грошовим штрафом, збільшенням норм контингенту, конфіскацією продуктів та реманенту, а в окремих випадках конфіскацією землі та господарства [44, с. 190; 45, с. 107].

В губернаторствах «Буковина» та «Бессарабія» для селян існував відрізок тягловою силою, так господарство, що мало 2–3 упряжі відпрацьовувало 6 днів на рік, 3 упряжі – 7 днів, 4 упряжі – 9 днів, 5 упряжів – 11 днів, 6 упряжів – 13 днів [42, с. 21–22]. Особливим періодом був час сільськогосподарських робіт, коли вводився надзвичайний стан і мобілізувалося на сільськогосподарські роботи все населення віком від 17 до 70 років. Також селяни повинні були відпрацьовувати щорічно 30 днів на будів-

ництві доріг стратегічного значення [46, с. 184]. Окрім цього всього селяни мали сплачувати податок на землю, худобу, житло, пасовища та ін. [26, с. 181].

Селяни «Трансністрії» працювали в «трудових громадах» і «державних маєтках». Під час сільськогосподарських робіт діяв ненормований робочий день. Наприклад за розпорядження префекта Тульчинського повіту: «Праця на полі тривала від 5-ї ранку до 21 години вечора» [47, с. 121]. Також селяни були змушені працювати в «державних маєтках». Відповідно до умов реформування сільського господарства в них були зобов'язані працювати всі жителі сіл, що знаходяться в радіусі 20–30 км. 20 березня 1942 р. було запроваджено обов'язкову трудову повинність для жителів Трансністрії віком від 16 до 60 років. Зазначалось, «що вони будуть по черзі використані на різних роботах військового характеру, роботах для установ і підприємств, а також на сільськогосподарських роботах термінового характеру» [48, с. 193]. Селяни сплачували податок орної землі, присадибної землі, гужовий, шкільний, податок на поліцію та ін.

7. СІЛЬСЬКЕ ГОСПОДАРСТВО ПІД ЧАС ВІДСТУПУ ОКУПАНТІВ

Пограбування сільського господарства окупанти проводили під час відступу з території України, виконуючи накази з «евакуації» німецького (23 липня 1943; 1 червня 1944 р.) та румунського урядів (1 січня 1944 р.) [49, с. 362–366; 50, арк. 1–3]. Під час «евакуації», а фактично руйнації економіки раніше підвладної їм радянської території, окупанти застосовували тактику «спаленої землі». В ході якої нацисти спалили 18 тис. га. посівів сільськогосподарських культур, зруйнували 251 тис. будівель колгоспів, радгоспів та МТС, вивезли до Третього рейху або знищили 56 972 трактори, 24 556 комбайнів, 33 038 сівалок, 16 988 молотарок, 45 688 плугів, 5092 автомобілі та інші сільськогосподарські машини та знаряддя праці [8, с. 177], [10, с. 67]. Грабували та вивозили сільськогосподарські продукти, техніку, інвентар, худобу румуни з підконтрольних їм територій. За щоденими «Зведенням про відправку зернових і матеріалів з Трансністрії, Бессарабії, Буковини», в період з 1 січня – 19 березня 1944 р. в середньому із «Трансністрії» до Румунії відправлялося 100 вагонів в день різних матеріальних цінностей, а з «Буковини» та «Бессарабії» по 120–130. Серед вивезеного було 7721 вагон насіння, 330 вагонів сільськогосподарської техніки та реманету 136 тис. голів ВРХ та ін. [51, с. 202, 305].

8. ЗАГАЛЬНА КІЛЬКІСТЬ ГРАБУНКУ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА

За даними радянського дослідника С. П. Лаути за весь період окупації німецькі загарбники вивезли з України 12 млн. т. сільськогосподарської продукції, в тому числі 9.5 млн. т. зерна та борошна. Румунські окупанти – 1 042 013 центнерів зерна, 87 647 голів ВРХ, 31 821 шт. свиней [8, с. 177–178]. Сучасний український дослідник О. Г. Перехрест наводить більш точні дані: «В результаті прямих пограбувань селянських господарств, окупанти вилучили 9420 тис. т. зерна, 600 тис. т. борошна і круп, 6250 тис. т. картоплі, овочів і фруктів, 3722 тис. голів ВРХ, 4941 тис. свиней, 1825 тис. овець і кіз, 326 тис. коней, 40 246 тис. шт. домашньої птиці. З колгоспів та радгоспів було розграбовано та вивезено до Німеччини – 7887 тис. т. зерна і борошна, 2056 тис. т. картоплі, овочів та фруктів. Румунські окупанти з території «Трансністрії» вивезли 10 154 вагони різних вантажів, переважно з продовольством та 217 тис. голів ВРХ» [10, с. 64]. Більш повні дані про вивезену сільськогосподарську про-

дукцію з території підконтрольних Румунії губернаторств наводить молдованський історик Є. І. Левит. В дослідженні «Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР», він вказує, що «до серпня 1942 р. з території Бессарабії до Румунії було вивезено 21 045 вагони зернових; із Буковини до 1 січня 1943 р. було вивезено 2748 вагонів зерна, 21 676 вагонів продовольства 129 780 голів ВРХ; із «Трансністрії» за аналогічний період до Румунії було відправлено 16 169 вагонів зерна, 2399 вагонів овочів, 30 362 голів ВРХ. Окрім цього, союзникам було поставлено 9017 вагонів зерна, 6250 вагонів овочів, 93 174 голів ВРХ [19, с. 305–306].

ВИСНОВКИ

Отже, сільськогосподарська політика окупантів на території адміністративно-територіальних одиниць України носила яскраво виражений грабіжницький та експлуатаційний характер. Плануючи війну проти СРСР, нацистська Німеччина вбачала в Україні базу сільськогосподарського постачання на час воєнних, а після них – свою власну «житницю». Іншими були плани Румунії – через пограбування сільськогосподарської продукції з підпорядкованих територій подолати сільськогосподарську кризу в країні, що виникла з початком Другої світової війни.

Першим спільним етапом політики окупантів щодо сільського господарства був його пограбування під час захоплення території України німецькими та румунськими військами. Після утворення окупаційних одиниць: дистрикту «Галичина», Рейхскомісаріату «Україна», губернаторств – «Буковина», «Бессарабія», «Тансністрія» та «зони військової адміністрації» сільське господарство зазнає «реформування». Так, в «зоні військової адміністрації», Рейхскомісаріаті «Україна» та губернаторстві «Трансністрія» реформування сільського господарства пройшло три спільні етапи: 1) від жовтня 1941 до 19 лютого 1942 рр. – тимчасове збереження колгоспно-радгоспної системи під німецьким управлінням; 2) 19 лютого 1942 р. – 3 червня 1943 р. період реформування сільського господарства на основі «Закону про новий земельний лад»; 3) від 3 червня 1943 р. до звільнення території України – час дії «Декларації про власність» положення якої не були здійсненні через німецький відступ. В дистрикті «Галичина» була поширена система управління сільським господарством, що була нав'язана генерал-губернаторству Третім рейхом. Радянська колгоспно-радгоспна система була ліквідована, землю було проголошено держаною власністю й передано для користування селянам. В губернаторствах «Буковина» та «Бессарабія» було ліквідовано колгоспно-радгоспну систему, відновлено приватну власність на землю та повернуто дрібним, середнім та великим землевласникам експропрійовані за радянської влади землі.

Військова та цивільна окупаційна влади Німеччини і Румунії ставили перед собою одну мету – вивезти з території України якомога більше сільськогосподарських продуктів для власних потреб. Для цього були вироблені спеціальні засоби з їх вилучення у селян. В «зоні військової адміністрації України» головним засобом вилучення сільськогосподарської продукції були – «державні поставки», а в дистрикті «Галичина» і Рейхскомісаріаті «Україна» – контингент. В дистрикті «Галичина» він був чітко визначений і дуже завищений, за що німецьке керівництво називало їх «контингентами на грані можливого». У Рейхскомісаріаті «Україна» контингент не був чітко встановлений. В наказі Е. Коха, щодо встановлення норм контингенту,

вказувалося, що «відхилення допускалася тільки в старону збільшення». В губернаторстві «Трансністрія» головним засобом було вилучення сільськогосподарської продукції з «трудових громад» під час видачі селянам їх частки врожаю. Іншими були засоби вилучення в губернаторствах «Бессарабія» та «Буковина», основну роль тут відігравала «продуктова декларація» на основі якої здійснювалося вилучення сільськогосподарських продуктів.

Різним було становище селян і їх трудових та господарських обов'язків в утворених окупантами адміністративних одиницях. В «зоні військової адміністрації», рейхскомісаріаті «Україна», «Трансністрії» селяни працювали в «реорганізованих» колгоспах без чіткої регламентації робочого дня, а на період сільськогосподарських робіт взагалі працювали від світанку до заходу сонця, за що отримували мізерну грошову плату або продуктовий пайок. В дистрикті «Галичина» та губернаторствах «Буковина» і «Бессарабія» вони працювали на відведеній їм окупаційною владою землі за що мали виконувати ряд повинностей.

Автор доводить, що спільним етапом для всього сільського господарства України був час відступу Німеччини та її союзників з території України під час якого вони проводили політику «евакуації» сільськогосподарської продукції й техніки. Поруч із цим була застосована тактика «випаленої землі», відповідно до якої все те, що не могли вивезти до Німеччини або Румунії знищувалося на місці.

Вищевказане дозволяє виокремити в сільськогосподарській політиці окупантів наступні періоди: 1) червень – серпень 1941 р. (від грабунку під час захоплення території до утворення адміністративних одиниць); 2) серпень 1941 р. – кінець 1943 р. (використання сільського господарства окупаційних одиниць для здійснення продовольчого постачання в Третій рейх або Румунію та на «східний фронт»); 3) від кінця 1943 р. – до жовтня 1944 р. (руйнування та грабунки сільського господарства окупантами під час відступу з території України).

Перспектива використання результатів даного дослідження, на думку автора, дозволить розширити дослідження цієї тематики в розкритті спільних та відмінних рис сільського господарства окремих адміністративно-територіальних одиниць, дозволить створити цілісну картину стану сільського господарства України періоду 1941-1944 років.

Список використаних джерел та літератури

1. Леонтьев А. «Зеленая папка Геринга» / А. Леонтьев. – М., 1942. – 43 с.; Новиченко Л. Гітлерівська кріпачина / Л. Новиченко. – Саратов, 1942. – 20 с.; Шульга З. Українське селянство не буде у фашистській неволі / З. Шульга. – Уфа, 1942. – 35 с. Ярославський Е. Что несет фашизм крестьянству / Е. Ярославский – Баку, 1942. – 53 с.
Leont'ev A. «Zelenaja papka Gerynga» / A. Leont'ev. – M., 1942. – 43 s.; Novychenko L. Gitlerivs'ka kripachyna / L. Novychenko. – Saratov, 1942. – 20 s.; Shul'ga Z. Ukrai'ns'ke seljanstvo ne bude u favshysts'kij nevoli / Z. Shul'ga. – Ufa, 1942. – 35 s. Jaroslavs'kyj E. Chto neset fashyzm krest'janstvu / E. Jaroslavs'kyj – Baku, 1942. – 53 s.
2. Звірства і злочини німецько-фашистських загарбників на Харківщині : зб. док. – Харків, 1944; Визволена Полтавщина. – Полтава, 1944; Про злочинства, заподіяні німецько-румунськими загарбниками в м. Одесі і районах Одеської області. – К., 1944; Визволена Київщина. – К., 1944; Звірства німців на Львівщині : зб. ст. і док. – Львів, 1945.
Zvirstva i zlochyyny nimec'ko-fashysts'kyh zagarbnykiv na Harkivshhyni : zb. dok. – Harkiv, 1944; Vyzvolena Poltavshhyna. – Poltava, 1944; Pro zlochyinstva, zapodijani nimec'ko-rumuns'kymy zagarbnykamy v. m. Odesi i rajonah Odes'koi' oblasti. – K., 1944; Vyzvolena Kyi'vshhyna. – K., 1944; Zvirstva nimciv na L'vivshhyni : zb. st. i dok. – L'viv, 1945.

3. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. – М., 1963. – 250 с.; Лаута С. П. Колгоспне селянство Радянської України в роки Великої Вітчизняної війни / С. П. Лаута. – К., 1965. – 208 с.; Загорулько М. М. Крах плану «Ольденбург» / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков – М., 1980. – 376 с.; Синицина Н. И. Провал аграрной политики гитлеровцев на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.) / Н. И. Синицина, В. Р. Томин // Вопросы истории. – 1965. – № 6. – С. 32–44; Дишлевој П. С. Край фашистської аграрної політики на тимчасово окупованій території України (1941–1944 рр.) / П. С. Дишлевој // Укр. іст. журн. – 1971. – № 6. – С. 74–80.

Arutjunjan Ju. V. Sovetskoe krest'janstvo v годы Velykoj Otechestvenoj vojny / Ju. V. Arutjunjan. – M., 1963. – 250 s.; Lauts S. P. Kolgospne seljanstvo Radjans'koi' Ukraïny v roky Velykoj Vitchyznjanoi' vijny / S. P. Lauts. – K., 1965. – 208 s.; Zagorul'ko M. M. Krah plana «Ol'dendurg» / M. M. Zagorul'ko, A. F. Judenkov – M., 1980. – 376 s.; Synycyna N. Y. Proval agrarnoj polityky gytlerovcev na okkupyrovannoj terrytoryy SSSR (1941–1944 gg.) / N. Y. Synycyna, V. R. Tomyn // Voprosy ystoriyy. – 1965. – № 6. – S. 32–44; Dyshlevoj P. S. Krai' fashysts'koi' agrarnoi' polityky na tymchasovo okupovaniy terytorii' Ukraïny (1941–1944 rr.) / P. S. Dyshlevoj // Ukr. ist. zhurn. – 1971. – № 6. – S. 74–80.

4. Анникеев А. А. Аграрная политика нацистской германии в годы Второй Мировой войны / А. А. Анникеев. – Ростов-на-Дону, 1990. – 208 с.; Байраківський А. І. Селянство України в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.) / А. І. Байраківський // Друга світова війна і Україна: матер. Наук. конф. (27–28 квітня 1996 р.) – К., 1996. – С. 168–171; Лавришук В. І. До питання про аграрну політику фашистів у західних областях України / В. І. Лавришук // Сторінки воєнної історії України : зб. наук. ст. – К., 2001. – Вип 5. – С. 132–135; Романюк І. М. Українське село в роки німецької окупації / І. М. Романюк // Сторінки воєнної історії України : зб. наук. ст. – К., 2002. – Вип 6. – С. 201–203; Потильчак О. В. «Новий порядок» в окупованій Україні (1941–1944) / О. В. Потильчак // Память століть. – 1999. – № 1 – С. 97–104; Слободянюк М. Селяни України під нацистським окупаційним режимом 1941–1944 / М. Слободянюк // Київська сторовина. – К., 2000. – № 2 – С. 44–57.

Annykeev A. A. Agrarnaja polityka nacistskoj germanyy v gody Vtoroj Myrovoj vojny / A. A. Annykeev. – Rostov-na-Donu, 1990. – 208 s.; Bajrakivs'kyj A. I. Seljanstvo Ukraïny v roky Velykoj Vitchyznjanoi' vijny (1941–1945 rr.) / A. I. Bajrakivs'kyj // Druga svitova vijna i Ukraïna: mater. nauk. konf. (27–28 kvitnja 1996 r.) – K., 1996. – S. 168–171; Lavryshhuk V. I. Do pytannja pro agrarnu polityku fashystiv u zahidnyh oblastjah Ukraïny / V. I. Lavryshhuk // Storinky vojenoi' istorii' Ukraïny: zb. nauk. st. – K., 2001. – Vyp. 5. – S. 132–135; Romanjuk I. M. Ukraïns'ke selo v rokynimec'koi' okupacii' / I. M. Romanjuk // Storinky vojenoi' istorii' Ukraïny : zb. nauk. st. – K., 2002. – Vyp. 6. – S. 201–203 ; Potyl'chak O. V. «Novyj porjadok» v okupovaniy Ukraïni (1941–1944) / O. V. Potyl'chak // Pamjat' stolit'. – 1999. – №1 – S. 97–104 ; Slobodjanjuk M. Seljany Ukraïny pid nacists'kym okupacijnym rezhymom 1941–1944 / M. Slobodjanjuk // Kyi'vs'ka storovyna. – K., 2000. – № 2 – S. 44–57.

5. Глушенко Н. М. Аграрна політика Німеччини в рейхскомісаріаті «Україна» 1941–1944 рр.: дис. ... кандидата істор. наук: 07.00.01/ Глушенко Наталія Миколаївна – К., 2005. – 202 с.; Власенко С. І. Аграрна політика німецьких окупаційних властей на території військової зони України: дис. ... канд. істор. наук: 07.00.01/ Власенко Світлана Іванівна – К., 2007. – 297 с.; Перехрест О. Г. Сільське господарство України в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.) / О. Г. Перехрест. – К., 2010. – 150 с.

Glushenok N. M. Agrarna polityka Nimechchyny v rejhskomisariati «Ukraïna» 1941–1944 rr.: dys. ... kand. istor. nauk: 07.00.01/ Glushenok Natal'ja Mykolai'vna. – K., 2005. – 202 s.; Vlasenko S. I. Agrarna polityka nimec'kyh okupacijnyh vlastej na terytorii' vijs'kovoï zony Ukraïny: dys. ... kand. istor. nauk: 07.00.01 / Vlasenko Svitlana Ivanivna. – K., 2007. – 297 s.; Perehrest O. G. Sil's'ke gospodarstvo Ukraïny v roky Velykoj Vitchyznjanoi' vijny (1941–1945 rr.) / O. G. Perehrest. – K., 2010. – 150 s.

6. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (Далі – ЦДАВОВ України), ф. 4620, оп. 3, спр. 248, арк. 177.

Central'nyj derzhavnyj arhiv vyshhyh organiv vlady ta upravlinnja Ukraïny (Dali – CDAVOV Ukraïny), f. 4620, op. 3, spr. 248, ark. 177.

7. Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні / В. Косик. – Париж ; Нью-Йорк ; Львів, 1993 – 660 с.

Kosyk V. Ukraïna i Nimechchyna u Drugij svitovij vijni / V. Kosyk. – Paryzh ; N'ju-Jork ; L'viv, 1993 – 660 s.

8. Лаута С. П. Колгоспне селянство Радянської України в роки Великої Вітчизняної війни / С. П. Лаута. – К., 1965. – 208 с.

**ОСОБЛИВОСТІ ОКУПАЦІЙНОЇ ПОЛІТИКИ ЩОДО СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА
В АДМІНІСТРАТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНИХ ОДИНИЦЯХ УКРАЇНИ 1941–1944 рр.**

- Lauta S. P. Kolgospne seljanstvo Radjans'koi' Ukraïny v roky Velykoi' Vitchyznanoi' vijny / S. P. Laut. – К., 1965. – 208 s.
9. ЦДАВО України, ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 38, арк. 135.
CDAVO Ukraïny, f. KMF-8, op. 1, spr. 38, ark. 135.
10. Перехрест О. Г. Сільське господарство України в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.) / О. Г. Перехрест. – К., 2010. – 150 с.
Perehrest O. G. Sil's'ke gospodarstvo Ukraïny v roky Velykoi' Vitchyznanoi' vijny (1941–1945 rr.) / O. G. Perehrest. – К., 2010. – 150 s.
11. Нюрнбергский поцесс : сборник материалов / ред. кол. В. В. Титов : в 8 т. – М. : Юридическая литература, 1989. – Т. 3. – 656 с.
Njurnbergskij pocess : sbornik materyalov / red. kol. V. V. Tytov : v 8 t. – М. : Juredycheskaja lyteratura, 1989. – Т. 3. – 656 s.
12. Нем'ятый В. Н. В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии / В. Н. Нем'ятый. – К., 1982. – 230 с.
Nem'jatyj V. N. V bor'be za sryv grabytel'skyh planov fashystskoj Germanyy / V. N. Nem'jatyj. – К., 1982. – 230 s.
13. ЦДАВОВ України, ф. 4620, оп. 3, спр. 246, арк. 27.
CDAVOV Ukraïny, f. 4620, op. 3, spr. 246, ark. 27.
14. Анникеев А. А. Аграрная политика нацистской германии в годы Второй Мировой войны / А. А. Анникеев. – Ростов-на-Дону, 1990. – 208 с.
Annykeev A. A. Agrarnaja polytyka nacystskoj germanyy v gody Vtoroj Myrovoj vojny / A. A. Annykeev. – Rostov-na-Donu, 1990. – 208 s.
15. Коваль В. М. Україна у Другій світовій і Великій Вітчизняних війнах (1939–1945) / В. М. Коваль. – К., 1999. – 336 с.
Koval' V. M. Ukraïna u Drugij svitovij i Velykij Vitchyznjanyh vijnah (1939–1945) / V. M. Koval'. – К., 1999. – 336 s.
16. Левит С. И. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР / С. И. Левит. – Кишинева : Штиинца, 1981. – 390 с.
Levyt Je. Y. Uchastye fashystskoj Rumyny v agressyy protyv SSSR / Je. Y. Levyt. – Kyshenev : Shtyynca, 1981. – 390 s.
17. Сообщения советского информбюро. Т. 1. – М. : Софинформ бюро, 1944. – 456 с.
Soobshheniya sovetского ynformbjuro. T. 1. – М. : Sofynform bjuro, 1944. – 456 s.
18. Молдавська ССР в Великій Отечественній війні Советського Союзу, 1941–1945 : збірник документів і матеріалів : в 2 т. / ред. С. Я. Афтенюк і др. – Т. 2 : В тилу ворога. – Кишинев : Штиинца, 1975. – 676 с.
Moldavs'ka SSR v Velykij Otechestvenoj vojne Sovetskogo Sojuza, 1941–1945 : sbornyk dokumentov y materyalov : v 2 t. / red. S. Ja. Aftenjuk i dr. – Т. 2 : V tylu vraga. – Kyshynev : Shtyynca, 1975. – 676 s.
19. ЦДАВОВ України, ф. 4620, оп. 5, спр. 14, арк. 73.
CDAVOV Ukraïny, f. 4620, op. 5, spr. 14, ark. 73.
20. ЦДАВОВ України, ф. 3206, оп. 2, спр. 120, арк. 32.
CDAVOV Ukraïny, f. 3206, op. 2, spr. 120, ark. 32.
21. ЦДАВОВ України, ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 23, арк. 42.
CDAVOV Ukraïny, f. KMF-8, op. 1, spr. 23, ark. 42.
22. ЦДАВОВ України, ф. 3206, оп. 1, спр. 44, арк. 1.
CDAVOV Ukraïny, f. 3206, op. 1, spr. 44, ark. 1.
23. Центральний державний архів громадянських об'єднань України, ф. 1, оп. 23, спр. 533, арк. 55.
Central'nyj derzhavnyj arhiv gromadjans'kyh objednan' Ukraïny, f. 1, op. 23, spr. 533, ark. 55.
24. Державний архів Львівської області, ф. Р-35, оп. 2, спр. 6, арк. 56.
Derzhavnyj arhiv L'vivs'koi' oblasti, f. R-35, op. 2, spr. 6, ark. 56.
25. Радянська Буковина, 1940–1945 : документи і матеріали / ред. В. М. Курило та ін. – К. : Наукова думка, 1967. – 404 с.
Radjans'ka Bukovyna, 1940–1945 : dokumenty i materialy / red. V. M. Kurylo ta in. – К. : Naukova dumka, 1967. – 404 s.
26. Советский Придунайский край 1940–1945 гг. : документы и материалы / ред. И. А. Хливненко и др. – Одесса : Маяк, 1968. – 408 с.

- Sovetskyj Prydunajskij kraj 1940–1945 gg. : dokumenty u materyaly / red. Y. A. Hlyvnenko i dr. – Odessa : Majak, 1968. – 408 s.
27. Державний архів Одеської області, ф. Р-2357, оп. 1, спр. 193, арк. 106.
Derzhavnyj arhiv Odes'koi' oblasti, f. R-2357, op. 1, spr. 193, ark. 106.
28. ЦДАВОВ України, КМФ-8, оп. 2, спр. 230, арк. 98.
CDAVOV Ukrai'ny, KMF-8, op. 2, spr. 230, ark. 98.
29. Вінціковський Т. Окупаційний режим в губернаторстві «Транснїстрія» / Т. Вінціковський, Г. Кязимова, М. Михайлуца, В. Щетніков // Україна в другій світовій війні : погляд з ХХІ ст. – К. : Наукова думка, 2011. – Т. 1. – С. 413–446.
- Vincikovs'kyj T. Okupacijnyj rezhym v gubernatorstvi «Transnistrija» / T. Vincikovs'kyj, G. Kjazymova, M. Myhajluca, V. Shhetnikov // Ukrai'na v drugij svitovij vijni : pogljad z XXI st. – К. : Naukova dumka, 2011. – Т. 1. – С. 413–446.
30. Лисенко О. Окупаційний режим на Україні 1941–1943 : адміністративний аспект / О. Лисенко, В. Нестеренко // Архіви окупації 1941–1944 / Києво-Могилянська академія. – К., 2006. – С. 762–769.
- Lysenko O. Okupacijnyj rezhym na Ukrai'ni 1941-1943: administratyvnyj aspekt / O. Lysenko, V. Nesterenko // Arhivy okupacii' 1941-1944 / Kyievo-Mogylyans'ka akademija. – К., 2006. – С. 762–769.
31. Власенко С. І. Аграрна політика німецьких окупаційних властей на території військової зони України: автореферат дис. на здобуття кандидата істор. наук: 07.00.01/ С. І. Власенко – К., 2007. – 14 с.
- Vlasenko S. I. Agrarna polityka nimec'kyh okupacijnyh vlastej na terytorii' vijs'kovoї zony Ukrai'ny: avtoreferat dys. na zdobuttja kandydata istor. nauk: 07.00.01/ S. I. Vlasenko – К., 2007. – 14 s.
32. Рекотов П. В. Органи управління на окупованій території України (1941–1944 pp.) / П. В. Рекотов // Український історичний журнал. – 1997. – № 3. – С. 90–101.
- Rekotov P. V. Organy upravlinnja na okupovanij terytorii' Ukrai'ny (1941–1944 rr.) / P. V. Rekotov // Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal. – 1997. – № 3. – С. 90–101.
33. ЦДАВОВ України, ф. 4620, оп. 5, спр. 22, арк. 92.
CDAVOV Ukrai'ny, f. 4620, op. 5, spr. 22, ark. 92.
34. ДАЛО, ф. Р-58, оп. 3, спр. 274, арк. 129.
DALO, f. R-58, op. 3, spr. 274, ark. 129.
35. Казакова О. М. Впровадження нацистського «нового порядку» на окупованих польських землях (вересень 1939–1941 pp.). дис. ... кандидата іст. наук: 07. 00. 02 / Казакова О. М. – Запоріжжя, 2004. – 262 с.
- Kazakova O. M. Vprovadzhennja nacytskogo «novogo porjadku» na okupovanyh pol's'kyh zemljah (veresen' 1939–1941 rr.). dys. ... kandata ist. nauk: 07. 00. 02 / Kazakova O. M. – Zaporizhzhja, 2004. – 262 s.
36. Державний архів Чернівецької області, ф. Р-662, оп. 4, спр. 1, арк. 6.
Derzhavnyj arhiv Chernivec'koi' oblasti, f. R-662, op. 4, spr. 1, ark. 6.
37. Одесская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : документы и материалы / ред. кол. : Н. И. Зотов и др. – Одесса : Маяк, 1970. – 388 с.
- Odesskaja oblast' v Velykoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. : dokumenty u materyaly / red. kol. : N. Y. Zotov y dr. – Odessa : Majak, 1970. – 388 s.
38. Глушенок Н. М. Аграрна політика Німеччини в рейхскомісаріаті «Україна», 1941–1944 pp. : дис. ... кандидата істор. наук: 07.00.01 / Глушенок Наталія Миколаївна – К., 2005. – 202 с.
- Glushenok N. M. Agrarna polityka Nimechchyny v rejhskomisariati «Ukrai'na», 1941–1944 rr. : dys. ... kandydata istor. nauk: 07.00.01/ Glushenok Natal'ja Mykolai'vna – К., 2005. – 202 s.
39. Власенко С. І. Аграрна політика німецьких окупаційних властей на території військової зони України: дис. ... канд. істор. наук: 07.00.01 / Власенко Світлана Іванівна – К., 2007. – 297 с.
- Vlasenko S. I. Agrarna polityka nimec'kyh okupacijnyh vlastej na terytorii' vijs'kovoї zony Ukrai'ny : dys. ... kand. istor. nauk : 07.00.01 / Vlasenko Svitlana Ivanivna – К., 2007. – 297 s.
40. ДАЛО, ф. Р-35, оп. 6, спр. 31, арк. 103.
DALO, f. R-35, op. 6, spr. 31, ark. 103.
41. Носкова А. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939–1944 гг. / А. Носкова. – М., 1971. – 225 с.
- Noskova A. Razorenje ekonomyky Pol'shy gytlerovskoj Germaniej 1939–1944 gg. / A. Noskova. – М., 1971. – 225 s.
42. Лаптев И. Налоговое обложение молдавского крестьянства румыно-немецкими оккупантами / И. Лаптев. – Кишинев : Партиздат, 1945. – 30 с.

- Laptev Y. Nalogovoe oblozhenye moldavskogo krest'janstva rумыно-nemeckymy okkupantamy / Y. Laptev. – Kyshynev : Partyzdat, 1945. – 30 s.
43. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского союза 1941–1945 : сборник документов и материалов: в 2 т. / ред. кол. С. Я. Афтенюк и др. Т. 1. – Кишинеv : Штиинца, 1975. – 653 с.
- Moldavskaja SSR v Velykoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo sojuza 1941–1945 : sbornyk dokumentov y materialov: v 2 t. / red. kol. S. Ya. Aftenjuk y dr. T. 1. – Kyshenev : Shtyynca, 1975. – 653 s.
44. Боляновський А. Соціальний аспект гітлерівського «нового порядку» Галичині у 1941–1944 роках / А. Боляновський // Вісник Львівського університету. Серія: Історична. – 1998. – Вип. 33. – С. 186–194.
- Boljanovs'kyj A. Social'nyj aspekt gitlerivs'kogo «novogo porjadku» Galychyni u 1941–1944 rokah / A. Boljanovs'kyj // Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Serija: Istorychna. – 1998. – Vyp. 33. – S. 186–194.
45. Паньківський К. Роки німецької окупації / К. Паньківський. – Нью-Йорк ; Париж ; Сідней ; Торонто, 1983 – 479 с.
- Pan'kivs'kyj K. Roky nimes'koi' okupacii' / K. Pan'kivs'kyj. – N'ju-Jork ; Paryzh ; Sidnej ; Toronto, 1983 – 479 s.
46. Битва за Буковину. – Ужгород : Карпати, 1976. – 175 с.
- Bytva za Bukovynu. – Uzhgorod : Karpaty, 1976. – 175 s.
47. Гальчак С. Д. «Східні робітники» з Поділля у Третньому рейху / С. Д. Гальчак. – Вінниця : Книга-Вега, 2003. – 344 с.
- Gal'chak S. D. «Shidni robitnyky» z Podillja u Tret'omu rejhu / S. D. Gal'chak. – Vinnycja : Knyga-Vega, 2003. – 344 s.
48. Афтенюк С. На пути к победе над фашистскими захватчиками / С. Афтенюк. – Кишинев : Карта Молдовеняскэ, 1976. – 193 с.
- Aftenjuk S. Na puty k pobede nad fashystskymy zahvatchykamy / S. Aftenjuk. – Kyshynev : Kartja Moldovenjaskэ, 1976. – 193 s.
49. Мюллер Н. Вермахт и оккупация / Н. Мюллер. – М. : Вече, 2010. – 368 с.
- Mjuller N. Vermaht y okkupacyja / N. Mjuller. – M. : Veche, 2010. – 368 s.
50. ДАОО, ф. Р-7516, оп. 1, спр. 145, арк. 41.
- ДАОО, f. R-7516, op. 1, spr. 145, ark. 41.
51. Левит И. Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску / И. Э. Левит. – Кишинев : Штиинца, 1983. – 376 с.
- Levyt Y. Э. Krah polityky agressyy dyktatury Antonesku / Y. Э. Levyt. – Kyshynev : Shtyynca, 1983. – 376 s.

Левченко Ю. И. Особенности оккупационной политики в отношении сельского хозяйства в административно-территориальных единицах Украины 1941–1944 гг. / Ю. И. Левченко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 49–64.

Предпринята попытка анализа положения сельского хозяйства в административных-единицах: «зона военной администрации», Рейхскомиссариат «Украина», дистрикт «Галичина», губернаторств «Бессарабия», «Буковина», «Танстнитрия» образованиях на территории оккупированной Украины в 1941–1944 гг. Раскрыты планы немецких и румынских оккупантов по использованию украинского сельского хозяйства в годы оккупации. Выявленные общие и отличительные черты состояния сельского хозяйства во время захвата территории Украины. Показан разделение украинской территории на отдельные административно-территориальные единицы под руководством немецких и румынских оккупантов. Раскрыты особенности реформирования сельского хозяйства в каждой отдельно взятой оккупационной единицы. Исследованы заготовительную политику и способы извлечения оккупантами сельскохозяйственной продукции изготовленной в украинских оккупационных образованиях. Сравнение положение сельского населения административно-территориальных единиц.

Ключевые слова: нацистская Германия, Румыния, Украина, сельское хозяйство, зона военной администрации Украины, Рейхскомиссариат «Украина», дистрикт «Галичина», губернаторства «Буковина», «Бессарабия», «Транснистрия».

Levchenko Y. I. Features of the occupation policy of agriculture in the administrative-territorial units of Ukraine of 1941–1944 / Y. I. Levchenko Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 49–64.

There is the done attempt to analyse position of agriculture in administrative-territorial units, formed on territory of occupied Ukraine in 1941–1944 in this article: Reykhskomisariat «Ukraine», distrikt «Galichina», «area

of military administration», governorships «Bessarabia», «Bukovina», «Transnistriya». The German and Romanian plans are exposed from the use of agriculture of Ukraine during occupation. The German invaders aimed to convert Ukraine into a base for the supply of agricultural produce for *vermakht* and Third reich. The plans of Romanians consisted in an exposure and making on occupied territory of food stuffs, for overcoming of food crisis which arose up in Romania at the beginning of Second world war. Found out the general and special lines of position of rural economy in an of occupation period, in accordance with dividing into separate administrative-territorial units under control German and Romanian of occupation power. During the installation of administrative-territorial units is best preserved agriculture in western Ukraine. It was established district of «Galichna» and Generalbezirk «Volyn-Podolia» *Reykhskomisariat* «Ukraine». The worst position of agriculture is in the east Ukrainian areas. There was a to the «area of military administration». The features of reformation of agriculture are exposed in the separately taken administrative unit. In the «area of military administration», *Reykhskomisariat* «Ukraine» and governorship of «Transnistriya» of reformation the general stages passed: maintenance of the collective system under German by a management; reorganization on the basis of «Law on the new landed line-up»; period of action of «Declaration about a property». In district «Galichina» the collective system was liquidated, earth was proclaimed a state property and passed for the use peasants. In governorships «Bukovina» and «Bessarabia» was picked up thread peculiar on earth, expropriated at soviet power of earth it is returned the shallow, middle and large landed interests. Every administrative-territorial unit produced the special facilities of exception of agricultural produce for peasants: in the «area of military administration» are «state deliveries»; in district «Galichina» and *Reykhskomisariat* «Ukraine» is an agricultural contingent; in governorship of «Transnistriya» division of products in labour societies between the state and peasants; in governorships «Bessarabia» and «Bukovina» is the special «food declaration». Other was position of peasants their labour and economic duties in the administrative units formed invaders. In the «area of military administration», *Reykhskomisariat* «Ukraine», «Transnistrii» peasants worked in the «reorganized» collective farms without clear regulation of working day, and on the period of agricultural works in general worked from dawn to sunset of a sun, for what got a wretched money pay or food ration. In district «Galichina» and governorships «Bukovina» and «Bessarabia» they worked as on taken him for what must were of occupation power of earth execute the row of obligations. Robbery and destruction of Agriculture Ukraine German and Romanian invaders made during the retreat. Fulfilling orders to evacuate occupants were taken from the population confiscated foodstuffs, agricultural machinery, livestock. Through tactics of «scorched earth» invaders destroyed everything that could not pick up. Agricultural crops burned, destroyed business premises and some village.

Found out the differences of position of agriculture in administrative-territorial units created on territory of Ukraine allow to assert that a policy of the German and Romanian invaders was not identical and depended on their necessities. In of occupation units under power of Germany an agricultural policy consisted in the total exception of mine-out peasants products on the necessity of the Third reich. The most expressive policy in this plan is district of «Galichna» where norms of supplying to the agricultural produce were far overpriced from the real. In governorships which were under control Romania an agricultural policy consisted in making of products and supply of products to the «old kingdom» abandoning insignificant part of the population created for necessities. In the best position which was possible during occupation, there was agriculture of governorships «Bessarabia» and «Bukovina» in which changed only methods of manage. The worst situation was in *Reykhskomisariat* «Ukraine» and to the «area of military administration» where agriculture suffered during soviet evacuation, military operations, and from total character of the German management, especially in *Reykhskomisariat* «Ukraine». Foregoing allows to overcome a soviet stereotype that position of agriculture of Ukraine during the period of occupation of 1941-1944 years was identical.

Keywords: Nazi Germany, Romania, Ukraine, agriculture, area of military administration Ukraine, *Reykhskomisariat* «Ukraine», District «Galichna», governorships «Bessarabia», «Bukovina», «Transnistriya».

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК [070:93](477.75)

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И КРЫМ: ВЗГЛЯД СО СТРАНИЦ ЖУРНАЛА «МОРСКОЙ СБОРНИК»

Леписевич Н. З.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru*

Рассмотрены основные публикации официального издания Морского министерства журнала «Морской сборник», посвященные представителям династии Романовых. Данные материалы раскрывают малоизвестные эпизоды истории Крыма и дополняют уже известные представления о прошлом полуострова. Разнообразна тематическая палитра опубликованных в журнале статей: путешествие Екатерины II в Крым в 1787 году, резолюции Николая I, касающиеся Черноморского флота и жизни портовых городов Юга Украины, участие царской семьи в строительстве противотуберкулезных медицинских учреждений и т.д. Важно, что для написания статей использовались малоизвестные материалы: свидетельства очевидцев событий, архивные материалы, официальные документы закрытых ведомств. Особенно ценны опубликованные выдающимся историком флота С. Ф. Огородниковым резолюции Николая I. В них представлены новые сведения о чумном бунте в Севастополе в 1830 году, о награждении и наказании служащих в Черноморском флоте, о деле, связанном со смертью А. И. Казарского. Публикации «Морского сборника» являются важной частью общего корпуса материалов о династии Романовых.

Ключевые слова: династия Романовых, «Морской сборник», Крым, Севастополь.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее громких юбилеев 2013 года стало 400-летие дома Романовых. Многие уголки бывшей империи от Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода и Костромы провели праздничные торжественные мероприятия, приуроченные к годовщине воцарения Михаила Федоровича. Не стал исключением и Крым, всегда занимавший особое место в сердцах представителей династии Романовых. Юбилей дал повод вспомнить о роли Российской империи в судьбе полуострова. Несмотря на кажущуюся изученность, история рода Романовых изобилует «белыми пятнами». В связи с этим особое значение приобретает выявление и анализ малоизвестных источников по истории династии, правившей чуть более трех веков. К их числу следует отнести и официальное печатное издание Морского министерства Российской империи – журнал «Морской сборник». Со времен Петра Великого флот был одним из символов империи, поэтому неудивительно, что в специальном печатном органе, одной из задач которого было распространение знаний о прошлом государства среди офицеров, появлялось большое количество публикаций о правящей династии. При этом в современной украинской историографии «Морской сборник» не получал должного освещения, а его статьи о династии Романовых (равно как и по другим

вопросам истории) оставались неизвестными даже для специалистов. Этим фактором определяется актуальность данного исследования.

1. ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Ярчайшим событием после присоединения Крыма стал беспрецедентный и овеянный легендами «Таврический вояж» – путешествие Екатерины II и ее двора на полуостров в 1787 году. Эта поездка продолжалась более полугода и стала одной из самых масштабных и дорогих в истории. В первом номере «Морского сборника» за 1852 год был опубликован интересный материал «Отрывки из записок Севастопольского старожилы», описывавший путешествие императрицы и содержащий важные свидетельства о жизни Севастополя в конце XVIII века [1]. Эти записки были составлены в 1828 году одним из флотских офицеров, посвящались адмиралу Алексею Самуиловичу Грейгу, но неизвестно, предоставлялись ли они ему или нет. В редакцию «Морского сборника» эти воспоминания были переданы сыном автора. Во время путешествия от основания Севастополя прошло всего три года, поэтому общее количество строений не превышало сорока, в порту не было никаких укреплений, а возвышение, на котором была построена большая часть зданий в XIX веке, было покрыто лесом. Отец автора записок имел у хана Шагин-Гирея откуп на таможенный береговой сбор Гезлева (в тексте называется «Кезловом») до Херсонесского мыса. Татары называли будущий Севастопольский рейд «Корсунским сиватом». В 1780 году на месте города не было ни одной хижины, местность была покрыта мелким дровяным лесом и кустарником. Неподалеку от рейда находилась только татарская деревня Ахтиар, название которой автор заметки переводил как «белая или меловая гора». Южная бухта тогда называлась Чабан-лиман (Пастушья бухта), поскольку летом сюда с гор пригоняли на водопой стада. Артиллерийская бухта в то время называлась Кади-лиман (Судейская бухта), но причин этого не знали ни местные татары, ни отец автора записок. После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году командующий Азовской военной флотилией вице-адмирал Алексей Наумович Сенявин отправил капитана второго ранга Берсенева описать берега полуострова, и тот донес о важности будущего порта. В том же году Фома Фомич Мекензи (до приезда в Россию – Томас МакКензи) с таганрогскими и керченскими купеческими судами пришел на рейд и основал город. Севастопольский старожил подробно описал все основные сооружения молодого порта. К ним он причислил дом Ф. Ф. Мекензи, другие офицерские дома и казармы, каменная пристань, впоследствии названная Графской в честь графа Войновича. Была уже построена небольшая церковь Св. Николая, находившаяся на месте нынешнего храма. Таким образом, весь город представлял собой всего одну большую улицу. В Корабельной бухте находилась казарма команды корабля «Павел». По этой причине находящийся здесь мыс был назван Павловским. На другом мысе той же бухты находилась пристань судна «Слава Екатерины» и несколько казарм. К приезду императрицы дом Ф. Ф. Мекензи был переделан во дворец, от него до пристани был устроен деревянный помост с железными перилами. В Инкермане построили копию севастопольского дворца. К приезду Екатерины II у городской пристани были подготовлены три катера, гребцами которых были выбраны самые красивые и сильные люди, служившие на флоте. Для них была сделана специальная униформа: белые шелковые рубахи, круглые белые шляпы с перьями и вызолоченными вензелями ее величества.

Александр Иванович Казарский

Великий князь Константин Николаевич

Иван Константинович Григорович

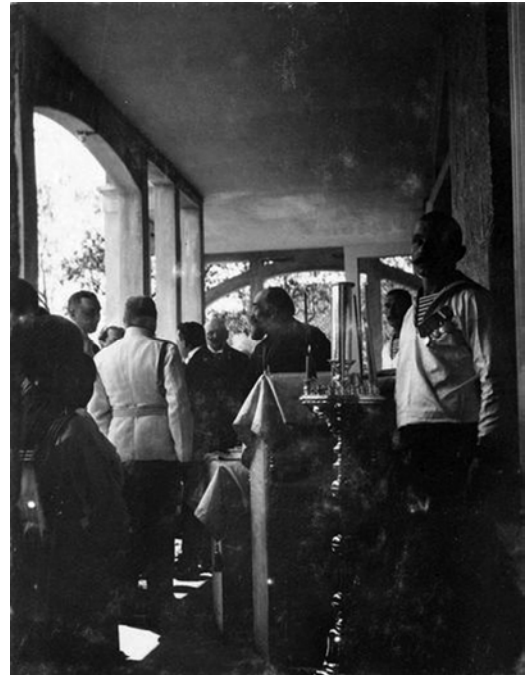
Император Николай Первый

Путешествие Екатерины II в Крым

Фома Фомич Мекензи

Царская Семья на освящении
первого санаторного корпуса

По дороге на базу Черноморского флота 22 мая 1787 года императрица осмотрела пещеры в Инкермане. Там же был проведен смотр егерского полка и обед во дворце. Во второй половине дня царица на катере прибыла в Севастополь, где была встречена масштабным салютом. На следующий день она посетила службу в церкви Св. Николая и корабль «Слава Екатерины». Императрица также предложила князю Григорию Александровичу Потемкину составить план города. Предполагалось, что Севастополь будет выстроен на высотах Корабельной бухты, где должны были находиться доки и адмиралтейство. По причине смерти Г. А. Потемкина этот план не был реализован, а город строился там, где намечалось устройство купеческой стороны. Примечательно, что для сравнения со свидетельствами очевидца редакция «Морского сборника» поместила на своих страницах статью «Двухдневное пребывание императрицы Екатерины в городе Севастополе, в 1787 году», незадолго до того опубликованную в «Одесском вестнике» [2].

Одно из наиболее примечательных сообщений о представителе династии Романовых опубликовал в «Морском сборнике» в 1912 году выдающийся историк флота Степан Федорович Огородников. Он опубликовал резолюции императора Николая I на документах, относящихся к Морскому ведомству [3]. Путь этих документов к печати также был непрост. Еще в 1869 году начальник архива Морского министерства Василий Григорьевич Чубинский составил сборник резолюций Николая Павловича по этому ведомству. Свою работу он представил генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу, а копию передал заведующему историческими работами при министерстве, но публикации этого собрания тогда так и не последовало. Императорские резолюции писались на докладах различных начальников главных управлений Морского ведомства. Черноморское управление тогда находилось почти в независимом от министерства положении, поэтому командиры Черноморского флота А. С. Грейг и М. П. Лазарев со своими представлениями обращались напрямую к Николаю I. Больше всего резолюций было в первые четыре года царствования, до вступления князя Александра Сергеевича Меншикова в должность начальника Морского штаба после его возвращения с театра боевых действий на Черном море. С. Ф. Огородников приводил в публикации те высочайшие резолюции, которые, по его мнению, свидетельствовали о строгом и справедливом отношении государя к службе моряков, а также о воздаянии за заслуги, в которых он видел пользу и честь, приносимые флоту. Многие резолюции демонстрируют специфику характера монарха. Так, на доклад А. С. Меншикова от 31 октября 1831 года о переводе капитан-лейтенанта Симановского по причине болезни с Черноморского на Балтийский флот последовала такая резолюция: «С юга на север за здоровьем обыкновенно не переводят. Желаю видеть медицинское свидетельство». Доклад Антона Васильевича Моллера от 13 февраля 1829 года о высылке тридцати знаков отличий для награждения нижних чинов, отличившихся при взятии бастиона крепости Варна, удостоился такой реакции: «10 крестов выслать можно, но при сем нужным считаю заметить, что Георгиевские кресты есть отличие, даруемое одним особенно отличившимся, но поголовной раздачи быть не должно и не следует сего представлять». Впрочем, иногда монарх проявлял свою милость. Вследствие рапорта Михаила Петровича Лазарева от 27 февраля 1834 года о вознаграждении 24 чело-

век нижних чинов за пробивку тоннеля сквозь гору в Инкермане Николай I распорядился выдать каждому из матросов по 25 рублей.

Значительное число резолюций было посвящено чумному бунту в Севастополе в 1830 году. 17 июня 1830 года с докладом к императору обратился А. С. Меншиков. Он представил письмо флигель-адъютанта Корсакова, в котором сообщалось, что матросы и их жены взбунтовались вследствие мер, принятых против чумы. В распространение заболевания в городе никто из них не верил. После начавшихся беспорядков был убит военный губернатор Столыпин и другие лица, а многие дома оказались разграблены. Николай I уверенно и довольно жестко потребовал наказания для участников бунта: «Я имею известие позднее этого; надеюсь, что всё будет разобрано как следует. Г. Воронцов уже за 30 человек арестовал, из них человек 5 Ш. и Об. офицеры. Дело наигнуснейшее, и которое примерно накажется».

3 июля 1830 года монарх посредством резолюции обратился к графу Михаилу Семеновичу Воронцову с рядом приказаний: «1) всех сыновей участвовавших в бунте людей всех состояний старше пяти лет сдать графу Витте для отсылки чрез военное поселение в кантонисты. 2) Всех отставных нижних чинов, поселившихся в Севастополе, отправить с семьями в Керчь, где им отвести места для постройки домов. 3) всех баб и вдов, живущих по слободкам, выдав паспорта на прожитие, выслать из Севастополя, а слободы выжечь до основания. 4) Ад. Грейгу всех женатых матросов, как флотских, так и ластовых и рабочих экипажей отправить в Херсон, где ожидать дальнейшего назначения. 5) Женам сих, выдав паспорта, выслать из Севастополя куда пожелают, слободы сжечь до основания. 6) в-а. Патаниоти перевести в Балтийский флот, равно кроме 2 Патаниоти всех греков из капитанов и офицеров». Как видно из резолюции, предложенные меры отличались резкостью. Царской администрации пришлось прибегнуть к переселению населения взбунтовавшегося города.

21 июля 1830 года М. С. Воронцов подал императору всеподданнейший рапорт, в котором предполагалось за оставляемые бунтовщиками и матросами дома выдавать им компенсации после оценки состояния зданий. Естественно, что Николаю I не понравилась такая инициатива: «Согласен, но платить за дома служащих матросов не следует, а продать их с публичного торга, возвратив им деньги». 24 июля 1830 года о затруднениях, возникших при переводе нижних чинов Морского ведомства в Херсон, извещал императора А. С. Грейг. И снова монарх продемонстрировал свою непреклонность: «Г. Воронцову, чтобы из сих людей сформировал роты из строевых строевые, а из нестроевых, т. е. ластовых и рабочих, особые, и отправил при самых надежных офицерах прямо, не останавливаясь, в Архангельск; жен отпустить особо с паспортами, отнюдь не позволяя следовать с мужьями, равно и детей женска полу и малолетних кантонистов оставить при матерях. Старее 8 лет сдать г. Витту, Г. Воронцову подробно уведомить, сколько какой команды собрано и отправлено и прислать маршруты».

Загадочный и трагический эпизод был представлен в записке графа Александра Христофоровича Бенкендорфа от 8 октября 1833 года. В ней описывались обстоятельства смерти флигель-адъютанта героя русско-турецкой войны 1828–1829 годов Александра Ивановича Казарского, которые оказались достойны пера Шекспира. Дядя Казарского Моцкевич, умирая, оставил ему шкатулку с 70 тысячами рублей,

которые после смерти были разграблены при активном участии Николаевского полицмейстера Автомонова. Было назначено расследование, и А. И. Казарский неоднократно говорил, что постарается обязательно узнать виновных. Автомонов был в связи с женой капитан-командора Михайловой, женщиной распутной и предприимчивой. У нее главной приятельницей была некая Роза Ивановна, имевшая знакомство с женой одного аптекаря. А. И. Казарский, посетив обед у Михайловой, выпил на нем чашку кофе и почувствовал действие яда. За помощью он обратился к штаб-лекарю Петрушевскому, который впоследствии рассказал следователям, что А. И. Казарский непрестанно плевал, отчего на полу образовались темные пятна, которые три раза пытались смыть, но они оставались черными. Когда А. И. Казарский умер, его тело было черным, как уголь, голова и грудь необыкновенным образом раздулись, лицо обвалилось, волосы на голове облезли, глаза лопнули, а ноги по ступни отвалились в гробу. Все это произошло менее, чем за двое суток. Назначенное А. С. Грейгом следствие ничего не открыло, а повторное расследование ничего хорошего не обещало, поскольку Автомонов считался близким родственником М. П. Лазарева.

Николай I поручил разобраться в деле князю А. С. Меншикову, поскольку случившееся было, по его мнению, «слишком ужасно». В резолюции монарх так обратился к своему подчиненному: «возлагаю на вашу совесть открыть лично истину».

Как следует из публикации в «Морском сборнике», Николай I принимал активное участие в создании и функционировании в Севастополе Морской офицерской библиотеки. Это учреждение было основано в 1821 году по инициативе А. С. Грейга, находилось в казенном здании, а книги приобретались на отчисления в размере одного процента из жалования адмиралов, штаб- и обер-офицеров. В 1834 году М. П. Лазарев предложил пожертвовать еще по проценту на строительство нового здания. Собранной суммы оказалось недостаточно, поэтому император пожертвовал 47122 рубля. В 1844 году новое здание библиотеки было открыто, но спустя восемь месяцев его уничтожил возникший по неизвестной причине пожар. Во время пребывания в Севастополе в 1845 году монарх пожертвовал 52 тысячи рублей на строительство нового здания. В 1850 году оно было открыто и стало одним из самых красивых в городе. Библиотека стала центром, вокруг которого группировалась жизнь офицеров Черноморского флота. Однако и этот корпус функционировал недолго. В дни Крымской войны бомба, прилетевшая с Малахова кургана, пробила крышу и потолок здания, упала в главный зал и вызвала пожар, который с трудом был потушен. Николай I снова откликнулся на случившееся, распорядившись отправить в Севастополь 25 тысяч рублей серебром на восстановление библиотеки [4].

Важные сведения о развитии специализированных курортно-оздоровительных учреждений Южного берега Крыма, которому способствовала династия Романовых, мы находим в статье доктора медицины и управляющего санитарной частью флота Константина Николаевича Зиновьева о санатории Морского ведомства в районе Ялты [5]. Данное учреждение находилось под августейшим покровительством императрицы Александры Федоровны. Оно должно было бороться с туберкулезом или бугорчаткой, как называли эту болезнь в начале XX века. В это время на флоте от этого недуга страдало около двухсот человек в год, а безвозвратные потери состав-

ляли четыре человека на тысячу личного состава. Главным средством борьбы с туберкулезом считалось содержание в санаториях, где больные были изолированы и пользовались новейшими способами лечения. В сентябре 1911 года главный санитарный инспектор флота Александр Ювенальевич Зуев представил морскому министру адмиралу Ивану Константиновичу Григоровичу доклад с ходатайством о разрешении выработки плана учреждения во флоте санатория на Южном берегу Крыма. А. Ю. Зуев предлагал в первое время ограничить число принимаемых больных пятью офицерами, пятью кондукторами и тридцатью нижними чинами. По климатическим условиям, а также по удобству обслуживания и сообщения, высказывалось предложение организовать санаторий в окрестностях Ялты, но у Морского министерства не было там земли. Решено было обратиться к императору. Доклад И. К. Григоровича о ситуации с заболеваемостью туберкулезом среди матросов и офицеров произвел впечатление на Николая II. 2 мая 1912 года появилось высочайшее соизволение о выделении участка земли из состава удельного имения «Массандра», между санаторием Александра III и Массандровским парком. В мае того же года приказом командира Севастопольского порта была назначена специальная комиссия для решения организационных вопросов, куда вошли компетентные врачи и главный инженер-строитель порта. 9 августа 1912 года в распоряжение комиссии был передан земельный участок, а 3 декабря императрица Александра Федоровна взяла под покровительство санаторий Морского ведомства. В январе 1913 года был создан строительный комитет, куда вошли санитарный инспектор порта, три врача, главный инженер-строитель и камергер императорского двора Владимир Николаевич Качалов, который был управляющим Массандровским дворцом. 29 мая 1913 года в присутствии командующего Черноморским флотом адмирала Андрея Августовича Эбергарда была осуществлена закладка первого здания будущего санатория. 26 августа того же года Александра Федоровна разрешила называть санаторные корпуса именами великих княжон. Дом для офицеров получил имя Ольги Николаевны, дом для кондукторов – Татьяны Николаевны, первый дом для нижних чинов – Марии Николаевны, а второй дом для нижних чинов – Анастасии Николаевны. 17 февраля 1914 года Николай II дал разрешение назвать именем цесаревича Алексея дом для больных детей чинов Морского ведомства. Первый санаторный корпус, построенный из местного камня, был закончен к апрелю 1914 года. Не последнюю роль в быстром строительстве сыграли пожертвования, самое крупное из которых (25 тысяч рублей) сделал почетный гражданин Николаева Петр Петрович Юрицын. 22 апреля 1914 года в присутствии Николая II и Александры Федоровны корпус имени Ольги Николаевны был освящен. К публикации «Морского сборника» об истории строительства санатория прилагался подробный план участка оздоровительного учреждения. Сегодня в его корпусах действует Крымский научно-исследовательский институт имени И. М. Сеченова.

Нельзя не отметить, что более других представителей династии Романовых «Морской сборник» освещал деятельность великого князя Константина Николаевича, что естественно, учитывая тот факт, что он долгое время возглавлял Морское министерство и курировал издание его официального печатного органа.

Константин Николаевич был одним из наиболее ярких представителей династии Романовых, сыном Николая I и братом Александра II. По решению отца он делает морскую карьеру, становится адмиралом, управляющим флотом и морским ведомством на правах министра. Период его управления Морским ведомством был ознаменован рядом реформ: сокращением наличного состава береговых команд, упрощением делопроизводства, учреждением эмеритальных касс и пенсий для отставников. Помимо этого был сокращен срок военной службы, отменены телесные наказания, увеличено содержание офицеров, в короткие сроки был модернизирован флот. При проведении реформ насущные вопросы открыто обсуждались на страницах «Морского сборника», где также печатались отчеты различных департаментов морского ведомства. Константин Николаевич принадлежал к либеральному лагерю. Он сыграл важную роль в проведении Великих реформ своего брата Александра II, был председателем Комитета по освобождению крестьян. С июня 1862 до октября 1863 года великий князь был наместником Царства Польского, но после восстания в Польше он был уволен от должности. В 1865 году Константин Николаевич назначен председателем Государственного совета – высшего законосовещательного органа Российской империи. На этом посту он находился до 1881 года [6].

Один из моментов либерализации флотской жизни, связанный с деятельностью Константина Николаевича, описан в статье лейтенанта И. Виноградского «Исторический очерк русской морской пехоты, строевой береговой службы во флоте и выдающихся судовых десантов (1705–1895 гг.)» [7]. В ней описывалось введение арестантских рот, на которые возлагались почти все валовые работы и большая часть мастерских работ в портах и адмиралтействах. В эти роты набирались заключенные из гражданского и военного ведомств, преимущественно обладающие профессиональными навыками. В 1824 году по предложению адмирала А. С. Грейга 15 первых арестантских рот было создано в Николаеве и Севастополе. Во время обороны Севастополя арестанты были выпущены на бастионы, где многие из них своей храбростью и хорошей службой заслужили прощение преступлений и разделили славу севастопольских героев. Арестантские роты просуществовали до 1857 года, когда великий князь Константин Николаевич распорядился заменить их вольнонаемными рабочими. В том же году в Севастополе были сформированы сводный флотский экипаж и портовая рота.

В «Морском сборнике» часто публиковались мемориальные публикации о Константине Николаевиче. Среди них следует выделить статью выдающегося русского юриста и общественного деятеля Анатолия Федоровича Кони. В ней он по достоинству оценил роль флотского журнала в жизни Российской империи и вклад великого князя в развитие свободы слова в пореформенном государстве: «Когда повеяло теплом нового царствования, ледяной покров безмолвия и ложного благоденствия стал быстро таять и всюду зажурчали ручейки пробуждающейся общественной жизни. Один из самых глубоких, живых и стремительных из них оказался в ведомстве, подчиненном великому князю «Морскому сборнику» принадлежит незабвенная честь широкого почина гласности в нашей печати. Покровительствуемый и оберегаемый Константином Николаевичем, этот журнал открыл свои страницы для смелого изобличения всех язв, недостатков и злоупотреблений, которыми была

полна жизнь страны, лежавшей «безглагольно, недвижимо» у ног ограниченной и своекорыстной военной и гражданской бюрократии» [8].

ВЫВОДЫ

Таким образом, журнал «Морской сборник», будучи официальным флотским изданием, во многих своих публикациях освещал деятельность представителей династии Романовых. В контексте крымоведения наиболее значимые из них посвящены Екатерине II, Николаю I, Николаю II и Александре Федоровне, а также великому князю Константину Николаевичу. Важность этих работ заключается не только в информации о самих августейших особах, но и сведениях по истории Крыма в конце XVIII – начале XX века. Публикации «Морского сборника» зафиксировали влияние дома Романовых на развитие крымских городов, Черноморского флота, курортной сферы.

Список использованных источников и литературы

1. Отрывки из записок Севастопольского старожила // Морской сборник. – 1852. – Т. 7, № 1. – С. 33–42.
Otryvki iz zapisok Sevastopol'skogo starozhila // Morskoj sbornik. – 1852. – Т. 7, № 1. – С. 33–42.
2. З. А. Двухдневное пребывание императрицы Екатерины в городе Севастополе, в 1787 году / З. А. // Морской сборник. – 1852. – Т. 7, № 1. – С. 42–47.
Z. A. Dvuhdnevnoe prebyvanie imperatricy Ekateriny v gorode Sevastopole, v 1787 godu / Z. A. // Morskoj sbornik. – 1852. – Т. 7, № 1. – С. 42–47.
3. Огородников С. Ф. Собственноручные резолюции императора Николая I по Морскому ведомству / С. Ф. Огородников // Морской сборник. – 1912. – Т. 343, № 12. – неоф. – С. 1–30.
Ogorodnikov S. F. Sobstvennoruchnye rezoljucii imperatora Nikolaja I po Morskemu ведомstvu / S. F. Ogorodnikov // Morskoj sbornik. – 1912. – Т. 343, № 12. – neof. – С. 1–30.
4. Морская Севастопольская библиотека // Морской сборник. – 1855. – Т. 15, № 3. – оф. – С. 1–7.
Morskaja Sevastopol'skaja biblioteka // Morskoj sbornik. – 1855. – Т. 15, № 3. – of. – С. 1–7.
5. Зиновьев К. Н. Санатория Морского ведомства имени ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны / К. Н. Зиновьев // Морской сборник. – 1914. – Т. 381, № 4. – оф. – прил. – С. 1–5.
Zinov'ev K. N. Sanatorija Morskogo ведомstva imeni ee imperatorskogo velichestva gosudaryni imperatricy Aleksandry Fedorovny / K. N. Zinov'ev // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 381, № 4. – of. – pril. – С. 1–5.
6. Огородников С. Ф. 50-летие журнала «Морской сборник» (1848–1898 гг.) / С. Ф. Огородников // Морской сборник. – 1898. – Т. 283, № 1. – неоф. – С. 119–166.
Ogorodnikov S. F. 50-letie zhurnala «Morskoy sbornik» (1848–1898 gg.) / S. F. Ogorodnikov // Morskoj sbornik. – 1898. – Т. 283, № 1. – neof. – С. 119–166.
7. Виноградский И. Исторический очерк русской морской пехоты, строевой береговой службы во флоте и выдающихся судовых десантов (1705–1895 гг.) / И. Виноградский // Морской сборник. – 1898. – Т. 284, № 2. – неоф. – С. 37–38.
Vinogradskij I. Istoricheskij ocherk russkoj morskoy pehoty, stroevoj beregovoj sluzhby vo flote i vydajushhihsja sudovyh desantov (1705–1895 gg.) / I. Vinogradskij // Morskoj sbornik. – 1898. – Т. 284, № 2. – neof. – С. 37–38.
8. Кони А. Ф. Великий князь Константин Николаевич / А. Ф. Кони // Морской сборник. – 1913. – Т. 374, № 1. – неоф. – С. 5–6.
Koni A. F. Velikij knjaz' Konstantin Nikolaevich / A. F. Koni // Morskoj sbornik. – 1913. – Т. 374, № 1. – neof. – С. 5–6.

Лепісевич Н. З. Династія Романових і Крим: погляд зі сторінок часопису «Морской сборник» / Н. З. Лепісевич // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 65–75.

Розглянуто основні публікації офіційного видання Морського міністерства часопису «Морской сборник», присвячені представникам династії Романових. Дані матеріали розкривають маловідомі епі-

зоди історії Криму і доповнюють вже відомі уявлення про минуле півострова. Різноманітна тематична палітра опублікованих у журналі статей: подорож Катерини II до Криму 1787 року, резолюції Миколи I, що стосуються Чорноморського флоту і життя портових міст Півдня України, участь царської сім'ї в будівництві протитуберкульозних медичних закладів тощо. Важливо, що для написання статей використовувалися маловідомі матеріали: свідчення очевидців подій, архівні матеріали, офіційні документи закритих відомств. Особливо цінні опубліковані видатним істориком флоту С. Ф. Огородніковим резолюції Миколи I. У них представлені нові відомості про чумному бунті в Севастополі в 1830 році, про нагородження і покарання службовців в Чорноморському флоті, про справу, пов'язану зі смертю А. І. Казарського. Публікації «Морського сборника» є важливою частиною загального корпусу матеріалів про династію Романових.

Ключові слова: династія Романових, «Морской сборник», Крим, Севастополь.

Lepisevich N. Z. Romanov dynasty and the Crimea: a view from pages by the magazine «Marine Collection» / N. Z. Lepisevich Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 65–75.

The article describes the main publication of the official publication of the Naval Ministry magazine «Marine Collection» devoted members of the Romanov dynasty. These materials reveal little-known episodes in the history of the Crimea and complement the already known ideas about the past of the peninsula. Despite the apparent scrutiny, history is replete with the Romanov dynasty «white spots. In this connection special importance is the identification and analysis of little-known sources for the history of the dynasty that ruled little more than three centuries. These should also include the official publications of the Naval Ministry of the Russian Empire – the magazine «Marine collection». The first major publication of the imperial house was an article about traveling Catherine II to the Crimea in 1787. Its value lies in the fact that it has prepared a witness of those events. He vividly described the life of Sevastopol in the late XVIII century and stay by Empress in the city. These notes were compiled in 1828 by one of the naval officers were dedicated to Admiral Alexei Samuilovich Greig, but it is unknown whether they provide it or not. To the Editor of «Marine Collection» these memories were transferred to the author's son. Informative material on the resolutions of Emperor Nicholas I was prepared S. F. Ogorodnikov. It contains valuable information about the plague riot in Sevastopol in 1830, the procedure for awarding the Black Sea Fleet, the circumstances of death of A. I. Kazarsky. S. F. Ogorodnikov resulted in the publication are the highest resolution, which, in his opinion, showed a strict and fair treatment of seafarers to the service of the sovereign, as well as the reward for his services, in which he saw the benefit and honor brought by the fleet. Many resolutions demonstrate specific nature of the monarch. Important information is provided on the participation of Nicholas I in the development of the Sevastopol naval library. Another unjustly forgotten episode in the history of the Crimea – is the creation of Massandra tuberculosis sanatorium named after the Empress Alexandra Feodorovna. «Marine Collection» described in detail the events of construction and opening of the institution. Important for researchers facts about the activities of the Minister of Marine Grand Duke Konstantin Nikolayevich also published in the official publication of the naval. Consequently, the publications of «Marine Collection» are an important part of the overall housing materials on the Romanov dynasty. The importance of these works is not only information about themselves of the royal family, but also information on the history of the Crimea in the late XVIII - early XX century. Publications by «Marine Collection» fixed impact on the development of the House of Romanov Crimean cities, Black Sea Fleet, resort areas.

Keywords: Romanov Dynasty, «Marine Collection», Crimea, Sevastopol.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

УДК. 725. 94 (477.75)

МЕЧЕТЬ «ЕШИЛЬ-ДЖАМИ» В БАХЧИСАРАЕ

Османов Э. Э.

*Таврический национальный университет В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: elvis_osmanov@mail.ru*

Мечети были самыми многочисленными культовыми сооружениями Бахчисарая. В эпоху существования Крымского ханства их было 32. Рассматривается история строительства одной из акцентных культовых построек Бахчисарая – мечети «Ешиль-Джами». Также анализируется участие Омера, придворного живописца при дворе крымских ханов Селямет-Герая и Крым-Герая, в росписи, а возможно и в строительстве мечети.

Ключевые слова: Бахчисарай, мечеть, культовая постройка, фресковая роспись, памятник архитектуры, ремонтные работы.

Бахчисарай вобрал в себя целый ряд исторических памятников, особый тип которых составляют культовые сооружения мусульман – мечети. П. С. Паллас называл их одним из украшений города. В 80-х гг. XVIII в. их насчитывалось тридцать восемь [1, с. 27].

Мечети Крыма, как и в других мусульманских странах, разделяются на два типа: купольные и базиличные. Минареты, купола мечетей определяли архитектурную форму этих сооружений, характер восточного города, его лицо. Мечети, которые сохранились и изображенные на фотографиях начала XX в. не имеют куполов. Они покрыты низкими скатными крышами треугольной формы (некоторые исследователи называют такие крыши шатровыми). В истории искусства ислама существует положение, что древнейшей формой является базилика с деревянным покрытием, и появление сводчатых мечетей относят лишь к XIV в [2, с. 112].

Особое положение в истории мусульманских культовых сооружений Бахчисарая занимает мечеть Ешиль-Джами, которая не сохранилась до наших дней. Интерес к ней возник еще в XIX в. Путешественник Н. Берг в своих походных записках, опубликованных в 1855–1856 гг., описал внешние росписи мечети и предложил свою версию, объясняющую отсутствие верхушки минарета. Внутреннее убранство охарактеризовано А. Н. Поповым в статье, являющейся отчетом о Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии в окрестностях Бахчисарая. Ценные сведения о мечети приводит член Таврической Ученой Архивной Комиссии, в дальнейшем ее председатель, А. И. Маркевич, который описал состояние мечети Ешиль-Джами. Один из первых исследователей крымскотатарского искусства М. Я. Гинзбург сконцентрировал внимание на творчестве иранского мастера Омера, придворного живописца в дворцовом комплексе Бахчисарая при крымских ханах Селямет-Герая и Крым-Герая, а также его участия в росписи, а возможно и в строительстве мечети Ешиль-Джами. Специалист-востоковед архитектор-реставратор Б. Н. Засыпкин изучал памятники архитектуры крымских татар: мечети, бани, фонтаны. В Бахчисарае

его внимание привлекло здание Ешиль-Джами, которую он относил к османскому периоду. У. А. Боданинский первый директор Бахчисарайского Дворца-Музея кратко остановился на истории строительства мечети, подробно описал ее внешний вид, современное состояние и считал возможным ее восстановление.

История строительства этой мечети связана с легендой о несчастной любви крымского хана Крым Герая к Диляре Бикеч. К сожалению, не сохранилось никаких сведений о ней самой. Разве, что титул «бикеч» указывал на ее высокое положение в иерархии ханского двора: бикечами в Крыму назывались высокопоставленные придворные распорядительницы.

Бахчисарайцы ханских времен, конечно же, хорошо знали столь заметную в городе фигуру, однако уже к XIX в. всякая память о реальной личности Диляры Бикеч полностью исчезла, уступив место легендам. Местные жители, а вслед за ними и приезжие литераторы перенесли в бахчисарайские декорации распространенное во многих странах повествование о влюбленном правителе и его безвременно почившей возлюбленной, роль которой была отдана Диляре. Так возникла местная легенда о «Фонтане слез», построенном Крым-Гераем якобы в знак безутешной скорби по любимой наложнице, отравленной ревнивыми соперницами. Многочисленные легенды «узнавали» в Диляре Бикеч то польку Марию Потоцкую, то грузинку, то черкешенку.

Как отмечалось выше, авторство мечети приписывается иранскому мастеру Омеру. Основанием для этого служит упоминание в надписи на ее главном фасаде о том, что «Работал Омер». С его именем связаны высшие достижения татарского монументально-декоративного искусства XVIII в. Перед исследователями сразу встал вопрос был ли Омер архитектором или только декоратором мечети. Вот что думал об этом М. Я. Гинзбург: «... Во всей наружной фресковой росписи мечети чувствуется заметная неспаянность с архитектурой здания, его расчленениями. Фрески вписываются несвободно, а скорее как-то втискиваются в интервалы между пилястрами. Трудно представить себе, чтобы один человек был автором этого памятника в целом, где как бы чувствуются в отдельности зодчий и живописец» [3, с. 218].

Если он и не строил Ешиль-Джами, то, вне всякого сомнения, был живописцем, умевшим находить синтез с архитектурой. Он владел совокупностью техник и декоративных приемов, позволявших ему искусно сочетать в отделке интерьеров и экстерьеров культовых и светских сооружений фресковую роспись, витражи, резьбу по дереву, пластику из алебаstra. Отделка мечети Ешиль-Джами была не самой ранней из его работ.

Видимо, Омер начинал свою творческую деятельность в Ханском Дворце при Селямет-Герая хане и одной из его первых работ можно считать роспись беседки, связанной с именем этого хана, к сожалению не сохранившейся до наших дней. Ее основной мотив представляла ваза, из которой как бы произрастал букет цветов и трав, заполняя тем самым плафон. Дата росписи – 1753 г.

В 1763 г. Омер расписывает Биюк Хан Джами (Большую ханскую мечеть), создавая блестящий ансамбль, включавший в себя и наружные фресковые росписи, и интерьеры: витражи, изразцы, лепнину, производившие сильное впечатление на молящихся.

К началу XX в., как отмечает М. Я. Гинзбург, «сохранились лишь изразцы ханской ложи и прекрасные цветные стекла с переборками из алебаstra, в которых без

труда можно узнать вкусы Омера. Самый абрис витража по своим пропорциям и венчающей по-татарски изогнутой кривой линии повторяет встречающийся на наружных стенах Ешиль-Джами декоративный мотив» [3, с. 220]

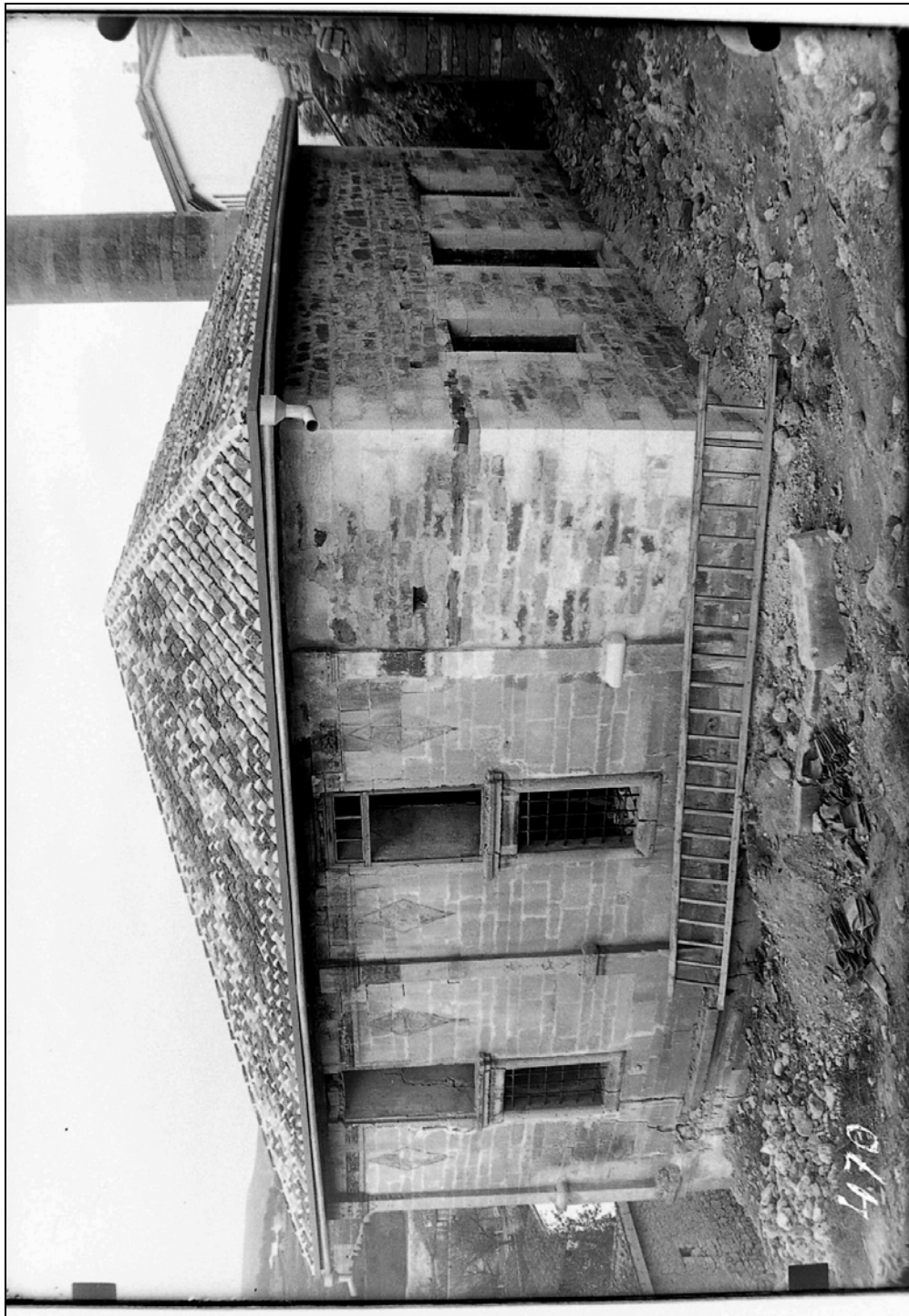
Разнообразные растительные мотивы, элементы пейзажей и натюрмортов в росписях Омера богато и сложно переплетены с каллиграфическими надписями, что, по мнению М. Я. Гинзбурга позволяет отнести Омера к «хаттатам» – художникам-каллиграфам. Неудивительно, что Крым-Герай хан, бывший одним из самых просвещенных правителей Крымского ханства, высоко ценил заслуги Омера, держал его при своем дворе и поручал ему работы особой значимости.

К числу таких работ, несомненно, относится и отделка Золотого кабинета, который после пожара 1736 г. был восстановлен с новым великолепием. При отделке этого помещения Омер достиг исключительной изысканности в вариациях голубовато-серебристого колорита. Он повторил прием сочетания росписей с рельефом из алебаstra по верхнему периметру стен, изображающим плоды и цветы. В отделке интерьеров художник также применил витражи, в основном повторяя тот рисунок и расцветку стекол, которые он создал в Ханской мечети [4, с. 157].

Приход мечети «Ешиль-Джами» находился напротив квартала Шах-Болат, по правую сторону от центральной улицы, которая в XIX – начале XX в. называлась Базарной. По одним сведениям это культовое сооружение построила сама Диляра Бикеч, так как среди знатных жительниц Дворца существовал обычай жертвовать средства на возведение культовых строений. На это указывала и сохранившаяся на одной из стен надпись: «Диляра, Божья милость на нее, год 1178» (1764). Существует легенда о том, что перед смертью она просила ее похоронить в таком месте Бахчисарая, откуда была бы видна Ешиль-Джами. Действительно, на противоположном склоне долины, хорошо виден мавзолей-дюрбе Диляры Бикеч. К области легенд относится и представление о Диляре как о «прекрасной юной особе». То подчеркнуто религиозное благоговение, с которым была похоронена Диляра, ведь мавзолей – это культовое здание, свидетельствует скорее о том, что подобным почетом был отмечен переход в мир иной пожилой женщины, прославившейся своим благочестием.

По другим сведениям Крым-Герай в память о своей возлюбленной повелел придворному мастеру Омеру возвести знаменитый «Фонтан Слез» – «Сельсебиль» и мечеть «Диляра Бикеч», переименованную прихожанами позднее в «Ешиль-Джами» – «Зеленая мечеть». По некоторым сходствам приемов обработки и живописи с мечетью Ешиль-Джами, надо думать, что мавзолей Диляры-Бикеч также был расписан Омером [3, с. 218].

В плане мечеть представляла правильный четырехугольник. К северо-восточному углу был пристроен небольшой минарет. Здание было перекрыто четырехскатной крышей с поливной зеленого цвета черепицей, от которой оно и получило свое название. Здание было выложено из бутового камня, имело каменные карнизы и пилястры. Мечеть была расписана как снаружи, так и внутри. Она освещалась окнами в два ряда. Со стороны главного фасада, имелся вход прямо во двор мечети, к которому вела каменная лестница. Ешиль-Джами, согласно мнению Б. Н. Засыпкина, была образчиком османского искусства на крымском полуострове.

Внутри мечети обращал на себя внимание красивый михраб со сталактитовой обработкой, и подписи симметрично расположенные вдоль карниза стены и «представляющие благочестивые изречения из Корана». На надписи в левом углу от михраба было начертано «Диляра. Рахимат Аллаху алейкума» [2, с. 115].

Средняя часть помещения, в виде четырехугольного каре, отделялась от остальной части деревянной колоннадой, поддерживающей ряд красивых вычурных восточных арок; с северной стороны, на уровне верхних окон, к колоннаде примыкают мафили (хоры). Судя по тому, что хоры как-то нескладно были втиснуты в аркаду в ущерб архитектурной логике, можно предположить, что по первоначальной идее автора их не было, и что это позднейшее искажение принадлежит времени, когда в мечети был монастырь дервишей.

На всем живописном декоративном убранстве была видна рука чуткого художника; тут слились между собой фрески, декоративная скульптура и каллиграфия. Автор фресок Ешиль-Джами Омер был первоклассным мастером: все детали фресок, например, розы и цветы на арках, отлично нарисованы и написаны в приятных розовато-палевых тонах; на арках, стенах стихи из Корана написаны графически безукоризненно черной краской по белому полю. Стены были оштукатурены и окрашены в приятный зеленый цвет, только местами прерываемый живописными филёнками и надписями.

В интерьерах Ешиль-Джами изумительное изящество декоративных росписей, в которых традиционные татарские цветочные мотивы переосмыслены и интерпретированы в духе западного рококо, органично сочетается со всеми элементами декора, включая тончайшей резьбы колонны, арки, маленькие декоративные купола.

Значительный художественный интерес представляли окна мечети; они были выложены по определенному рисунку мозаикой из кусочков разноцветного стекла, спаянных между собой алебастровыми рамками. Такой тип окон сохранился в некоторых покоях бахчисарайского дворца и еще в некоторых мечетях. Посередине мечети, из небольшого расписного купола в центре потолка спускалась люстра венецианского стекла тонкой работы; пол был выложен мраморными плитами и покрыт дорогами персидскими коврами. Деревянная резная кафедра, подставки лоя Корана, подсвечники и прочее были, по всей вероятности, высокого художественного достоинства. Увы, ничего от прежнего великолепия не сохранилось [5, с. 253]. Ешиль-Джами являлась лебединой песней татарского искусства, так как присоединение Крыма к Российской империи прекратило самостоятельность нации, и искусство, не поддерживаемое государством, «ушло в народ», проявляясь в предметах домашнего обихода и первой необходимости [2, с. 118].

Н. В. Берг путешествуя по Крыму в 50-е гг. XIX, отметил в своих походных заметках: «Хан повелел построить мечеть Ешиль-Джами в полуверсте от дворца. Эта мечеть похожа на дом и довольно велика. Она расписана извне разными цветами, наподобие каемок турецкой шали, а на фасаде изображено двое часов с гириями и маятником. Во время бури 2 ноября 1854, вершина минарета обвалилась и находится подле мечети» [6, с. 26].

«Ныне, – писал в начале XX в. М. Я. Гинзбург, – мечеть не только заброшена, но и находится накануне полного разрушения. Северной стены не существует вовсе; крыши почти нет; наполовину отсутствуют и балки, и стропила, и черепица...» [3, с. 221].

Арсений Иванович Маркевич в 1915 г. осматривал мечеть Ешиль-Джами, представляющую значительный художественный и исторический интерес, отметил, что «... верхняя часть минарета обрушилась, окна без коробок и рам, крыша почти совсем обвалилась...» [7, с. 254]. По его сведениям причина заброшенности мечети состояла в том, что в конце XVIII столетия, в ней или вблизи нее был убит мулла, поэтому она и считалась оскверненной и не могла более исполнять своего назначения. Так или иначе, Ешиль-Джами, вскоре была упразднена и в конце XIX столетия здесь была устроена татарская школа – мектеб.

16 июля 1915 г. Таврическое губернское правление уведомило Таврическую ученую архивную комиссию (ТУАК) о том, что особая Комиссия о вакуфах не имеет никаких средств не только к поддержанию в порядке мечети Ешиль-Джами, но и к надзору за ее целостностью. Губернское Правление интересовалось не нашла бы ТУАК удобным взять на себя заботы о сохранении и поддержании здания мечети Ешиль-Джами. В ответ на это ТУАК в своем заседании от 27 августа 1915 г. уведомило Таврического губернатора, что Комиссия не имеет возможности принять на себя заботу о Ешиль-Джами и посоветовала обратиться с ходатайством в Бахчисарайскую Городскую Управу «о принятии мер к сохранению от гибели этого интересного памятника татарской старины в Крыму» [8, с. 206].

Октябрьская революция 1917 г. застала дело охраны памятников старины в Крыму в разрозненном, неорганизованном состоянии. Общий надзор над охраной памятников добровольно несла ТУАК, не имевшая для своей цели ни достаточных средств, ни юридической силы т.к. не было еще соответствующих законодательных норм. Как указывал директор музея У. Боданинский в своей докладной записке о положении дворца-музея в г. Бахчисарае – «ценнейшие археологические памятники расхищались и разрушались...» [9, с. 113].

После восстановления Советской власти в Крыму 13 ноября 1920 г. при Крымнаробразе в составе подотдела искусств, был организован специальный орган – Крымский Областной Комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы – КрымОХРИС, который объединил в себе дело археологической охраны в Крыму.

В ноябре 1923 года архитектор КрымОХРИСа, профессор П. И. Голландский, ввиду предстоящих ремонтных работ осмотрел памятники, подлежащие ведению Крым ОХРИСа. В своем отчете для музейного отдела Главнауки 6 октября ученый отмечал, что причиной осмотра было стремление к более рациональному использованию выделенной Главнаукой суммы (135 000 рублей). Выводы П. И. Голландского сводились к тому, что ассигнованная сумма, переведенная в новый номинал согласно денежной реформе 1923 г. (450 руб. золотом), мала и что только на текущий ремонт памятников было необходимо не менее 3000 руб. золотом. Мечеть Ешиль-Джами им также была осмотрена. Ее состояние признано было им угрожающим, произведение ремонта – опасным для рабочих, а стоимость ремонта – являлась практически равной постройке нового здания. Голландский предложил сделать все

возможные замеры, сохранить части декора мечети Ешиль-Джами и «предоставить времени его разрушительную работу довести до конца» [10, с. 13].

Директор Дворца-Музея У. Боданинский не согласился с этим заключением и в своем обращении в Музейный отдел Главнауки от 1 ноября 1923 года просил учесть его «особенное мнение по той части докладной записки архитектора КрымОХРИСа П. И. Голландского, которая касалась ремонта Ешиль-Джами – Зеленой мечети в Бахчисарае». У. А. Боданинский кратко остановился на истории строительства мечети, подробно описал ее внешний вид и современное состояние. Директор дворца-музея считал возможным ее восстановление. Для этого, необходимо было отремонтировать крышу, переложить черепицу на ней, устранить разрушительное действие осадочных вод, временно восстановить рухнувшую стену по так называемому крымскому методу (построить деревянный каркас, стены заложить саманным кирпичом-сырцом, покрыть штукатуркой). У. А. Боданинский отмечал также, что восстановление памятника, кроме научного характера, «будет иметь в глазах татарского населения большое политическое значение». Признавал необходимость обмеров и фотографирование памятника до, и после реставрации и просил Музейный отдел, в соответствии с изложенными обстоятельствами, увеличить испрашиваемую сумму в два раза – до 200 рублей золотом.

Ответом Музейного отдела Главнауки на доклады П. И. Голландского и У. А. Боданинского стало письмо заведующего этим учреждением в КрымОХРИС от 22 ноября 1923 года. В нем указывалось, что «по существующим условиям трудно рассчитывать на получение достаточного кредитования для выполнения капитального ремонта и, по-видимому, придется ограничиться лишь мелкими починками». Касательно предложений У. А. Боданинского о первоочередных мерах по ремонту Зеленой мечети Музейный отдел принимал их во внимание и предлагал для их осуществления выделить деньги из уже направленных на реконструкцию Бахчисарайского дворца средств [10, с. 13]. (Рис. 1).

Во время Великой Отечественной войны дворец могли полностью разорить, однако перед самым приходом оккупантов ценные экспонаты удалось припрятать в пещерах Чуфут-Кале. Мечеть Ешиль-Джами, приведенная в порядок КрымОХРИСом, в период оккупации была почти разрушена. Сохранился лишь юго-западный угол, оставшаяся же часть минарета обвалилась.

Советская администрация, пришедшая на смену германской, в первый же месяц провела поголовную депортацию крымских татар. Раздавались «предложения» вслед за этим разрушить и основной исторический памятник выселенного народа.

Дворец был спасен от уничтожения усилиями ученицы Боданинского Марии Кустовой, настоявшей на необходимости сохранения Дворца хотя бы из тех мотивов, что благодаря Пушкину он прославился на весь мир.

Памятник остался нетронутым и вскоре музей продолжил работу. Одной из первоочередных задач, которые стояли перед сотрудниками музея после ухода нацистов, был – осмотр и фиксация памятников города и окрестностей с целью выявления разрушений. Что и было произведено в июне 1944 г. членами экспедиции отдела по охране памятников Управления по делам архитектуры при СНК РСФСР [11, л. 4]. Что касается мечети Ешиль-Джами, то согласно информации к.и.н., заведующего кафедрой истории

древнего мира и средних веков исторического факультета ТНУ имени В. И. Вернадского А. Г. Герцена, которую он получил от старожилы города, в 1946–1947 гг. она была демонтирована по приказу городских властей Бахчисарая.

На современном этапе территория мечети Ешиль-Джами застроена. Здесь сейчас располагается кафе-ресторан «Мусафир»

Список использованных источников и литературы

1. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. – М., 1999. – 290 с.
Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshhestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. – М., 1999. – 290 s.
2. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – 1927. – № 2(4). – С. 111–168.
Zasyrkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar // Krym. – 1927. – № 2(4). – S. 111–168
3. Гинзбург М. Омер – придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев // Забвению не подлежит. – Казань, 1992. – С. 217–222.
Ginzburg M. Omer – pridvornyy zhivopisets i dekorator krymskikh khanov Selyamet i Krym-Gireev // Zabveniyyu ne podlezhit. – Kazan, 1992. – S. 217–222.
4. Червонная С. М. Искусство татарского Крыма. – М., 1995. – 336 с.
Chervonnaya S. M. Iskustvo tatarskogo Kryma. – М., 1995. – 336 s.
5. Кашпар А. О. Характерные отличия восточной архитектуры // Третья учебная экспедиция Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности / сост. А. Н. Попов. – Симферополь, 1889. – С. 22–26.
Kashpar A. O. Harakternye otlichija vostochnoy arhitektury // Tretya uchebnaya ekspeditsiya Simferopolskoy muzhskoy gimnazii: Simferopol i ego okrestnosti / sost. A. N. Popov. – Simferopol, 1889. – S. 22–26.
6. Берг Н. В. Бахчисарай (отрывок из походных заметок). – СПб., 1856. – 167 с.
Berg N. V. Bakhchisaray (otryvok iz pokhodnykh zametok). – SPb., 1856. – 167 s.
7. Маркевич А. И. Мечети Ешиль-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1915. – № 52. – С. 253–255.
Markevich A. I. Mecheti Yeshil-Dzhami i Takhtaly-Dzhami v Bakhchisaraye // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii. – 1915. – № 52. – S. 253–255.
8. Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии от 27 августа 1915 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1916. – № 53. – С. 206–208.
Protokoly zasedaniy Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii ot 27 avgusta 1915 g. // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii. – 1916. – № 53. – S. 206–208.
9. Османова Г. Деятельность Бахчисарайского дворца-музея по охране памятников в 1920–30 гг. // Сборник докладов научно-практической конференции посвященной 90-летию со дня основания Бахчисарайского музея. – Симферополь, 2007. – С. 113–120.
Osmanova G. Deyatelnost Bakhchisarayskogo dvortsya-muzeya po okhrane pamyatnikov v 1920–30 gg. // Sbornik dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii posvyashchennoy 90-letiyu so dnya osnovaniya Bakhchisarayskogo muzeya. – Simferopol, 2007. – S. 113–120.
10. Хливнюк А. В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20–30 гг. XX в. // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 12–19.
Khlivnyuk A. V. Neizvestnye stranitsy pamyatnikookhranitelnoy raboty v Krymu v 20–30 gg. XX v. // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – S. 12–19.
11. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-4281. Бахчисарайский историко-археологический музей, оп. 1, д. 8. Акты проверок состояния построек Дворца-Музея и памятников культуры в 1945–1946 гг., 162 л.
Gosudarstvennyy arkhiv Avtonomnoy Respubliki Krym, f. R-4281. Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy muzey, op. 1, d. 8. Akty proverok sostoyaniya postroek Dvortsya-Muzeya i pamyatnikov kultury v 1945–1946 gg., 162 ark.

Османов Э. Э. Мечеть Ешил-Джамі в Бахчисарай / Э. Э. Османов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 76–84.

Мечеті були найчисельнішими культовими спорудами Бахчисарая. В епоху існування Кримського ханства їх було 32. У статті розглядається історія будівництва однієї з акцентних культових будівель Бахчисарая – мечеті Ешил-Джамі. Також аналізується участь Омера, придворного живописця при дворі кримських ханів Селямет-Герая і Крим-Герая, в розпису, а можливо і в будівництві мечеті.

Ключові слова: Бахчисарай, мечеть, культова споруда, фресковий розпис, пам'ятка архітектури, ремонтні роботи.

Osmanov E. E. Mosque Yesil-Jami located in the Bakhchisaray / E. E. Osmanov Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 76–84.

Mosques were the most numerous religious buildings Bakhchisaray. There were 32 in the era of the Crimean Khanate. The article examines the history of the construction Yesil Jami Mosque one of the iconic buildings of Bakhchisaray. Mosques incorporated number of historical monuments of Bakhchisaray as special type of Muslim architecture. Most mosques built of hewn stone; almost every mosque has a minaret or a circular tower of considerable height, topped with a crescent. Yesil Jami Mosque has not survived to the present day, but it continues to occupy a special position in the history of the Muslim architectural monuments of Bakhchisaray. History of the building of this mosque associated with the legend of unrequited love Crimean khan Crim-Giray to Georgian captive Dilyare Bikech early died far from home in captivity. Not survive any information about her unfortunately. Is that the title of «Bikech» pointing to its highest position in the hierarchy of the Khan's court: Bikech in the Crimea were called high court hostess. Legend has it that before she died, she asked her to be buried in a place of Bakhchisarai, would have been visible from the Yesil Cami. Mausoleum dyurbe Dilara Bikech clearly visible on the opposite slope of the valley. Master Omer, a talented poet and calligrapher, the authorship of this unique monument attributed Bakhchisaray. He worked in the reign of the Crimean khans Salaamed and Crim-Giray as the court painter and decorator. For some similarities methods of processing and painting the mosque Yesil Cami, we suppose, that the mausoleum Dilara Bikech also been painted Omer. The mosque was offset by a hipped roof with green tiles, from which it got its name. The building was built of stone and was painted both outside and inside. She covered the windows in two rows. There is a theory that, the mullah was killed near it, at the end of XVIII century and therefore it was considered unholy and could no longer fulfill its purpose. Anyway, the Yesil Cami, was soon abolished and at the end of the nineteenth century there has been arranged Tatar School – maktab. In 1917 year of October was founded The Museum of Turkey-Tatar culture in the Khan Palace. The main interest gave for historical objects arranged on territory of city Bakhchisaray – durbes, mosques. In November 1923, an architect, professor, P. I. Gollandsky inspected architectural monuments for more efficient use of allocated Glavnauka amount (135,000 rubles). Yesil Mosque Jami it was also examined. Her condition was considered threatened; repair work - dangerous for the workers, and the cost of repair - was nearly equal to the construction of the new building. Dutch offered to make all possible measurements, keep the decor of the mosque Yesil Cami and «give the time of his destructive work to finish». The director of the Palace Museum U. Bodaninsky outlined the history of the construction of the mosque, a detailed description of its appearance and the current state in his address to the Museum Department Glavnauki. The director of the Palace Museum insisted on carrying out repair work to restore it. The Soviet administration held the deportation of the Crimean Tatars. Rang out «offers» followed by ruin the main historical monument of the deported people. The palace was saved from destruction by the efforts of a student Bodaninsky Mary Sectional, insisted on the need to maintain at least the Palace of the motives that because of Pushkin, he became known to the whole world. The monument was left intact and the museum continued to work soon. One of the first tasks that confronted the museum staff was - viewing and recording of monuments of the city and the surrounding area in order to detect damage after the departure of the Nazis. Yesil Jami Mosque was almost destroyed during World War. Yesil Jami Mosque built up at the present stage area. Cafe-restaurant «Musafir» is here now.

Key words: Bakhchisaray, mosque, the iconic building, mural painting, architectural monument, repairs.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. В. Ю. Ганкевич

УДК 908: 021.9 (477.75)

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КНИЖНЫХ БОГАТСТВ «КАРАЙ-БИТИКЛИГИ» (ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД)

Парафило Д. М.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: denis_parafilo@mail.ru*

Впервые на основе синтеза неизвестных архивных и опубликованных источников восстановлена картина научного изучения книжных богатств «Карай-Битиклиги», осуществлявшегося в период 10–20-х гг. XX в. силами как местных представителей караимской общественности и крымских научных деятелей, так и столичными учеными. Освещается ход научных изысканий и поле исследования. Особое внимание уделено научному деятелю М. Н. Соколову.

Ключевые слова: «Карай-Битиклиги», библиотека, П. Я. Чепурина, Б. С. Ельяшевич, М. Н. Соколов.

Проблема освещения научного изучения книжных богатств «Карай-Битиклиги» в 1916–1931 гг., участие в ней представителей местных научно-исследовательских кругов, с одной стороны, и – столичных специалистов гебраистов-востоковедов, с другой, остается малоизученным. Необходимость восстановления полноценной картины этого процесса на основании новых архивных источников объясняет **актуальность** нашего исследования. Его **целью** является научная реконструкция изучения караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги».

Вместе с тем, выявленные материалы архивов и малоизвестных опубликованных источников позволяют говорить о том, что научное изучение «Карай-Битиклиги» в период 10–20-х гг. XX в. протекало неравномерно. Анализ документальной базы по проблеме позволяет нам выделить два периода в истории научного изучения коллекции. 1916–1921 гг. – период становление собрания, связан с деятельностью представителей караимской общественности М. Я. Фирковича и С. С. Ельяшевича. 1921–1929 гг. – период научного изучения коллекции, как крымскими научными специалистами (П. Я. Чепурина, Б. С. Ельяшевич), так и столичными гебраистами-востоковедами (В. А. Гордлевский, И. Ю. Крачковский, М. Н. Соколовы).

Библиотека «Карай-Битиклиги» возникла в июне 1916 году на базе существовавшего в Евпатории при Караимском духовном правлении книгохранилища по личному распоряжению караимского гахама Сераяи Марковича Шапшала (1873–1961). Первым заведующим библиотеки стал М. Я. Фиркович (1846–1916) [9, с. 8]. Он был внуком знаменитого караимского историка А. С. Фирковича. Среди современников он выделялся обширными познаниями рукописной и печатной караимской книги. Б. С. Ельяшевич указывал, что «М. Я. Фиркович передал в «Карай-Битиклиги» и свою небольшую, но ценную библиотеку, в которой находились неизданные рукописи и много полтипажей с древних караимских надгробных надпи-

сей, а также речи и переписка с учеными великого его деда А. С. Фирковича. М. Я. Фиркович хорошо знал древнееврейский и родной караимский языки» [1, с. 196]. Первоначально коллекция включала нескольких книг, принадлежащих караимской общине, а также – 400 томов с печатями покойного Нисан Давидовича Кокизова (1843–1908) [9, с. 9]. В годы гражданской войны происходило дальнейшее фондов библиотеки путем пожертвований книг и целых частных собраний от известных и богатых караимов. Как отмечал М. Я. Фиркович, «после смерти гахама Самуила Моисеевича Пампулова его семьей были пожертвованы два ящика ценных книг, принадлежавших покойному. Их примеру последовали и другие караимы. Семья покойного Барахи Моисеевича Шишмана принесла в дар 40 томов. Таким образом, к июню 1917 г. в библиотеке насчитывалось до 1200 томов книг и рукописей [9, с. 9].

М. Я. Фиркович начал проводить работу по распределению книг и рукописей в библиотеке по отделам. Он учредил 11 отделов: 1) произведения религиозного характера; 2) философия; 3) этика, нравственная философия; 4) история караимов и израильского народа; 5) изящная словесность; 6) сочинения по истории караимского языка и письменности; 7) комментарии на тексты Ветхого Завета; 8) физика; 9) астрономия; 10) математика; 11) словари и справочники [9, с. 9].

Таким образом, М. Я. Фиркович был первым, кто приступил к научной разработке уникального собрания. Он отмечал, что «датирован самый старый манускрипт 1280 г. и представляет собою Пятикнижие, написанное на тонко выделенной коже неким караимом Екар-Галлеви и пожертвованное в том же году Моисеем Когеном в кенасу Дамаска. Имеются несколько списков XVII в. с комментариями на Библию, написанных на арабском языке и принадлежащих перу известного караимского богослова Ефета Галлеви, жившего в X в.» [10, с. 42]. Дальнейшей научной разработке рукописей и книг помешала внезапная смерть М. Я. Фирковича 29 января 1918 г. по дороге из Евпатории в Мелитополь на станции Сарабуз от разрыва сердца [27, с. 348].

После смерти М. Я. Фирковича необходимо было найти ответственного и способного человека, понимающего всю важность сохранения коллекции. Полгода должность заведующего библиотекой была вакантной и лишь в июне 1918 г. была занята Симой Саадьевичем Ельяшевичем (1879–1933). Он родился в 1879 г. в семье Рахили и Саады Ельяшевичей. В 1892 г. семья переехала в Москву и Симу Саадьевича отдали на учебу в Строгановское училище, 6 общеобразовательных классов которого он закончил. Затем Сима Саадьевич сдал экстерном экзамены за 8 классов гимназии, также несколько лет дома изучал иврит.

По приглашению своего брата Бориса Саадьевича С. С. Ельяшевич в 1914 году приехал в Крым, где проживал до 1921 г. Именно на этот период приходится часто общественная деятельность на благо караимского народа. С. С. Ельяшевич активно выступал на собраниях Симферопольской и Евпаторийской караимских общин [26, с. 348]. С. С. Ельяшевич 24 июня 1918 г. подал прошение на имя С. М. Шапшала на вакантную должность библиотекаря «Карай-Битиклиги» [13, л. 2]. С. М. Шапшал принял прошение и с 24 июня 1918 г. по сентябрь 1921 г. С. С. Ельяшевич стал вторым хранителем «Карай-Битиклиги». По свидетельству самого С. С. Ельяшевича

«Работа по библиотеке была самая разнообразная вплоть до переделок разборных шкафов, вследствие отсутствия необходимых для библиотеки кредитов» [14, л. 8]. Однако, несмотря на материальные трудности библиотека «Карай-Битиклиги» пополнялась частными собраниями. Как отмечал С. С. Ельяшевич, в библиотеку в июле 1918 г. поступило крупнейшее пожертвование от наследников Моисея Симовича Сарача – Лазаря и Самуила Моисеевичей (Одесса) от которых было получено 440 книг [3, с. 11]. Продолжая писать о пожертвованиях, С. С. Ельяшевич указывал: «так от г. Гелеловича Исаака Ароновича остались книги присланные наследниками, всего 53 тома. Наследник известного в свое время газзана и караимского ученого Ю. Савускана обещал принести в дар несколько сот томов книг своего отца. Приносили книги и не караимы, так г. Сергей Степанович Чех пожертвовал 16 томов. Гахам С. М. Шапшал не переставал пополнять библиотеку – передал часть своей библиотеки, книги по караимике. Гахам передал в Библиотеку кроме того на хранение (временно) и для обозрения некоторые исторические вещи своего музея. Все эти музейные вещи, оставаясь личной собственностью Высококостепенного Гахама, украшают нашу Библиотеку» [3, с. 12].

К концу 1920 г. библиотека «Карай-Битиклиги» включала в себе более 1000 рукописей и 4000 томов разнообразных книг по истории караимов и зарубежных изданий. Одним из направлений научной работы С. С. Ельяшевича являлось составление описей частных собраний, поступивших в библиотеку от дарителей-меценатов. С. С. Ельяшевич составил опись частного собрания М. С. Сарача полученных книг, которая на данный момент хранится в фондах Евпаторийского краеведческого музея. Дата составления документа неизвестна, но можно предложить, что это июль 1918 г. – время поступления собрания в библиотеку «Карай-Битиклиги» [26, с. 349]. Официальное название документа «Опись библиотеки Моисея Симовича Сарача, пожертвованной Лазарем и Самуилом Сарачами (Одесса)» [17]. Благодаря составленной описи мы имеем возможность представить научную реконструкцию книжного собрания Моисея Симовича Сарача, являвшегося частью «Карай-Битиклиги», в чем и заключается научная ценность документа.

Помимо составления описей, С. С. Ельяшевич продолжил труды М. Я. Фирковича по выявлению важных документов и редких изданий библиотеки. Так в очередном выпуске «Известий караимского духовного правления» выходит статья С. С. Ельяшевича «Караимские исторические документы» [4]. В которой автор перевел на русский язык и впервые напечатал текст «Хутбе» - молитвы о здравии крымского хана Менгли Гирея II [4, с. 6–10], а также еще один исторический документ, проливающий свет на биографию первого караимского Гахама Хаджи-Аги Симы Бабовича – «Циркулярное письмо, разосланное караимски общинам, по смерти Его Высококостепенства Караимского Гахама Хаджи-Ага Симы Бабовича, исполнявшим должность Гахама Соломоном Беймом» [4, с. 10–16]. Дальнейшие публикации архивного материала «Карай-Битиклиги» помешали события гражданской войны в Крыму. После установления советской власти библиотека «Карай-Битиклиги» была национализирована вошла в состав фондов Евпаторийского краеведческого музея, подведомственного КрымОХРИСу. С. С. Ельяшевич вынужден был сложить с себя полномочия хранителя коллекции и выехать в сентябре 1921 г. в Москву.

Второй этап научного изучения книжных богатств «Карай-Битиклиги» связан с подвижнической деятельностью этнографа Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947). Полина Яковлевна Чепурина родилась 8 октября 1880 г. в Киеве в семье священника. После традиционного курса домашнего образования она окончила Евпаторийскую гимназию, а затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где она получила специальность «археолог-художник» [21, с.143]. Ее научным наставником в Институте была известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886–1931) [24, с. 306]. 20 ноября 1920 г. П. Я. Чепурина стала научным сотрудником Евпаторийского музея, в апреле 1921 г. председателем Евпаторийского ОХРИС [15, л. 4]. А в ноябре 1921 г. совмещая пост председателя евпаторийской секции КрымОХРИС – директором Евпаторийского музея краеведения до 1927 г. [15, л. 111]. Основными научными интересами П. Я. Чепуриной на протяжении жизни являлось изучение крымскотатарского и караимского народного искусства.

Отдельной страницей подвижнической деятельности П. Я. Чепуриной в области изучения и сохранения культуры народов Крыма была концентрация при музее караимского национального книжного фонда. Важной составляющей частью музея была находящаяся в его ведении караимская национальная библиотека «Карай-Битиклиги». Благодаря усилиям П. Я. Чепуриной к научному изучению «Карай-Битиклиги» привлекались научные силы из столичных центров, а также местные специалисты.

Летом 1924 г. академик Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951 по приглашению Крымского университета имени товарища М. В. Фрунзе был командирован Академией наук в Крым для прочтения курса лекций по арабистике на Восточном отделении педагогического факультета. Наравне с этой, основной целью поездки академик считал необходимым «предварительное ознакомление с собранием мусульманских рукописей» 31 мая – 1 июня Игнатий Юлианович останавливался в Евпатории. Он посетил «Карай-Битиклиги». По предварительному заключению учебного, по своему составу коллекция «напоминает собрание Фирковича в Публичной библиотеке, но уступает в качественном отношении» Историк особенно выделил значение для науки находящихся там, на хранении, интереснейших рукописей религиозного содержания [25, с. 208]. В это время на значение коллекции Карай-Битиклиги для изучения различных аспектов крымоведения и востоковедения в целом обращали внимание своих коллег многие известные исследователи. Так, украинский этнограф Евгения Юрьевна Спасская (1892–1980), которая плодотворно изучала народный орнамент караимов и крымских татар, писала об уникальном составе коллекции Карай-Битиклиги своему учителю Даниилу Михайловичу Щербаковскому, отдыхавшему в Крыму в сентябре 1925 года: «В караимской библиотеке собрано б. 10.000 томов книг и б. шестисот рукописей на древне-еврейском, персидском, турецком и др. языках» [24, с. 306].

Научному изучению коллекции активно способствовал Б. С. Ельяшевич, единственный оставшийся после революции бывший член Караимского духовного правления и ставший бесплатным хранителем коллекции.

Б. С. Ельяшевич, родился 13 марта 1861 г. в г. Поневеже (Литва) [2, с. 50]. В 1888 г. вместе с семьей он переехал в Москву. В детстве Б. С. Ельяшевич не посещал школу – караимскую и русскую грамматику он усвоил от своего отца Саады Семеновича. Московское караимское общество за свой счет послало Б. С. Ельяшевича учиться в открытом в 1895 г. Александровском караимском духовном училище. После его окончания, Борис Саадович уехал в Москву. С перерывами с 1903 по 1921 гг. Борис Саадович работал преподавателем древнееврейского языка в Александровском караимском духовном училище [27, с. 15]. 15 марта 1915 г. Б. С. Ельяшевич стал старшим газзаном Соборной кенасы Евпатории. В 1917–1920 гг. Б. С. Ельяшевич преподавал караимскую грамматику в Александровском караимском духовном училище, был старшим газзаном в кенасе, заведовал канцелярией Таврического и Одесского караимского духовного правления и замещал гахама во время его отъездов из Евпатории [1, с. 174]. А после выезда своего брата С. С. Ельяшевича в Москву поселяется в доме при библиотеке «Карай-Битиклиги» для охраны коллекции [1, с. 175], стал внештатным хранителем и сотрудником евпаторийского отделения КрымОХРИС и Евпаторийского музея. Б. С. Ельяшевич посвятил последующее десятилетие своей жизни служению своему народу, пытаясь не допустить разграбления уникальной книжной коллекции. Б. С. Ельяшевич обращал внимание крымских властей на неудовлетворительное состояние здания, в котором хранилась «Карай-Битиклиги».

Живя при библиотеке, старатель свободное время посвящал освоению и изучению книжного и рукописного фонда, а также предметов материальной культуры. Его глубокие знания не раз помогали ученым при работе с древними текстами на караимском языке, изучении рукописного фонда коллекции.

В 1925 г. Борис Саадович ознакомил караимского ученого Т. С. Леви-Бабовича с богатством книг и рукописей библиотеки, помог перевести некоторые сочинения с французского на русский язык [2, с. 51]. Т. С. Леви-Бабович в марте 1926 г. на основе материалов, почерпнутых из коллекции «Карай-Битиклиги» выпускает научно-популярную брошюру «Три странички», в которой подтверждает гипотезу Авраама Самуиловича Фирковича (1786–1874) об автономном происхождении крымских караимов [18].

12 октября 1924 г. П. Я. Чепурина написала письмо в Государственную академию истории материальной культуры, где просила прислать «специалистов гебраистов для разбора и оценки книжного материала» [15, л. 12]. Руководство Академии на летние месяцы 1926 и 1927 гг. в Евпаторию прислала Михаила Николаевича Соколова (1890–1937) – крупного советского семитолога. После окончания духовной семинарии (1910 г.) и Московской духовной академии (1914 г.) он продолжил свое образование в Санкт-Петербургском университете (1915–1917 гг.) у академиков П. К. Коковцева и И. Ю. Крачковского, где изучал гебраистику и арабистику. В до-советское время преподавал в Петербургском богословском институте, а с 1918 г. – в университете [19, с. 235]. В 1921 г. М. Н. Соколов был избран секретарем Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, а 1 августа 1924 г. зачислен научным сотрудником I разряда в штат Азиатского музея, заведовал еврейским отделом музея. Совместно с П. Я. Чепуриной, Б. С. Ельяшевичем

М. Н. Соколов разбирал и каталогизировал рукописное богатство библиотеки. Результаты своих научных изысканий ученый опубликовал в отчетах Академии наук за 1926 и 1927 гг. [6; 7].

В отчете за 1926 г. М. Н. Соколов отмечал, что «был командирован летом отчетного года (по инициативе и на средства музея краеведения в Евпатории) на один месяц на руководство по разбору материалов Карай-Битиклиги – караимской национальной библиотеки в Евпатории» [6, с. 144]. Ученый восстановил краткую историю создания библиотеки, остановился на современном состоянии собрания: «В самое последнее время вошла часть библиотеки А. Ю. Мичри, имеющая около 40 рукописей, среди которых оказалась и считавшиеся погибшей в во время Севастополя единственная рукопись комментатора на Пятикнижие Товие бен Моше. В настоящее время в библиотеке хранится приблизительно до 4000 книг, среди которых имеются инкунабулы и весьма ценные старопечатные еврейские книги. Также присоединился к библиотеке и архив караимского духовного правления, где находятся весьма важные документы по истории караимов. Сочинения крымских караимов со своими единоверцами, жившими вне Крыма» [6, с. 144]. Описывая свою научную работу, М. Н. Соколов указывал на то, что «Ввиду особой важности рукописного собрания, М. Н. Соколов решил присоединить к одному месяцу командировки месяц отпуска, употребив все это время на составления описания рукописей. За два месяца им, совместно с хранителем библиотеки Б. С. Ельяшевичем, было составлено краткое описание большей части рукописного собрания, а именно, описано свыше 500 сочинений, главным образом, караимских авторов, в 300-х томах. При описании устанавливался автор и заглавие сочинения, его переписчик, и затем отмечалось только время и место написания. Недостаток времени не дал возможности даже обозначить везде количество листов, и это удалось лишь в отношении наиболее ценных с научной точки зрения произведений. Несмотря на такую лаконичность, осталось еще не зарегистрированными 370 рукописей. Среди оставшихся рукописей имеется 50 томов на рабском языке, написанных еврейскими буквами, и 20 томов на караимском языке» [6, с. 145]. Из-за недостатка времени совершенно не были затронуты книжные и архивные богатства библиотеки. М. Н. Соколов предлагал продолжить научную разборку богатств «Карай-Битиклиги» – «прежде составления каталога необходимо провести большую работу по выделению книг на древне-еврейском языке и расстановке их в правильном порядке» [6, с. 145].

В следующем 1927 г. ученый-гебраист пробыл в Евпатории два месяца на средства Евпаторийского музея краеведения. Главной задачей командировки являлось «прежде всего, окончание начатого в прошлом году описания рукописей названной библиотеки» [7, с. 175]. Совместно с хранителем библиотеки Б. С. Ельяшевичем удалось сделать научные описания «свыше 1000 сочинений, главным образом караимских авторов в 138 томах, из которых 30 томов на арабском языке, остальные же на древне-еврейском. Среди отмеченных рукописей имеются уникалы: чрезвычайно богата представлены работы поздних караимов, так например целый ряд повестей Моисея Мицуруди, относительно самого существования которых некоторыми учеными высказывались сомнения. Имеются две полных библейских пергаментных рукописи с датами, одна 1280 г., другая, с орнаментами, 1456 г.» [7, с. 175]. Послед-

ние несколько дней Михаил Николаевич употребил на разбор книжной части библиотеки и выделил пять еврейских инкунабул и до 200 книг XVI в. Архивные материалы остались совершенно непросмотренными [7, с. 175].

Одним из важных следствий работы М. Н. Соколова в Евпатории была находка им фрагмента арамейского оригинала «Книги законов» – утраченного основного сочинения еврейского выдающегося писателя VIII в. Анана га-Наси (Анан бен-Давид). Публикация и обстоятельное исследование этого фрагмента составили тему второй печатной работы М. Н. Соколова [8]. Благодаря прекрасной сохранности этот текст позволил заполнить лакуны в арамейских фрагментах «Книги Законов», вывезенных ранее из Каирской генизы известным гебраистом С. Шехтером. Ценность данного фрагмента дополнительно умножалась тем, что его данные проливали некоторый свет на содержание другого, еще менее известного чем «Книга Законов», сочинения Анана под названием «Аль-Фадлака» [19, с. 239].

Результатом работ по разбору и каталогизации фонда библиотеки в 1926–1927 годах стала составленная М. Н. Соколовым картотека «Древнееврейские рукописи Караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» в г. Евпатории», которая включает 1027 карточек [24, с. 307].

Свой вклад в историю караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» внесло сообщение выдающегося российского и советского тюрколога Владимира Александровича Гордлевского (1876–1956) тюрколога по итогам «зимних каникул в Евпатории» в 1927 г. – «Лексика караимского перевода Библии» [5]. Владимир Александрович посчитал необходимым лично ознакомиться с коллекцией, в чем ему оказывали посильную помощь сотрудники библиотеки. В публикации содержится общая справка о караимах и библиотеке с упоминанием подвижнической деятельности Б. С. Ельяшевича и П. Я. Чепуриной по сохранению от разграбления этого уникального собрания [26, с. 226].

Кроме помощи исследователям, Б. С. Ельяшевич и П. Я. Чепурина занимались и освоением книжных богатств «Карай-Битиклиги» и их введением в научный оборот. Они исследовали собрание караимских брачных договоров «шетаров» хранившихся в «Карай-Битиклиги», датированных 1730–1919 годами. В результате вышла статья, которая была опубликована в 1927 г. [11]. Впервые в историографии была дана характеристика собрания «шетаров», сохранившихся в музее, а также представлены переводы нескольких «шетаров», которые воспроизводили свадебную церемонию, с комментариями [21, с. 150]. В декабре 1928 г. вышло исследование Б. С. Ельяшевича «Евпаторийские караимские кенасы», основанное на архивных материалах караимской общины, хранившихся в «Карай-Битиклиги», тысяча двести экземпляров которого автор продал Евпаторийскому музею за пятьдесят рублей с правом составления предисловия и второго издания [16, л. 3].

В мае 1927 г. П. Я. Чепурина была уволена с должности директора Евпаторийского музея краеведения. Новым заведующим был назначен Яков Григорьевич Благодарный (1882–1942). При нем Евпаторийский музей изменил направление работы, превратился в «учреждение краеведческого типа» [21, с. 151], что негативно отразилось на судьбе библиотеки. Также на развитие ситуации повлиял личный конфликт П. Я. Чепуриной, которая работала с марта 1928 г заместителем директора Евпато-

рийского музея краеведения, с новым заведующим. Несмотря на все перипетии, П. Я. Чепурина и Б. С. Ельяшевич продолжали работу по каталогизации книжного богатства коллекции. Об этом П. Я. Чепурина писала Евпаторийскому архивариусу. Ими были рассмотрены две тетради из архива бывшего Духовного караимского правления. Выявлены письма и записки на древнееврейском и караимских языках, датированные XIX в. Как указывает Полина Яковлевна «материал в обеих тетрадях имеет большое научное значение по истории караимства. Материал прочитан, пронумерован и для хранения положен в особые бумажные папки. Силами Евпаторийского музея выполнена лишь предварительная работа по переводу, выполненная Б. С. Ельяшевичем» [16, л. 199].

Новая политика Я. Г. Благодарного, его личный конфликт с П. Я. Чепуриной и незаинтересованность крымского руководства Наркомпроса руководства привели к закрытию библиотеки в январе 1929 г., к отъезду в Москву сначала Б. С. Ельяшевича а потом и П. Я. Чепуриной. Еврейский рукописный фонд, состоящий из 526 рукописей и старопечатных книг (инкунабул) был перевезен научным сотрудником Института востоковедения АН СССР В. Л. Дашевским в феврале 1931 г. Рукописи из «Карай-Битиклиги» были инкорпорированы в собрание подобных караимских рукописей в еврейском кабинете Института Востоковедения АН СССР. В конце 80-х гг. XX в. увидела свет публикация научного сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Л. Я. Медведевой [20], в которой анализируются рукописи, сохранившиеся в архиве научного учреждения, в том числе, и рукописи из библиотеки «Карай-Битиклиги» и коллекции А. Ю. Мичри. В статье доктора исторических наук С. М. Якерсона [29] приводится анализ одной уникальной рукописи «Карай-Битиклиги» из собрания Института Востоковедения РАН. Приведенные публикации свидетельствуют о том, что научная работа с книжными богатствами «Карай-Битиклиги» продолжается и рукописный фонд собрания ждет дальнейшего исследования.

Список использованных источников и литературы

1. Ельяшевич Б. С. Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.) / Б. С. Ельяшевич // Караимы : материалы к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. – М., 1994. – Вып. 14, кн. 3. – 222 с.
2. Ельяшевич Б. С. Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.) / Б. С. Ельяшевич // Karaimyi : materialyi k serii «Narody i kulturyi» / pod red. M. N. Guboglo, A. I. Kuznetsova, L. I. Missonovoy. – M., 1994. – Vyip. 14, kn. 3. – 222 s.
3. Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) / Б. С. Ельяшевич // Караимы : материалы к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. – М., 1993. – Вып. 14, кн. 2. – 185 с.
4. Ельяшевич Б. С. Karaimskiy biograficheskiy slovar (ot kontsa XVIII veka do 1960 g.) / B. S. Elyashevich // Karaimyi : materialyi k serii «Narody i kulturyi» / pod red. M. N. Guboglo, A. I. Kuznetsova, L. I. Missonovoy. – M., 1993. – Vyip. 14, kn. 2. – 185 s.
5. Ельяшевич С. С. Карай-Битиклиги // Известия Караимского духовного правления. – 1918. – № 2. – Декабрь. – С. 11–13.
6. Ельяшевич С. С. Karay-Bitikligi // Izvestiya Karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1918. – № 2. – Dekabr. – S. 11–13.
7. Ельяшевич С. С. Караимские исторические документы / С. С. Ельяшевич // Известия Караимского духовного правления. – 1919. – № 1. – Февраль. – С. 6–16.

Elyashevich S. S. Karaimskie istoricheskie dokumenty / S. S. Elyashevich // Izvestiya Karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1919. – № 1. – Fevral. – S. 6–16.

5. Гордлевский В. А. Лексика караимского перевода Библии / В. А. Гордлевский // Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. – Л., 1928. – № 5. – С. 87–91.

Gordlevskiy V. A. Leksika karaimskogo perevoda Bibilii / V. A. Gordlevskiy // Doklady Akademii nauk Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. – L., 1928. – № 5. – S. 87–91.

6. Соколов М. Н. Азиатский музей // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 год : Отчет о научных командировках и экспедициях / авт. сост. С. Ф. Ольденбург. – Л., 1927. – С. 144–145.

Sokolov M. N. Aziatskiy muzey // Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1926 god : Otchet o nauchnykh komandirovkah i ekspeditsiyah / avt. sost. S. F. Oldenburg. – L., 1927. – S. 144–145.

7. Соколов М. Н. Азиатский музей // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год / авт. сост. С. Ф. Ольденбург. – Л., 1927. – Т. 2. – С. 175–176.

Sokolov M. N. Aziatskiy muzey // Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1927 god / avt. sost. S. F. Oldenburg : v 2-h t. – L., 1927. – Т. 2. – S. 175–176.

8. Соколов М. Н. Фрагмент «Книги Законов» Анана га-Наси / М. Н. Соколов // Известия АН СССР. – Л., 1928. – С. 243–253.

Sokolov M. N. Fragment «Knigi Zakonov» Anana ga-Nasi / M. N. Sokolov // Izvestiya AN SSSR. – L., 1928. – S. 243–253.

9. Фиркович М. [Я.] Национальная караимская библиотека при Духовном правлении «Карай Битиклиги» / М. Я. Фиркович // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – 1917. – № 2. – Июнь. – С. 8–9.

Firkovich M. [Ya.] Natsionalnaya karaimskaya biblioteka pri Duhovnom pravlenii «Karay Bitikligi» / M. Ya. Firkovich // Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1917. – № 2. – Iyun. – S. 8–9.

10. Фиркович М. [Я.] Национальная караимская библиотека при Духовном правлении «Карай Битиклиги» / М. Я. Фиркович // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – 1917. – № 5/6. – Ноябрь. – С. 41–43.

Firkovich M. [Ya.] Natsionalnaya karaimskaya biblioteka pri Duhovnom pravlenii «Karay Bitikligi» / M. Ya. Firkovich // Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1917. – № 5/6. – Noyabr. – S. 41–43.

11. Чепурина П. Я., Ельяшевич Б. С. Караимские брачные договоры «шетары» / П. Я. Чепурина, Б. С. Ельяшевич // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1927. – Т. 1. – С. 157–160.

Chepurina P. Ya., Elyashevich B. S. Karaimskie brachnyie dogovoryi «shetaryi» / P. Ya. Chepurina, B. S. Elyashevich // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii. – 1927. – Т. 1. – S. 157–160.

12. Государственный архив в АР Крым (ГААРК), ф. 241 (Караимское духовное правление), оп. 2, д. 72. (Прошение С. С. Ельяшевича о предоставлении должности библиотекаря в Караимской национальной библиотеки; 17.06.1918 – 25.06.1918), 5 л.

Gosudarstvenniy arhiv v AR Kryim (GAARK), f. 241 (Karaimskoe duhovnoe pravlenie), op. 2, d. 72. (Proshenie S. S. Elyashevicha o predostavlenii dolzhnosti bibliotekarya v Karaimskoy natsionalnoy biblioteki; 17.06.1918 – 25.06.1918), 5 l.

13. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 111. (Заявления о поступлении на работу, удостоверения личности служащих библиотек; 22. 12. 1920–19. 01. 1921), 14 л.

GAARK, f. 241, op. 2, d. 111. (Zayavleniya o postuplenii na rabotu, udostovereniya lichnosti sluzhaschih bibliotek; 22. 12. 1920–19. 01. 1921), 14 l.

14. ГААРК, ф. Р-138 (Евпаторийский краеведческий музей), оп. 1, д. 6. (Программа конференции крымских музейных работников, циркуляры, инструкции по хранению музейных предметов и переписка с Управлением Музейного отдела по Крыму; 17.02.1924 – 15.11.1924), 336 л.

GAARK, f. R-138 (Evpatoriyskiy kraevedcheskiy muzey), op. 1, d. 6. (Programma konferentsii krymskikh muzeynykh rabotnikov, tsirkulyari, instruksii po hraneniyu muzeynykh predmetov i perepiska s Upravleniem Muzeynogo otдела po Krymu; 17.02.1924 – 15.11.1924), 336 l.

15. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 7. (Циркуляры Управления Уполномоченного музейного отдела по Крыму и переписка с учреждениями и организациями; 08.01.1925 – 23.09.1925), 245 л.

GAARK, f. R-138, op. 1, d. 7. (Tsirkulyariy Upravleniya Upolnomochennogo muzeynogo otdela po Kryimu i perepiska s uchrezhdeniyami i organizatsiyami; 08.01.1925 – 23.09.1925), 245 L.

16. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10. (Трудовые договора, переписка по личному составу и переписка с различными учреждениями; 1927–1928), 196 л.

GAARK, f. R-138, op. 1, d. 10. (Trudovyye dogovora, perepiska po lichnomu sostavu i perepiska s razlichnyimi uchrezhdeniyami; 1927–1928), 196 L.

17. Евпаторийский краеведческий музей, фонды, д. 5483. (Список книг С. М. Сарача; 1921). – 18 л.

Evpatoriyskiy kraevedcheskiy muzey, fondy, d. 5483. (Spisok knig S. M. Saracha; 1921). – 18 L.

18. Леви-Бабович Т. С. Три странички / Т. С. Леви-Бабович. – Севастополь : Красный черноморец, 1927. – 48 с.

Levi-Babovich T. S. Tri stranichki / T. S. Levi-Babovich. – Sevastopol : Krasniy chernomoret, 1927. – 48 s.

19. Люди и судьбы : биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 496 с.

Lyudi i sudby : biobibliograficheskiy slovar vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991) / Ya. V. Vasilkov, M. Yu. Sorokina. – SPb. : Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2003. – 496 s.

20. Медведева Л. Я. О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР / Л. Я. Медведева // Советская тюркология. – 1988. – № 6. – С. 89–102.

Medvedeva L. Ya. O kollektzii karaimskih i kryimchakskih rukopisey v LO Instituta Vostokovedeniya AN SSSR / L. Ya. Medvedeva // Sovetskaya tyurkologiya. – 1988. – № 6. – S. 89–102.

21. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева / под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – 214 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 2).

Musaeva U. K. Podvizhniki kryimskoy etnografii, 1921–1941: istoriograficheskie ocherki / U. K. Musaeva / pod red. A. A. Nepomnyaschego ; Tavricheskiy natsionalniy un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol, 2004. – 214 s. – (Seriya : «Biobibliografiya kryimovedeniya» ; vyip. 2).

22. Непомнящий А. А. Академік Г. Ю. Крачковський і кримські орієнталісти : за матеріалами епістолярію / А. А. Непомнящий // Східний світ. – 2008. – № 1. – С. 194–209; № 2. – С. 148–157.

Nepomnyaschiy A. A. Akademik G. Yu. Krachkovskiy i krimski oriEntalisti : za materlalami epistolariyu / A. A. Nepomnyaschiy // Shidniy svIt. – 2008. – № 1. – S. 194–209; № 2. – S. 148–157.

23. Непомнящий А. А. Листування В. Філоненка з академіком Г. Крачковським : нове джерело з історії кримознавства 20-х років ХХ ст. / А. А. Непомнящий // Історичний журнал. – 2008. – № 3. – С. 9–18.

Nepomnyaschiy A. A. Listuvannya V. Filonenka z akademikom G. Krachkovskim : nove dzherelo z IstoriiYi krimoznavstva 20-h rokiv XX st. / A. A. Nepomnyaschiy // Istorichniy zhurnal. – 2008. – № 3. – S. 9–18.

24. Непомнящий А. А. Неизвестные документы о судьбе коллекции Карай-Битиклиги / А. А. Непомнящий // Крымский архив. – 2009. – № 11. – С. 303–316.

Nepomnyaschiy A. A. Neizvestnye dokumenty o sudbe kollektzii Karay-Bitikligi / A. A. Nepomnyaschiy // Kryimskiy arhiv. – 2009. – № 11. – S. 303–316.

25. Непомнящий А. А. Утраченная коллекция : новые документы о судьбе караимского книжного собрания Карай-Битиклиги / А. А. Непомнящий // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці : мат-ли Міжн. книгознавчих читань, м. Одеса 14–16 вересня 2009 р. : зб. ст. / упор. : О. В. Полевщикова, В. А. Самодурова, О. В. Суворовцева ; Одесский нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса : Астропринт, 2010. – С. 199–217.

Nepomnyaschiy A. A. Utrachennaya kollektsiya : novyye dokumenty o sudbe karaimskogo knizhnogo sobraniya Karay-Bitikligi / A. A. Nepomnyaschiy // Starodruki i ridkicni vidannya v universitetskiy bibliotetsi : mat-li Mizhn. knigoznavehchih chitan, m. Odesa 14–16 veresnya 2009 r. : zb. st. / upor. : O. V. Polevshikova, V. A. Samodurova, O. V. Suvorovtseva ; Odes. nats. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa : Astroprint, 2010. – S. 199–217.

26. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения : в 2 т. / А. А. Непомнящий ; Рес. ком АРК по охране культ. наследия. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с., ил. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12).

Nepomnyaschiy A. A. Podvizhniki kryimovedeniya : v 2 t. / A. A. Nepomnyaschiy ; Res. kom ARK po ohrane kult. naslediya. – Simferopol : SGT, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 s., il. – (Seriya : «Biobibliografiya kryimovedeniya» ; vyip. 12).

27. Парафіло Д. М. К биографии заведующего библиотекой «Карай-Битиклиги» С. С. Ельяшевича / Д. М. Парафіло // Матеріали 9-ї Всеукр. наук. конф. : «Актуальні питання історії науки і техніки». м. Житомир, 7–9 жовтня 2010 р. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – К., 2010. – С. 348–350.

Parafilo D. M. K biografii zaveduyuschego bibliotekoy «Karay-Bitikligi» S. S. Elyashevicha / D. M. Parafilo // Mater. 9-Yi Vseukr. nauk. konf. : «Aktualni pitannya Istoriyi nauki I tehniki» : m. Zhitomir, 7–9 zhovtnya 2010 r. / Tsentr pam'yatkoznavstva NAN UkraYini I UTOPIK. – K., 2010. – S. 348–350.

28. Тирияки В. З. О В. С. Ельяшевиче / В. З. Тирияки // Caraimica. – 2007. – № 3. – С. 15–17.

Tiriyaki V. Z. O V. S. Elyasheviche / V. Z. Tiriyaki // Caraimica. – 2007. – № 3. – S. 15–17.

29. Якерсон С. М. Дамаск – Крым – Ленинград : к истории одной библейской рукописи из собрания Института Востоковедения в Петербурге / С. М. Якерсон // Петербургское востоковедение. – СПб, 1994. – Вып. 6. – С. 520–540.

Yakerson S. M. Damask – Krym – Leningrad : k istorii odnoy bibleyskoy rukopisi iz sobraniya Instituta Vostokovedeniya v Peterburge / S. M. Yakerson // Peterburgskoe vostokovedenie. – SPb, 1994. – Vyip. 6. – S. 520–540.

Парафіло Д. М. Наукове вивчення книжкових багатств «Карай-Бітіклігі» / Д. М. Парафіло // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 85–96.

Уперше на основі синтезу невідомих архівних та опублікованих джерел відновлюється картина наукового вивчення книжкових багатств «Карай-Бітіклігі» що здійснювався в період з 10–20-х рр.. ХХ ст. силами як місцевих представників караїмської громадськості і кримських наукових діячів, так і низкою столичних вчених. Висвітлюється хід наукових пошуків і поле дослідження. Особливий акцент приділяється науковій діяльності М. Н. Соколова.

Ключові слова: «Карай-Бітіклігі», бібліотека, П. Я. Чепуріна, В. С. Ельяшевич, М. М. Соколов.

Parafilo D. M. The scientific study of book treasures «Kara-Bitikligi» / D. M. Parafilo Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 85–96.

The scientific study of book treasures «Kara-Bitikligi» during the 10–20 years XX century proceeded unevenly, with varying degrees of intensity. Analysis this evidence based on the problem allows us to assume two periods in the history scientific study of the collection. The first period 1916–1921 years to be made formation collection period, related to the activities in representatives of the Karaite community M. J. Firkovich and S. S. El'yashevich. And the second period 1921–1929 years – to be named the scientific study of the collection period, as the Crimean academic experts P. Y. Chepourina, B. S. El'yashevich, and metropolitan Hebraists Orientalists V. A. Gordlevsky, I. J. Krachkovsky, M. N. Sokolov.

The first period in the history library from 1916 to 1920 years, associated with the names of the first two custodians M. J. Firkovich and S. S. El'yashevich – representatives Karaite intellectuals of the late 19th century, early 20th century. It was thanks their diligence has been working on the primary part private collections in cataloging, admitted to «Kara-Bitikligi» Published archival documents on the history of the Karaite community in the XIX century. Identified only ones printed, several lists of the XVII century. commentary on the Bible, written in Arabic and penned by the famous Karaite theologian Efeta Gallevi, who lived in the X century.

One of the directions of scientific work S. S. El'yashevich was compiling inventories of private collections, the library received from philanthropists. S. S. El'yashevich was inventory the private collection of M. S. Sarach received books, which is currently stored in the funds Eupatorian Regional Museum. By the end of 1920 the library «Kara-Bitikligi» included a more than 1,000 manuscripts and 4,000 volumes of various books on the history of the Karaites and foreign publications. After the establishment of Soviet power library «Kara-Bitikligi» was nationalized became part of local lore museum funds Eupatorium subordinated KrymOHRIS. S. S. El'yashevich was forced to resign custodian of the collection and go in September 1921 from Moscow.

Second period of the study book treasures «Kara-Bitikligi» in the 20-years XX century associated with the names of devotees krymovedeniya P. Y. Chepurina, B. S. El'yashevich. It is through their activity most of the decade managed to keep great part collection, established scientific contacts with representatives of the Leningrad school of scientific Hebraic and Arabic Studies I. J. Krachkovsky, M. N. Sokolov. M. N. Sokolov, together with B. S. El'yashevich the first described collection of written material and found an unknown manuscript of Anan ben David, having inestimable historical value in the context of studying the problem of origin the Karaite religion. B. S. El'yashevich also strongly helped local scientists in studying the book treasures «Kara- Bitikligi» Russian and Soviet Türkology V. A. Gordlevsky, Karaite scholar T. S. Levi Babovic . Scientific results are articles on relevant topics. P. Y. Chepourina with B. C. El'yashevich dismantled archive former Karaite spiritual government, prepared a scientific publication on the history of the Karaite marriage contract «shetarov».

The new policy Y. G. Blagodarnogo, his personal conflict with P. Y. Chepurina and disinterest Crimean leadership Narcompros was led to the closure of the library in January 1929, to leave for Moscow in the first B. S. El'yashevich and then P. Y. Chepurina. The Hebrew Manuscript Fund, consisting of 526 manuscripts and early printed books (incunabula) was transported Fellow of the Institute of Oriental Studies V. L. Dashevskaya in February 1931 Manuscript «Kara-Bitikligi» were incorporated into the collection of such Karaite manuscripts in the office of the Institute of Jewish of Oriental Studies.

Keywords: «Karai-Bitikligi», library, P. I. Chepyrina, B. S. Elyashevich, M. N Sokolov.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК 94(477.75):351.746.1»1902/1904»

ТАВРИЧЕСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ (1902–1904)

Пасечников И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: info_ingvar@list.ru*

Рассматривается организация и деятельность Таврического охранного отделения в 1902–1904 гг. Уделено внимание предпосылкам создания подобных органов политического сыска. Дается описание политической и революционной ситуации как во всей Российской империи, так, в частности, и Таврической губернии. Показаны отличия в работе «охранки» от остальных подобных учреждений. Отдельно отмечена её структура, сотрудники и финансирование. Даются краткие биографические данные начальников этой службы в Крыму. Также указаны требования к агентуре и филёрам. Описываются условия и правила их службы. Анализируется работа охранного отделения, направленная на поддержание политического порядка. Выделены наиболее яркие эпизоды борьбы с революционным движением. Представлено наблюдение за подпольными группами в крупнейших городах региона. Освещаются противоречия и соперничество между органами политической полиции губернии. Выявляются причины упразднения Таврической «охранки» в 1904 году. Объясняется факт возрождения её аналога в Севастополе. Предпринята попытка определения роли охранного отделения в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии в указанный период.

Ключевые слова: Таврическая губерния, политическая полиция, Отдельный корпус жандармов, охранное отделение, «охранка», политический сыск, революционное движение.

ВВЕДЕНИЕ

Возникший с конца 80-х годов XX века интерес к изучению истории организации и деятельности государственных спецслужб Российской империи стал катализатором для появления многочисленных работ по этой теме, как вполне научных, так и чисто публицистических. К сожалению, сложность структуры и определенных направлений работы органов политической полиции дореволюционного периода нередко приводили (и до сих пор приводят) к ложным и ошибочным трактовкам и выводам. Так, в советские годы в массовых изданиях под общим и достаточно аморфным термином «охранка» часто подразумевали всю систему политического и даже уголовного сыска. И только работы отдельных ученых, а также исследования последних десятилетий позволили серьезно изменить устоявшуюся традицию. В них были даны четкие отличия и специфика охранных отделений, выделявшие их на фоне других подразделений [1].

В то же время, если на общегосударственном уровне изучение деятельности органов политического сыска царской России получило серьезное развитие, то на ре-

гиональном оно зачастую представлено только отдельными статьями и работами, где деятельность «охранки» рассматривается исключительно в контексте подобных служб. Так, среди крымских исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования данного структурного органа Департамента полиции непосредственно на территории Таврической губернии, стоит назвать С. В. Бородина, В. И. Королёва, В. В. Крестьянникова, А. Р. Кучеренко [2]. Однако «охранка» в их работах также трагируется лишь фрагментарно. Кроме того, присутствует ряд неточностей.

Таким образом, главной целью данной статьи является освещение организации и деятельности Таврического охранного отделения, а также определение его роли в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

В конце XIX – начале XX века практически на всей территории Российской империи стал заметен активный рост антиправительственной пропаганды и деятельности. Причиной этому явился новый этап в развитии революционного движения в стране. На смену народникам-одиночкам, которые в былые годы безрезультатно пытались вести агитацию среди крестьян, пришли профессиональные революционеры. В крупнейших городах они стали создавать кружки, соединив свою деятельность с рабочим движением. Борьбу с ними возглавил Департамент полиции Министерства внутренних дел (МВД) и, в частности, входивший с 1880 года в его состав Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) [3, с. 11]. Однако если прежде органам политической полиции удавалось достаточно успешно выявлять и ликвидировать подпольные организации, то теперь их массовость и секретность стали серьезной проблемой для жандармов [4, с. 120].

Непосредственно же на территории Таврической губернии первые крупные революционные организации появились в конце XIX века в Керчи, Симферополе, Севастополе, Ялте и Феодосии [5, с. 8]. Противостояло им Таврическое губернское жандармское управление (ТГЖУ) в Симферополе, имевшее свои отделения почти в каждом уезде и градоначальствах. На территории крепостей (в Севастополе и Керчи) наблюдение за неблагонадежным элементом вели крепостные жандармские команды, а на железных дорогах и прилегающим к ним территориях – отделения жандармских полицейских управлений железных дорог [6, с. 43].

Однако если такая структура вполне соответствовала требованиям XIX века, то вызовы нового столетия требовали усиления органов государственной безопасности. Выходом из сложившейся ситуации начальники местной жандармерии видели активное использование агентов и наблюдателей-филёров, в которых на тот момент ощущался явный недостаток [7, л. 8]. Так, на всю губернию полагалось только два специально обученных агента, а простые сотрудники были просто не готовы к работе на столь высоком уровне, что приводило к ситуации, когда одного профессионала использовали для внедрения сразу в несколько подпольных групп [8, л. 2].

К 1902 году губернию буквально захлестнула волна революционной пропаганды. Антиправительственные листовки и прокламации регулярно обнаруживались в крупнейших городах, причем в наиболее людных местах [9, л. 186, 282]. Многие из них откровенно призывали к вооруженной борьбе «за свободу с темными силами

полицейско-жандармского гнета» и были наполнены угрозами к «холопам офицера Романова и поклонникам фетиша самодержавия» [9, л. 150]. Более того, число лиц, состоявших под негласным надзором, постоянно увеличивалось. Так в Днепро-вском и Перекопском уездах таких насчитывалось 6; в Бердянском и Мелитопольском – 28; в Керчь-Еникальском градоначальстве и Феодосийском уезде – 40; в Ялтинском уезде – 110; в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде – 43 [10, л. 2, 7, 16, 25, 32, 41]. Естественно, что к такому резкому увеличению числа политически неблагонадежных граждан местные органы жандармерии оказались не готовы. Даже сотрудничество с представителями общей полиции не могло разрешить сложившейся ситуации.

В Санкт-Петербурге, в свою очередь, трезво оценивали обстановку в стране, которая особенно накалилась после убийства в апреле 1902 года министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина. Поэтому было принято решение провести реформу политического сыска, сделав его более организованным и гибким. По инициативе чиновника Департамента полиции Сергея Васильевича Зубатова был разработан план по созданию в губерниях Российской империи ряда розыскных отделений, на которые бы возлагалась обязанность осуществления политического розыска на вверенной им территории и руководства секретной агентурой [3, с. 12]. Следует отметить, что подобные учреждения, под именем отделений по охранению общественной безопасности и порядка, к этому моменту уже существовали в Санкт-Петербурге (учреждено в 1866 году), Москве (1880) и Варшаве (1900). Именно на их опыте и планировалось создание новых подразделений, которые бы подчинялись исключительно Департаменту полиции. Что же касалось губернских жандармских управлений (ГЖУ), то за ними официально оставались только общее наблюдение и проведение дознаний.

В августе 1902 года распоряжением министра МВД Вячеслава Константиновича Плеве в районах наибольшего развития революционного движения создаются розыскные отделения: в Вильно (ныне Вильнюс), Екатеринославе (ныне Днепропетровск), Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе (ныне Тбилиси), Харькове [4, с. 119]. В течение октября того же года создаются еще три отделения: в Перми, Симферополе и Нижнем Новгороде, состоящие из определенного числа вольнонаемных наблюдательных агентов и секретных сотрудников, находящихся в ближайшем заведывании командированных для этого офицеров ОКЖ [11, л. 5].

13 августа 1902 года директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин в циркулярном письме начальникам губернских жандармских управлений мотивировал создание новых структур желанием облегчить работу ГЖУ, которые «из-за усиливающегося за последние годы развития кружков пропагандистов социал-демократических идей в рабочей среде, распространения революционных воззваний, брожения среди учащейся молодежи, сопровождающихся уличными беспорядками, появления нелегальной литературы, возникновения революционных организаций», побуждает начальников жандармерии обратить почти исключительное внимание на политический розыск, отодвинув на второй план лежащие на них другие обязанности. Именно поэтому Департамент признавал необходимым учредить в некоторых местностях империи, где было замечено особо усиленное развитие рево-

люционный движения, розыскные отделения, на которые и возлагалось заведывание политическим розыском [12, л. 8].

Однако, как показало время, такое мотивирование оказалось во многом ошибочным, так как фактически с момента появления первых розыскных отделений возникло очевидное соперничество и разногласия между ними и губернскими жандармскими управлениями. Суть конфликта заключалась в том, что, хотя функции ГЖУ и розыскных отделений были разделены, в действительности розыскная деятельность (за которую отвечала «охранка») и деятельность наблюдательная, а также проведение дознаний (которыми занимались ГЖУ) тесно переплетались. На практике отделить одно от другого порой было невозможно. Более того, те руководители розыскных отделений, которые проходили по штабу Отдельного корпуса жандармов, в строевом отношении формально были подчинены начальнику ГЖУ. Последний, как правило, был в чине полковника или генерал-майора. Но в отношении служебном ему приходилось подчиняться младшему по чину начальнику розыскного отделения [4, с. 121].

2. ОРГАНИЗАЦИЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Официальным днем учреждения Таврического розыскного отделения в Симферополе стало 2 октября 1902 года. Главными причинами его создания в этом регионе стало нахождение здесь императорских резиденций, в которых государь и его близкие регулярно отдыхали, а также расположение главной базы Черноморского флота – Севастополя. Вместе данные обстоятельства, естественно, превращали Крым в территорию особого внимания органов государственной безопасности [13, с. 112].

Первым начальником Таврической «охранки», по личному распоряжению директора Департамента полиции, стал молодой, но уже известный в системе политической полиции Российской империи штабс-ротмистр Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович (1873–1952), ранее проходивший службу в Московском охранном отделении под началом самого С. В. Зубатова [11, л. 2]. По прибытии в Симферополь и вступлении в должность, одной из первых его задач стало знакомство и налаживание связей с представителями органов местной политической полиции, а также Таврическим губернатором, Севастопольским и Керчь-Еникальским градоначальникам, которые обязаны были оказывать ему всяческое содействие в работе [11, л. 1]. Согласно директивам, между ними, а также лицами прокурорского надзора, должен был идти постоянный обмен сведениями, причем исключительно по политическому розыску. Кроме того, губернатору и градоначальникам следовало разъяснить руководству общей полиции, что обыски и аресты по политическим делам, а также наблюдение за неблагонадежными лицами могут производиться лишь по соглашению с начальником розыскного отделения [11, л. 8].

После этого Спиридович приступил к исполнению своих обязанностей, которые были подробно изложены в «Положении о начальниках розыскных отделений» от 12 августа 1902 года и в дополнении к нему от 21 октября того же года [14, с. 36, 41]. Согласно этим двум документам, а также ряду последовавших циркуляров и распоряжений, главной задачей штабс-ротмистра являлось приобретение секретной агентуры, руководство её деятельностью, а также выбор и обучение филёров (на-

блюдательных агентов). Кроме того, Спиридовичу пришлось в обязательном порядке ознакомиться с историей революционного движения в регионе и с местной антиправительственной пропагандой, чтобы затем «развивать у секретных сотрудников сознательное отношение к делу службы» [15, л. 11]. Кроме данных агентуры и наблюдения, глава розыскного отделения обязан был пользоваться всеми имеющимися в жандармском управлении сведениями. Ввиду этого начальник таврической жандармерии обязан был открыть штабс-ротмистру доступ ко всем делам и перепискам управления и направлять к нему всю поступающую информацию, имеющую отношение к розыску. Подобная же обязанность ложилась и на начальников общей полиции. Также Спиридович поддерживал постоянную связь с начальниками общей полиции и главами других розыскных отделений, через которых собирал все необходимые сведения и обменивался образцами нелегальных изданий и прокламаций, получаемых через секретных агентов [12, л. 7; 16, л. 24].

Штаб-квартира Таврического розыскного отделения располагалась в Симферополе на улице Гоголевской в доме Лагутина (ныне дом № 7). Здесь же находилась канцелярия, организованная по образцу жандармского управления [17, л. 12]. Среди постоянных сотрудников канцелярии, помимо главы отделения, числились письмоводители, двое писцов и служитель, которые также утверждались Департаментом полиции. Вместе они вели регистрацию агентурных записок, дневников наблюдений, книги денежной отчетности, дела по переписке, специальную картотеку с данными о деятельности революционных партий и общественных деятелях. В особой компетенции начальника находился каталог поступавших в библиотеку отделения нелегальных изданий. Функции канцелярии были примерно такие же, что и в ТГЖУ, различаясь лишь более подробной номенклатурой составлявшейся документации [15, л. 13].

Официально к району розыскной деятельности таврической «охранки» первоначально относились Симферополь, Севастополь и Керчь. Однако в сферу наблюдения входили и другие пункты губернии в тех случаях, когда в распоряжении начальника розыскного отделения оказывались обстоятельные и определенные сведения о преступной деятельности в этих пунктах противоправительственных организаций. При подобной ситуации начальник командировал в них наблюдательных агентов, а также мог выезжать туда лично для ознакомления с ситуацией, предварительно поставив в известность начальника губернского жандармского управления [17, л. 70]. Когда же по результатам наружного наблюдения встретилась бы необходимость производства обысков и арестов, то глава розыскного отделения обязан был предоставить в Департамент полиции список лиц, отмеченных к обыскам и арестам, с кратким обозначением в отношении каждого лица оснований к этим мерам и степени участия его в подлежащем обнаружению государственном преступлении. При необходимости ликвидации целой организации, начальником «охранки» на имя директора Департамента представлялась подробная записка относительно данного сообщества с изложением всей истории его деятельности [15, л. 13]. Следственные действия должны были производиться местным жандармским управлением при личном участии и по указаниям начальника розыскного отделения. В тех же случаях, когда требовалось принятие безотлагательных мер для пресечения и предупреждения

дения преступлений, глава розыскного отделения просил помощи у начальника таврической жандармерии. Причем в данной ситуации содействие являлось для губернского жандармского управления обязательным, а ответственность за предпринятые действия возлагалась на начальника розыскного отделения. В то же время, без согласия Спиридовича в районе его наблюдения чинами Отдельного корпуса жандармов и общей полиции не могли быть производимы никакие обыски и аресты по политическим делам [18, л. 67].

Отдельно следует упомянуть об организации и обязанностях агентуры Таврического розыскного отделения, являвшейся, по сути, главной составной частью и силой политического сыска. Основу розыскного отделения составляли филёры (фр. *fileur*, от *filer* – выслеживать) – сотрудники, в чьи обязанности входило проведение наружного наблюдения и негласный сбор информации о лицах, представлявших интерес для политической полиции. Согласно штатному расписанию они делились на 3 разряда, в зависимости от опыта работы и, соответственно, выплачивающегося им жалованья [11, л. 23]. В первые месяцы своего существования среди филёров Таврического розыскного отделения насчитывалось 11 человек, из которых к первому разряду относились 3, к среднему – 6, а к низшему – 2. [11, л. 25]. Кроме того, для поддержки основного состава наблюдательных агентов также были задействованы двое чинов общей полиции, а именно – полицейских надзирателей, которые вели слежку за подозрительными лицами в Симферополе и Севастополе, получая за это жалованье от начальника политического сыска [11, л. 23]. Во главе наблюдательных агентов стояли старшие филёры, полностью руководившие действиями своих подопечных. Так, начальник розыскного отделения должен был только указать им лиц, подлежащих наблюдению, а выполнение технической стороны слежки полностью ложилась на старших филёров [15, л. 11]. Естественно, что для столь ответственной работы требовались опытные и надежные кадры, которых в Таврической губернии на тот момент было крайне мало, да и числились они за местным жандармским управлением. Для разрешения данной ситуации в ноябре 1902 года Департамент полиции определил в Симферополь для руководства здесь наружным наблюдением сотрудника Московского охранного отделения Гавриила Александрова (состоявшего ранее под руководством создателя школы агентов наружного наблюдения Евстратия Павловича Медникова), которому для переезда были выплачены 50 рублей [19, л. 11].

Следует отметить, что все желающие стать филёрами, несмотря на их вспомогательную роль в деле сыска, проходили серьезный отбор и утверждались в Департаменте полиции. Специальные циркуляры начальства сообщали, что наблюдательный агент должен быть «здоровым, крепким, без физических недостатков, хорошей нравственности, умственно развитым, расторопным, находчивым». Филёры должны были иметь не только навыки установки лиц по приметам, ознакомления с местностью и т.п., но и быть подготовленными теоретически: должны быть знакомы с организацией революционных партий, способами составления примет наблюдаемого, описания одежды, установки личности по приметам, отличиями форменной одежды служащих и учащихся, способами конспирации наблюдаемых и способами наблюдения при различной обстановке. Более того, филёр всегда должен был быть готов к

возможному переезду в район деятельности другого розыскного отделения по соответствующему распоряжению Департамента полиции [15, л. 12]. 31 октября 1902 года вышла даже специальная инструкция для филёров розыскных отделений. Из неё видно, что МВД желало иметь полный объем информации о розыскной деятельности в губернии. Так, старшие филёры должны были регулярно, по два раза в неделю, сообщать краткие сведения по текущему наблюдению и вообще обстановке в отделении. Что касается практических советов наблюдательным агентам, то и они были расписаны очень подробно. Так, в случае необходимости, филёры сопровождали наблюдаемого вплоть до района ведения другой «охранки», при этом постоянно телеграфируя своему начальству о состоянии слежки и месте своего нахождения. Такие телеграммы должны были носить характер торговой корреспонденции, вроде: «Товар Черного везу Тулу». Каждому из своих объектов наблюдения филёры должны были дать короткую кличку, которая бы характеризовала внешность наблюдаемого или выражала впечатление, которое производит данное лицо [15, л. 13]. Вся информацию агенты должны были заносить в специальные рапорты, причем очень подробно, с указанием точного времени, полных имен, фамилий, номеров домов, названий заведений и учреждений и т.д. В дальнейшем сведения из этих рапортов выписывались в дневники наблюдения, и отправлялась директору Департамента полиции первого числа каждого месяца [20, л. 201].

Другую, еще более засекреченную и наиболее важную часть сотрудников «охранки» составляли агенты внутреннего наблюдения, главной задачей которых было проникновение в ряды преступных сообществ с последующим выяснением их организации и планов действий. Фамилии этих людей должны были быть известны только очень узкому кругу лиц – офицеру, «ведущему» осведомителя, и директору Департамента полиции. Остальные сотрудники могли знать только их клички. Обо всех агентах, как уже действующих, так и завербованных вновь, начальник розыскного отделения сообщал директору Департамента частными письмами без черновиков и занесения в журнал отделения. Кандидаты в секретные сотрудники проходили еще более жесткий отбор. От них требовалась не только абсолютная благонадежность и великолепное знание революционной идеологии, но и активность, свободная ориентировка на местности, определенная харизма и способность легко входить в доверие к людям [21, л. 18]. Как и в случае с филёрами, профессиональные агенты внутреннего наблюдения нередко прикомандировывались в Крым из столичных городов для раскрытия и подготовки к ликвидации наиболее крупных революционных организаций [22, л. 6].

За время существования Таврического охранного отделения численность всех его секретных сотрудников и агентов колебалась в пределах 20 человек, что в принципе позволяло взять под наблюдение те города, которые входили в район розыскной деятельности «охранки» [22, л. 10]. Всякое их общение и переписка с начальством были строго засекречены. Так опрос агентов разрешался исключительно на конспиративных квартирах, а многих сотрудников в лицо знал только начальник отделения [15, л. 12]. Кроме того, учитывая сложность агентурной работы и желая добиться их полной лояльности, Департамент полиции официально распорядился зачислять некоторых агентов и сотрудников в штат местной общей полиции в каче-

стве околоточных надзирателей, тем самым предоставляя этим лицам право государственной службы [11, л. 8].

Что касается финансирования органа политического сыска Таврической губернии, то оно было вполне солидным. Согласно сообщению МВД от 8 сентября 1902 года, розыскному отделению ассигновался кредит в размере 16 тысяч рублей в год. Распределялись эти средства следующим образом: жалование агентам – 12 тыс. руб.; на агентурные расходы и содержание секретных сотрудников – 4 тыс. [11, л. 3]. Уже в 1903 году общая сумма кредита возросла до 19 900 руб. (на содержание агентов – 12 тыс. руб.; им же на расходы – 3600 руб.; на содержание 2 конспиративных квартир – 600 руб.; на содержание секретных сотрудников и прочие агентурные расходы – 3000 руб.; на мелкие расходы, вроде телефона – 700 руб.) [22, л. 5]. Кроме этого, на содержание канцелярии отделения ежегодно отпускались средства в размере 3170 рублей (жалование письмоводителю – 1200 руб.; наём помещения с отоплением и освещением – 420 руб.; наём писцов и служителя – 1200 руб.; на письменные принадлежности, канцелярские расходы и мелкие надобности – 350 руб.). Что же касается телеграфных расходов, то они возвращались Департаментом ежемесячно, по предоставлению соответствующих квитанций [11, л. 4]. Любые почтовые переводы были бесплатны при наличии на них печати начальника «охранки» [11, л. 6]. Все деньги отпускались розыскному отделению по третям в течение всего года: январь, май, сентябрь. Отчетность о расходах заносилась в специальные книги, которые отсылались в Департамент полиции по истечении года вместе с оправдательными документами [11, л. 2].

Жалование ведущих чинов и сотрудников «охранки» также указывало на привилегированное положение данного органа Департамента полиции. Так, начальник розыскного отделения А. И. Спиридович получал не только содержание по военному ведомству, согласно своему чину (900 руб. чистого жалования в год; на прислугу – 96 руб.; квартирное довольствие), но и добавочное из секретной суммы Департамента полиции – 2800 рублей. Официально это объяснялось тем, что в розыскных отделениях была сосредоточена вся агентурно-розыскная деятельность жандармских управлений, и что таким образом на заведующих этими отделениями офицерах лежит более значительный труд и ответственность, сравнительно с обязанностями помощников начальника жандармского управления. Именно поэтому Департамент полиции решил поставить начальников «охранки» в положение «в материальном отношении соответствующее трудности и ответственности возложенной на них задачи». Еще одной льготой было то, что в случае перевода начальника отделения на должность офицера резерва, он получал еще и добавочное содержание резервиста (старшим – по 1500 руб., а младшим – 1300 руб. в год), что и составляло добавочное содержание в 2800 руб. за заведывание «охранкой» [11, л. 5].

Жалование филёров зависело от их разряда и приносимой пользы. Наиболее опытные получали по 50 руб. и больше, а наименее – по 20 рублей. Также им выделялось по 10 руб. суточных, и еще 15 руб. оставались на расходы по наблюдению [11, л. 23]. Два полицейских надзирателя, тоже ведущих наружное наблюдение, получали жалование в 50 руб. в месяц (считая 10 руб. суточных). Старшие филёры, заведовавшие наружным наблюдением, выделялись из общей группы, получая 100

руб. жалованья и 75 руб. суточных [11, л. 25]. Кроме того, учитывая, что дело наблюдения может привести к непредвиденным и большим расходам агента, начальник розыскного отделения обязан был возмещать им потраченные средства [15, л. 12]. Интересен тот факт, что в ответе начальству на это распоряжение Спиридович отмечал, что условия жизни в Крыму для низших служащих очень тяжелы, так как цены во многом не ниже столичных, что не позволяло им, в случае необходимости, тратить личные деньги. В связи с этим, Департамент полиции разрешил при командировках в наиболее дорогие приморские области отпускать агентам по 2 рубля 50 копеек в сутки на квартиру, стол и др. [17, л. 71]. Стоит отметить, что полицейское начальство также выделяло пособия семьям скончавшихся на службе агентов. Так близкие наблюдательного агента Михаила Сучкова получили компенсацию в размере 300 рублей [23, л. 9].

3. БОРЬБА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Первые месяцы деятельности новообразованного Таврического розыскного отделения, согласно мемуарам Александра Ивановича Спиридовича, были весьма тревожны и волнительны в виду приезда их императорских величеств [13, л. 112]. Департамент полиции буквально засыпал «охранку» телеграммами о розыске и аресте утерянному наблюдением в Саратове члена боевой организации эсеров Михаила Мельникова, который направился в Крым, что очень беспокоило Петербург. Общую ситуацию также усугублял целый ряд неудач местной политической полиции. Так 14 октября провалом окончилась попытка ликвидации керченской подпольной организации, которая готовилась жандармерией долгое время [24, л. 145]. Не успели «голубые мундиры» оправиться от этого поражения, как пришли известия о подозрительной активности неблагонадежных лиц в Ялтинском уезде [19, л. 6]. Допустить такое во время пребывания императора в Крыму было немыслимо, а потому в порядке охраны было произведено несколько обысков, которые, однако, также оказались безрезультатными. Тогда же впервые и проявилось недовольство жандармов верховенством начальника розыскного отделения. Так, помощник начальника Таврического губернского жандармского управления ротмистр Кормилёв сетовал своему начальству, что чрезмерная осторожность штабс-ротмистра Спиридовича и его нежелание проводить обыски по «горячим следам» играют на руку преступникам [15, л. 8].

Но, несмотря на такое первоначальное невезение, органам политической полиции всё же удалось организовать для обеспечения соответствующего уровня безопасности в регионе. К этому моменту из различных регионов империи прибыли профессиональные филёры, которые под видом рабочих, в сопровождении местных коллег, взяли под надзор весь район южного берега Крыма [15, л. 20]. Все поезда между Симферополем и Севастополем также стали сопровождаться агентами и жандармами, а на почтовых станциях были учреждены специальные дежурства. Сам Спиридович буквально метался между главными пунктами, организовывая везде необходимое наблюдение. [13, л. 113]. Революционная газета «Искра» так описывала происходящее: «в Ялту нагнали целую армию шпионов, сыщиков и усилили штат жандармов. Словом, охрана достойная главного жандарма – Николая II». Также издание отмечало, в деле высылки неблагонадежного элемента «охранка» переусерд-

ствовала, так как высылались не только поднадзорные, но и люди заведомо не имеющие отношения к революционной деятельности [25, л. 8].

Проведенные решительные и активные меры позволили несколько остудить пыл и ретивость «неблагонадежного элемента», хотя обнаружить и арестовать опасного террориста Мельникова так и не удалось, что позволило тому до определенного времени скрыться. По воспоминаниям А. И. Спиридовича, после отъезда царя из Ливадии в начале декабря «стало как-то особенно буднично и серо» [13, л. 113]. Однако подобное затишье продолжалось недолго.

1903 год принес новшества в жизнь Таврического розыскного отделения. Главным из них стала смена начальника. Вместо ротмистра Александра Ивановича Спиридовича, который был переведен в Киевское розыскное отделение, эту должность 24 января занял 27-летний поручик Николай Викторович Трещенков (1875–1915), ранее прикомандированный к Таврическому жандармскому управлению [12, л. 2]. Другим нововведением стала смена названия органа политического сыска. С 13 февраля розыскные отделения официально переименовывались в охранные [12, л. 3]. Такое действие не было связано с изменением их функций, а характеризовалось мотивами чисто практического свойства. В переписке, предшествовавшей переименованию, указывалось, что начальников розыскных отделений такое название «шокирует... и создает для них, как и для самих учреждений, некоторые неудобства» [4, с. 120].

Новый начальник крымской «охранки», который только год назад был зачислен в Отдельный корпус жандармов, стал проявлять энергичные действия на столь ответственном посту, дабы с наилучшей стороны зарекомендовать себя перед начальством. Так, проведя ревизию дел и познакомившись с агентами, он сообщает в МВД, что чины охранного отделения ревностно относятся к своей работе и обязанностям [22, л. 9]. В то же время Трещенков жаловался губернскому начальству, что не все начальники общей полиции докладывали ему о происшествиях политического характера, а некоторые вообще не были осведомлены о факте учреждения охранного отделения. В связи с этим, поручик просил губернатора сделать им повторное внушение относительно исполнения соответствующих циркуляров и правил [12, л. 7].

В отличие от своего предшественника, Николай Трещенков не отличался особой осторожностью в работе, считая главным фактором внезапность. Одним из первых действий, которое характеризует его в данном ключе, стало распоряжение о проведении в ночь с 1 на 2 апреля обысков в Симферополе у 13 молодых людей, которые, согласно агентурным сведениям, собирались на квартирах и читали нелегальную литературу. Необыкновенность ситуации заключалась в том, что о необходимости обыска Николай Викторович уведомил местных жандармов и полицейских непосредственно в день запланированной акции [26, л. 93]. Подобное своеволие чуть не вызвало открытый конфликт в и без того натянутых отношениях между жандармерией и охранным отделением [17, л. 56]. Но, несмотря на общую неподготовленность операции, чинам политической полиции всё же удалось выявить у пятерых лиц революционные прокламации и сочинения, а также узнать, что кружком в разное время руководили В. Дахно и С. Архангельский [26, л. 93].

Фото. 1. Плеве В. К. (1846–1904)

Фото. 2. Зубатов С. В. (1864–1917)

Фото. 3. Медников Е. П. (1853–1914)

Фото. 4. Спиридович А. И. (1873–1952)

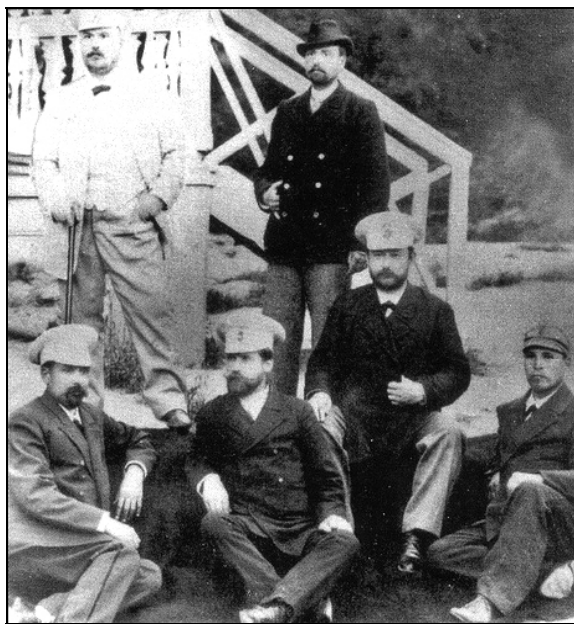

Фото. 5. Представители московской школы агентов
наружного наблюдения. 1900-е годы

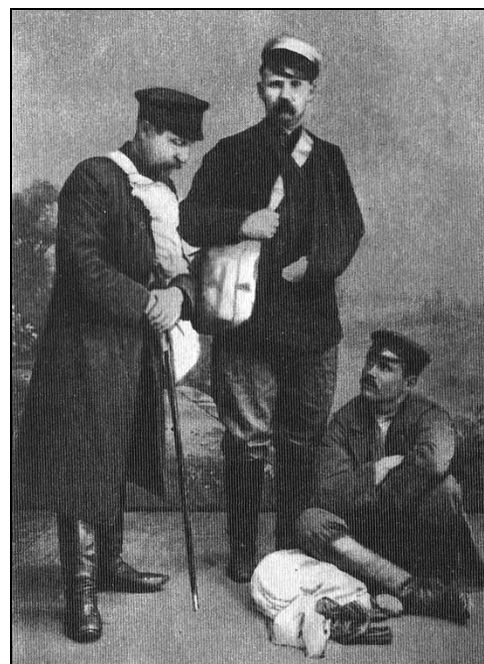

Фото. 6. Групповой портрет филёров.
1900-е годы

Фото. 7. Здание, где размещалась канцелярия Таврического охранного отделения. Фото 2013 года

После такого успеха начальник «охранки» переключил свое внимание на Керчь, где, согласно данным осведомителей, действовала подпольная социалистическая организация, слежка за которой началась еще в конце 1901 года [20, л. 191а]. Не проявляя долгое время активной деятельности, организация громко заявила о себе весной 1903 года. Именно тогда по городу стали систематически разбрасываться преступные воззвания с подписью «Керченская рабочая организация революционеров-социалистов». Агенту «Табачному» удалось узнать, что одним из главных деятелей этого сообщества является Шимон Южилевский, работающий заготовщиком в кожевенной мастерской. Другой секретный сотрудник «Станичный» вошел в состав этой организации, которой, как выяснилось, к началу марта стал руководить Арон Хемвель. Этот деятель также поддерживал связь с феодосийским преступным сообществом, передавая туда нелегальную литературу и прокламации, которые печатались в тайной типографии. Об этом он сам рассказал в Феодосии агенту «Абрамову» [20, л. 108]. В скором времени представители подпольной организации осмелели настолько, что 1 мая за городским цементным заводом вблизи крепости они собрали сходку из 18 человек, на которой читали программу и преступные стихи. В связи с этим, Н. В. Трещенков просил у Департамента полиции разрешение на проведение ликвидации [20, л. 109]. После ряда уточнений, из Петербурга пришел утвердительный ответ, за которым в ночь на 28 мая был проведен обыск у 21 человека [20, л. 114]. Как показало дальнейшее дознание, проводившееся уже Таврическим губернским жандармским управлением, в организации состояли как рабочие (около 10), так и интеллигенция (около 8). Общее же число членов составляло 50 человек, но активное ядро представляли только 18. Прокламации революционеры получали из Одессы, а тайные сходки нередко устраивали прямо на городском бульваре [20, л. 192]. Однако все арестованные лица (10 человек) оказались лишь рядовыми членами, а потому были в скором времени отпущены на свободу. Под стражей оставили только некоего С. Рабиновича, у которого обнаружили большое число нелегальной литературы [27, л. 165]. Поиски же и аресты лидеров керченской организации длились еще несколько месяцев [20, л. 191]. Так, 4 июня был арестован Н. Евдокимов, который печатал прокламации на гектографе. А Арон Хемвель, хоть и выехал в Одессу, но его точное местоположение было вскоре установлено, о чем и сообщили чинам одесской «охранки» [20, л. 195]. Другого деятеля – Григория Фарбера – агенты охранного отделения искали в Бердянске вместе с местными жандармами [20, л. 196].

Закончив ликвидацию керченской организации, начальник Таврического охранного отделения приступил к некоторой перестановке кадров. Так, профессиональный старший филёр Александров был им переведен из губернского города в Севастополь, в котором на тот момент наметилась тенденция к антиправительственной агитации и пропаганде [17, л. 12]. В Симферополе же, из-за недостатка опытных кадров, заведование наружным наблюдением легло на плечи письмоводителя канцелярии Павла Дьячкова. [17, л. 38].

Август 1903 года стал наиболее насыщенным на события в истории таврической «охранки». Начало месяца ознаменовалось ликвидацией в Мелитополе социал-демократической организации «Искорка». В ночь на 10 августа были проведены

обыски, выявившие подшивки газеты «Искра», а также множество брошюр. Было арестовано 6 членов сообщества, в основном учителей, среди которых был и серьезный агитатор Давид Индлин [28, л. 104].

12 августа до начальника «охранки» дошли сведения о забастовке рабочих в Керчи, куда он незамедлительно выехал лично. Оттуда он телеграфировал в Департамент полиции о происходивших беспорядках, стычках с правительственными войсками, числе раненых и убитых [29, л. 22]. Когда 14 августа забастовка окончилась, Трещенков приступил к личному расследованию её причин [29, л. 24]. Опрошив рабочих, он пришел к выводу, что их требования об увеличении зарплаты и сокращении рабочего дня вполне справедливы, так как на некоторых фабриках труд оплачивается весьма низко. Также, по мнению главы охранного отделения, беспорядки приняли большие размеры из-за неумелых действий и грубости полиции, которые вызвали у рабочих озлобление. Кроме того, поручик Трещенков выяснил, что среди активных агитаторов был аптекарский ученик В. Шимкин, который арестовывался еще при ликвидации 28 мая, но позже был освобожден жандармским ротмистром Шереметовым, несмотря на существующие явные улики [29, л. 26].

После керченских событий охранное отделение продолжило наблюдение за наиболее крупными центрами революционной пропаганды. В конце августа–сентябре был осуществлен розыск в Бердянске, Севастополе, Ялте и Феодосии. Первый город привлек внимание «охранки» массовым разбросом по улицам и вблизи заводов прокламаций «Российского социал-демократического союза горнозаводских рабочих». По ходатайству полицмейстера в город незамедлительно приехал лично Трещенков, который, войдя в согласие с местным помощником начальника губернского жандармского управления подполковником Кравченко, решил оставить на месте двух своих сотрудников, а полицмейстеру велел установить наружное наблюдение за подозрительными лицами [30, л. 1].

На главной же базе Черноморского флота Трещенкова интересовала деятельность кружка социалистов-революционеров [31, л. 2]. Так, агентам удалось тайно вскрыть одну из камер хранения на вокзале и осмотреть багаж некой Хаи Жаровой, известной под кличкой «Разъезжая». В её корзинах секретные сотрудники обнаружили 18 экземпляров революционной литературы и много листов бумаги, после чего вернули всё на место и установили за камерой постоянное наблюдение [31, л. 18]. 7 сентября вещи Жаровой были взяты с вокзала неизвестной женщиной и перевезены в квартиру отставного капитана Ревуцкого, в которую жандармы и нагрянули с обыском. В ходе дознания стало известно, что вещи были привезены некой Колотилиной из Ялты, но проведенные в том городе обыски не дали никаких результатов [31, л. 44]. Что же касается командирования агентов в Феодосию, то оно было вызвано сведениями о существовании там трех социал-демократических кружков, руководимых лицами из интеллигентной среды. Для временного руководства наружным наблюдением в город был послан Михаил Сучков (также известный под именем Яков Чекмарев) [17, л. 58]. Как удалось выяснить, члены местных подпольных организаций, помимо устной пропаганды приобрели гектограф и стали печатать прокламации «Феодосийской социал-демократической рабочей партии». 2 сентября

была проведена ликвидация с арестом 9 человек. Обыск обнаружил библиотеку нелегальной литературы, рукописные рефераты и др. [17, л. 70].

В октябре 1903 года начальник «охранки», после долгих поисков, смог определить центр революционной пропаганды в Севастополе. Таковым «рассадником революционных деятелей» являлась, по его мнению, городская больница (ныне городская больница № 1 им. Н. И. Пирогова), которую возглавлял бывший ссыльнокаторжный Василий Тимофеевич Голиков и старый народоволец старший врач Сергей Андреевич Никонов. Как сообщал в своих донесениях Н. В. Трещенков, подобранный этими людьми персонал состоял исключительно из политически неблагонадежных лиц. Также здесь под предлогом болезни находились люди, которым было запрещено проживание в губернии. Так, 16 октября там была арестована состоящая под гласным надзором Анна Щепетова, которая оказалась полностью здоровой и имела в больнице личную комнату. На вопросы Трещенкова к Никонову тот заявил, что не обращал внимания на политические взгляды своих пациентов. В то же время, вести наружное наблюдение за больницей было очень сложно, так как она находилась в отдаленном месте и была обнесена забором. Неоднократные обыски результатов не давали, так как там было много зданий, где «удобно прятать преступные вещи и людей» [21, л. 10]. Агентура указывала на передачу туда революционных изданий в тюках с ватой и на печатание в самой больнице преступных воззваний. В виду же прибытия в Севастополь в следующем году царя, Трещенков просил Департамент полиции удалить из больницы Голикова и Никонова в целях безопасности, что и было вскоре исполнено [21, л. 11].

Но не только больница являлась объектом наблюдения. Главное внимание в городе все же уделялось слежке за настроениями флотских чинов. В ноябре в их среде были проведены многочисленные обыски. Среди взятых под стражу оказался обвиняемый в распространении нелегальной литературы солдат севастопольской крепостной артиллерии Александр Степанович Гриневский (в будущем знаменитый писатель Александр Грин) [5, с. 91]. Однако, кроме стандартной информации о революционной пропаганде, появлялись и весьма тревожные сведения. Так, 30 ноября начальник Таврического охранного отделения выехал в Севастополь, чтобы лично побеседовать с матросом Довбанем, который, лежа в Севастопольском морском госпитале, узнал о готовящемся к Рождеству бунте рабочих и военных, а также о революционных идеях среди экипажей кораблей «Очаков» и «Екатерина II». Для этого даже якобы были назначены люди, которые в нужный момент перерезали бы телефонные и телеграфные провода, а также взорвали железнодорожные туннели. В связи с этим, ночью 1 декабря жандармы, провели обыск в госпитале, и нашли большое число революционных изданий, а также арестовали ряд пациентов-матросов [17, л. 24].

Несмотря на такой определенный успех в работе «охранки», её деятельность, и, особенно, позиция Николая Трещенкова, всё чаще приводили к конфронтации и трудностям в совместной работе между ними и жандармским управлением. В будущем это вполне могло грозить серьезными проблемами в деле борьбы с революционным движением. После ряда таких сообщений, Департамент полиции попытался решить проблему тем, что с начала декабря 1903 года велел главе охранного от-

деления прекратить наблюдение по Севастополю (который отныне возвращался под надзор таврической жандармерии), но, с другой стороны, усилить меры розыска в Керчи и Симферополе [31, л. 78]. В связи с этим, с начала нового года «охранка» вынуждена была перечислять часть поступавших ей денег в ТГЖУ на осуществление им розыска в Севастополе [23, л. 5]. Но, несмотря на такие изменения, поручик Трещенков всё же был приглашен вместе с главой губернской жандармерии 3 декабря в дом главного командира Черноморского флота на совещание по вопросу противодействия революционной пропаганде среди нижних флотских чинов, где они оба изложили свои взгляды на данную проблему [31, л. 79].

Как видим, конец года оказался для органа политического сыска не совсем удачным. Связано это было еще и с очередным конфликтом, но уже с представителем общей полиции, когда 24 декабря в Ялтинском уезде пристав второго стана Голенищев, без согласования с «охранкой», провел неудачный обыск у рабочих имения «Милос» на предмет выявления революционной литературы [32, л. 2].

Новый 1904 год начался для Таврического охранного отделения с активной работы над раскрытием и ликвидацией уже упоминавшейся бердянской революционной организации. После появления в январе на улицах города новых революционных воззваний, органы государственной безопасности перешли в наступление. 28 января чины жандармерии и общей полиции прибыли на завод «Вдова Матиас и сыновья», где обыскали трёх вызывавших подозрение рабочих. Среди изъятых предметов оказались печати «Российского социал-демократического союза горнозаводских рабочих» и прокламации. Все трое были заключены в тюрьму [30, л. 3]. Однако уже на следующий день у завода снова нашли 40 новых прокламаций с текстом относительно произошедших арестов. Понимая, что ликвидировать преступное сообщество можно лишь объединенными действиями, жандармерия, «охранка» и полиция стали действовать абсолютно согласовано. 3 февраля в город для этого специально прибыл Николай Трещенков. Он хотел лично присутствовать при массовых обысках лиц, которые проходили по делам всех ведомств. На общем совещании главы «охранки», представителя жандармского управления подполковника Кравченко и бердянского полицмейстера было решено, на основании положения о государственной охране, провести в ночь на 4 февраля обыски в квартирах 22 заподозренных в политической неблагонадежности лиц (в дальнейшем дополнительные обыски были произведены еще у 24 человек). Лидеры кружка Рафаил Кабе и Берк Бервиц, узнав о готовящейся операции, попытались накануне бежать из города в Мариуполь, но были задержаны железнодорожной жандармерией [30, л. 5]. Во время досмотра у них были найдены материалы для изготовления прокламаций, гектограф, печати сообщества и деньги, собранные с рабочих. У других же подозреваемых были найдены только единичные прокламации и подозрительная корреспонденция. Несмотря на это, в тюрьму были заключены 11 человек. В ходе проведенного дознания удалось выяснить, что кружок не успел стать большой организацией и насчитывал 16–18 человек, что позволило быстро установить всех его участников [33, л. 40]. Интересен факт, что после проведенной ликвидации, представители жандармерии и полиции решили обратиться к рабочим завода, где трудилось большинство арестованных, «с патриотической речью относительно последних событий на

Дальнем Востоке» (Русско-японская война). Данное мероприятие вызвало раскаяние у тех рабочих, которые и вовсе не привлекались к дознанию. Трое даже явились к подполковнику Кравченко, давая откровенные показания и желая «грудью стать за царя и Родину» [30, л. 7].

Дело по раскрытию бердянского подпольного кружка фактически стало последним в истории Таврического охранного отделения. Уже 1 марта 1904 года оно было упразднено по специальному распоряжению министра МВД (в тот же день были ликвидированы Полтавская, Уфимская и Красноярская «охранки»). Причиной такого решения стала общая нецелесообразность существования отдельных органов политического сыска почти во всех губерниях Российской империи, что приводило к многочисленным трудностям и противоречиям в их работе с местной жандармерией. В будущем правительство пришло к выводу о необходимости существования «охранок» лишь в наиболее опасных в революционном плане городах и местностях [18, л. 101].

В Крыму же эта информация стала полной неожиданностью. Об этом можно судить по тому, что накануне у главы Таврического охранного отделения было множество планов по проведению наблюдения и обысков с ликвидацией. Так, 10 марта Трещенков хотел провести обыски в Керчи у 13 членов местной организации РСДРП, а на 13 число были запланированы подобные действия в отношении 15 человек в Симферополе [34, л. 1, 3]. Однако, в силу упразднения отделения, обыски были проведены уже под руководством начальника Таврического губернского жандармского управления [35, л. 36]. Расчеты «охранки» оказались верны – было выявлено 4000 экземпляров нелегальных изданий, но далеко не все члены преступного сообщества, из-за отсутствия явных улик, предстали перед судом, что привело только к установлению гласного надзора над ними [36, л. 15].

В скором времени весь политический розыск на территории губернии был возвращен в ведение Таврического губернского жандармского управления. Канцелярия охранного отделения была расформирована, а её архивы со списками секретных сотрудников передали жандармерии. Некоторое исключение было сделано для Севастополя. Из-за того, что этот город находился на особом учете политической полиции, там весной 1904 года из агентов и филёров бывшей «охранки» был учрежден специальный охранный пункт, подчиненный жандармскому управлению [37, л. 2].

ВЫВОДЫ

Создание в 1902 году на территории Таврической губернии отдельного органа политической полиции, занимавшегося исключительно организацией розыска и наблюдения за государственными преступниками и подпольными организациями, явилось ответом правительства на разраставшееся здесь революционное движение. Однако главная цель данной реформы – разделение сыска, наблюдения и дознания, которая по задумке чиновников Департамента полиции должна была ликвидировать загруженность и сложность работы жандармерии, не привела к ожидаемым результатам. Несмотря на первоначальные успехи, два года существования «охранки» показали, что её действия и полномочия входят в серьезные противоречия с коллегами по службе. Фактически в Таврической губернии сформировалась не единая сила для противостояния революционерам, а два соперничавших между собой органа поли-

тической полиции, каждый из которых имел своё мнение на определенные вопросы, методы работы, а также секретных сотрудников и агентуру. Поняв это, а также учитывая ряд других факторов, МВД пошло на упразднение охранного отделения, вернув все полномочия и свободу действий губернскому жандармскому управлению.

Не могло исправить ситуацию даже назначение на должность начальника губернского политического сыска наиболее перспективных молодых офицеров Отдельного корпуса жандармов, о которых, как показало время, вскоре узнала вся огромная страна. Так, первый глава Таврического розыскного отделения Александр Иванович Спиридович, после окончания службы в Таврической губернии, вступил в должность начальника Киевского охранного отделения. В 1906 году он возглавил императорскую дворцовую охрану, обеспечивал личную безопасность царской семьи, а в 1916 стал ялтинским градоначальником [38, с. 4]. Вторым начальником – Николай Викторович Трещенков, после перевода из Крыма, возглавлял Нижегородское охранное отделение, где проявил себя активным и жестким борцом с беспорядками 1905 года. В 1911 году он стал помощником начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхотурском уездах. В 1912 году Трещенков печально прославился, как инициатор знаменитого расстрела рабочей демонстрации на Ленских приисках, что привело к фактическому краху его карьеры в органах политической полиции [39, с. 250–251].

Таким образом, симферопольская «охранка» и её бывшие сотрудники оставили заметный след не только в политической истории Крыма и Северной Таврии, но и всей Российской империи. В дальнейшем же её опыт был учтен, когда после событий первой русской революции вновь стала очевидна необходимость создания на территории Таврической губернии особого органа государственной безопасности, что и проявилось в последовавшем учреждении Севастопольского охранного отделения [4, с. 112].

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов Н. Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. / Н. Н. Анисимов // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 119–125 ; Вязьмитипов М. Н. Жандармы и армия : политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. / М. Н. Вязьмитипов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93 ; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с. ; Жухрай В. М. Тайны царской охранки : авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – М. : Политиздат, 1991. – 336 с. ; Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер / Р. С. Мулукаев. – М. : Наука, 1986. – 327 с. ; Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 416 с. ; Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – М. : Просвет, 1992. – 330 с. ; Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX вв. / А. Н. Ярмыш. – К. : Юринформ, 1992. – 186 с.

Anisimov N. N. Ohrannye otdelenija i mestnye vlasti Rossii v nachale XX v. / N. N. Anisimov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 5. – С. 119–125 ; Vjaz'mitipov M. N. Zhandarmy i armija : politicheskij sysk i vooruzhennye sily Rossii v revoljucii 1905–1907 gg. / M. N. Vjaz'mitipov // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1995. – № 1. – С. 89–93 ; Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii : uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie» / N. P. Eroshkin. – М. : Vysshaja shkola, 1983. – 352 s. ; Zhuhraj V. M. Tajny carskoj ohranki : avantjursty i provokatory / V. M. Zhuhraj. – М. : Politizdat, 1991. – 336 s. ; Mulukaev R. S.

Politicheskaja policija dorevoljucionnoj Rossii, ee reakcionnyj, antinarodnyj harakter / R. S. Mulukaev. – М. : Nauka, 1986. – 327 s. ; Peregudova Z. I. Politicheskij sysk Rossii (1880–1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – М. : ROSSPJeN, 2000. – 416 s. ; Shhegolev P. E. Ohranniki, agenty, palachi / P. E. Shhegolev. – М. : Prosvet, 1992. – 330 s. ; Jarmysh A. N. Nabljudat' neotstupno: administrativno-policejskij apparat carizma i organy politicheskogo syska v Ukraine v konce XIX – nachale XX vv. / A. N. Jarmysh. – К. : Jurinform, 1992. – 186 s.

2. Бородин С. В. Севастопольское жандармское управление в борьбе с революционным движением в 1905 году / С. В. Бородин // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Королёв В. И. Действовать энергично и по закону : история политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтиквА, 2007. – 196 с. ; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королёв // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Кучеренко А. Р. Діяльність адміністративно-поліцейських органів Таврійської губернії на рубежі XX ст. / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 96. – С. 117–120 ; Он же. Полиция Таврической губернии на спаде революции (1906–1907 гг.) / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

Borodin S. V. Sevastopol'skoe zhandarm'skoe upravlenie v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v 1905 godu / S. V. Borodin // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 1999. – № 6. – S. 283–287 ; Korol'jov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu : istorija politicheskoy policii Kryma / V. I. Korol'jov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 196 s. ; On zhe. Zhandarmy Kryma. Kto oni? / V. I. Korol'jov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – S. 56–61 ; Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – S. 85–89 ; Kucherenko A. R. Dijal'nist' administrativno-policejs'kih organiv Tavrijs'koj gubernii na rubezhi XX st. / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2006. – № 96. – S. 117–120 ; On zhe. Policija Tavricheskoy gubernii na spade revoljucii (1906–1907 gg.) / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 122. – S. 25–29.

3. Ченцов В. В. Політичний розшук у царській Росії / В. В. Ченцов // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 2001. – № 2 (17). – С. 4–275.

Chencov V. V. Politichnij rozshuk u cars'kij Rosii / V. V. Chencov // Z arhiviv VUCHK, GPU, NKVD, KGB. – 2001. – № 2 (17). – S. 4–275.

4. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 416 с.

Peregudova Z. I. Politicheskij sysk Rossii (1880–1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – М. : ROSSPJeN, 2000. – 416 s.

5. Вьюницкая Л. Н. Дорогами революции : путеводитель / Л. Н. Вьюницкая, Л. П. Кравцова. – Симферополь : Таврия, 1987. – 208 с.

V'junickaja L. N. Dorogami revoljucii : putevoditel' / L. N. V'junickaja, L. P. Kravcova. – Simferopol' : Tavrija, 1987. – 208 s.

6. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов : исправлен по 15 января 1892 года. – СПб. : типо-литогр. Месника и Римана, 1892. – 356 с.

Obshhij sostav upravlenij i chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov : ispravlen po 15 janvarja 1892 goda. – SPb. : tipo-litogr. Mesnika i Rimana, 1892. – 356 s.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102 (Департамент полиции МВД), оп. 88, д. 214.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 102 (Departament policii MVD), op. 88, d. 214.

8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 706 (Таврическое губернское жандармское управление), оп. 1, д. 22.

Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym (GAARK), f. 706 (Tavricheskoe gubernskoe zhandarm'skoe upravlenie), op. 1, d. 22.

9. Ibid, д. 46. Ibid, д. 46.

10. Ibid, д. 51. Ibid, д. 51.

11. Ibid, ф. 770 (Таврическое губернское охранное отделение), оп. 2, д. 1.

Ibid, f. 770 (Tavricheskoe gubernskoe ohrannoe otdelenie), op. 2, d. 1.

12. Ibid, ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 3, д. 263.

- Ibid, f. 26 (Kanceljarija Tavricheskogo gubernatora), op. 3, d. 263.
13. Спиридович А. И. Записки жандарма / А. И. Спиридович. – Харьков : Пролетарий, 1928. – 205 с.
- Spiridovich A. I. Zapiski zhandarma / A. I. Spiridovich. – Har'kov : Proletarij, 1928. – 205 s.
14. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. – СПб: тип. Штаба Отд. корп. жанд., 1903. – 650 с.
- Kratkij sistematicheskij svod dejstvujushhih zakonopolozhenij i cirkuljarnyh rasporjazhenij, odnosjashhihsja do objazannostej chinov gubernskih zhandarmskih upravlenij po nabljudeniju za mestnym naseleniem i po proizvodstvu doznaniij / sost. polk. Dobrjakov. – SPb. : tip. shtaba Otd. korp. zhand., 1903. – 650 s.
15. ГААРК, ф. 770, оп. 1, д. 1.
GAARK, f. 770, op. 1, d. 1.
16. Ibid, д. 5.
Ibid, d. 5.
17. Ibid, оп. 2, д. 6.
Ibid, op. 2, d. 6.
18. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 37.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 37.
19. Ibid, ф. 770, оп. 3, д. 1.
Ibid, f. 770, op. 3, d. 1.
20. Ibid, оп. 1, д. 3.
Ibid, op. 1, d. 3.
21. Ibid, оп. 2, д. 9.
Ibid, op. 2, d. 9.
22. Ibid, д. 5.
Ibid, d. 5.
23. Ibid, д. 10.
Ibid, d. 10.
24. Ibid, ф. П-150 (Комиссия по истории партии и революционного движения), оп. 1, д. 9.
Ibid, f. P-150 (Komissija po istorii partii i revoljucionnogo dvizhenija), op. 1, d. 9.
25. Ibid, д. 58.
Ibid, d. 58.
26. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 58.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 58.
27. Ibid, ф. П-150, оп. 1, д. 45.
Ibid, f. P-150, op. 1, d. 45.
28. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 55.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 55.
29. Ibid, ф. 770, оп. 2, д. 8.
Ibid, f. 770, op. 2, d. 8.
30. Ibid, ф. 26, оп. 3, д. 372.
Ibid, f. 26, op. 3, d. 372.
31. Ibid, ф. 770, оп. 1, д. 6.
Ibid, f. 770, op. 1, d. 6.
32. Ibid, ф. 26, оп. 3, д. 271.
Ibid, f. 26, op. 3, d. 271.
33. Ibid, ф. 770, оп. 2, д. 12.
Ibid, f. 770, op. 2, d. 12.
34. Ibid, ф. П-150, оп. 1, д. 7.
Ibid, f. P-150, op. 1, d. 7.
35. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 63.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 63.

36. Ibid, ф. П-150, оп. 1, д. 11.

Ibid, f. P-150, op. 1, d. 11.

37. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 74.

Ibid, f. 706, op. 1, d. 74.

38. Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове / Б. Г. Колоколов. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 584 с.

Kolokolov B. G. Zhandarm s carem v golove / B. G. Kolokolov. – М. : Molodaja gvardija, 2009. – 584 s.

39. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX –начала XX века в лицах и документах : материалы к энциклопедии / сост. В. Г. Вишневский. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2004. – 399 с.

Administrativno-sudebnaja sistema Vostochnoj Sibiri konca XIX –nachala XX veka v licah i dokumentah : materialy k jenciklopedii / sost. V. G. Vishnevskij. – Irkutsk : Irkut. obl. tip. № 1, 2004. – 399 s.

Пасечников І. О. Таврійське охоронне відділення у боротьбі з революційним рухом (1902–1904 рр.) / І. О. Пасечников // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 97–118.

Розглядається організація і діяльність Таврійського охоронного відділення в 1902–1904 рр.. Приділено увагу передумовам створення подібних органів політичного розшуку. Дається опис політичної і революційної ситуації як у всій Російській імперії, так, зокрема, і в Таврійській губернії. Показані відмінності в роботі «охранки» від решти подібних установ. Окремо відзначена її структура, співробітники та фінансування. Даються короткі біографічні дані начальників цієї служби в Криму. Також вказані вимоги до агентури та філерів. Описуються умови і правила їх служби. Аналізується робота охоронного відділення, спрямована на підтримку політичного порядку. Виділені найбільш яскраві епізоди боротьби з революційним рухом. Представлено спостереження за підпільними групами у найбільших містах регіону. Висвітлюються протиріччя і суперництво між органами політичної поліції губернії. Виявляються причини скасування Таврійської «охранки» у 1904 році. Пояснюється факт відродження її аналога в Севастополі. Зроблена спроба визначення ролі охоронного відділення в історичному процесі на території Криму і Північної Таврії в зазначений період.

Ключові слова: Таврійська губернія, політична поліція, Окремий корпус жандармів, охоронне відділення, «охранка», політичний розшук, революційний рух.

Pasechnikov I. A. Taurida guard department in struggle with revolutionary movement (1902–1904) / I. A. Pasechnikov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 97–118.

The article examines the organization and activities of the Taurida guard department in the period from 1902 to 1904. Guard department and commonly abbreviated in modern sources as «okhrana» or «okhranka» was a secret police force of the Russian Empire and part of the police department of the Ministry of Internal Affairs (MVD), aided by the Special Corps of Gendarmes. It was formed to combat political terrorism and left-wing revolutionary activity. The «okhranka» operated offices throughout the Russian Empire and in a number of foreign satellite agencies concerned primarily with monitoring the activities of Russian revolutionaries abroad. The task was performed by any means, including covert operations and undercover agents. The rise of the socialist movements called for the integration of security forces. Since 1898, the Special Section of the Department of Police succeeded the Gendarmes in gaining information from domestic and foreign agents. Following the Socialist-Revolutionary Party's assassination of MVD Minister Dmitry Sipyagin on April 2, 1902, the new Minister Vyacheslav Plehve gradually relieved Directorates of Gendarmes of investigation power in favor of Guard and Investigation department under respective Mayors and Governors (who as a matter of fact were subordinate to the MVD Minister). The «okhranka» used many seemingly unorthodox methods in the pursuit of its mission to defend the monarchy; indeed, some of the Okhrana's activities even contributed to the wave of domestic unrest and revolutionary terror that they were intended to quell. Directly in the article special attention was paid to the work of its bodies on the territory of Taurida Governorate. The duties of the guard department in maintaining political order and the struggle against the revolutionary movement had been analyzed. The differences between the work of the «okhranka» and other similar institutions was shown. Separately marked its structure, staff and funding. There are a brief biographies of the chiefs of this service in the Crimea. Also the requirements to the secret agents and police spies were described. The

brightest episodes of the struggle against the revolutionary movement were highlighted. Surveillance for the underground groups in major cities of the region was presented. The contradictions and rivalries between the bodies of political police of the governorate have been shown. The reasons of the abolition of the Taurida guard department in 1904 have been identified. The fact of the revival of its analogue in Sevastopol was explained. An attempt to determine the role of the «okhranka» in the historical process in the Crimea and Northern Tauria in this period was made. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate, the political police, The Corps of gendarmes, the ugard department, «okhranka», the political spying, the revolutionary movement.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. И. В. Тункина

д.и.н., проф. И. Н. Храпунов

УДК 502.76 (477.75)

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИРОДНО-ЗАПОВЕДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В РАКУРСЕ КОМПЛЕКСНОЙ ОХРАНЫ БИОРАЗНООБРАЗИЯ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Рувев В. Л.

*Республиканский комитет Автономной Республики Крым по охране культурного наследия,
Симферополь, Украина
E-mail: vl.ruev@gmail.com*

Рассмотрены проблемы изучения и использования объектов, одновременно носящих статус памятников культурного наследия и памятников природы, на примере Автономной Республики Крым. Предложены варианты правового урегулирования спорных моментов.

Ключевые слова: объект природно-заповедного фонда, памятник природы, памятник культурного наследия, памятник археологии, археологическая экспедиция

ВВЕДЕНИЕ

Статья 6 Закона Украины «О природно-заповедном фонде Украины» предусматривает, что территории и объекты, имеющие особую экологическую, научную, эстетическую, хозяйственную, а также историко-культурную ценность, подлежат комплексной охране, порядок осуществления которой определяется положением по каждой из таких территорий или объектов, которое в соответствии с настоящим Законом и законодательством Украины об охране памятников истории и культуры утверждается центральным органом исполнительной власти в отрасли охраны окружающей природной среды и центральным органом исполнительной власти в области культуры.

В настоящее время на территории Автономной Республики Крым наблюдается положительная тенденция, связанная с расширением сети объектов природно-заповедного фонда. Эта тенденция закреплена в постановлении Верховной Рады Автономной Республики Крым от 17.09.2008 №968-5/08 «О Программе формирования региональной экологической сети в Автономной Республике Крым на период до 2015 года». Для охраны объектов культурного наследия увеличение количества объектов природно-заповедного фонда носит самый прогрессивный характер, поскольку земли под объектами природно-заповедного фонда будут навсегда закрыты для хозяйственного использования.

Вопросы комплексной охраны объектов, имеющих двойной статус памятников природы и памятников культурного наследия, становятся актуальными после возникновения спорных ситуаций.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

На территории Автономной Республики Крым находится 7 заповедников. На их территориях без исключения находятся памятники и объекты культурного наследия. Кроме того, было проанализировано 147 объектов природно-заповедного фонда, включая прибрежные аквальные комплексы, на предмет наличия на них памятников и объектов культурного наследия.

По предварительным данным¹, на территории указанных 147 объектов природно-заповедного фонда находится 85 памятников культурного наследия и 5 вновь выявленных объектов культурного наследия (не включая объекты археологии, не состоящие на учете). Из них 27 памятников культурного наследия содержит 170 внутрикомплексных объектов. Из общего количества памятников культурного наследия 14 носят статус памятников национального значения, 71 – местного значения.

Исходя из этих данных, становится очевидным, что вопросы охраны заповедных территорий с памятниками и объектами культурного наследия актуальны и для органов охраны окружающей природной среды и для органов охраны культурного наследия. В Автономной Республике Крым эти функции возложены на Республиканский комитет Автономной Республики Крым по охране окружающей природной среды и Республиканский комитет Автономной Республики Крым по охране культурного наследия. Между этими ведомствами налажено взаимодействие по вопросам охраны заповедных территорий, имеющих двойной статус. Однако один вопрос требует дополнительного урегулирования.

Этот вопрос связан с проведением археологических исследований и других работ, сопряженных с охраной культурного наследия, на территориях, носящих статус памятников природы и культурного наследия. В соответствии со статьей 9 Закона Украины «О природно-заповедном фонде Украины» представители органов по охране окружающей природной среды требуют получение лимитов на использование природных ресурсов при проведении археологических исследований на памятниках, объектах археологии и объектах природно-заповедного фонда.

Рассмотрим эту проблему в практической плоскости. В настоящее время работа археологических экспедиций – это наилучший способ сохранения памятников археологии, научного раскрытия их содержания, популяризации сохранения археологического наследия. Проведение археологических экспедиций регулируется Законами Украины «Об охране культурного наследия», «Об охране археологического наследия», рядом других подзаконных нормативных документов. Возможность проведения археологических исследований определяется высокими требованиями к руководителю экспедиции и его квалификационному уровню. Если этот уровень подтвержден, руководителю экспедиции необходимо пройти процедуру получения разрешительных документов, состоящих из квалификационного документа на право проведения археологических исследований (выдается Институтом археологии Национальной академии наук Украины) и разрешения Министерства культуры Украины, а также зарегистрировать эти документы в Республиканском комитете Автономной Республики Крым по охране культурного наследия, органах охраны культурного наследия областных госу-

¹ Для получения максимально объективной информации по данному вопросу необходимо уточнение границ объектов природно-заповедного фонда

дарственных администраций, городских государственных администраций г. Киева и г. Севастополя. После проведения археологических исследований руководитель экспедиции обязан сдать обнаруженные находки в Музейный фонд Украины и подготовить отчет о проведенных работах. С учетом объемов финансирования, которое выделяется на проведение археологических исследований, произвести подобного рода мероприятия не просто, поскольку зачастую археологи вынуждены самостоятельно изыскивать средства на материально-техническое обеспечение экспедиций, обеспечение продовольствием, транспортные расходы, заработную плату наемным работникам, подготовку отчета, командировочные расходы.

Нахождение археологических экспедиций на комплексных объектах на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени – это не только проведение научных изысканий, но и появление дополнительной охраны и контроля за состоянием такого объекта. В качестве подобного примера можно привести Мангупскую археологическую экспедицию, силами которой пожары, возникающие на территории Мангупского плато, были локализованы еще до появления пожарных подразделений МЧС. В это время прекращается проведение грабительских раскопок, уничтожение редких растений и животных, осуществляется контроль за поведением экскурсантов на территории памятника природы и культурного наследия.

Вновь следует вернуться к поставленному вопросу о необходимости получения лимитов на работу археологических экспедиций. Действительно, для проведения своих исследований археологи должны в той или иной степени заниматься хозяйственной деятельностью для поддержания в надлежащем состоянии своего полевого лагеря, продовольственной и санитарной безопасности сотрудников. Однако эти меры вынужденные, и в большинстве случаев возможность ограничиться только раскопками без разбивки лагеря археологической экспедиции отсутствует. Ликвидировать необходимость получения лимитов для проведения археологических раскопок возможно в соответствии со статьей 9-1 Закона Украины «О природно-заповедном фонде Украины», где указано, что «перечень установленных настоящим Законом видов использования природных ресурсов в пределах территорий и объектов природно-заповедного фонда и порядок их использования определяются режимом территорий и объектов природно-заповедного фонда».

В соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины от 25.08.2004 №1094 «Об утверждении Порядка разработки проектов землеустройства по организации и установлению границ территорий природно-заповедного фонда, другого природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения» и пунктом 9 указанного Порядка в проекте землеустройства по организации и установлению границ объекта природно-заповедного фонда необходимо указать режим использования земель историко-культурного назначения в пределах территории природно-заповедного фонда. В режиме должна быть предусмотрена возможность проведения археологических разведок, раскопок, консервации, реставрации, реабилитации, музеефикации, ремонта, приспособления на объектах и памятниках культурного наследия вне лимитированности использования природных ресурсов. Такой подход, на наш взгляд, повлечет за собой только продуктивную работу ученых на своих объектах исследования и не будет перекрывать нормы Зако-

нов Украины «Об охране культурного наследия» и «Об охране археологического наследия» нормами Закона Украины» О природно-заповедном фонде Украины».

Для обеспечения сохранности объекта природно-заповедного фонда до начала археологических исследований на памятнике природы и культурного наследия будет вполне целесообразным проведение профилактических бесед и получения инструкций для археологов от сотрудников органов охраны окружающей природной среды. Таким образом, совершенно безболезненно для всех сторон будут учитываться и выполняться их позиции с целью реализации общего дела – охраны культурного наследия и природно-заповедного фонда.

В Автономной Республике Крым профильные ведомства давно наладили конструктивное взаимодействие по указанному вопросу, в результате чего учитываются обоюдные интересы, и хочется надеяться, что вопрос с лимитированием работы археологов будет разрешен. Однако в полевых условиях препятствия научного изучения объекта с двойным статусом вновь приняли новый облик.

Последний случай, произошедший в августе 2013 г. – это работа археологической экспедиции под руководством директора Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины, член-корреспондента Национальной академии наук Украины, доктора исторических наук В. П. Чабая на палеолитической стоянке у г. Ак-Кая.

Гора Ак-Кая является памятником природы общегосударственного значения (постановление Совета Министров УССР от 30.03.1981 № 145) площадью 30,0000 га. Однако на территории этого памятника природы находится 6 памятников культурного наследия, из которых 1 имеет статус памятника национального значения, 5 – местного значения. Они включают в себя 14 внутрикомплексных объектов.

Учитывая подобную ситуацию, несколько недоуменно было слышать археологу с мировым именем претензию инспектора Государственной экологической инспекции в Автономной Республике Крым, о том, что он «повредил дерновый слой на памятнике природы». Хотя до этого случая, на протяжении многих лет ученый-археолог «повреждал дерновые слои» на Ак-Кая и в других местах Крыма, однако таким образом, что памятники природы и культурного наследия оставались в надлежащем состоянии, а мировая наука существенно продвигалась в своем развитии.

Остается надеяться, что возникшие за последнее время подобного рода ситуации являются недоразумениями и подлежат урегулированию в рамках правового поля и разумного подхода. Мы считаем, что более эффективными получилась бы совместные рейды представителей Государственной экологической инспекции в Автономной Республике Крым и Республиканского комитета Автономной Республики Крым по охране культурного наследия в осенне-зимний период на памятниках природы и культурного наследия для противодействия грабительским раскопкам.

ВЫВОДЫ

Комплексное сочетание природных и историко-культурных особенностей в пределах одного объекта носит мощный рекреационный потенциал. Всестороннее раскрытие этих особенностей в рамках экспозиционной привлекательности и развития туризма в Автономной Республики Крым важнейшей задачей представителей власти,

общественных организаций, ученых – историков, археологов, экологов. Только совместная конструктивная работа позволит сохранить эти замечательные объекты Крымского полуострова, спасти от грабителей памятники археологии, а ценные породы деревьев – от незаконной вырубki. Необходимо перестать разделять объекты с двойным статусом на «свою часть и чужую», а стараться прилагать все силы для всестороннего изучения, охраны этих объектов и раскрытия их полезных свойств.

Список использованных источников и литературы

1. Закон Украины «О природно-заповедном фонде Украины». – Электронный ресурс. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2456-12> Проверено 30.09.2013.
Zakon Ukrainyi «O prirodno-zapovednom fonde Ukrainyi». – Elektronnyi resurs. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2456-12> Provereno 30.09.2013.
2. Закон Украины «Об охране культурного наследия». – Электронный ресурс. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1805-14> Проверено 30.09.2013.
Zakon Ukrainyi «Ob ohrane kulturnogo naslediya». – Elektronnyi resurs. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1805-14> Provereno 30.09.2013.
3. Закон Украины «Об охране археологического наследия». – Электронный ресурс. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1626-15> Проверено 30.09.2013.
Zakon Ukrainyi «Ob ohrane arheologicheskogo naslediya». – Elektronnyi resurs. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1626-15> Provereno 30.09.2013.
4. Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 17.09.2008 №968-5/08 «О Программе формирования региональной экологической сети в Автономной Республике Крым на период до 2015 года». – Электронный ресурс. <http://zakon4.rada.gov.ua/krym/show/rb0968002-08> Проверено 30.09.2013.
Postanovlenie Verhovnoy Radyi Avtonomnoy Respubliki Kryim ot 17.09.2008 #968-5/08 «O Programme formirovaniya regionalnoy ekologicheskoy seti v Avtonomnoy Respublike Kryim na period do 2015 goda». – Elektronnyi resurs. <http://zakon4.rada.gov.ua/krym/show/rb0968002-08> Provereno 30.09.2013.
5. Постановление Кабинета Министров Украины от 25.08.2004 №1094 «Об утверждении Порядка разработки проектов землеустройства по организации и установлению границ территорий природно-заповедного фонда, другого природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения». – Электронный ресурс. <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1094-2004-%D0%BF> Проверено 30.09.2013.
Postanovlenie Kabineta Ministrov Ukrainyi ot 25.08.2004 №1094 «Ob utverzhdenii Poryadka razrabotki projektov zemleustroystva po organizatsii i ustanovleniyu granits territoriy prirodno-zapovednogo fonda, drugogo prirodohrannogo, ozdorovitelnogo, rekreatsionnogo i istoriko-kulturnogo naznacheniya». – Elektronnyi resurs. <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1094-2004-p> Provereno 30.09.2013.

Руєв В. Л. Об'єкти культурної спадщини на природно-заповідних територіях в ракурсі комплексної охорони біорізноманіття та культурної спадщини / В. Л. Руєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 119–124.

Піднято питання про проблеми вивчення та використання об'єктів, одночасно мають статус пам'яток культурної спадщини та пам'яток природи, на прикладі Автономної Республіки Крим. Запропоновані варіанти правового врегулювання спірних моментів.

Ключові слова: об'єкт природно-заповідного фонду, пам'ятка природи, пам'ятка культурної спадщини, пам'ятник археології, археологічна експедиція

Ruyev V. L. Objects of cultural heritage on the nature-reserve territories in the context of complex protection of biodiversity and cultural heritage / V. L. Ruyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 119–124.

Article 6 of Law of Ukraine «About nature reserve fund of Ukraine» makes provision for a complex protection of the territories and objects, having a special ecological, scientific, aesthetic, economical and also historical-cultural value. The order of its realization is determined by the statute of each territories and objects, which is in conformity with a present law and the legislation of Ukraine about the protection of the monuments of history and culture approved by the Central Agency in branches of protection of environment and Central Agency in the sphere of culture. At present, a positive tendency, connected with an expansion of the network of objects of nature reserve fund, is seen. This tendency is consolidated in the decision of supreme Rada of AR Crimea from 17.09.2008 №968-5/08 «About the Program of forming a regional ecological network in AR Crimea for the period till 2015». For protecting objects of heritage, the increasing number of the objects of nature reserve fund it has the most progressive character, because the lands, being as the objects of nature reserve fund, will be closed forever for economical use. There are seven nature reserves on the territory of AR Crimea. There are some monuments and objects of heritage on their territories. Besides, it was analyzed 147 objects of nature reserve fund, including coastal aquatic complexes for the subject of being monuments and objects of heritage on them. As to preliminary data, there are 85 monuments of heritage and 5 new revealed objects of heritage (not including objects of archaeology being without a registration) on the territory of 147 pointed objects of nature reserve fund. From them 27 monuments of heritage contain 170 intracomplex objects. From the total number of monuments of heritage, 14 monuments have the status of monuments of a national meaning, 71 are of a local meaning. One of the questions of using objects of double status is connected with carrying out archaeological researches and other works attended by the protection of heritage. In accordance with Article 9 of Law of Ukraine «About nature reserve fund of Ukraine», the representatives of the authorities of environment protection demand of receiving limits for using natural resources at carrying out archaeological researches on the monuments, objects of archaeology and objects of nature reserve fund.

For carrying out their researches, archaeologists, to a certain extent, must be occupied with economics for supporting their field camp, food and sanitary safety of their research workers in proper condition. However, these measures are necessary and in the most cases, the possibility of limiting themselves only to excavations without laying out the camp of an archaeological expedition is absent. To liquidate the necessity of receiving limits for carrying out archaeological excavations it is possible in accordance with Article 9-1 of Law of Ukraine «About nature reserve fund of Ukraine» in which it is pointed that «the list of established by the present law kinds of using natural resources within the territories and objects of nature reserve fund and the order of their using is determined by the routine of the territories and objects of nature reserve fund».

In accordance with the resolution of the Department of Ministers of Ukraine from 28.08.2004 №1094 «About confirming the Order of working out projects of the organization of using land in the organization and the establishment of limits of the nature reserve fund's territories, another nature protecting, improving the sanitary conditions of a locality, recreating and historical-cultural application» and by point 9 of this Order in the project of the organization of the use of land in the organization and the establishment of limits of the object of the nature reserve fund it is necessary to point out the routine of using lands of historical-cultural application within the territory of the nature reserve fund. It must be specified in the routine the possibility of carrying out archaeological excavations, prospects, temporary closing-down, restoration, rehabilitation, museification, repair, accommodations on the objects and monuments of heritage without limiting of using natural resources.

In our point of view, such a method will entail only productive work of scientists on their objects of research and thus, the norms of Laws of Ukraine «About the protection of heritage» and «About the protection of archaeological heritage» won't be exceeded by the norms of Law of Ukraine «About the nature reserve fund of Ukraine».

Keywords: object of nature-reserve fund, natural monument, a monument of cultural heritage, monument of archaeology, archaeological expedition

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. И. Н. Храпунов

УДК 94(477.75)»193/194»:061.12

**ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧЕНОГО:
ВОКРУГ РЕАБИЛИТАЦИИ Г. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО
(КОНЕЦ 30-х – НАЧАЛО 40-х гг. XX в.)**

Севастьянов А. В.

*РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь, Украина
E-mail: spu_crimea@mail.ru*

В статье на основе обобщения новых документальных материалов ведомственных архивов Санкт-Петербурга (СПФАРАН, ИИМК РАН НА РО, АРЭМ) и разработок современной биоисториографии освещаются обстоятельства реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского после отбывания лагерного заключения в 1934–1936 гг., в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. Прослеживаются основные этапы создания им капитальной монографии «Палеолит Крыма» и присуждения ученой степени доктора исторических наук в 1941 г.

Проблема изучения периода массовых репрессий (конец 20–начало 50-х гг. XX в.), направленных против выдающихся деятелей отечественной науки и культуры занимает все более заметное место в разработках современной историографии. Немалое значение имеют исследования, посвященные введению новых корпусов неизвестных архивных документов, позволяющие восстановить новые факты биографий ученых, влияние этих событий на общую атмосферу и состояние науки в исследуемый период. Изучение истории кримоведения в 20–30-е гг. XX в. содержит еще немало неисследованных сюжетов. Одним из них является научная биография и анализ творческого наследия выдающегося советского археолога, антрополога и этнографа Г. А. Бонч-Осмоловского. Одним из малоизученных сюжетов жизни ученого являются обстоятельства его ареста в 1933 г., заключения и возвращения в Ленинград в 1936 г. и последующей борьбы за реабилитацию. Объясняется это, прежде всего, противоречивостью источниковой базы. Значительный пласт информации содержат материалы фондов ИИМК РАН НА РО. Однако, материалы личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского, как в ИИМК РАН НА РО (ф. 71), так и в АРЭМ остаются недоступны исследователям, т. к. в них не проведена необходимая научно-техническая обработка материалов. При этом состав этих фондов играет ключевую роль при восстановлении основных этапов биографии ученого.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. Г. А. Бонч-Осмоловский уже был состоявшимся ученым. Об этом говорят его многочисленные публикации о раскопках первобытных скальных навесов и пещер в Крыму. Была подтверждена подлинность и древность костных останков неандертальцев из пещеры Киик-Коба, началась масштабная работа по анализу антропологических материалов, формулировке теоретических выводов. В 1926 г. ученый смог совершить поездку во Францию и провести необходимые консультации с наиболее значимыми исследователями мирового масштаба. Наряду с профессором П. П. Ефименко Г. А. Бонч-Осмоловский являлся наиболее

авторитетным специалистом по палеолиту в советской науке, возглавлял Четвертичный отдел в Геологическом институте АН СССР. 29 ноября 1933 г. ученый был арестован, в апреле 1934 г. – приговорен к 3-летнему лагерному сроку в Воркуте, сумел досрочно освободиться в феврале 1936 г., после чего вел постоянную борьбу за реабилитацию, в которой участвовали авторитетные представители разных подразделений АН СССР. Ее результатом стало снятие судимости в феврале 1941 г., восстановление научной репутации и присуждение ученой степени доктора исторических наук в сентябре 1941 г без защиты диссертации.

Ключевые слова: Г. А. Бонч-Осмоловский, палеолит Крыма, Академия наук СССР, Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР, П. П. Ефименко.

Проблема изучения периода массовых репрессий (конец 20–начало 50-х гг. XX в.), направленных против выдающихся деятелей отечественной науки и культуры, научно-педагогических работников, подвижников краеведческого движения, музейного и библиотечного дела занимает все более заметное место в разработках современной историографии. Немалое значение имеют исследования, посвященные введению новых корпусов неизвестных архивных документов, позволяющие восстановить новые факты биографий ученых, по новому осмыслить смысл и логику трагических обстоятельств их жизни, влияние этих событий на научную карьеру и общую атмосферу и состояние науки в исследуемый период. В данном контексте нельзя не отметить значительный качественный прорыв последнего десятилетия в крымоведческом направлении истории науки. Он характеризуется появлением капитальных монографий биобиблиографического профиля, обоснованно претендующих на полноценные энциклопедические исследования всего состояния крымоведения первых советских десятилетий. Безусловное первенство и стратегическую направленность в этом контексте занимают работы профессора Таврического национального университета имени В. И. Вернадского А. А. Непомнящего [1–4] по сути обеспечивающие методологический и источниковый фундамент последующих штудий.

Вместе с тем, само по себе изучение истории крымоведения в 20–30-е гг. XX в. содержит еще немало неисследованных сюжетов. Одним из них является научная биография и анализ творческого наследия выдающегося советского археолога, антрополога и этнографа, профессора Ленинградского государственного университета, доктора исторических наук Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943). Отсутствие полноценного очерка жизни ученого, трудность восстановления необходимой источниковой базы его деятельности и научных изысканий, их анализа объясняют **актуальность** нашего исследования.

В современной историографии имя Г. А. Бонч-Осмоловского возвращено из небытия. Это стало возможным благодаря работам его ученика, доктора исторических наук, члена-корреспондента АН УССР Сергея Николаевича Бибикова (1908–1988) [5–6], впервые создавшего обзорный очерк жизни и деятельности ученого. Современные исследователи-археологи С. В. Смирнов, Г. П. Григорьев, С. А. Васильев [7–9] переосмыслили положения научных трудов Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте развития археологической науки, У. К. Мусаева представила развернутый анализ его этнографических экспедиций и штудий [10].

О т з в

о научной работе быв. старшего научного сотрудника Государственной Академии Истории Материальной Культуры — Глеба Антольевича БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО, состоявшего Институтом истории феодального общества.

Как известно, Бонч-Осмоловскому принадлежал ряд работ по предметам материалистической истории Китая, которых и почти целиком составляют последние десятилетия его жизни. Можно не сказать, что о его исследованиях, по сравнению с другими работами тех же местонахождения Красса, сказано в основном все то, что можно было бы сказать на основании их самих. Бонч-Осмоловский, также отчасти, которыми мы обязаны Бонч-Осмоловскому, как открывателю нового периода в истории Китая — Юань-Юань, привнес в историю нам малоизвестных памятников на территории СССР. Затем его работы в Палестине-Израиле, Сибири и т. д. вне всякого сомнения являют много нового и достаточно ценного в науку о первоисточниках истории Европы.

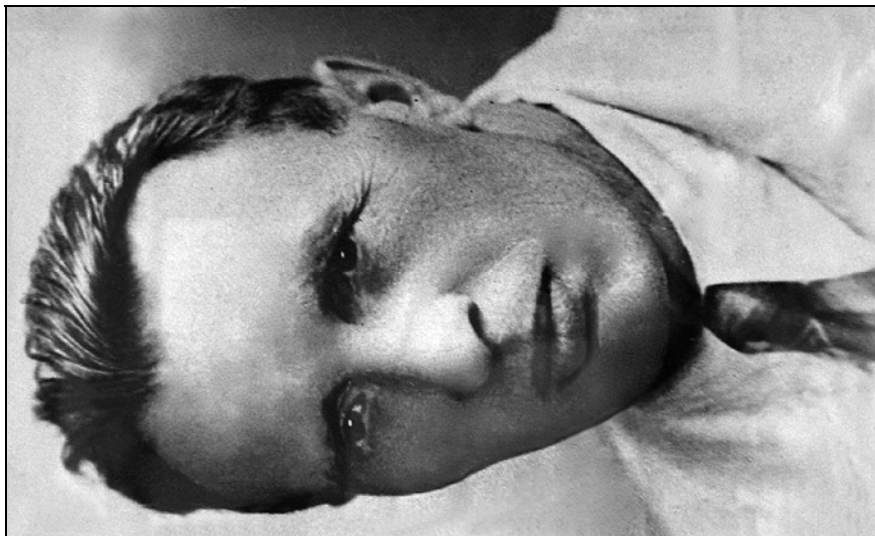
Результаты исследований Г.А. Бонч-Осмоловского в предпринятых формах были опубликованы в ряде изданий. В последнее время по мере дороговизны общества он был занят подготовкой большей части своей работы по комиссию высылать эту тему он частично докладывал в ряде заседаний кафедры, где выступал в основном, вполне положительную оценку.

Нельзя не отметить ту роль, которую Бонч-Осмоловский сыграл по линии Академии Наук — в деле подготовки к международному Съезду по четвертичной геологии. Несомненно, что благодаря его энергии, направленной на улучшение секции человека, о ней, в сравнительно трудных условиях, удалось лучше, чем могло быть. Им в достояние коротких сроков был собран целый верный отчет Геологического музея Академии Наук, являющийся научным базисом в этой области. Он же организовал и возглавил секцию человека, проведя это настолько успешно, что в программе последующих международных съездов по четвертичной геологии (Париж, Прага) изучение человека заняло вполне прочное место.

Из сказанного следует, что о Бонч-Осмоловском, по моему мнению, последнее год, был связан достаточно крупный участок научно-исследовательской и организационной работы. Это значение как научного работника, приходится оценивать т.д. Достаточно ясно.

Слабой стороной Г.А. Бонч-Осмоловского, по моему мнению, является собственно теоретическая часть. Он значительно сильнее эмпирически практичен, чем в области научных обобщений. В анализе недостатков теории исторического познания, которое понимается в значительной мере культурно-материалистическим толкованием. Это прикладная, очевидно, основная мысль, что Бонч-Осмоловский в области изучения дорожных объектов, особенно в области этногенетики, так как он и являлся по своему образованию. Научные памятники и первоисточники истории под углом зрения натуралиста для него имеют не меньшее значение, чем для натуралиста.

Н.Ф.

Профессор
Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский
(1890–1943)

Обращение Г. А. Бонч-Осмоловского на имя начальника Управления НКВД по Ленинградской области С. А. Гогольде
с прошением о снятии судимости
(1940 г., ИИМК РАН на РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 17)

Отзыв академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга о научно работе
Г. А. Бонч-Осмоловского
(1936 г., ИИМК РАН на ро, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 20)

**ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧЕНОГО: ВОКРУГ РЕАБИЛИТАЦИИ
Г. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО (КОНЕЦ 30-х – НАЧАЛО 40-х гг. XX в.)**

ПРОСКИ

счетовой комиссии, выделенной Ученым Советом Им-
ператорской Академии наук и культуры им. П. П.
Медведева для подсчета бюллетеней, выданных
Ученым Советом Императорской Академии наук
историческим наукам

от 27 сентября 1941 г.

Счетная комиссия в системе
Председателя: В. В. Радомский и П. П. Медведев
..... /члены комиссии/

получила В. В. Радомский их под расписку присутствующим
составу бюллетеней для раздачи их под расписку присутствующим
на заседаниях Ученого Совета; осталось В. В. Радомский,
осталось неиспользованными 2... бюллетеней, опущено в Ур-
ну 13... бюллетеней.

По продолжении голосования Счетная комиссия вскрыла урну об-
наружив всего 13... бюллетеней в том числе подсчет бюлlete-
ней все бюллетени признаны действительными.

Подсчет бюллетеней показал, что за предложение искомой
статьи и подано 13... бюллетеней,
против "..." бюллетеней
воздержавшихся ... бюллетеней

Таким образом
голосовало 13... бюллетеней, воздержавшихся
голосовать 10... бюллетеней, не голосовавших 13... бюллетеней

Остаток 13... бюллетеней
Председатель В. В. Радомский

Члены комиссии Г. М. Медведев, П. П. Медведев

Протокол счетной комиссии Ученого совета ИИМК имени Н. Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г. по итогам тайного голосования за присуждение Г. А. Бонч-Осмоловскому степени доктора исторических наук (ИИМК РАН НА РО, ф. 35, оп. 3, д. 9, л. 5)

[illegible]

Выписка из протокола заседания Ученого совета ИИМК имени Н. Я. Марра АН СССР 27 сентября 1941 г. по рассмотрению вопроса о при-
суждении Г. А. Бонч-Осмоловскому степени доктора исторических на-
ук (ИИМК РАН № РО, ф. 35, оп. 3, д. 9, л. 1)

Значительный интерес в процессе восстановления крымского периода жизни Г. А. Бонч-Осмоловского носят упомянутые публикации профессора А. А. Непомнящего [1–4], которые вводят в научный оборот значительные корпуса неизвестных источников из архивов Санкт-Петербурга, касающиеся роли ученого в создании и первоначальной деятельности КрымОХРИСа, его организаторских усилий по созданию музейной сети в регионе, археологических исследованиях 20-х гг. XX в., связях с представителями крымской научной общественности, прежде всего – с профессором Н. Л. Эрнстом. Не менее важная и ценная информация, позволяющая изучить подробности жизни Г. А. Бонч-Осмоловского содержится в публикациях доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), распорядителя семейного архива Бонч-Осмоловских Н. И. Платоновой [11–14]. Данные статьи представляют собой синтез доступных архивных источников с неопубликованными материалами фамильного собрания, в том числе – дневниками супруги ученого О. Г. Бонч-Осмоловской и семейной перепиской. Наиболее полным и информативным на данный момент исследованием Н. И. Платоновой о жизни Г. А. Бонч-Осмоловского в 20–30-е гг. XX в. следует считать главы книги «Г. П. Сомов», посвященной исследованию биографии пасынка ученого [15]. Участие Г. А. Бонч-Осмоловского в работе Российского общества по изучению Крыма, обзорный анализ его археологических открытий и разбирательство «дела Г. А. Бонч-Осмоловского» специальной комиссией Секции научных работников АН СССР в 1930 г. освещен в наших публикациях [16–17]. Общий анализ разработок столичных исследователей и крымоведов дает основания говорить о пока что неполном и фрагментарном характере исследования биографии и научных изысканий Г. А. Бонч-Осмоловского.

Одним из наиболее интересных, но при этом – малоизученных сюжетов жизни Г. А. Бонч-Осмоловского являются обстоятельства его ареста в 1933 г., заключения и возвращения в Ленинград в 1936 г. и последующей борьбы за реабилитацию. Объясняется это, прежде всего, противоречивостью источниковой базы. Основные документы об экспедиционной деятельности ученого хранятся в рукописном отделе Научного архива Института материальной культуры РАН (ИИМК РАН НА РО, г. Санкт-Петербург) в фонде «Государственная академия истории материальной культуры» (ГАИМК) (ф. 2). Данные материалы позволяют получить исчерпывающую информацию о ходе работ Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму на протяжении 1923–1933 гг., когда были произведены раскопки ряда крымских памятников, сделаны выдающиеся открытия в пещере Киик-Коба и сформулированы основные положения теории ученого об условиях жизни и эволюции древнейших обитателей крымских гор, а по сути – людей в среднем палеолите (эпоха мустье). Значительный пласт информации также содержат материалы фонда «Институт истории материальной культуры АН СССР» (ф. 35), данное учреждение стало преемником ГАИМК с 1937 г. и в нем Г. А. Бонч-Осмоловский смог продолжить свою исследовательскую работу после возвращения из заключения. Однако, материалы личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского, как в ИИМК РАН НА РО (ф. 71), так и в научном архиве Российского этнографического музея (РЭМ, г. Санкт-Петербург) остаются недос-

тупны исследователям, т. к. в них не проведена необходимая научно-техническая обработка материалов. При этом состав этих фондов играет ключевую роль при восстановлении основных этапов биографии ученого.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский уже был состоявшимся ученым. Об этом говорят его многочисленные публикации о раскопках первобытных скальных навесов и пещер в Крыму. Уже была подтверждена подлинность и древность костных останков неандертальцев из Киик-Кобы, началась масштабная работа по анализу антропологических материалов, формулировке теоретических выводов. В 1926 г. ученый смог совершить поездку во Францию, бывшую тогда центром европейского палеолитоведения, провести необходимые консультации с наиболее значимыми исследователями мирового масштаба А. Брейлем, Г. Мартеном, Д. Пейрони и другими [11, с. 134–137, 16, с. 158–160]. Можно сказать, что научная карьера складывалась исключительно успешно, фактически, наряду с профессором ЛГУ Петром Петровичем Ефименко (1884–1969) Г. А. Бонч-Осмоловский являлся наиболее авторитетным специалистом по палеолиту в советской науке, возглавлял Четвертичный отдел в Геологическом институте АН СССР.

Однако кроме сугубо научных успехов важную роль в эти годы играли общие социально-политические обстоятельства. А они складывались далеко не идеально. Уже в 1929–1930 гг. начался первый виток репрессий против представителей академического сообщества – т. н. «Академическое дело», направленное на чистку рядов в Академии наук СССР.

В этом контексте можно согласиться с мнением кандидата исторических наук А. А. Формозова, который называет 1929–1933 гг. временем коренной перестройки ГАИМК и других учреждений, занимавшихся организацией исторической науки в СССР и археологии в частности. Тенденцией стало вытеснение старых кадров археологов, воспитанных еще в досоветскую эпоху: в Москве это были ученики В. А. Городцова, в Ленинграде – Ф. К. Волкова (к которым относился и Глеб Анатольевич), сотрудники Н. Я. Марра. Им на смену приходили новые, только закончившие аспирантуру специалисты – А. Н. Бернштам, П. И. Борисковский, С. Н. Замятин, А. П. Окладников и другие. Им предстояло еще совершить свои выдающиеся открытия – пока же они выступали в роли идеологически бдительных ученых, ниспровергая вчерашних авторитетов в русле «руководящей и направляющей». Одним из руководителей этого процесса стал В. И. Равдоникас, выступивший в 1930 г. со своей программной книгой «За марксистскую историю материальной культуры», ставшей сигналом к реорганизации ГАИМК и определяющей в идеологическом оформлении советской археологии 30-е гг. XX в. [18, с. 49–62].

На фоне «Академического дела» эти события выглядели симптоматично и логично, а Глеба Анатольевича в этом контексте коснулось специальное разбирательство, ставшее результатом личного конфликта ученого с В. И. Равдоникасом и Н. И. Репниковым в 1929 г., имевшего «крымские корни». Ему были выдвинуты обвинения в нецелевом использовании средств на раскопки, было организовано шельмование в студенческой среде ЛГУ, где он преподавал на кафедре антропологии, но был вынужден уйти в 1929 г. вследствие реорганизации, фактически – под давлением, были и попытки выдвинуть идеологические обвинения. «Дело Бонч-

Осмоловского» марта 1930 г. не будь на то воли и авторитета, руководителей образованной следственной комиссии Секции научных работников АН СССР, главы ГАИМК академика Н. Я. Марра и его заместителя Ф. В. Кипарисова вполне могло вылиться в реальное уголовное преследование. Советская археологическая наука только вступала в период потрясений и репрессий [17, с. 200–202].

Однако судьба ненадолго отсрочила испытание Глебу Анатольевичу. На рубеже 20–30-х гг. XX в. были арестованы практически все его друзья студенческих лет – Н. П. Анциферов, Ф. А. Фиельструп, Б. Г. Крыжановский. В ноябре 1933 г. ученый понял, что он – следующий на очереди. Н. И. Платонова так описывает события вечера 29 ноября 1933 г. по неопубликованным воспоминаниям О. Г. Бонч-Осмоловской: «...Глеб сел на край кушетки, обхватив колени, и стал раскачиваться из стороны в сторону, как делал это всегда в минуты неприятных раздумий. Наконец он сказал: «Сегодня взяли Фафа... (таким было дружеское прозвище Ф. А. Фиельструпа. – *Авт.*)» ... Взяты все. Теперь очередь за мной. Я попробовал привести в порядок бумаги на случай обыска. Скрывать мне нечего, но пусть будет порядок. Но я сам не знаю, зачем. «Им»-то мои работы не нужны. Сколько ни ломаю голову, не могу понять, для чего и кому нужно все это, что сейчас делается, а когда не можешь понять и объяснить – трудно жить...» Мы опять замолчали, подавленные неотвязной мыслью. В это время раздался звонок, и «они» пришли. Мы не удивились и почти не испугались» [15, с. 106–107].

Глеб Анатольевич был обвинен в участии в «фашистском заговоре», проходил по процессу т. н. «Российской Национальной партии». В соответствующих документах с места работы – служебной записке Геологического института (ГИН) АН СССР на запрос Личного стола АН СССР от 21 декабря 1933 г. сухо значится: «ГИН настоящим сообщает, что зав. Четвертичным отделом Бонч-Осмоловский отсутствует в институте с 1-го декабря с/г.» [19, л. 15]. Ясность с дальнейшей судьбой ученого, очевидно, проявлялась по ходу следствия. Уже 17 февраля 1934 г. был выпущен приказ № 24 отдела кадров АН СССР по личному составу, во втором параграфе значилась характерная формулировка: «Считать отчисленным зав. Четвертичным отделом ГИНа, тов. Бонч-Осмоловского Г. А. с 1/II-[19]34 г. вследствие его ареста» [19, л. 16]. Такая же формулировка была внесена и в трудовую книжку ученого, сохранившуюся в его личном деле сотрудника АН в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [20, л. 9 об.]. 12 апреля 1934 г. Глеб Анатольевич был осужден на три года исправительных работ. Наказание было назначено отбывать в Ухтпечлаге, в Воркуте. Работа геолога на руднике была ему знакома, опыт раскопок позволил внести несколько новшеств в методику бурения, что стало основанием для досрочного освобождения ученого из заключения уже 25 февраля 1936 г. [12, с. 312].

Однако, уже через две недели после вынесения приговора ученому, 26 апреля 1934 г. сотрудниками одного из мест работы Глеба Анатольевича – Института истории феодального общества ГАИМК – был составлен «Отзыв о научной работе быв[шего] старшего научного сотрудника Государственной Академии Истории Материальной Культуры Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского», сохранившийся в фондах ИИМК РАН НА РО [21, л. 53–53 об., 54–54 об.]. Мотивы составления данного документа в тексте не указаны, однако его содержание дает основания предпо-

ложить, что коллеги пытались оспорить вынесенный приговор и данный отзыв был направлен для органов ОГПУ. Автором документа стал П. П. Ефименко. Он отмечал, что «Бонч-Осмоловскому принадлежит ряд работ по древнейшей, палеолитической истории Крыма, которой он почти целиком посвятил последние десять-двенадцать лет. Можно сказать, что с его исследованиями, по преимуществу пещерных местонахождений Крыма, связано в основном все то, что мы знаем в настоящее время о крымском палеолите». Также было подчеркнуто: «открытия, которыми мы обязаны Бонч-Осмоловскому <...> вне всякого сомнения вносят много нового и достаточно ценного в науку о первобытной истории Европы». Перечислялись основные экспедиции Глеба Анатольевича по исследованию Киик-Кобы, Шайтан-Кобы, Сюреньских пещер и других памятников [21, л. 54].

Остановился П. П. Ефименко и на прерванных исследованиях коллеги: так, им было отмечено, что результаты исследования Г. А. Бонч-Осмоловского «в предварительной форме были опубликованы в ряде изданий. В последнее время по кафедре Дородового общества он был занят подготовкой большой итоговой работы по крымскому палеолиту». Представленные коллегам по ГАИМК доклады ученого, по мнению П. П. Ефименко, также встречали «вполне положительную оценку». Без внимания не осталась и организаторская работа Г. А. Бонч-Осмоловского, которая проявлялась в активной подготовке к проведению Международного съезда по четвертичной геологии (состоялся в Ленинграде в сентябре 1932 г.), руководстве секцией человека на этом форуме, создании и руководстве Четвертичным отделом Геологического института АН СССР, ставшим базой для международных контактов. Методы работы ученого повлияли и на то, что на последующих подобных международных научных конференциях (Нью-Йорк, Прага) проблема антропогенеза в формате секции человека заняла одно из наиболее прочных мест. Выводом из приведенных фактов стало утверждение П. П. Ефименко о том, что «с Бонч-Осмоловским, за последние годы, был связан достаточно крупный участок научно-исследовательской и организационной работы. Его значение, как научного работника, приходится оценивать, т[аким] о[бразом], достаточно высоко» [21, л. 54].

Была высказана в отзыве и критика. Петр Петрович отметил как «слабую сторону» Глеба Анатольевича «собственно теоретическую часть». При этом говорилось, что Г. А. Бонч-Осмоловский «значительно сильнее как исследователь-практик, чем в области научных обобщений». По мнению археолога в выводах ученого «недостает широты исторического понимания фактов, которое подменяется в значительной мере вульгарно-материалистическими толкованиями». П. П. Ефименко объяснял это свое заключение тем «что Бонч-Осмоловский в области изучения дородового строя остался на позициях естественника, каким он и является по своему первому образованию. Изучение памятников первобытной истории под углом зрения натуралиста для него имеет не меньшее, если не большее значение, чем изучение их как исторических источников». В заключение отзыва П. П. Ефименко дал характеристику и работе Глеба Анатольевича в стенах ГАИМК: подтверждалось его соответствие званию старшего научного сотрудника (а он не имел еще официальной ученой степени – Авт.), но при этом подчеркивалось, что Г. А. Бонч-Осмоловский «мог иметь известное право на более высокое звание» [21, л. 54–54 об.].

Содержание данного отзыва явно демонстрирует желание коллег по ГАИМК оказать помощь осужденному сотруднику. Высказанная же критика органично вписывалась в рамки привычных отношений в среде ученых. Более того, П. П. Ефименко, даже не соглашаясь с позициями Г. А. Бонч-Осмоловского, приводил аргументы для обоснования таких взглядов коллеги, указывая на разность подходов при изучении первобытной эпохи историками и специалистами естественнонаучных специальностей. Поэтому, считать критические замечания желанием каким-то образом усугубить судьбу Глеба Анатольевича, конечно же, нельзя. Не лишним будет и отметить, что критика П. П. Ефименко в целом повторяла его же слова, сказанные в марте 1930 г. при рассмотрении «дела Бонч-Осмоловского». Это свидетельствует о том, что обычная в науке конкуренция не мешала уважительным и партнерским отношениям между такими выдающимися исследователями первобытной эпохи как Г. А. Бонч-Осмоловский и П. П. Ефименко.

Однако, еще более симптоматичным фактом, подтверждающим защитительный характер отзыва, является короткая приписка, сделанная на следующий день после его составления – 27 апреля. Ее автором стал академик АН СССР, секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) и она гласила: «К этому отзыву вполне присоединяюсь. И. Мещанинов». Необходимо отметить, что голос поддержки руководителя АН СССР такого уровня свидетельствовал как о реальном авторитете Г. А. Бонч-Осмоловского в научной среде Ленинграда и АН в целом, так и о стремлении научной школы Н. Я. Марра сказать свое слово в защиту уже осужденного: И. И. Мещанинов был ближайшим учеником и последователем руководителя ГАИМК. Учитывая же преклонный возраст Н. Я. Марра, фактически И. И. Мещанинов уже был руководителем этой школы. В этом контексте логично снова провести параллели с рассмотрением в марте 1930 г. «дела Бонч-Осмоловского», когда ключевую позицию, обеспечившую благоприятный исход для Глеба Анатольевича занял именно Н. Я. Марр. Как видим, стремление сохранить еще досоветский дух и смысл научной коммуникации, сохранялся и в мрачные для науки и человеческих отношений 30-е годы XX века.

Однако в то время торжествовали другие, далекие от высокой науки силы. Срок в Ухтпечлаге Г. А. Бонч-Осмоловский был вынужден отбыть, сумев, благодаря личной инициативе, сократить свои лагерные лишения и мучения на 8 месяцев. Свидетельством международного признания заключенного советского ученого является письмо, датированное 30 октября 1935 г. в адрес Государственного Русского музея в Ленинграде (первое, официальное место работы Глеба Анатольевича после получения диплома в 1923 г., с которым он не терял связи никогда – Авт.), подписанное председателем Отдела антропологии и психологии Государственного исследовательского совета США в Вашингтоне Эдвардом Сапиром, сохранившееся в фондах Научного архива РЭМ [22, л. 31–33]. В нем, американский исследователь обращался к Глебу Анатольевичу с предложением принять участие в составлении полного адрес-календаря антропологов всего мира, для этого к письму была приложена специальная анкета. Также господин Сапир просил содействия Г. А. Бонч-Осмоловского в деле пополнения издания анкетными данными других антропологов из СССР и вы-

ражал надежду, что планируемое издание сможет стать исчерпывающим справочником [22, л. 33]. К сожалению, американским коллегам была, очевидно, неизвестна судьба лидера советской антропологии. Анкета осталась в архивном деле незаполненной, а письмо – без ответа.

Освобождение пришло к Глебу Анатольевичу 25 февраля 1936 г., сам факт досрочного окончания срока можно трактовать как определенную благосклонность судьбы: лагерный срок в три года можно считать относительно мягким в сравнении с судьбами других подвижников советской науки того периода – тех же друзей ученого Ф. А. Фиельструп и Н. П. Анциферова и многих других историков, этнографов, археологов... Места отбывания наказания, безусловно, подорвали и без того слабое здоровье ученого (еще в 1917 г. на фронте у него открылся туберкулез, что стало причиной комиссования и последующего долгого лечения в 1917–1919 гг. в Ялте – Авт.). Известно, что по возвращении в Ленинград, 19 мая 1935 г. Глеб Анатольевич отправил письмо на имя Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского с ходатайством об освобождении несправедливо осужденных в воркутинских лагерях. Очевидно, что такое обращение осталось без ответа. Безрадостными были и перспективы самого Г. А. Бонч-Осмоловского: ему запрещалось жить в Москве и Ленинграде, использовалась традиционная в таких случаях методика выселения «за 101 километр». Местом проживания ученый выбрал станцию Оредеж в Ленинградской области, где смог отдохнуть душевно, но был лишен практических возможностей заниматься научными исследованиями [12, с. 313–314].

А необходимость завершить обобщение материалов Крымской палеоэтнологической экспедиции (1923–1933) хотя бы по исследованиям Киик-Кобы была и она вызвала интерес в АН СССР. С Глебом Анатольевичем был заключен договор на написание трехтомной капитальной монографии «Палеолит Крыма», основой которого должен был стать анализ памятника и костных останков неандертальцев, найденных в 1924–1925 гг. Эти скудные средства и были основным заработком ученого, не имевшего постоянного места работы и удаленного от основных библиотечных и камеральных центров Ленинграда. Под страхом доноса и неминуемого ареста приходилось тайно приезжать в город, участвовать в работе Четвертичной комиссии ГИН АН СССР и структур ГАИМК, коллеги знали о запретах и ограничениях, но на откровенную подлость никто не решился [11, с. 139]. Между тем, наступали самые мрачные времена «большого террора» 1937–1938 гг. Логичным стало стремление добиться снятия ареста и возможности полноценного возвращения в науку.

В защиту Г. А. Бонч-Осмоловского выступали самые разные представители советской науки. В фондах ИИМК РАН НА РО сохранился краткий отзыв Президента АН СССР Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), в котором признавались заслуги Глеба Анатольевича перед советской наукой и подчеркивалось большое значение исследований по подготовке «Палеолита Крыма» к изданию [21, л. 19]. Наиболее полным в данном ряду можно назвать отзыв директора Петрографического института АН СССР имени Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, академика АН СССР Франца Юльевича Левинсон-Лессинга (1861–1939) (подобное прижизненное именование разного рода учреждений «в честь» и по случаю юбилея, в данном случае, правда, абсолютно обоснованное, было характерной чертой расцвета сталинской

эпохи – Авт.) от 3 июля 1936 г. К заслугам Г. А. Бонч-Осмоловского были отнесены и результаты его полевой деятельности, и организаторская работа по созданию Четвертичной галереи в Геологическом музее АН СССР и в подготовке выставки для Международной ассоциации по изучению Четвертичного периода. Впервые была признана роль ученого не только в изучении археологии и антропологии, но и геологии – в отзыве он был назван «крупным специалистом в области доисторической археологии и четвертичных отложений», в целом он оценивался как «интересный и ценный научный работник», сочетающий «гуманитарные знания с интересом к геологии и необходимыми знаниями в этой области». Вывод руководителя одного из подразделений АН СССР был однозначным: «в интересах науки крайне желательно возобновление Г. А. Бонч-Осмоловским его прерванных научных исследований» [21, л. 20].

По мере подготовки к печати томов «Палеолита Крыма» происходило их рецензирование наиболее авторитетными специалистами. В фондах ИИМК РАН НА РО сохранился ряд таких отзывов. Один из них принадлежит профессиональному антропологу Якову Яковлевичу Рогинскому (1895–1987), в будущем – профессору и одному из классиков советской науки о происхождении человека. В отзыве на II том «Палеолита Крыма» (может быть датирован 1939–1940 гг.) – монографию «Кисть неандертальского человека из грота Киик-Коба» отмечалось, что находки совершенные Г. А. Бонч-Осмоловским в Киик-Кобе относятся к более древнему периоду, чем находки останков неандертальцев в Западной Европе, а, следовательно – «представляют материал исключительного значения для науки». Также указывалось на личные заслуги автора – «по детальности анализа, по тщательности методики [монография] несомненно, превосходит аналогичные западноевропейские работы, пользующиеся репутацией классических». Я. Я. Рогинский указывал на необходимость скорейшего выпуска монографии ввиду значительного временного промежутка между совершением самих находок и публикацией их исследования, а также – фактом выхода археологической части монографии (I том «Палеолита Крыма») и отсутствием в палеоантропологии того периода материалов, касающихся эволюции руки неандертальца [21, л. 23–23 об.].

Необходимость полноценной научной работы вынуждала Г. А. Бонч-Осмоловского обращаться непосредственно в органы НКВД с ходатайствами о снятии судимости. Так, в фондах ИИМК РАН НА РО сохранился текст его обращения, написанного в 1940 г., на имя начальника Управления НКВД по Ленинградской области С. А. Гоглидзе (1901–1953), одного из наиболее активных и жестоких соратников наркома внутренних дел страны Л. П. Берия. Ученый обращал внимание чиновника госбезопасности на значение его исследований: «...мне удалось, как можно видеть из прилагаемых при сем отзывов (в архивном деле ИИМК РАН НА РО присутствуют все вышеприведенные отзывы и письма. – Авт.), сделать крупное открытие, позволяющее совсем по новому осветить проблему происхождения человека». Сообщал Глеб Анатольевич и о ходе написания «Палеолита Крыма» – первый том уже был напечатан, второй – готовился к выходу в свет в Издательстве АН СССР, над третьим шла работа. Значительное место в письме занимало объяснение бытовых условий автора: говорилось и о полученном в 1933 г. 3-летнем лагерном сроке,

и о досрочном освобождении в 1936 г., и о необходимости жить на станции Оредеж далеко от Ленинграда, где были сосредоточены основные полевые материалы экспедиций и необходимые для работы книги, и о нехватке материальных средств, предусмотренных по договору с Издательством АН СССР. Особое внимание Глеб Анатольевич обратил на то, что негативные условия работы влияют на ее качество и сроки исполнения. Для наглядной демонстрации особенности своих исследований он писал: «...в целях получения точного скелетного материала мне пришлось в течение месяца тайком, в лесу у костра вываривать 20 человеческих рук» (! – Авт.). Очевидно, такие примеры должны были подействовать на опытного чекиста. Сутью обращения ученого было повторное ходатайство о снятии судимости, предыдущие обращения результатов не имели, последняя попытка была предпринята 7 июня 1939 г. и была поддержана Президентом АН СССР В. Л. Комаровым и также оставалась без рассмотрения. Просьба у Г. А. Бонч-Осмоловского была одна: «Прошу Вас обратить внимание на тяжелые условия моей работы и разрешить мне поселиться в Ленинграде» [21, л. 17]. В итоге, 22 февраля 1941 г. было принято решение о снятии судимости с ученого, что означало возвращение в Ленинград.

Однозначных указаний на то, что именно повлияло на решение о восстановлении гражданских прав Г. А. Бонч-Осмоловского, пока не обнаружено. Скорее всего, сыграла роль совокупность обращений представителей АН СССР, а также оперативное начало издания «Палеолита Крыма» – наглядное выражение работоспособности и реальных результатов исследований ученого, что для чиновников как госбезопасности, так и от науки было приоритетным. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что снятие судимости, по сути – реабилитация, в условиях начала 40-х годов XX в. было случаем небывалым, можно сказать – единичным. Тем более явными становятся та последовательность Глеба Анатольевича, солидарность коллег, подвижничество семьи, которые и стали залогом возвращения ученого к нормальной, человеческой жизни.

Трагические для Советской страны летние месяцы 1941 г. стали для Г. А. Бонч-Осмоловского временем своеобразного личного триумфа: он был зачислен внештатным профессором в ЛГУ, уже после начала Великой Отечественной войны – 9 июля 1941 г. написал заявление с просьбой принять его на должность старшего научного сотрудника в Институт истории материальной культуры (ИИМК) имени Н. Я. Марра АН СССР, преемника ГАИМК, в которой он работал в 1930–1933 гг. На данном документе есть резолюция П. П. Ефименко: «Всемерно поддерживаю ходатайство Бонч-Осмоловского». Директор ИИМК Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) принял по заявлению положительное решение [21, л. 14].

Однако настоящим венцом возвращения в советскую археологическую и антропологическую науку стало для Глеба Анатольевича заседание Ученого совета ИИМК имени Н. Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г., проходившего уже во время начального этапа блокады Ленинграда немецко-фашистскими захватчиками. Выписка из протокола заседания [23, л. 1] повествует о том, что одним из вопросов повестки дня значилось: «О присуждении степени доктора исторических наук Г. А. Бонч-Осмоловскому, без защиты диссертации». Согласно информации заведующей подготовкой кадров ИИМК АН СССР М. А. Тихановой соискателем были

предоставлены необходимые документы: диплом о высшем образовании, биография, список печатных работ, отзывы: академиков А. А. Борисяка и И. И. Мещанинова, профессоров П. П. Ефименко и Д. Н. Кашкарова, рецензию доктора биологических наук Г. Ф. Дебеца на II том «Палеолита Крыма», текст книги, которая выступала в качестве диссертационной работы. Тайное голосование определило, что 13 членов совета приняли положительное решение единогласно [23, л. 1, 4]. В скором времени Высшая аттестационная комиссия СССР подтвердила этот вердикт ленинградских ученых. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский обрел давно заслуженный статус в советской науке.

Примечательно, что на том же заседании Ученого совета ИИМК АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации одного из наиболее близких сотрудников крымских экспедиций Г. А. Бонч-Осмоловского 20-х – начала 30-х гг. XX в. – ученого секретаря ИИМК С. Н. Бибикова «Позднепалеолитическое поселение в пещерах Шань-Коба Мурзак-Коба» на которой бывший учитель выступил официальным оппонентом соискателя [23, л. 3об.]. Таким образом, преемственность поколений исследования крымского палеолита была обеспечена, ведь именно благодаря подвижничеству сотрудников Глеба Анатольевича – С. Н. Бибикова и С. А. Трусовой многие материалы раскопок были сохранены и дождались возвращения в науку их исследователя.

Последующие события в жизни Г. А. Бонч-Осмоловского были связаны с условиями военного времени. В ноябре 1941 г. в составе сотрудников АН СССР он покинул блокадный Ленинград – состояние здоровья постоянно ухудшалось, для продолжения подготовки третьего тома «Палеолита Крыма» были необходимы другие условия жизни. В эвакуацию ученый попал в Казань, где с 1942 г. стал преподавать антропологию в местном университете, а с 1 июля 1942 г. был зачислен для работы научным сотрудником Института физиологии имени И. П. Павлова АН СССР, которым руководил академик Л. А. Орбели, который лично распорядился принять исследователя на работу. Начинаясь еще одна, к сожалению, завершающая стадия научных исследований Глеба Анатольевича, связанных с проблемами физиологических реакций первобытных людей [11, с. 141; 24, л. 3–4 об.]. Подорванное здоровье и смерть ученого 1 ноября 1943 г. внезапно остановили написание «Палеолита Крыма», фактически – оставили незавершенными даже обобщения по материалами раскопок Киик-Кобы (третий том издания вышел в 1954 г. благодаря материалам Г. А. Бонч-Осмоловского, структурированным его второй супругой Н. В. Тагеевой и отредактированным доктором исторических наук, профессором МГУ В. В. Бунаком). Пусть и с опозданием, но долг ученого перед наукой и страной был выполнен, несмотря на те страдания и притеснения, которыми «наградило» его советское государство.

В целом, можно подвести следующие итоги нашего исследования:

- тема восстановления биографии Г. А. Бонч-Осмоловского представляет актуальный научный интерес, является перспективной исследовательской задачей монографического уровня;
- характерной особенностью данного исследования является неоднозначность и неоднородность источниковой базы, проблемность доступности документов личных

фондов ученого в соответствующих ведомственных архивах (ИИМК РАН НА РО и АРЭМ, г. Санкт-Петербург), что влечет за собой недостаток документальных свидетельств тех или иных событий в жизни выдающего археолога и антрополога;

- рассмотренный сюжет действий по реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского демонстрирует наличие корпоративной солидарности представителей разных отраслей советской науки 30-х гг. XX в., подчеркивает понимание масштабности и значения исследований ученого на уровне руководства АН СССР, необходимости их развития для повышения общего авторитета советской науки в международном масштабе;

- пример научной деятельности и гражданской позиции Г. А. Бонч-Осмоловского наглядно демонстрирует всю противоречивость обстоятельств развития советской науки в 20–30-е гг. XX в., обозначает ориентир образа ученого того периода для современных исследователей.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 3).
Nepomnjashhij A. A. Arsenij Markevich : stranicy istorii krymskogo kraevedenija / A. A. Nepomnjashhij. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2005. – 432 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija» ; vyp. 3).
2. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2006. – 324 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 7).
Nepomnjashhij A. A. Podvizhniki krymovedenija / A. A. Nepomnjashhij. – Simferopol' : SGT, 2006. – 324 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija» ; vyp. 7).
3. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12).
Nepomnjashhij A. A. Podvizhniki krymovedenija / A. A. Nepomnjashhij. – Simferopol' : SGT, 2008. – T. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija» ; vyp. 12).
4. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – К. : Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15).
Nepomnjashhij A. A. Professor Nikolaj Jernst : stranicy istorii krymskogo kraevedenija / A. A. Nepomnjashhij / Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – K. : Stilos, 2012. – 464 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija» ; vyp. 15).
5. Бібіков С. М. Г. А. Бонч-Осмоловський : нарис діяльності / С. М. Бібіков // Археологія. – 1971. – № 3. – С. 94–98.
Bibikov S. M. G. A. Bonch-Osmolovskij : naris dijal'nosti / S. M. Bibikov // Arheologija. – 1971. – № 3. – S. 94–98.
6. Бибилов С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский / С. Н. Бибилов // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 277–283.
Bibikov S. N. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskij / S. N. Bibikov // Sovetskaja arheologija. – 1990. – № 1. – S. 277–283.
7. Смирнов С. В. Г. А. Бонч-Осмоловський і сучасна археологія / С. В. Смирнов // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 146–153.
Smirnov S. V. G. A. Bonch-Osmolovskij i suchasna arheologija / S. V. Smirnov // Arheologija. – 1990. – № 1. – S. 146–153.
8. Григорьев Г. П. Место Г. А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита / Г. П. Григорьев // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф., 11–13 декабря 1990 г. / СПб. гос. ун-т. – 1993. – С. 33–35.

Grigor'ev G. P. Mesto G. A. Bonch-Osmolovskogo v stanovlenii i razvitii otechestvennoj shkoly izuchenija paleolita / G. P. Grigor'ev // Problemy istorii otechestvennoj arheologii : tez. dokl. konf., 11–13 dekabnja 1990 g. / SPb. gos. un-t. – 1993. – S. 33–35.

9. Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение / С. А. Васильев // Российская археология. – 1994. – № 2. – С. 202–207.

Vasil'ev S. A. G. A. Bonch-Osmolovskij i sovremennoe paleolitovedenie / S. A. Vasil'ev // Rossijskaja arheologija. – 1994. – № 2. – S. 202–207.

10. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Таврия, 2004. – С. 51–70. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения»; вып. 2).

Musaeva U. K. Podvizhniki krymskoj jetnografii, 1921–1941 : istoriograficheskie ocherki / U. K. Musaeva ; pod red. i vstup. st. A. A. Nepomnjashhego / Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol' : Tavrija, 2004. – S. 51–70. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija»; vup. 2).

11. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский : этапы творческой биографии / Н. И. Платонова // Санкт-Петербург и отечественная археология : историографические очерки / СПб. гос. ун-т. – СПб., 1995. – С. 121–144.

Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskij : jetapy tvorcheskoi biografii / N. I. Platonova // Sankt-Peterburg i otechestvennaja arheologija : istoriograficheskie ocherki / SPb. gos. un-t. – Spb., 1995. – S. 121–144.

12. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский : по страницам семейного архива / Н. И. Платонова // Археологические вести. – 2005. – № 12. – С. 301–316.

Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskij : po stranicam semejnogo arhiva / N. I. Platonova // Arheologicheskie vesti. – 2005. – № 12. – S. 301–316.

13. Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский : путь в археологию / Н. И. Платонова // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 166–174.

Platonova N. I. G. A. Bonch-Osmolovskij : put' v arheologiju / N. I. Platonova // Rossijskaja arheologija. – 2009. – № 1. – S. 166–174.

14. Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский и его сотрудники / Н. И. Платонова // С. Н. Бибикив и первобытная археология : сб. научных трудов. – СПб., 2009. – С. 20–28.

Platonova N. I. G. A. Bonch-Osmolovskij i ego sotrudniki / N. I. Platonova // S. N. Bibikov i pervobytnaja arheologija : sb. nauchnyh trudov. – Spb., 2009. – S. 20–28.

15. Сомова Л. М. Г. П. Сомов / Л. М. Сомова, Н. И. Платонова. – Владивосток : Медицина ДВ, 2012. – С. 71–122.

Somova L. M. G. P. Somov / L. M. Somova, N. I. Platonova. – Vladivostok : Medicina DV, 2012. – S. 71–122.

16. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов ; под ред. А. А. Непомнящего / Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 13).

Sevast'janov A. V. Desjat' let na sluzhbe kraevedenija : Rossijskoe obshhestvo po izucheniju Kryma (1922–1932) / A. V. Sevast'janov ; pod red. A. A. Nepomnjashhego / Centr pamjatnikovedenija NAN Ukrainy i UOOPIK. – K. ; Simferopol', 2010. – 255 s. – (Serija : Biobibliografija krymovedenija ; vup. 13).

17. Севастьянов А. В. Ленинградское эхо крымского конфликта : новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30-х гг. XX в. / А. В. Севастьянов // Работы Центра памятниковедения. / НАН Украины ; УООПИК. – К., 2013. – Вып. 23. – С. 178–205.

Sevast'janov A. V. Leningradskoe jeho krymskogo konflikta : novye podrobnosti nauchnogo protivostojanija N. I. Repnikova i N. L. Jernsta na rubezhe 20–30-h gg. XX v. / A. V. Sevast'janov // Praci Centru pam'jatkoznavstva. / NAN Ukraïni ; UTOPIK. – K., 2013. – Vip. 23. – S. 178–205.

18. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма : историографические очерки / А. А. Формозов. – М. : Знак, 2006. – 242 с.

Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma : istoriograficheskie ocherki / A. A. Formozov. – M. : Znak, 2006. – 242 s.

19. СПФАРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2161, 16 л.

SPFARAN, f. 4, op. 4, d. 2161, 16 l.

20. СПФАРАН, ф. 4, оп. 4, д. 4875, 10 л.
SPFARAN, f. 4, op. 4, d. 4875, 10 l.
21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, 54 л.
IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 3, d. 76, 54 l.
22. АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 106, 43 л.
ARJeM, f. 2, op. 1, d. 106, 43 l.
23. ИИМК РАН НА РО, ф. 35, оп. 3, д. 9, 43 л.
IIMK RAN NA RO, f. 35, op. 3, d. 9, 43 l.
24. СПФАРАН, ф. 153, оп. 3, д. 235, 4 л.
SPFARAN, f. 153, op. 3, d. 235, 4 l.

Севастьянов А. В. Повернення вченого : навколо реабілітації Г. А. Бонч-Осмоловського (кінець 30-х – початок 40-х рр. XX ст.) / А. В. Севастьянов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 125–142.

У статті на основі узагальнення нових документальних матеріалів відомчих архівів Санкт-Петербургу (СПФАРАН, ІМК РАН НА РВ, АРЕМ) і розробок сучасної біоісторіографії висвітлюються обставини реабілітації Г. А. Бонч-Осмоловського після відбування табірної ув'язнення в 1934–1936 рр. наприкінці 30-х – початку 40-х рр. XX ст. Простежуються основні етапи створення ним капітальної монографії «Палеоліт Криму» і присудження наукового ступеня доктора історичних наук в 1941 р.

Проблема вивчення періоду масових репресій (кінець 20 – початок 50-х рр. XX ст.), спрямованих проти видатних діячів вітчизняної науки і культури займає все більш помітне місце в розробках сучасної історіографії. Чимале значення мають дослідження, присвячені введенню нових корпусів невідомих архівних документів, що дозволяють відновити нові факти біографій вчених, вплив цих подій на загальну атмосферу і стан науки в досліджуваній період. Вивчення історії кримознавства в 20–30-х рр. XX ст. містить ще чимало недосліджених сюжетів. Одним з них є наукова біографія та аналіз творчої спадщини видатного радянського археолога, антрополога і етнографа Г. А. Бонч-Осмоловського. Одним з маловивчених сюжетів життя вченого є обставини його арешту в 1933 р., відбування сфальшованого покарання та повернення до Ленінграда в 1936 р. і подальшої боротьби за реабілітацію. Пояснюється це, насамперед, суперечливістю джерельної бази. Значний пласт інформації містять матеріали фондів ІМК РАН НА РВ. Однак, матеріали особових фондів Г. А. Бонч-Осмоловського, як у ІМК РАН НА РВ (ф. 71), так і в АРЕМ залишаються недоступні дослідникам, т. я. в них не проведена необхідна науково-технічна обробка матеріалів. При цьому склад цих фондів грає ключову роль при відношенні основних етапів біографії вченого.

На рубежі 20–30-х рр. XX ст. Г. А. Бонч-Осмоловський вже був визнаним вченим. Про це говорять його численні публікації про розкопки первісних скельних навісів і печер в Криму. Була підтверджена автентичність і старовина кісткових останків неандертальців з печери Киїк-Коба, почалася масштабна робота з аналізу антропологічних матеріалів, формулювання теоретичних висновків. У 1926 р. вчений зміг здійснити поїздку до Франції і провести необхідні консультації з найбільш значимими дослідниками світового масштабу. Поряд з професором П. П. Єфименко Г. А. Бонч-Осмоловський був найбільш авторитетним фахівцем з палеоліту в радянській науці, очолював Четвертинний відділ в Геологічному інституті АН СРСР. 29 листопада 1933 вчений був заарештований, у квітні 1934 р. засуджений до 3-річного табірному терміну в Воркуті, зумів достроково звільнитися в лютому 1936 р., після чого вів постійну боротьбу за реабілітацію, в якій брали участь авторитетні представники різних підрозділів АН СРСР. Її результатом стало зняття судимості в лютому 1941 р., відновлення наукової репутації і присудження наукового ступеня доктора історичних наук у вересні 1941 р без захисту дисертації.

Ключові слова: Г. А. Бонч-Осмоловський, палеоліт Криму, Академія наук СРСР, Інститут історії матеріальної культури імені М. Я. Марра АН СРСР, П. П. Єфименко.

Sevastyanov A. V. Return of scientist : around rehabilitation G. A. Bonch-Osmolovsky (late 30 's - early 40 's XX century) / A. V. Sevastyanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 125–142.

On the basis of generalization of new documentaries departmental archives of St. Petersburg (SPFARAN, IHMC, AREM) and the development of modern bioistoriografii highlights circumstances rehabilitation

G. A. Bonch-Osmolovsky camp after serving imprisonment in 1934–1936., at the end of 30 's – early 40 's XX century. The main stages of creating their fundamental book «The Paleolithic of Crimea» and the award of the degree of Doctor of Historical Sciences in 1941.

The problem of studying the period of mass repression (late 20 – early 50 's XX century) against the outstanding figures of Soviet science and culture occupies a more prominent place in the development of modern historiography. Considerable importance of research devoted to the introduction of the new buildings of unknown archive documents, enabling restoration of new facts biographies of scientists, the impact of these events on the general atmosphere and the state of science in the study period. The study of history of Crimea local lore in the 20–30's the XX century still contains a lot of unexplored subjects. One of them is the biographic analysis of the creative heritage of outstanding Soviet archaeologist, anthropologist and ethnographer G. A. Bonch-Osmolovsky. One of the little-known stories of life of the scientist are the circumstances of his arrest in 1933, the conclusion and return to Leningrad in 1936 and the subsequent struggle for rehabilitation. The reason is, first of all, the inconsistency of the source base. A considerable amount of information materials contain funds IHMC. However, materials of personal funds G. A. Bonch-Osmolovsky in IHMC (form 71), and in AREM remain available to researchers because they do not undertake the necessary scientific and technical processing of materials. The composition of these funds play a key role in the reconstruction of the main stages of the biography of the scientist.

At the turn of the 20's – 30 's XX century G. A. Bonch- Osmolovsky already been established scholars. This is indicated by his numerous publications on the excavations of prehistoric rock shelters and caves in the Crimea. Was confirmed the authenticity and antiquity of the skeletal remains of Neanderthal cave Kiik- Koba, began a large-scale work on the analysis of anthropological materials, formulation of the theoretical conclusions. In 1926, the scientist was able to make a trip to France and undertake the necessary consultations with the most important researchers worldwide. Along with professor P. P. Efimenko G. A. Bonch- Osmolovsky was the most authoritative expert on Paleolithic in Soviet science, led the Quaternary section at the Geological Institute of the USSR Academy of Sciences. November 29, 1933, the scientist was arrested, in April 1934 – was sentenced to three -year term of the camp in Vorkuta, managed to escape early in February 1936, and then led a constant struggle for rehabilitation, participation by authoritative representatives of various departments Academy of Sciences USSR. Its result was the removal of conviction in February 1941, the restoration of academic reputation and the award of the degree of Doctor of Historical Sciences in September 1941 without a thesis.

Keywords: G. A. Bonch-Osmolovsky, paleolithic of Crimea, USSR Academy of Sciences, Institute of History of Material Culture named N. Ya. Marr Academy of Sciences of the USSR, P. P. Efimenko.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. Е. В. Смынтина

КРЫМСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ДВОРЦА-МУЗЕЯ ТОРКАРІ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Сейт-Маметов Ш. Э.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: Shukriseitmametov@gmail.com*

Дворец-музей Торкарі (Торкарі Sarayı Müzesi) – государственное учреждение, подведомственное Министерству культуры и туризма Турецкой Республики. Во второй половине XV – первой половине XIX вв. был резиденцией османских султанов. Сегодня в его стенах хранится уникальное архивное собрание, значительную часть которого составляют источники по истории Крыма Средневековой эпохи.

В статье рассмотрены труды отечественных и зарубежных востоковедов в области изучения Крымских источников в архиве Торкарі. Наибольшее внимание заслуживают работы таких крупных ученых как А. Беннигсена, О. Гокбельгина, А. Н. Курата, Ш. Лемерсье-Келькеже, В. Д. Смирнова, и др. Основной причиной недостаточного использования османских источников была их крайняя палеографичность (возраст и состояние документа) и трудности с переводом. Ориенталисты представляют подробную внешнюю критику документов – описывается их длина, качество бумаги, почерк, а так же расшифровываются ханские печати.

Автор пишет, что благодаря работам перечисленных исследователей, мы имеем возможность познакомиться с одними из наиболее ранних источников по истории Крымского ханства. Они представляют факсимиле оригиналов писем и их перевод, дают расшифровку значений сложных или спорных слов, решают проблемы с переводом дат на современное летоисчисление.

Ключевые слова: А. Беннигсен, О. Гокбельгин, А. Н. Курат, Ш. Лемерсье-Келькеже, И. А. Мустакимов, В. Д. Смирнов, архив Топкапы, Крымское ханство.

Правители и высшие чиновники османского государства придавали огромное значение сохранению официальных документов. Об этом свидетельствует факт существования особых приказов и распоряжений, согласно которым переписка различных государственных органов и различной степени важности фиксировалась и заносилась в специальные регистры – дефтеры. Благодаря такому пристальному вниманию к классификации и сохранению документов, а также постоянному надзору за их сохранностью на протяжении столетий, число единиц хранения, находящихся в настоящее время в османских архивах, по некоторым оценкам превышает миллионы документов [1].

Материалы архива Музея «Торкарі» имеют исключительное значение для изучения истории Крымского ханства и являются объектом научных изысканий отечественных и зарубежных ориенталистов. Там хранится большое количество оригиналов документов дипломатического и эпистолярного характера, которые восполняют многие пробелы в истории нашего региона.

Активное изучение фондов архива Торкарі началось после образования Турецкой республики в 1923 году. Это связано, во-первых, с программой государства, во-

вторых, с повышением интереса к истории Османской империи. В тридцатых годах XIX века была начата работа по систематизации документов и изданы первые путеводители [2; 28].

Наиболее фундаментальные исследования крымских источников в архиве Дворца-музея Торкарі относятся к середине XX века. Одни из наиболее ранних, принадлежат перу турецкого историка Акдес Нимет Курата (1903–1971) – известного тюрколога, историка, литературоведа. Ученый родился в деревне Беркет, Уфимской губернии (ныне Черемшанский район Татарстана) в семье указного имама. Он окончил исторический факультет Берлинского университета. С 1928 по 1971 год – профессор Анкарского университета. Специализировался в области источниковедения истории тюркских народов мира. Автор свыше ста научных работ. Трагически погиб в автомобильной катастрофе [3]. В своем труде «Торкарі Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler» он выделил из архива Дворца-музея «Торкарі» документы по истории Золотой орды, Крыма и Туркестана [4].

Книга состоит из трех частей:

I. Письма, отправленные Золотоордынскими ханами правителям Османской империи.

II. Письма, отправленные Крымскими ханами и вельможами.

III. Письма ханов Туркестана.

В интересующей нас второй части, автор рассмотрел один из самых старинных оригинальных документов, сохранившихся в архиве Дворца-музея – тарханный ярлык первого Крымского хана Хаджи-Герая, пожалованный Хеким Яхье из Анкары [5].

Здесь он так же привел три письма Менгли-Герая. Первое из них – адресованное султану Фатих Мехмеду. Автор считает, что оно написано на литературном языке Золотой Орды, как и ярлык Хаджи-Герая, но с большим количеством арабских слов. А. Н. Курат относит послание к периоду до вассальной зависимости Крыма от Османской империи. Датирует 874 годом по Хиджре (1469 г.) [6].

Следующим историк рассмотрел письмо Менгли-Герая, написанное пятью – шестью неделями после взятия Кафы османами. Адресатом предположительно называет визиря Гедик Ахмед-пашу. В письме Менгли-Герая говорит о своем желании быть правителю «другом для друзей и врагом для врагов», так же о положительном влиянии ислама после взятия города. Датируется 880 годом по Хиджре (1475 г.) [7].

Третье письмо адресовано султану Фатих Мехмеду и датируется 881 годом по Хиджре (1475/1476 г.). Его содержание позволяет судить о первых шагах Османской власти на полуострове. В послании становится заметнее турецкое влияние на Крым [8].

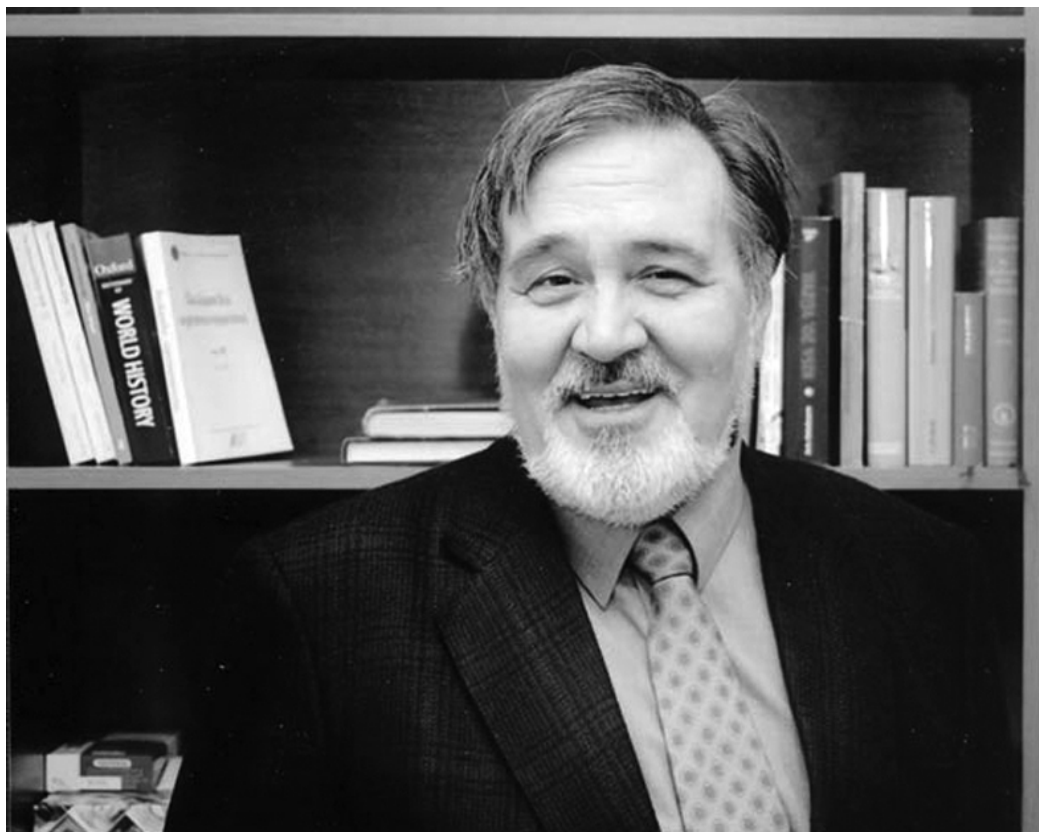
А. Н. Курат также привел два послания Эминек мурзы султану Фатих Мехмету. Первое письмо связано с походами султана на Молдавские земли. Здесь мурза объяснял причину неспособности оказать должную помощь в них. Документ датируется 881 годом по Хиджре (1476) [9]. Из второго письма Эминек от 883 по Хиджре (1478) мы узнаем, что беи и мурзы не повинуются правящему хану Нур-Девлету, в связи с этим просит прислать Менгли-Герая на престол, который, по его словам сможет навести порядок [10].

В. Д. Смирнов – профессор
Санкт-Петербургского университета

А. Н. Курат – турецкий ученный

Ильбер Ортайлы – директор архива Дворца-музея Торкарі

Каждый документ рассмотрен в следующем порядке: сначала дается факсимиле оригинала письма, потом печатный текст на староосманском, следом латинская транскрипция текста. Далее автор представляет расшифровку значений сложных или спорных слов, с учетом поправок предшественников И. Н. Березина [11], В. В. Вельяминова-Зернова, Хусаина Фаизхана (Хусаин Фаизхан (1828–1866) – татарский ученый, просветитель, ученик Марджани. Сначала обучался в родной деревне Сабачай (Собачий остров) Курмышского уезда Симбирской губернии. Потом отправился в Казань, где обучался во II Казанском медресе, затем в VI медресе. В 1850 году перешел на обучение к Марджани, хотя оно было недолгим (всего четыре года). С помощью Марджани Фаизханов установил творческие контакты с А. Казембеком и И. Н. Березиным – преподавателями Казанского университета. В 1853–1854 годах отправился в Санкт-Петербург, где преподавал восточные языки в Петербургском университете. Деятельность Фаизханова не ограничивается только педагогикой. Вклад его в востоковедение еще до конца не исследован. Увидела свет лишь одна монография Фаизханова – «Краткая грамматика татарского языка», изданная в 1862 году. Знание языков ученого использовали петербургские востокове-

ды, такие как В. В. Вельяминов-Зернов, Д. А. Хвольсон и Будагов. Умер на 38-м году жизни в Симбирской губернии) [12] и др.

Отдельное внимание автор уделяет именам, встречающимся в письмах и ярлыках. Дает описание и расшифровку печатей. А. Н. Курат сделал огромный вклад в изучение фондов архива Торкарі, однако, как мы видим, рассмотрел только несколько интересующих нас документов.

Исследованием источников по Крыму в турецких архивах так же занимался историк, османист Халил Иналджик. Он родился 26 мая 1916 года. В 1942 году он с семьей поселился в Анкаре, где окончил начальную школу. Потом продолжил своё образование в Сивасе и в Балыкесире. Халил Иналджик является основателем факультета гуманитарных наук Анкарского университета. В 1940 году он закончил исторический факультет этого же университета. В 1940 году после окончания ВУЗа начал работать на кафедре новейшей истории. Работу над докторской диссертацией закончил за два года. Эта работа нашла огромный отклик в научных кругах. «Если я стал известным историком, то этому я обязан архивам Турции. Турция имеет богатые архивные материалы», – говорит Халил Иналджик. Он хорошо владел немецким, английским, французским, арабским и персидским языками. Халил Иналджик является автором многих книг и статей, которые известны не только в стране, но и за рубежом. Он принимал активное участие в многочисленных международных конгрессах. С 1972 года по приглашению Чикагского университета работал в Америке. В 1993 году был избран членом Британской академии наук. Халил Иналджик внёс неоценимый вклад в развитие исторической науки в стране [13–15].

Основной причиной недостаточного использования османских источников была их крайняя палеографичность (возраст и состояние документа) и филологические трудности в переводе. С этой работой справилась группа экспертов из Школы высших исследований социальных наук в Париже. В ее состав входили Александр Беннигсен, Пертев Наили Боратав (Пертев Наили Боратав – турецкий писатель и фольклорист, исследователь турецкого фольклора и народной литературы. В 1927 году окончил Высшую школу в Стамбуле, в 1930 году – факультет турецкого языка и литературы Стамбульского университета. С 1941 по 1944 год издавал в Анкаре литературный журнал *Yurt ve dünya* (рус. «Родина и мир»). В 1941 году защитил диссертацию о турецких народных сказках и получил право преподавания в университете, в 1948 году стал профессором и возглавил кафедру народной литературы. Однако в том же году эта кафедра была закрыта правительством, а сам Боратав был обвинён в пропаганде коммунистических идей; это вынудило его эмигрировать за границу. Боратав жил в Германии, Франции и США; в США он стал основателем кафедры Турции в Стэнфордском университете. Большую часть своей эмигрантской жизни провёл во Франции, работал в Центре научных исследований и умер в Париже.

Собранный им материал насчитывает более 2000 народных сказок, 40 легенд, большое количество народных песен, анекдотов, описаний детских игр и так далее. За свою жизнь получил несколько премий, в том числе от Центра научных исследований Франции и министерства культуры Турции) [16], Дилек Десаиве и Шанталь Лемерсье-Кельеже. С 1960 года в результате упорного труда этих исследователей были осуществлены публикации документов и комментариев к ним. Одна из них –

«Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı» [17] – содержит только документы относящиеся к Крымскому ханству, которые сохранились в архиве Дворца-музея Топкапи. Подавляющее большинство этих документов – оригиналы писем крымских ханов и знати в Османскую Порту. Другие – копии крымских писем из османских книг отчет должностных лиц, сообщения визирей к султанам. Отдельно отметим особый вклад в развитие данной темы французской ученой Шанталь Лемерсье-Кельеже [18].

Значимыми являются исследования Озалп Гокбильгина, посвященные политической ситуации в Крымском ханстве в 1532–1551 гг. [19]. В 1973 г. турецкий ученый издал в Анкаре сводный текст двух старейших рукописей «Истории хана Сахиб-Гирея» (с приложением французского перевода XVIII в.). Существенным недостатком этого издания стало то, что ни один из списков Института восточных рукописей Российской академии наук в нем не задействован: оно было осуществлено по принципу, когда за основу были взяты две старейшие рукописи и на их основании составлен сводный текст, а позднейшие рукописи не учитывались. В своих работах О. Гокбильгин также опубликовал письмо принца Ислам-Герая османскому султану Сулейману I Кануни с просьбой пожаловать ему крымский престол, послание представителей крымской знати с изложением ситуации в ханстве и др. [20; 21].

К материалам архива музея «Топкапи» обращался В. Остапчук – доцент отделения Ближнего и Среднего востока Университета Торонто [22].

На их основе он исследовал отношения между Османской империей и Крымским ханством В его работах «The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations» и «Five documents from the Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639)» представлена подробная внешняя критика документов – описываются их длина, качество бумаги, почерк, а так же расшифровываются ханские печати [23]. Однако, в своих трудах В. Остапчук обращается лишь к отдельным документам.

В русскоязычной историографии к сюжету истории Крымского ханства основанных на документах турецких архивов уделяется недостаточно внимания. Наиболее известными являются работы профессора Санкт-Петербургского университета Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922). Его монографии по истории Крымского ханства, вышедшие в свет в 1887 [26] и 1889 [27] гг., до сих пор остаются наиболее подробными исследованиями политической истории этого государственного образования. Они написаны, главным образом, по материалам турецких и крымскотатарских источников (сочинения Фундуклулу в четырех томах, труда турецкого историка Хусейна Гезар-Фенна и др.), которые в настоящее время являются библиографической редкостью.

Большинство крымских летописей остаются малоизвестными, в основном из-за отсутствия хороших переводов. Одной из немногих, профессиональных в этом отношении, является работа казанского исследователя И. А. Мустакимова – заведующего сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан [24].

В июне 2007 г. в рамках международного сотрудничества архивистов Татарстана состоялась командировка И. А. Мустакимова в Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики и архив Дворца-музея Торкарі (Стамбул). В результате чего, им было получено в дар и приобретено более сорока копий документов, большинство которых имеют большое значение при изучении истории Крымского ханства.

В своем труде он рассмотрел документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков в архивохранилищах Турции. Подбирая источники, он отдавал предпочтение не введенным в научный оборот или не публиковавшимся на русском языке документам. Мустакимов отмечает большой вклад А. Н. Курата, Х. Иналджика, А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже в изучении и введении в научный оборот многих из публикуемых в первой части его сборника документов. Автор так же приводит факсимиле, текст и перевод каждого документа, дает сведения о внешнем виде [25].

Таким образом, благодаря работам перечисленных исследователей, мы имеем возможность познакомиться с одними из наиболее ранних источников по истории Крымского ханства. Они представляют факсимиле оригиналов писем и их перевод, представляют расшифровку значений сложных или спорных слов, решают проблемы с переводом дат на современное летоисчисление.

Несмотря на указанные работы, в архиве хранятся сотни неопубликованных документов, ждущих своей очереди войти в научный оборот, что стимулирует нас к дальнейшим изучением фондов древлехранилищ Турецкой Республики.

Список использованных источников и литературы

1. Васильев А. Д. Хранение документов и архивное дело в Османской империи / А. Д. Васильев // Восток : Афро-азиатские общества: история и современность. – 2010. – № 5. – С. 35–48.
- Vasilyev A. D. Hranenie dokumentov i arhivnoe delo v Osmanskoy imperii / A. D. Vasilyev // Vostok : Afro-aziatskie obshestva: istoriya i sovremennost'. – 2010. – № 5. – С. 35–48.
2. Topkapı Sarayı Müzesi Arsivi Kilavuzu / Topkapı Sarayı Müzesi Direktörlüğünce tertip e'ttirilmiş. – İstanbul, 1938. – 120 s.;
3. Рахимова А. Письмо хана Золотой Орды Махмуда в Стамбул (1466 г.) / А. Рахимова // Эхо веков. – 1996. – № 3/4. – С. 23
- Rahimova A. Pismo hana Zolotoy Ordi Mahmuda v Stambul (1466) / A. Rahimova // Eho vekov. – 1996. – № 3/4. – С. 23
4. Kurat A. N. Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler / A. N. Kurat. – İstanbul, 1940. – 212 s. – (Dil ve tarih – coğrafiya fakültesi yayınlarından. Tarih serisi 1).
5. Ibid. – С. 61–81.
6. Ibid. – С. 84–86.
7. Ibid. – С. 87–90.
8. Ibid. – С. 91–100.
9. Ibid. – С. 101–107.
10. Ibid. – С. 107–115.
11. см. подробнее: Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия.– Симферополь, 2008.– С. 90–100. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12).
- sm. подробнее: Nepomnyashiy A. A. Podvijniki krimovedeniya / A. A. Nepomnyashiy. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Resp. komitet ARK po ohrane kulturnogo naslediya.– Simferopol, 2008. – С. 90–100. – (Seriya «Biobibliografiya krimovedeniya» ; vip. 12).
12. Очерки Марджани о восточных народах / пер. А. Н. Юзеева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 175 с.

- Ocherki Mardjani o vostochnih narodah / perevod A. N. Yuzeeva. – Kazan`: Tatar. kn. iz-vo, 2003. – 175 s.
13. Aslantaş Selim. Halil İnalçık'ın Akademik Biyografisi / Selim Aslantaş // Halil İnalçık Armağanı I. – Doğu Batı Yay. – Temmuz, 2009. – 11 s.
14. Emine Çaykara. Tarihçilerin Kutbu – Halil İnalçık Kitabı / Emine Çaykara. – 15 s.
15. Tok Gökhan. Dünyaca tanınmış tarihçimiz halil inalçık / Gökhan Tok // Bilim ve Teknik. – 357 s.
16. Edebiyatımızda isimler sözlüğü / B. Necatigil – 7 bs. – Ist., 1972. – S. 56
17. Le khanate de Crimée des Archives du Musée du palais de Topkapi / A. Benningsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, P. N. Boratav, D. Desai. – Paris and Hugue: Mouton, 1978. – 458 c.
18. Lemerrier-Quelquejay Ch. Une source inedite pour l'histoire de la Russie au XVIe siecle. Les registres des Muhimme Defterleri, des Archives du Bas-Vekalet / Ch. Lemerrier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1967. – T. 8, № 2. – P. 335–343 ; Lemerrier-Quelquejay Ch. Les Khanat de Kazan et de Crimée face a la Moscovie en 1521 d'après un document inedit des Archives du Musee du Palais de Topkapi / Ch. Lemerrier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1971. – Vol. 12, № 4. – Octobre – decembre. – 655 p. ; Lemerrier-Quelquejay Ch. Les Khanats de Kazan et de Crimée face á la Moskovie en 1521, d'après un document inédit des Archives du Musée du palais de Topkapi / Ch. Lemerrier-Quelquejay // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1971. – T. 12. – № 4. – P. 555–559 ; Lemerrier-Quelquejay Ch. Les expeditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572, d'apes les documents des Arshives ottomans / Ch. Lemerrier-Quelquejay // Center for Medieval and Renaissance Studies (CMRS). – 1972. – T. 13, № 4. – P. 480–490.
19. Gokbilgin Ö. 1532–1577 Yıllar Arasında Kirim Hanlığı'nın Siyasi Durumu / Ö. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – S. 57–58.
20. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 a 1551) / haz. Ö. Gokbilgin – Ankara, 1973. – 313 s.
21. Gokbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur Tepoque de Sahib Giray, khan de Crimée (1532–1551) a Istanbul, Paris et Leningrad / Ö. Gokbilgin // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1970. – T. 11. – № 3. – P. 462–469.
22. Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // Turcica: revue d'études turques. – 1987. – T. 19. – P. 270.
23. Ostapchuk V. Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) / V. Ostapchuk // Journal of Turkish Studies. – 1987. – № 11. – P. 49–104; Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray : the documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // Turcica : revue d'études turques. – 1987. – T. 19. – P. 247–276; Bohdan Xmel'nyč'kyj and the Porte : a document from the Ottoman archives / V. Ostapchuk // Harvard Ukrainian Studies. – 1984. – № 8. – P. 453–473 [co-authored with András Riedlmayer] ; Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin / V. Ostapchuk // Harvard Ukrainian Studies. – 1982. – № 6. – P. 500–528.
24. Мустакимов И. А. В архивах Турции / И. А. Мустакимов // Эхо веков. – 2007. – № 2. – С. 299–306. Mustakimov I. A. V arhivah Turtsii / I. A. Mustakimov // Eho vekov. – 2007. – № 2. – С. 299–306.
25. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древнехранилищ Турции: сб. докум. / И. А. Мустакимов ; под ред. Д. И. Ибрагимова. – Казань : Гасыр, 2008. – 464 с.+16 с., ил. Dokumenti po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI – XIX vekov iz drevlehranilish Turtsii: sb. dokum. / I. A. Mustakimov ; pod red. D. I. Ibragimova. – Kazan`: Gasir, 2008. – 464 s.+16 s., il.
26. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / В. Д. Смирнов. – СПб., 1887. – XXXV, 772 с.
- Smirnov V. D. Krimsкое hanstvo pod verhovenstvom Otomanskoy Porti do nachala XVIII века / V. D. Smirnov. – SPb., 1887. – XXXV, 772 s.
27. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке / В. Д. Смирнов. – Одесса, 1889. – 252 с.
- Smirnov V. D. Krimsкое hanstvo pod verhovenstvom Otomanskoy Porti v XVIII веке / V. D. Smirnov. – Odessa, 1889. – 252 s.
28. Hakki I. Topkapi Sarayinda deri uzerine yapilmis eski haritalar / I. Hakki. – Istanbul, 1936. – 203 s.

Сейт-Маметов Ш. Е. Кримська колекція джерел палацу-музею Торкарі як об'єкт наукового вивчення / Ш. Е. Сейт-Маметов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 143–151.

Палац-музей Торкарі (Торкарі Sarayı Müzesi) – державна установа, підвідомча Міністерству культури і туризму Турецької Республіки. У другій половині XV – першій половині XIX ст. був резиденцією османських султанів. Сьогодні в його стінах зберігається унікальне архівне зібрання, значну частину якого становлять джерела з історії Криму Середньовічної епохи.

В статті розглянуто праці вітчизняних і закордонних сходознавців в галузі вивчення Кримських джерел в архіві Топкапи. Найбільшої уваги заслуговують роботи таких великих вчених як А. Беннінгсена, О. Гокбельгіна, А. Н. Курата, Ш. Лемерсьє-Келькеже, В. Д. Смирнова та ін. Основною причиною недостатнього використання османських джерел була їх крайня палеографічність (вік і стан документа) і труднощі з перекладом. Орієнталісти представляють детальну зовнішню критику документів – описується їх довжина, якість паперу, почерк. Також розшифровуються ханські печатки.

Автор пише, що завдяки роботам розглянутих дослідників, ми маємо можливість познайомитися з одними з найбільш ранніх джерел з історії Кримського ханства. Вони представляють факсиміле оригіналів листів і їх переклад, розшифровку значень складних або спірних слів, вирішують проблеми з перекладом дат на сучасне літочислення.

Ключові слова: А. Беннінгсен, О. Гокбельгін, А. Н. Курат, Ш. Лемерсьє-Келькеже, І. А. Мустакимов, В. Д. Смирнов, архів Топкапи, Кримське ханство.

Seit-Mametov Sh. E. Crimean collection of the sources in the palace-museum Topkapi as an object of the scientific study / Sh. E. Seit-Mametov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 143–151.

The Palace Museum Topkapi (Topkapi Sarayı Müzesi) – public institution subordinated to the Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Turkey. In the second half of XV – first half of XIX century it was the residence of the Ottoman sultans. Today its walls keep unique archival collections, many of which are sources in the history of Crimea in Medieval era.

The article discusses the works of domestic and foreign orientalist. Describes the contribution of a researcher in the study of this subject. The most noteworthy of these major scholars like A. Bennigsen, O. Gokbelgin, A. N. Kurat, V. D. Smirnov, C. Lemerrier-Quelquejey etc. The main reason for the lack of use of Ottoman sources was their extreme paleographic (age and condition document) and philological difficulties in translation. However, researchers have coped with this task. The article said that in their work orientalist give critic of the documents – described by their length, the quality of paper, handwritings, as well as the decrypted Khan's press. Most scientists consider separately each document - the first is given a facsimile of the original letters, then typed text on old osmanian language, followed by Latin transcription of the text.

Also, thanks to the work of researchers, we have the opportunity to meet with some of the earliest sources on the history of the Crimean Khanate.

In conclusion author say, that despite these works, the archive contains hundreds of unpublished documents, there is stored a large number of original documents and diplomatic epistolary nature that make up many of the gaps in the history of our region.

Article will be interesting for people involved in oriental studies.

Keywords: A. Bennigsen, O. Gokbelgin, A. N. Kurat, Ch. Lemerrier-Quelquejey, I. A. Mustakimov, V. D. Smirnov, the archive of the Topkapi, Crimean Khanate

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК: 94(477.74) 351.853 «196/198»

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ (60-е – 80-е ГОДЫ XX ВЕКА)**

Соколов А. А.

*Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК
E-mail: saa.sev@rambler.ru*

На основе анализа малоизвестных опубликованных и неопубликованных источников воссоздана деятельность Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Представлен развернутый срез основных направлений работы общества. Раскрыта структура организации, ее управления и финансирования. Проанализировано участие Общества в процессах реставрации, пропаганды, проведения смотров и паспортизации памятников. Показаны конкретные примеры участия УООПИК в восстановлении памятников и их благоустройстве. Особое внимание отводится вопросам привлечения общественности к решению актуальных памятникоохранительных проблем, в частности деятельности факультета пропаганды и методического кабинета. Приводится оценка как положительных, так и отрицательных явлений в жизни Общества.

Ключевые слова: Украинское общество охраны памятников истории и культуры (УООПИК), охрана, реставрация, паспортизация, пропаганда.

К началу 60-х гг. XX века сфера охраны культурного наследия в Украине находилась в состоянии кризиса. Перед государственными органами встал комплекс проблем связанный с изучением, сохранением и использованием памятников. Причиной этому стало и низкое качество реставрационных работ, и неэффективность мер по обеспечению сохранности памятников, и недостаточное финансирование, и слабое общественное участие. Остро чувствовалось практически полная не разработанность вопросов методического и практического обеспечения охраны памятников на местах. Поиску путей из сложившейся ситуации способствовало наступление нового периода в развитии памятникоохранительного дела, связанного с образованием Украинского общества охраны памятников истории и культуры (далее – УООПИК).

УООПИК – массовая общественная организация, занимавшаяся сохранением и популяризацией недвижимых памятников истории и культуры. Его членами были представители самых разных профессий и слоев населения. Истории деятельности региональных организаций УООПИК, посвящен целый пласт исследований. Среди последних – научные штудии А. А. Непомнящего, Н. В. Кармазиной, О. М. Присяжнюка [1]. Актуальность их изучения объясняется необходимостью переосмысления накопленного опыта в области общественной охраны памятников. Обращение к этим вопросам имеет так же большую степень практической значимо-

сти для дальнейшего развития и совершенствования системы охраны памятников в конкретном регионе. В частности, данный опыт особенно полезен для Севастополя, который сегодня остро нуждающегося в разработке более эффективной модели организации памятникоохранительного дела.

История Севастопольской городской организации УООПИК, до сих пор не была предметом специального исследования. Нет ни одной работы, которая хотя бы частично пролиvala свет на историю ее деятельности. Целью статьи является всестороннее изучение деятельности Севастопольской организации УООПИК, на основе архивных источников и многочисленных публикаций в газетах и журналах.

Корпус документов Севастопольского отделения УООПИК, хранится в Государственном архиве г. Севастополя (ф. Р-504) и содержит материалы конференций, постановления заседаний Президиума, протоколы пленумов, годовые и квартальные отчеты, переписку с центральными и местными органами государственной власти.

Хронологически историю СГО УООПИК мы делим на три периода. Первый 1960–1966 гг. – время становления и оформления Общества. Начинается с момента создания Организационного комитета и заканчивается проведением Учредительной конференции. Второй период 1967–1986 годы. Охватывает почти двадцать лет и связан с активной работой Общества по благоустройству и выявлению памятников. Третий – 1986–1991 гг. – приходится на эпоху так называемой «Перестройки» приведшей к переоценке роли деятельности УООПИК и его в памятникоохранительном деле.

В начале 60-х гг. XX века большинство памятников истории и культуры города находились в запущенном состоянии. С скромные финансовые возможности городского бюджета и редкие дотации республиканских властей не позволяли в должном объеме производить ремонтно-реставрационные работы. Осложнялось положение отсутствием действенного механизма контроля за состоянием памятников [2, с. 189].

Моменту образования организации УООПИК предшествовала большая организационная работа. Начало создания Общества в Севастополе было положено в 1960 году. Для этой цели специальным решением городского Исполнительного комитета (далее – Севгорисполком) был образован Организационный комитет (далее – Оргкомитет). В его составе действовали три постоянные комиссии: 1) организационная (председатель – Г. В. Осипов), 2) содействия выявлению, учету, охране и содержанию памятников (А. И. Малов), 3) пропаганды памятников (Г. И. Бессонов) [3, с. 3]. Председателем Оргкомитета был избран Петр Михайлович Рогачев. Общественную деятельность он успешно совмещал с научной и административной работой. С 1961 по 1965 гг. М. П. Рогачев работал директором Севастопольского экскурсионного бюро. На протяжении семнадцати лет (1965–1982 гг.) являлся директором Музея героической обороны и освобождения Севастополя. Став во главе Оргкомитета Петр Михайлович с первых месяцев, активно занялся созданием Общества и его популяризацией среди населения города. Наряду с другими вопросами организационного характера, в 1963 году им был разработан Устав, действовавший до конца 1967 года [4, л. 31]. На предприятиях, стройках, в учреждениях, учебных заведениях и воинских частях развернулась работа по созданию первичных и районных организаций [5, л. 11].

Приоритетным направлением советской работы Оргкомитет, на заседании 3 сентября 1963 г., постановил считать проведение научной паспортизации памятников «важнейшей задачей требующей неотлагательного решения и участия всех членов организации». Такое внимание, решению данного вопроса было неслучайным. Проверки, проведенные Севгорисполкомом, показали, что большинство памятников не имеют вообще никакой учетной документации [6, л. 3].

Оргкомитет, широко привлекал общественность к участию в выполнении государственных задач в области охраны памятников, распространении среди населения научных знаний об историко-культурном наследии, организации мероприятий по учету и сбережению памятников. Так, в сентябре 1962 и марте 1963 гг. совместно с работниками Севастопольского экскурсионного бюро и музеев города, было проведено два рейда по детальному осмотру памятников. Объектами внимания первого стали комплекс пещерных монастырей Инкермана и средневековая крепость Каламита. На то момент, памятники никем не охранялись и были заброшены. О необходимости их благоустройства и постановки на государственный учет, Оргкомитет ходатайствовал перед властями города. Главным аргументом в пользу этого, приводилась возможность использования памятников в туризме и экскурсиях. В итоге, постановлением Совета Министров УССР от 23 августа 1963 г., они были включены в списки объектов истории и архитектуры республиканского значения [7, л. 15].

Во втором рейде, участники осмотрели береговые батареи времен Крымской войны и обороны Севастополя 1941–1942 годов. Проведя ряд согласований, Оргкомитет добился закрепления девятнадцати памятников за частями военно-морского флота в качестве шефствующих организаций [8 л. 2–8]. Подытоживая первые годы деятельности Оргкомитета, П. М. Рогачев сообщал членам правления: «Я прошу иметь ввиду, что мы переживаем организационный период и поэтому, естественно, пока сделали меньше, чем предстоит сделать» [9, л. 13].

28 августа 1965 г. Совет Министров УССР, принял постановление «Про організацію Республіканського добровільного товариства охорони пам'яток історії та культури УРСР» [10, с. 46].

В соответствии с постановлением, 12 ноября 1966 г. состоялась учредительная конференция Севастопольской городской организации УООПИК. В ее работе принимали участие 113 делегатов представлявшие районные и первичные организации общества. Открывая конференцию П. М. Рогачев выступил с докладом «О создании Севастопольской организации республиканского добровольного общества», где рассказал об успехах и недостатках работы Оргкомитета. Подробно остановился на задачах стоящих перед Обществом. Обратил особое внимание на существующие недостатки в работе по охране памятников [11, л. 5–13].

В докладах выступавших звучали примеры, разрушения и уничтожения памятников, небрежного отношения со стороны отдельных чиновников и организаций. В целях усиления охраны культурного наследия в Севастополе, учредительная конференция поручила правлению городской организации в течение 1966–1968 гг. провести работу по приведению и порядку всех объектов требующих немедленного ремонта. Особенно это касалось памятников историко-революционной и боевой славы. Предлагалось так же определить перечень памятников широкого показа насе-

нию и туристам, систематически выносить на заседание местных исполкомов и Советов депутатов вопросы о состоянии памятников и мерах улучшения их содержания. Первичным организациям рекомендовалось проводить больше пропагандистской работы среди учащихся школ, техникумов и институтов [11, л. 17–19].

С постепенным развитием организации росла и численность ее членов. К началу проведения учредительной конференции, в составе городской организации числилось свыше 25 тыс. членов. В начале 1969 г. их уже было 81093 человек, а в середине 1973 г. – 117728 человек [12, л. 73]. Однако само членство в Обществе было формальным и сводилось к уплате взносов, что было свойственно для большинства советских общественных объединений. Таким способом, власти стремились показать массовость организации и ее важность для общества в целом. В качестве коллективных членов в УООПИК вступали крупные предприятия и воинские части Севастополя, а так же колхозы и совхозы города. В их числе были объединение рыбной промышленности «Атлантика», завод «Парус», судоремонтный завод им. Серго Орджоникидзе, Балаклавское рудоуправление, Инкерманский завод строительных материалов, совхозы «Золотая балка», имени Софьи Перовской, имени Полины Осипенко и другие [13, с. 4].

В своей структуре Общество делилась на три районных отделения имевших собственное правление, но полностью подчинявшихся городской организации. В составе районов действовали так называемые первичные организации, подразделявшиеся по производственному принципу на семь категорий: предприятия, совхозы, вузы и техникумы, профтехучилища, школы, государственные учреждения. Всего 554 организации по данным 1975 года [12, л. 73]. До конца 80-х годов XX века их число возросло еще на 48 организаций [14, с. 5]. Членство в организации требовало уплаты обязательных взносов, шедших на проведение памятникоохранительных мероприятий. Своевременная оплата членских взносов, всегда была одной из самых острых проблем в Обществе.

В городской организации действовали пять секций. Первая – «Военно-исторических памятников». Ее бессменным председателем, на протяжении всего времени существования был кандидат военно-морских наук Александр Александрович Ляхович. Вторая – «Историко-революционных памятников», под руководством старшего научного сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя Анны Михайловны Аридовой. Третья – «Юношеская», председатель – инструктор детской экскурсионно-туристической станции Вера Яковлевна Павлова. Четвертая – «Памятников археологии» – работала во главе с заведующим отделом Херсонесского историко-археологического музея Станиславом Григорьевичем Рыжовым [12, л. 78]. В 1979 году была создана еще одна секция – «Памятников градостроительства и архитектуры». Ее постоянным руководителем стал известный архитектор, краевед Евгений Витальевич Веникеев [15, с. 6].

Основными направлениями деятельности Севастопольской организации было: проведение учета и паспортизации памятников; финансирование реставрационных работ; пропаганда дела изучения и охраны памятников; контроль за шефством предприятий и организаций над памятниками города; проведение общественных смотров состояния памятников; организация тематических экскурсий.

Большое внимание в своей деятельности Общество уделяло проведению ремонтно-реставрационных работ. УООПИК принимало долевое участие практически во всех реставрациях памятников. Источником для их финансирования в основном были членские взносы. Так, только за 1972–1973 гг. Общество выделило 114 тысяч рублей, за счет которых было проведена реконструкция памятника Победы, форта Литера А-5, Владимирского собора (Усыпальница адмиралов), консервация археологических памятников Херсонеса [16, л. 55]. В целом до 1991 года на средства УООПИК в Севастополе проводились реставрации и консервации: Владимирского собора (Усыпальница адмиралов), Владимирского собора в Херсонесе, Братского кладбища времен Крымской войны, Графской пристани, обелиска Победы, форта Литера «А-5»; памятников Херсонесского городища и Гераклеяского полуострова, Генуэзской крепости в Балаклаве, бастионов Севастополя и другие [17, с. 6].

Участие Общества в процессах восстановления памятников, позволило сделать их более открытыми для критики и поощрения. С начала 70-х гг. XX века Севастопольская городская организация ввело в практику публичные доклады и защиты проектов реставрационных работ. Такие слушания позволили контролировать деятельность подрядных организаций, особенно на объектах, восстановление которых шло на средства Общества, вовремя выявить и приостановить некачественную реставрацию, принять меры по выделению дополнительных ассигнований [16, л. 30–31].

Наиболее показательна в этом плане реставрация Братского кладбища, проходившая на протяжении 1970–1978 годов. До этого на протяжении тридцати лет, кладбище было полностью заброшено, ни кем не охранялось. Большинство надгробий и склепов было разрушено в период обороны Севастополя 1941–1942 гг., а уникальный храм-памятник – собор Святого Николая требовал немедленной реставрации. 20 февраля 1967 года Совет Министров УССР принял постановление «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению охраны и сохранения памятников архитектуры, археологии и истории Украинской ССР» [10, с. 284]. Данным документом описывался перечень памятников признанных аварийными и план обязательных мероприятий по их охране. Не забыли в нем и о Братском кладбище. Уже в июне 1968 года специалисты Крымского реставрационного участка № 5 приступили к восстановительным работам. Однако, ход реставрации постоянно затягивался. С первых месяцев стала сказываться острая нехватка финансирования. Бюджетные средства поступали невовремя, а порой с сильным запозданием. 12 ноября 1970 г. Совет Министров УССР издал постановление «О реставрации Братского кладбища воинов, погибших при обороне Севастополя в 1854–1855 гг.» более детально раскрывавшим их порядок проведения и финансирования. В нем важная роль отводилась УООПИК. Для проведения реставрации, из собственных средств Севастопольской организации было выделено 100 тысяч рублей, что почти на 55% покрывало все необходимые расходы. Оставшаяся часть оплачивалась из государственного бюджета [16, л. 5]. Однако, ход работ по вине слабого контроля, практически полностью был сорван. УООПИК всячески пыталось ускорить процесс, добиваясь дополнительного финансирования и привлекая к ответственности организации занимавшиеся реставрацией памятников [18, с. 5]. Особые усилия в этом, проявила Нахимовская районная организация, неоднократно инспектировавшая памятник и со-

ставлявшая акты технического состояния. В одной из таких проверок, было выявлено грубое нарушение техники консервации надгробий и нецелевого использования средств [16, л. 4]. Общество не могло прямо воздействовать на подрядные организации, но имело возможность докладывать о допускаемых ими нарушениях в центральные и местные органы власти. Это обстоятельство существенно влияло на реставрационные работы в целом.

Другим примером особого внимания Общества стала реставрация Владимирского собора (Усыпальница адмиралов), одной из главных архитектурных доминант Севастополя. К началу 70-х гг. XX. собор фактически был заброшен и никем не охранялся. Большинство несущих конструкций, крыша и внутренняя отделка требовали капитального ремонта. В письме 14 апреля 1971 года, председателю Севгорисполкома И. И. Кириленко, ответственный секретарь правления Общества Н. А. Васин сообщал: «Владимирский собор – памятник архитектуры, усыпальница четырех адмиралов в запущенном состоянии. Ни заказчик, ни подрядчик ведущие его ремонт надлежащих мер по охране и сбережению не принимают. Собор превращен в место сбора бездомных, которые бьют стекло, портят мрамор, уничтожают мозаичные фрески, глумятся над прахом погибших воинов, вскрывают склепы. Неоднократные обращения общественности к организациям отвечающим за сохранность собора, остается без внимания» [16, л. 32]. Положение осложнялось отсутствием четкого статуса памятника и ответственного балансодержателя. Ситуация вынуждала местные принять более решительные меры. По ходатайству УООПИК распоряжением Севгорисполкома № 314 от 25 июня 1973 г. Владимирский собор был передан Музею героической обороны и освобождения Севастополя (далее – МГООС), для дальнейшей реставрации и музеефикации. С этого времени начался медленный, но постоянный, процесс реставрации собора [19, с. 64].

Следует отметить, что с середины 70-х гг. значительно расширяется доля общественного контроля при решении вопросов использования, реставрации памятников и соблюдении границ охранных зон. Утверждение практики вмешательства членов Общества во все стадии ремонтно-реставрационных работ, позволили минимизировать нарушения в этой сфере, сократить случаи их некачественного выполнения [16, л. 4–6, 16–17]. Вместе с этим возрос масштаб пропагандистской работы. Увеличилось число массовых мероприятий среди населения, разъяснявших необходимость сохранения исторических памятников как культурного и исторического своеобразия городской среды [20].

Начиная с 1968 г. Общество совместно с Экскурсионным бюро стало проводить ежемесячные экскурсии для трудовых коллективов по местам воинской славы. Туризм и экскурсии стали наиболее эффективными средствами пропаганды памятникоохранительного дела. Преимущество такой работы заключалось в сочетании живого рассказа и показа подлинных памятников. Только за период 1968 по 1973 гг. было организовано 283 экскурсии [12, л. 77].

Большая популярность тематических экскурсий, привела правление Общества к идее создания факультета Пропаганды памятников истории и культуры. Подобные организации уже действовали в большинстве областей Украины и успели себя хорошо зарекомендовать.

В Севастополе такой факультет был создан 1 октября 1969 г. как подразделение Народного университета культуры, а с 1974 г. получил статус самостоятельного университета. Учредителями факультета стали УООПИК и Музей героической обороны и освобождения Севастополе. Основной целью его деятельности была популяризация памятникоохранительного дела среди широких слоев населения. Обучение длилось два года, по одному занятию раз в две недели. Поступить на факультет могли все желающие, возрастом не моложе восемнадцати лет [21, л. 49]. Учебная программа предусматривала изучение истории края с 1783 года до современности. С 1982 года преподаваемый курс был значительно расширен, за счет занятий по археологии и истории Херсонеса. Почти все лекции сопровождались демонстрацией слайдов с изображением памятников и документальных фильмов. Большое внимание уделялось авторским экскурсиям по музеям и памятникам города. Тематика первого курса обучения раскрывала основные страницы истории города с момента основания города до Октябрьской революции 1917 года. Второй курс был полностью посвящен советскому периоду, основной акцент в котором делался на события обороны и освобождения Севастополя в 1941–1944 годах. Базой для проведения занятий служил кинопавильон МГООС. Лекции и экскурсии проводили ведущие научные сотрудники, заведующие отделами и директора музеев. После окончания полного курса обучения слушатели получали диплом лекторов и общественных инспекторов по охране памятников. Объявления о наборе традиционно давались через газету «Слава Севастополя» [22, с. 4].

С 1970 г. при правлении городской организации начал действовать Научно-методический совет в составе 15 человек. Председателем совета стала Екатерина Алексеевна Полякова – старший научный сотрудник отдела охраны памятников Управления культуры. До ее руководством в городской организации Общества был создан методический кабинет выполнявший функцию информационного обеспечения памятникоохранного дела. В кабинете была укомплектована библиотека из 340 наименований научной и справочной литературы. Создан и систематически пополнялся каталог по разделам: памятники и памятные места города Севастополя; названия улиц; памятники Крыма; памятники В. И. Ленину; постановления партии и правительства по охране памятников. Для нужд Общества в кабинеты было оформлено 282 папки-досье на памятники города, в которые подшивались исторические справки, фотографии, планы, схемы, вырезки из газет и другое. Кабинет был хорошо востребован, так в течение 1974 году в нем побывали и получили необходимую информацию 352 посетителя [12, л. 80]. Учебно-методический совет собирался один раз в квартал, для обсуждения текущих задач, принятия плана дальнейших действия и внесения предложений на рассмотрение правления организации. Среди затрагиваемых тем основное значение отводилось вопросам паспортизации памятников и их постановки на государственный учет [12, л. 79].

Одной из основных форм привлечения общественности к решению памятникоохранительных задач явились всенародные смотры памятников. В 60–80-х. годах в честь важных исторических дат в СССР было проведено несколько таких смотров. В 1965–1967, 1976–1977, 1986–1987 годах – смотр памятников, связанных с завоеваниям Советской власти, посвященных юбилейным датам Великой Октябрьской

Социалистической революции; в 1965 году – смотр-конкурс в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина; в 1972 году – смотр-конкурс к 50-летию образования СССР; в 1975, 1980, 1985 годах – смотр памятников боевой славы, посвященный юбилеям Победы в Великой Отечественной войне и др.

Смотры были рассчитаны на активизацию памятникоохранительной деятельности на местах, с целью их улучшения благоустройства, изучения, учета и популяризации. Для организации смотров, под эгидой Севастопольского горисполкома создавались Организационные комитеты, состоявшие из представителей управления культуры, районных исполкомов, горкома партии, депутатов городского совета и УООПИК. Целью деятельности комиссии было определение основного плана работы предстоящего смотра. После этого на заседаниях районных и первичных организаций Общества распределялись конкретные задачи. В течение подготовки, ответственные лица отчитывались перед правлением городской организации о проделанной работе. По итогам смотра подводился итог выполнения плана. Основные упущения и недостатки, обсуждались на заседании правления и заносились в итоговый протокол [23].

В период смотра, как правило, активизировалась работа Общества по созданию тематических выставок, проведению научных семинаров и конференций. Первичные и районные организации проводили собрания по вопросам выполнения задач смотра. Предприятия, шефствовавшие над памятниками, организовывали субботники и занимались их благоустройством. Силами УООПИК, городских и районных властей устанавливались новые памятники, мемориальные доски, памятные камни и др. Широко практиковался обмен передвижными выставками, показ документальных фильмов, демонстрации экспонатов из фондов музеев. Большое участие в смотре принимали школы и высшие учебные заведения. Учащиеся были задействованы практически во всех мероприятиях. Специально к праздничным дням готовили театрализованные представления, шествия, экскурсии, вечера памяти, возложения цветов. Наиболее хорошо организованным был смотр, проходивший в ознаменование юбилея «30-летия освобождения Севастополя и Украины от немецко-фашистских захватчиков» в 1974 году. Специально в празднования был разработан и осуществлен масштабный план по благоустройству памятников посвященным этим событиям. По итогам в образцовый порядок было приведено 158 памятников [12, л. 57–63].

Вместе с этим, при подготовке смотров было и много проблем. Не всегда шефствующие организации проводили работу качественно и в срок, а некоторые только формально осуществляли уход за памятниками. Часто Обществу приходилось заставлять их исполнять взятые на себя обязательства. В целом сами смотры проходили с чрезмерной показательностью, это должно было демонстрировать «заботу» руководства партии и советского правительства о своем культурном и историческом наследии [24, с. 5].

Важное место в работе Севастопольской организации УООПИК занимала деятельность по выявлению, паспортизации и постановки памятников на государственный учет. В соответствии с решениями союзных министерств 17 октября 1972 г. коллегия Министерства культуры УССР, Госстроя УССР и Президиума УООПИК принята постанова «Про введення єдиної уніфікованої форми обліку пам'яток істо-

рії та культури в УССР». Основной смысл этого документа сводился к внедрению в практику новых форм учетной документации – «Паспорта» и «Учетной карточки». Предполагалось в течение нескольких лет провести полную паспортизацию всех памятников республики. Эта работа была тесно связана с созданием обобщающего научно-справочного издания – «Свода памятников истории и культуры УССР», поэтому имела особую важность [25]. Севастопольская организация сразу после издания Постановления, активно включилась в эту работу. Руководить ходом паспортизации правление Общества поручило известному в городе краеведу – кандидату военных наук Александру Александровичу Ляховичу. Такое ответственное задание было доверено ему не случайно. В Обществе А. А. Ляхович возглавлял секцию военно-исторических памятников, считавшуюся одной из самых хорошо организованных и исполнительных.

Помимо обязательных форм указанных в Постановлении Министерства культуры УССР, секция разработала и внедрила еще ряд дополнительных документов. На каждый памятник составлялось отдельное дело включавшее:

- 1) опись документов находящихся в деле;
- 2) учетную карточку, представлявшую собой расширенную форму государственного паспорта на памятник. В частности в ней заносились сведения не только об авторе памятника, но и архитекторе, скульпторе, исполнителях работ, авторах реконструкции;
- 3) подробное описание события, которому посвящен памятник (для военно-исторических памятников);
- 4) подробная схема расположения памятника с указанием охранной зоны и географических привязок на местности;
- 5) фотографии;
- 6) библиография с подробным перечнем всех изданий связанных с памятником;
- 7) учетную карточку и акты содержания и осмотров памятника с подписями ответственных лиц;
- 8) дополнительные материалы.

Общество совместно с администрацией города и музеями, проделала колоссальную работу по паспортизации, так к началу 1978 года было учтено 1197 памятников [26].

В системе пропаганды культурно-исторического наследия большое значение имели средства массовой информации. О своей деятельности Общество регулярно информировало население как посредством радио и телевидения, так и в периодической печати. Печатная пропаганда общества занимала одно из ведущих мест. Выступления в периодической печати историков, писателей, журналистов, деятелей науки и искусства позволили привлечь внимание общественности к проблеме сохранения историко-культурного наследия Севастополя. Увеличилось количество изданий методического и информационного характера, тезисов докладов, рекомендаций, листовок и другого [27].

С начала 70-х годов XX в. деятельность Севастопольской организации УООПИК все сильнее стала зависеть от политической конъюнктуры, а не от реальных потребностей в сохранении и изучении памятников. Компанейский характер

проводимых мероприятий, помпезное празднование юбилейных дат приводили к выделению из общего объема нескольких групп памятников, связанных с революционным движением, Великой Отечественной войной, социалистическим строительством и т. д. Такое отношение вполне объяснимо. Эти объекты играли важную идеологическую роль, направленную на пропаганду советского образа жизни, истории и воспитание уважения к власти. Выполнению данной идеологической установки Общество уделяло первоочередное значение.

В этот период, представители Севастопольского горкома КПСС начинают проявлять все больший интерес к работе Обществом. Без их участия не проходило ни одно заседание, а принятие ключевых решений шло только с предварительного согласования. Распространенным становится понятие «партийного руководства» Общества, влияние которого наиболее ярко выражалось в изменении кадровой политики. Так начиная с 1971 года на должность ответственных секретарей и председателей районных отделений стали назначаться кандидаты только по рекомендации Горкома, который к тому же осуществлял контроль за их работой. Таким образом, партия практически взяла на себя надзорную функцию за деятельностью Общества, ставшую одной из причин утери к нему доверия со стороны активной части местной интеллигенции.

Партийно-государственное руководство страны открыто требовало от Общества усиленного внимания к памятникам советской истории. Наиболее рельефно это проявилось в решении Октябрьского пленума Политбюро Коммунистической партии Украины 1972 года. В постановлении указывалось на необходимость воплощать в жизнь советские принципы монументальной пропаганды, приобщать население к духовным достижениям советского народа. Сделанные выводы искусственно противопоставляли объекты советской эпохи, культурному наследию прошлого [28, с. 273]. Идеологи партии указывали, что в «дореволюционных памятниках архитектуры» четко выражена «специфика социального заказа эксплуататорских классов», настоятельно рекомендовали «чтобы при анализе любого памятника прошлого осуществлялся партийный, классовый, марксистско-ленинский подход» [29, с. 6].

Региональные организации УООПИК вынуждены были финансировать строительство дорогих монументов, памятников В. И. Ленину, сооружений возмечивавших трудовые традиции, революционные и боевые подвиги советской эпохи. И без того гипертрофированная монументальная пропаганда стала только усиливаться. В этой связи Общество выступало как один из основных инструментов ее проведения.

Начавшаяся в середине 80-х гг. XX века, так называемая «Перестройка» повлекла за собой глобальные перемены в культурной и политической жизни советского общества. В отношении к историко-культурному наследию появились новые идеологические ориентиры. В русле начавшейся демократизации по-новому стали осмысливаться многие исторические события, личности, ценностные ориентиры. Ослабление идеологического давления на творческую деятельность представителей науки и культуры привело к расширению инициативы в деле охраны памятников. В научных публикациях, газетных статьях и публицистических выступлениях чаще стали обсуждаться проблемы охраны и использования историко-культурного наследия. Это коснулось Севастопольской организации УООПИК. На деятельность Об-

щества посыпался шквал критики. В ряде газетных публикаций журналисты уличали его правление в бездеятельности и формализме, зависимости от политических установок власти. В дополнение к этому череда внутренних скандалов по поводу неправильного расходования средств подорвали авторитет и доверие к организации [30]. С конца 80-х гг. XX века постепенно УООПИК в Севастополе стало приходить в упадок. Значительно, сократилось количество членов Общества, что лишило его главного источника финансирования – членских взносов. Многие предложения, сформулированные в конце 80-х – начале 90-х годов и доведенные даже до стадии проектных решений остались нереализованными в связи с отсутствием средств.

Таким образом, с появлением в середине 60-х гг. XX века Украинского общества охраны памятников истории и культуры наступил новый период в развитии памятникоохранительного дела. Его особенностью явился выход дела охраны памятников за рамки компетенции только государственных органов и включение в эту деятельность широких слоев общественности.

Создание Севастопольской организации стало результатом тщательной организационной работы начавшейся еще задолго до образования республиканского Общества. УООПИК удалось сплотить вокруг себя энтузиастов, ставших на долгие годы прочной основой для существования организации. Разные по профессиональной принадлежности они были объединены общей идеей охраны уникального культурного и исторического наследия Севастополя.

За период с момента создания до 1991 г. Севастопольская организация внесла неоценимый вклад в сохранение и популяризацию памятников города. Основные итоги деятельности организации:

- еще на этапе своего формирования Общества четко обозначило основные цели своей работы в охранном и просветительском направлении. Основные программные задачи были закреплены в Уставе Организационного комитета и его последующих редакциях;
- в рамках Общества сложился коллектив активистов бескорыстно служивших делу изучения, сохранения и популяризации памятников;
- Общество участвовало в финансировании большинства реставрационных работ на памятниках Севастополя;
- районными организациями с секциями Общества была проведена большая работа по взятию на учет и паспортизации памятников;
- была создана система шефства организаций и учреждений за отдельными памятниками города;
- Общество активно занималось популяризацией дела охраны памятников по средствам периодической печати, радио и телевидения;
- совместно с музеями города успешно действовал факультет Пропаганды памятников.

При этом в деятельности Обществе было немало и негативных явлений. Среди них необходимо выделить:

- подконтрольность в принятии ключевых решений государственным и партийным органам;

- замещение руководящих постов представителями советской партийной номенклатуры;
- зачастую декларативный характер принимаемых решений;
- приоритетность в охране памятников связанных с революционными выступлениями, борьбой за становление Советской власти, прославлявших события Великой Отечественной войны, партийных деятелей и успехи социалистического строительства.

К началу 90-х гг. XX века УООПИК оказалась в кризисном положении. Несмотря на это, безусловной заслугой Общества в Севастополе стало сохранение значительного количества памятников, а так же объединение вокруг этой цели местной общественности. Опыт этой работы особенно ценен в современных условиях, поскольку охрана культурного наследия требует активизации совместных усилий государства и общественности.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури в Криму / А. А. Непомнящий, Н. В. Кармазина // Збережена спадщина : Українському товариству охорони пам'яток історії та культури 40 років : зб. матер. і док. / Центр пам'яткознавства НАН України і УООПІК. – К., 2007. – С. 29–48 ; Кармазина Н. В. З Історії збереження історико-культурної спадщини в Криму в 60–80 роках XX століття // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 111–116 ; Присяжнюк О. М. Становлення і розвиток системи охорони культурної спадщини Одеської області (1944–2009 рр.) / О. М. Присяжнюк : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 26.00.05 – Музеєзнавство. Пам'яткознавство; Центр пам'яткознавства НАН і УООПІК. – К., 2010.– 20 с.
2. Непомнящий А. А. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури в Криму / А. А. Непомнящий, Н. В. Кармазина // Збережена спадщина : Українському товариству охорони пам'яток історії та культури 40 років : зб. матер. і док. / Центр пам'яткознавства НАН України і УООПІК. – К., 2007. – С. 29–48; Кармазина Н. В. З Історії збереження історико-культурної спадщини в Криму в 60–80 роках XX століття // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 111–116 ; Присяжнюк О. М. Становлення і розвиток системи охорони культурної спадщини Одеської області (1944–2009 рр.) / О. М. Присяжнюк : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 26.00.05 – Музеєзнавство. Пам'яткознавство; Центр пам'яткознавства НАН і УООПІК. – К., 2010.– 20 с.
2. Акуленко В. І. Охорона пам'яток культури в Україні / В. І. Акуленко. – К. : Вища школа, 1991. – 274 с.
3. Акуленко В. І. Охорона пам'яток культури в Україні / В. І. Акуленко. – К. : Вища школа, 1991. – 274 с.
3. Рогачев П. М. Памятникам культуры – хозяйский глаз / П. М. Рогачев // Слава Севастополя. – 1963. – 1 февраля.
4. Рогачев П. М. Памятникам культуры – хозяйский глаз / П. М. Рогачев // Слава Севастополя. – 1963. – 1 февраля.
4. Государственный архив города Севастополя (далее – ГАГС), ф. Р-504, оп. 1, д. 66.
5. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 9.
6. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 7.
7. Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический», д. 2114.
8. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 3.
9. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 6.

10. Законодавство про пам'ятники історії та культури : зб. норм. актів / Укр. т-во охорони пам'ятників історії та культури – К. : Політвидав України, 1970. – 464 с.
Zakonodavstvo pro pam'jatniki istorii ta kul'turi : zb. norm. aktiv / Ukr. t-vo ohoroni pam'jatnikov istorii ta kul'turi – K. : Politvidav Ukraïni, 1970. – 464 s.
11. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 9.
GAGS, f. R-504, op. 1, d. 9.
12. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 106.
GAGS, f. R-504, op. 1, d. 106.
13. Ляхович А. А. Подвиг в граните и бронзе А. А. Ляхович // Слава Севастополя. – 1978. – 18 апреля.
Ljahovich A. A. Podvig v granite i bronze A. A. Ljahovich // Slava Sevastopolja. – 1978. – 18 aprilja.
14. Осипов Г. В. Общество охраны памятников – проблемы и задачи / Осипов Г. В. // Слава Севастополя. – 1990. – 14 августа.
Osipov G. V. Obshhestvo ohrany pamjatnikov – problemy i zadachi / Osipov G. V. // Slava Sevastopolja. – 1990. – 14 avgusta.
15. Венікєєв Є. В. Дослідники міської забудови / Є. В. Венікєєв // Пам'ятники України. – 1982. – № 1.
Venikeev E. V. Doslidniki mis'koï zabudovi / E. V. Venikeev // Pam'jatniki Ukraïni. – 1982. – № 1.
16. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 98.
GAGS, f. R-504, op. 1, d. 98.
17. Осипов Г. В. Наша боль и наша память / Г. В. Осипов // Слава Севастополя. – 1991. – 25 октября.
Osipov G. V. Nasha bol' i nasha pamjat' / G. V. Osipov // Slava Sevastopolja. – 1991. – 25 oktjabrja.
18. Филимонов А. С. Разрушается некрополь / А. С. Филимонов // Советская культура. – 1986. – 10 июля.
Filimonov A. S. Razrushaetsja nekropol' / A. S. Filimonov // Sovetskaja kul'tura. – 1986. – 10 ijulja.
19. Апошанская М. П. Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского флота / М. П. Апошанская. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2004. – 336 с.
Aposhanskaja M. P. Sobor Svjatogo Ravnoapostol'nogo knjazja Vladimira – usypal'nica vydajushhihsja admiralov Rossijskogo Imperatorskogo flota / M. P. Aposhanskaja. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2004. – 336 s.
20. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 98, л. 51–53; Доронина Э. В. Берець памятники истории и культуры / Э. В. Доронина // Слава Севастополя. – 1978. – 27 октября. – С. 4; Лезина Г. С. Идет смотр / Г. С. Лезина // Слава Севастополя. – 1973. – 30 октября. – С. 5; Лезина Г. С. Охрана и пропаганда памятников / Г. С. Лезина // Слава Севастополя. – 1981. – 4 апреля. – С. 3;
GAGS, f. R-504, op. 1, d. 98, l. 51–53; Doronina Je. V. Berech' pamjatniki istorii i kul'tury / Je. V. Doronina // Slava Sevastopolja. – 1978. – 27 oktjabrja. – S. 4; Lezina G. S. Idet smotr / G. S. Lezina // Slava Sevastopolja. – 1973. – 30 oktjabrja. – S. 5; Lezina G. S. Ohrana i propaganda pamjatnikov / G. S. Lezina // Slava Sevastopolja. – 1981. – 4 aprilja. – S. 3;
21. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 116.
GAGS, f. R-504, op. 1, d. 116.
22. Грабар О. Ю. Приглашает университет / О. Ю. Грабар // Слава Севастополя. – 1984. – 18 августа.
Grabar O. Ju. Priglasjaet universitet / O. Ju. Grabar // Slava Sevastopolja. – 1984. – 18 avgusta.
23. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 98, л. 51.; ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 106, л. 24; л. 57–59; ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 64, л. 7; ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 88, л. 14.
GAGS, f. R-504, op. 1, d. 98, l. 51.; GAGS, f. R-504, op. 1, d. 106, l. 24; l. 57–59; GAGS, f. R-504, op. 1, d. 64, l. 7; GAGS, f. R-504, op. 1, d. 88, l. 14.
24. Ляхович А. А. Большой смотр / А. А. Ляхович // Слава Севастополя. – 1969. – 12 марта. – С. 4; Васин Н. П. Прикоснуться к истории / Н. П. Васин // Слава Севастополя. – 1971. – 3 октября. – С. 3; Еремеев К. В. Не зарастет народная тропа / К. В. Еремеев // Слава Севастополя. – 1970. – 29 марта. – С. 4; Ляхович А. А. Подвиг в граните и бронзе / А. А. Ляхович // Слава Севастополя. – 1978. – 18 апреля. – С. 5.
Ljahovich A. A. Bol'shoj smotr / A. A. Ljahovich // Slava Sevastopolja. – 1969. – 12 marta. – S. 4; Vasin N. P. Prikosnut'sja k istorii / N. P. Vasin // Slava Sevastopolja. – 1971. – 3 oktjabrja. – S. 3; Eremeev K. V. Ne zarastet narodnaja tropa / K. V. Eremeev // Slava Sevastopolja. – 1970. – 29 marta. – S. 4; Ljahovich A. A. Podvig v granite i bronze / A. A. Ljahovich // Slava Sevastopolja. – 1978. – 18 aprilja. – S. 5.

25.Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. Р-4760, оп. 1, д. 4.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv vysshih organov vlasti i upravlenija Ukrainy, f. R-4760, op. 1, d. 4.

26.Список памятников истории и культуры г. Севастополя (по состоянию на 1 января 1978 г.) / Музей героической обороны и освобождения Севастополя: сост. А. А. Ляхович, С. В. Грабар, Ю. Н. Савченко. – Севастополь, 1978. – 48 с.

Spisok pamjatnikov istorii i kul'tury g. Sevastopolja (po sostojaniju na 1 janvarja 1978 g.) / Muzej geroicheskoj oborony i osvobozhdenija Sevastopolja: sost. A. A. Ljahovich, S. V. Grabar, Ju. N. Savchenko. – Sevastopol', 1978. – 48 s.

27.Шахман А. В. Рассказ об истории города-героя / А. В. Шахман // Слава Севастополя. – 1979. – 10 февраля. – С. 5; Николаева Э. А. О подвигах героев. Лекции / Э. А. Николаева // Слава Севастополя. – 1979. – 20 февраля. – С. 4; Волошин О. Н. Беседы о памятниках / О. Н. Волошин // Слава Севастополя. – 1979. – 4 декабря. – С. 6; Веникеев Е. В. Рекомендации по техническому ремонту и уходу за памятниками истории и культуры / Е. В. Веникеев. – Севастополь, 1981. – С. 5.

Shahman A. V. Rasskaz ob istorii goroda-geroja / A. V. Shahman // Slava Sevastopolja. – 1979. – 10 fevralja. – S. 5; Nikolaeva Je. A. O podvigah geroev. Lekcii / Je. A. Nikolaeva // Slava Sevastopolja. – 1979. – 20 fevralja. – S. 4; Voloshin O. N. Besedy o pamjatnikah / O. N. Voloshin // Slava Sevastopolja. – 1979. – 4 dekabrja. – S. 6; Venikeev E. V. Rekomendacii po tehničeskomu remontu i uhodu za pamjatnikami istorii i kul'tury / E. V. Venikeev. – Sevastopol', 1981. – S. 5.

28.Гріффі́н Л. О. Основи пам'яткознавства / Під заг. ред Л. О. Гріффі́н, О. М. Титової : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – К. : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK, 2012. – 380 с.

Griffin L. O. Osnovi pam'jatkoznavstva / Pid. zag. red L. O. Griffin, O. M. Titovoi : Centr pam'jatkoznavstva NAN Ukraїni i UTOPIK. – K. : Centr pam'jatkoznavstva NAN Ukraїni i UTOPIK, 2012. – 380 s.

29.Андронов Н. К. Роль общественности в охране и использовании памятников истории и культуры для коммунистического воспитания трудящихся // Музееведение и охрана памятников: общественная охрана памятников истории и культуры в СССР : науч.-рефер. сб. / ред. Н. К. Андронов; Министерство культуры СССР. – М., 1976. – Вып. 1 : Информкультура. – С. 3–6.

Andronov N. K. Rol' obshchestvennosti v ohrane i ispol'zovanii pamjatnikov istorii i kul'tury dlja kommunisticheskogo vospitanija trudjashihhsja // Muzeevedenie i ohrana pamjatnikov: obshchestvennaja ohrana pamjatnikov istorii i kul'tury v SSSR : nauch.-refer. sb. / red. N. K. Andronov; Ministerstvo kul'tury SSSR. – M., 1976. – Vyp. 1 : Informkul'tura. – S. 3–6.

30.Рыбкина Г. Н. Как японцы нас стыдили / Г. Н. Рыбкина // Слава Севастополя. – 1990. – 17 февраля. – С. 4; Юрздицкая Е. Г. У памяти на посту / Е. Г. Юрздицкая // Слава Севастополя. – 1987. – 18 октября. – С. 5; Юрздицкая Е. Г. Продолжаем разговор, начатый в статье «У памяти на посту» / Е. Г. Юрздицкая // Слава Севастополя. – 1987. – 28 ноября. – С. 3; Юрздицкая Е. Г. На что средства расходуются? / Е. Г. Юрздицкая // Слава Севастополя. – 1988. – 22 октября. – С. 5; Настиченко В. К. Гости на погосте / В. К. Настиченко // Советская культура. – 1989. – 4 марта. – С. 7; Бабушкин Н. А. Наша боль и память / Н. А. Бабушкин // Слава Севастополя. – 1991. – 25 октября. – С. 3.

Rybkina G. N. Kak japoncy nas stydili / G. N. Rybkina // Slava Sevastopolja. – 1990. – 17 fevralja. – S. 4; Jurzdickaja E. G. U pamjati na postu / E. G. Jurzdickaja // Slava Sevastopolja. – 1987. – 18 oktjabrja. – S. 5; Jurzdickaja E. G. Prodolzhaem razgovor, nachatyj v stat'e «U pamjati na postu» / E. G. Jurzdickaja // Slava Sevastopolja. – 1987. – 28 nojabrja. – S. 3; Jurzdickaja E. G. Na chto sredstva rashodujutsja? / E. G. Jurzdickaja // Slava Sevastopolja. – 1988. – 22 oktjabrja. – S. 5; Nastichenko V. K. Gosti na pogoste / V. K. Nastichenko // Sovetskaja kul'tura. – 1989. – 4 marta. – S. 7; Babushkin N. A. Nasha bol' i pamjat' / N. A. Babushkin // Slava Sevastopolja. – 1991. – 25 oktjabrja. – S. 3.

Соколов А. А. Діяльність Севастопольської міської організації Українського товариства охорони пам'яток історії та культури (60-ті – 80-ті роки ХХ століття) / А. А. Соколов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 152–166.

На основі аналізу маловідомих опублікованих і неопублікованих джерел відтворена діяльність Севастопольської міської організації Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. Подано розгорнутий зріз основних напрямків роботи товариства. Розкрито структуру організації, її

управління і фінансування. Проаналізовано участь Товариства в процесах реставрації, пропаганди, проведення оглядів і паспортизації пам'яток. Показані конкретні приклади участі УТОПІК у відновленні пам'ятників та їх благоустрій. Особлива увага приділяється питанням залучення громадськості до вирішення актуальних пам'яткоохоронних проблем, зокрема діяльності факультету пропаганди та методичного кабінету. Наводиться оцінка як позитивних, так і негативних явищ у житті Товариства.

Ключові слова: Українське товариство охорони пам'яток історії та культури (УТОПІК), охорона, реставрація, паспортизація, пропаганда.

Sokolov A. A. Activities Sevastopol city organization of the Ukrainian Society for Protection of Monuments of History and Culture (60th - 80th years of the twentieth century) / A. A. Sokolov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 152–166.

Based on analysis of the little-known published and unpublished sources the activities of the Sevastopol city organization of the Ukrainian Society for Protection of Monuments of History and Culture. Presents a detailed cut the main activities of society. Disclosed structure of the organization, its management and financing. Analyzed the Company's participation in the processes of restoration, advocacy, parades and certification of monuments. Show specific examples of participation in the restoration of monuments UOOPIK and their accomplishment. Are the most significant examples of the restoration of monuments. For example, consider the restoration of the Fraternal Cemetery during the Crimean War, Vladimir's Cathedral and other objects. Company's participation in the processes of restoration of monuments, allowed to make them more open to criticism and encouragement. Important place in the work of the organization took the identification, certification and placement of monuments on the state account.

On its activities, the Company regularly inform the public as through radio and television and in the press. Printed propaganda society held one of the leading places. Statements in the press historians, writers, journalists, scientists and artists allowed to draw public attention to the problem of preservation of historical and cultural heritage of Sevastopol.

Particular attention is paid to issues involving the public in solving actual problems of the protection of monuments, in particular the activities of faculty promotion and methodical study. Special attention is given to the contribution of individual attention to the development of local historians protection of monuments. The evaluation of both positive and negative phenomena in society. Among the negative effects, special attention is allocated accountability in key decision-making bodies of government and party ; filling managerial posts representatives of the Soviet party nomenclature ; declarative decisions. Activities Sevastopol organization UOOPIK strongly veil of political considerations, rather than the real needs in the conservation and study sites. Pompous celebration of anniversaries led to the isolation of the total of several groups of monuments associated with the revolutionary movement, the Great Patriotic War, the building of socialism. This attitude is quite understandable. These objects have played an important ideological role, promoting a Soviet way of life, history and development of respect for authority.

Unconditional credit to the Company in Sevastopol was the preservation of a significant amount of monuments, as well as uniting around this purpose the local community. The experience of this work is particularly valuable in today's conditions, since the protection of cultural heritage requires collaborative efforts of the state and the public.

Keywords: Ukrainian Society for the Protection of Monuments of History and Culture (UOOPIK), protection, restoration, certification, propaganda.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Е. А. Бачинская

д.и.н., проф. В. М. Хмарский

УДК 94(38)+259.4

«РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО» — ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Спивак И. А.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: lspivaq@rambler.ru*

Рассмотрены особенности религиозной политики Александра Македонского на территории Ирана. Впервые в русскоязычной историографии эта проблема была сформулирована в работах Шофмана А.С. Научное творчество Шофмана А.С. пришлось на советскую эпоху и развивалось в ее идеологических рамках. Сегодня, когда со дня рождения ученого исполнилось 100 лет, ощущается необходимость еще раз вернуться к проблеме религиозной политики Александра Македонского и попытаться объективно оценить вклад Шофмана А.С. в ее разработку. Прделанная работа позволяет сказать, что многие идеи, высказанные Аркадием Семеновичем Шофманом тридцать шесть лет назад о религиозной политике Александра Македонского, сохраняют свою научную актуальность. К таковым следует отнести, прежде всего, отказ от идеализации этой политики, связанной с необоснованно преувеличенными зороастрийскими симпатиями македонского царя. Поиск ее причин и особенностей в социально-политических реалиях того времени. Наконец, принципиально важный вывод о том, что религиозная политика Александра Македонского на территории Ирана существенно отличалась от его политики в странах Средиземноморья. К сожалению, узость идеологических рамок советской исторической науки не позволила, ученому ответить на вопрос о причинах этих различий. Не находит подтверждение в источниках тезис о зороастрийском характере антимакедонского движения на востоке Ирана. Сравнительный анализ сообщений античных источников о магах и индийских брахманах не позволяет говорить о преследовании иранских жрецов, в организации которого Александра Македонского обвиняют поздние зороастрийские источники. Зороастризм на территории Ирана к моменту греко-македонского завоевания не был ни господствующей, ни широко распространенной религией. Население Ирана в большинстве поклонялось древним иранским божествам. Общественно-политическое влияние зороастрийского жречества, в отличие от жрецов Вавилона и Египта, было невелико. Таким образом, позиция македонского царя по отношению к зороастрийскому жречеству определялась не его враждебностью, а тем, какую роль оно играло в ахеменидском Иране.

Ключевые слова: Александр Македонский, зороастризм, религиозная политика, жречество, Шофман А. С.

ВВЕДЕНИЕ

В 2013 году исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Казанского университета, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Татарстана, за-

ведущего кафедрой всеобщей истории КГУ Аркадия Семеновича Шофмана. Говоря о научной деятельности Аркадия Семеновича и его заслугах перед отечественным антиковедением, нельзя обойти молчанием тот факт, что именно он в рамках советской науки сформулировал вопрос об особенностях религиозной политики Александра Македонского на Востоке. Ее анализ позволил ученому сделать важный вывод о том, что отношения Александра Македонского с восточным жречеством, в основе которых лежало стремление македонского царя упрочить социальную опору своей власти, не оставались неизменными, а прошли несколько этапов эволюции. При этом религиозная политика Александра Македонского на территории Ирана и Индии принципиально отличалась от его политики в странах Средиземноморья. Перелом произошел на территории Ирана, где Александр столкнулся с зороастризмом — самобытной иранской религией откровения [1, с. 112–114]. Этот вывод диктовал необходимость тщательного изучения религиозной политики македонского царя на ее «иранском» этапе.

К исследованию ее особенностей Аркадий Семенович обращался неоднократно. В фундаментальной монографии «Восточная политика Александра Македонского», касаясь зороастрийских текстов (со ссылкой на Пальяро [2, р. 385]) ученый, совершенно справедливо, на наш взгляд, допускает, что зороастрийские обвинения, выдвинутые против Александра, были сформулированы в более позднюю сасанидскую эпоху, под влиянием политической конъюнктуры того времени [3, с. 18]. Здесь же высказывается мысль и о возможных симпатиях македонского царя к древнеперсидскому царскому культу огня [3, с. 239]. Учитывая недостаточную освещенность вопросов, связанных с религиозной политикой Александра на Востоке, Аркадий Семенович вновь вынужден был обратиться к этой теме. В 1977 г. выходит в свет его статья «Религиозная политика Александра Македонского», которая долгое время оставалась единственной в русскоязычной историографии специальной работой на эту тему.

Собственно политике Александра на территории Ирана, включая необходимые замечания о зороастризме в целом, здесь отводится пять страниц [1, с. 114–118]. Высказывая критику в адрес тех исследователей, которые абсолютизируют зороастрийские симпатии Александра, автор еще раз подчеркивает, что религиозная политика Александра в Персии отличалась от его политики по отношению к религиям других стран Востока: «Наши источники сообщают об интересе Александра к египетской религии, индийской мудрости, но в них нет ни малейшего упоминания об отношении Александра к учению Зороастры или об оказании им почестей иранским божествам» [1, с. 116].

Следует отметить, что в анализе ситуации исследователь исходил из следующих важных моментов: во-первых, зороастризм был официальной религией империи Ахеменидов, во-вторых, ко времени Александра эта религия носила ярко выраженный этический характер, в-третьих, зороастрийское жречество оказало серьезное сопротивление греко-македонскому завоеванию Ирана. Последнее сближает взгляды исследователя с высказанной ранее точкой зрения Е.Э. Бертельса: «В ахеменидском Иране духовенство играло очень большую роль. Можно думать, что оно активно выступало против завоевателей. Поэтому удары Александра направлялись

и против него. Священные книги зороастризма систематически уничтожались, храмы огня предавались разрушению, многие сотни духовных лиц погибли, пытаясь защитить свои святыни» [4, с. 11]. Вероятно, идеологическая ангажированность советского времени заставляет Аркадия Семеновича следующим образом ответить на вопрос об особенностях религиозной политики Александра в Иране: «На этот вопрос ответ, на наш взгляд, может быть один – хотел, но не смог. Стремясь идеологически обосновать своё право на власть как преемник Ахеменидов, Александр не мог не искать соглашения с зороастрийским жречеством, но оно на сближение долгое время не шло. Антимакедонское движение, особенно в восточных областях персидского государства, которое нередко принимало религиозную окраску, не оставляло Александру путей примирения с зороастрийским жречеством» [1, с. 116].

1. ЗОРОАСТРИЗМ В АХЕМЕНИДСКОМ ИРАНЕ

Сегодня, спустя тридцать шесть лет после выхода в свет статьи А.С. Шофмана, посвященной религиозной политике Александра Македонского, следует отметить, что многие выводы, сделанные ученым, прошли проверку временем и нашли свое подтверждение в позднейшей историографии, иные, наоборот — подверглись пересмотру и существенным корректировкам.

Так, благодаря ряду исследований [5, с. 18–33; 6, с. 305–343], стало очевидно, что религиозная ситуация в Иране накануне греко-македонского вторжения была далеко не такой однозначной, как это представлялось ранее. Не только учение Заратуштры, но и царский культ Ахурамазды не получили повсеместного признания и распространения. Итогом дискуссии о религиозной ситуации в державе Ахеменидов в русскоязычной историографии стал следующий вывод: «В ахеменидское время в Персии народные массы поклонялись древним иранским божествам, особенно богу Солнца Митре и богине вод и плодородия Анахите. Среди народа культ Ахурамазды, верховного бога царского пантеона, не получил распространения. Именно по этой причине в течение всего ахеменидского периода не засвидетельствованы теофорные имена с Ахурамаздой, в то время как теофорных имен с Митрой очень много... Хотя ахеменидские цари считали своего Ахурамазду самым могущественным богом, они также верили в божества покоренных народов, поклонялись им, стремясь добиться их благожелательного к себе отношения. Поэтому официальный имперский пантеон Ахеменидов включал десятки различных божеств. Все они считались государственными богами различной важности, и всем им приносились жертвы от имени ахеменидских правителей» [7, с. 406]. Такая картина разительно отличается от принятого Аркадием Семеновичем вывода о том, что и Дарий I и Ксеркс были зороастрийцами, а состоявшие при них жрецы-маги были «учениками и последователями Зороастры» [1, с. 114]. Как показали дальнейшие исследования, античные свидетельства о Зороастре и магах, на которые опирался в своих размышлениях ученый, не отражают реального положения дел в империи Ахеменидов. Эти свидетельства следует рассматривать, прежде всего, как памятники античной аретологии — жанра вымышленных биографий «философов-чудотворцев» [8, с. 169]. Сообщения же о самом Заратуштре в античных источниках сегодня рассматриваются в русле педагогического мифа, созданного Платоном [9, с. 147–190]. Таким образом, участие и влияние зороастрийского жречества в общественно-политической

жизни населения Ирана во времена Александра Македонского в советской историографии 70-х годов прошлого века, мягко говоря, было сильно преувеличено. Это, в свою очередь, ставит под сомнение, как обязательно приписываемое Александру стремление «искать соглашения с зороастрийским жречеством», так и участие этого жречества в «антимакедонском движении» народов Ирана. Следует отметить, что зороастрийский, и шире — религиозный, характер антимакедонских выступлений народов Средней Азии не находит своего подтверждения в источниках. Напротив, рассказ Курция Руфа о Кобаре — «мидийце, известном приверженностью к искусству магии» — который вызвал гнев Бесса и перебежал от него к Александру, свидетельствует об обратном (VII, 4, 1–25) [10].

Утверждение о том, что антимакедонские выступления в Бактрии и Согдиане имели зороастрийскую окраску, так или иначе, связано с допущением, основанным на поздних зороастрийских текстах, о терроре, который якобы развязал Александр Македонский по отношению к зороастрийскому жречеству. Подобные утверждения строятся на допущении о неполноте наших источников [11, с.261]. Ярким примером подобного подхода может служить монография М. Бойс и Ф. Грене, в которой авторы, разделяя взгляд зороастрийской традиции на то, что Александр убивал жрецов, вынуждены прибегать к выражениям: «может быть», «весьма вероятно», «по аналогии с...» и т.п., чтобы заполнить молчание источников [12, р. 14–15]. Повторим, что: ни в одном дошедшем до нас тексте, кроме достаточно поздних зороастрийских источников, нет указаний не только на враждебное отношение Александра к магам, но и на враждебное отношение магов к Александру.

2. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И БРАХМАНЫ

Главным аргументом, снимающим обвинение с античных авторов в предвзятости и неполноте, является то, что они, ничего не сообщая об убийстве магов, открыто говорят о репрессиях Александра по отношению к индийским брахманам [11, с. 309]. «Он взял и другой город, восставший в это время, а брахманов (это индийские мудрецы), зачинщиков этого восстания, велел казнить» (Арриан, VI, 16, 5) [13]. «Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра» (Плутарх, Александр, LIX) [14]. В другом месте Плутарх сообщает, что Александр, схватив брахманов с целью казнить, устроил между ними состязание, заставив их отвечать на вопросы, после чего отпустил их (Плутарх, LXIV–LXV) [14]. О бедствиях, постигших брахманов, сообщает Диодор (XVII, 102) [15].

Наряду с этим широко известны рассказы о благожелательном отношении Александра к индийским мудрецам (Арриан, VII, 1–2; Страбон, XV, I, 61, 63–64, 68) [13; 16]. Сюжет о встрече Александра с индийскими мудрецами впоследствии получил широкое распространение [17, с. 7; 18, с. 48]. Здесь, вероятно, следует учесть тот факт, что в античной традиции нашло отражение существование двух основных религиозно-философских направлений в духовной жизни Индии – реформаторского (Σαρμάναι) и ортодоксального (Βραχμάναι) [19, с. 192]. Вероятно, репрессии Александра были направлены, прежде всего, против тех философов, которые находились наиболее близко к государственной власти. Из рассказа Непарха следует, что: «Часть

брахманов занималась государственными делами, сопровождая царей в качестве советников (Страбон, XV, 1, 66) [16]. На фоне столь подробных сообщений источников о дифференцированном отношении Александра к представителям различных религиозно-философских направлений Индии еще более загадочно выглядит их скупость в отношении персидских магов. М. Бойс и Ф. Грене полагают, что причина этого в большом уважении, которое испытывали эллины к магам, а потому вполне понятно нежелание античных авторов акцентировать внимание на противоречиях между Александром и магами [12, р. 15]. Такое объяснение предполагает неуважительное отношение эллинов к индийским мудрецам. Так ли это? Источники свидетельствуют о том, что для античных авторов не существовало принципиальной разницы между персидскими магами и индийскими мудрецами.

Уже Страбон писал: «Действительно, индийские философы общаются с царями, наставляя их в почитании богов подобно магам у персидских царей» (XV, 1, 68) [16]. Еще более показательно высказывание Диогена Лаэртского о начале философии: «...у персов были их маги, у вавилонян и ассириян — халдеи, у индийцев — гимнософисты, у кельтов и галлов — так называемые друиды и семнофеи» (I, 1) [20]. «Дион Хрисостом, упрекая своих соотечественников, всячески превозносит обычаи индийцев как самого счастливого на земле народа. Индийские брахманы, по его словам полны справедливости и любви к божественному, они владеют источником истины» [19, с. 198]. Флавий Филострат в «Жизнеописании Аполлония Тианского» дает еще более лестные отзывы о мудрости брахманов (II, 27, 33; III, 15; VI, 11) [21, с. 198]. Особенно важно, что сочинение Флавия Филострата, учитывая его жанровую особенность, отразило наиболее распространенные представления античного мира. С этой точки зрения показателен отрывок, в котором повествуется о встрече Аполлония с главой брахманов Иархом: «Прочитавши послание, Иарх спросил: «Что вы, эллины, думаете о нас, Аполлоний?» «Стоит ли спрашивать, — отвечивал тот, — когда именно ради вас совершил я путешествие, в какое доселе не пускался ни один мой соотечественник?» — «О чем же, по-твоему, знаем мы лучше тебя?» — «Я полагаю, что мудрость ваша божественнее и совершеннее, а потому, даже если не узнаю от вас ничего для себя нового, то, по крайней мере, пойму, что ничему больше учиться не должен» (III, 16) [21]. О равнозначности в глазах Плотина мудрости магов и индийцев свидетельствует Порфирий: «С этого дня он уже не отлучался от Аммония и достиг в философии таких успехов, что захотел познакомиться и с тем, чем занимаются у персов, и с тем, в чем преуспели индийцы» (Жизнь Плотина, 3) [22]. Наконец, Аммиан Марцеллин сообщает о зависимости учения магов от учений индийских мудрецов: «В древние времена многое из этой науки значительно распространил из халдейских тайных учений бактриец Зороастр, затем царь Гистасп, мудрейший отец Дария. Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп в уединенное лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг, насколько был в силах, законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий. Из того, что он усвоил, передал он кое-что магам, а эти последние из поколений в поколение передают это дальнейшим векам вместе с наукой предугадывания будущего» (XXIII, 6, 32–33) [23]. Из сказанного ясно, что среди

эллинов мудрецы Индии пользовались ничуть не меньшим уважением, чем персидские маги.

Таким образом, мы вынуждены вновь вернуться к вопросу о молчании наших источников по поводу тех преследований, которым Александр якобы подверг магов. Объяснить это молчание можно, если признать, что никакой политики, направленной на уничтожение зороастрийского жречества, Александр не проводил. Истоки легенд об уничтожении Александром магов, а, следовательно, и историографических мифов о зороастрийском характере антимакедонских выступлений народов Ирана, следует искать в сасанидских реалиях, когда зороастрийскому жречеству потребовалось историческое обоснование своего привилегированного положения.

3. ЗОРОАСТРИЙСКИЕ СИМПАТИИ АЛЕКСАНДРА

Вместе с тем, следует отметить, что анализируя религиозную политику Александра Македонского в Иране в идеологических рамках советской исторической науки, Аркадий Семенович Шофман подверг объективной критике миф о зороастрийских симпатиях македонского царя. «Надуманым следует считать мнение Ф. Альтхайма о том, что Александр отправился на Восток, чтобы постичь духовное наследие Зороастры, которое он затем поведал миру» [1, с. 116]. Перспективной представляется и высказанная ученым идея о личном неприятии македонским царем основных принципов зороастрийской религии: «Религиозное сознание Александра не могло понять и признать отвлеченный и этический характер зороастризма» [1, с.116]. Однако в этом случае, речь, на наш взгляд, должна идти не столько о догматических различиях между религией Александра и зороастризмом, сколько о непримиримых противоречиях в ритуальной практике эллинской и иранской традиций. В известном смысле, как эллины, так и иранцы, у которых источники фиксируют ритуальные элементы зороастризма, должны были испытать культурный шок от знакомства с религиозной практикой друг друга [24, с. 383–400].

Не менее взвешено А. С. Шофман подошел к анализу сообщения Арриана о событиях в Описе. По словам Арриана, справившись с мятежом в войсках, устроил пиршество в городе Опис: «Александр за это принес жертву богам, какие у него были в обычае, и устроил пиршество для всех, за которым сидели: он сам, вокруг него македонцы, рядом с ним персы, а за ними прочие иноплеменники, чтимые за свой сан или какие-либо заслуги. Александр и его сотрапезники черпали из одного кратера и совершали одинаковые возлияния, которым предшествовали обрядовые действия, совершаемые эллинскими прорицателями и магами. Молились о ниспослании разных благ и о согласии и единении царств македонского и персидского» (Арриан, VII, 11, 8–9) [13]. Совершенно справедливыми представляются комментарии ученого по поводу того, что у нас нет оснований вслед за А. Пальяро расширенно толковать слова ὁμόνοια (единомыслие, согласие) и κοινωνία (общность, соединение), а также относительно того, что: «маги по религиозным причинам не могли совершать иного возлияния, кроме как по правилам своих обрядов и в честь своего божества [1, с. 117]. Действительно, вопреки рассказу Геродота, согласно которому у персов «нет ни возлияний, ни игры на флейте...» (I, 132) [25], о жертвенной практике возлияний у магов известно из текста Страбона, который говорит, что маги: «...произносят заклинания, совершая при этом возлияния оливковым мас-

лом, смешанным с молоком и медом, но не в огонь или воду, а на землю» (XV, III, 14) [16]. Таким образом, и во время совместного жертвоприношения, по крайней мере, в религиозном отношении иранцы оставались иранцами, а эллины эллинами, никакого единения, в смысле принятия чужих религиозных доктрин и обрядов не происходило. Этот вывод соответствует современным представлениям об Александре, в рамках которых исследователи отказались от идеализации политики македонского царя, направленной якобы на единение и братство народов [26, р. 1–21].

ВЫВОДЫ

Подводя итог, следует еще раз отметить, что многие идеи, высказанные Аркадием Семеновичем Шофманом тридцать шесть лет назад о религиозной политике Александра Македонского, сохраняют свою научную актуальность. К таковым, по нашему мнению, следует отнести, прежде всего, отказ от идеализации этой политики, связанной с необоснованно преувеличенными зороастрийскими симпатиями македонского царя. Поиск ее причин и особенностей в социально-политических реалиях того времени. Наконец, принципиально важный вывод о том, что религиозная политика Александра Македонского на территории Ирана существенно отличалась от его политики в странах Средиземноморья. К сожалению, узость идеологических рамок советской исторической науки, на наш взгляд, не позволила, ученому ответить на вопрос о причинах этих различий. Дело не в том, что антимакедонские выступления на востоке Ирана носили зороастрийскую окраску. И, даже не в том, что анализ источников позволяет говорить о трех линиях поведения бактрийской и согдийской знати по отношению к Александру, среди которых только одна отличается враждебностью и непримиримостью [27, с. 154]. Важнее другое, зороастризм на территории Ирана к моменту греко-македонского завоевания не был ни господствующей, ни широко распространенной религией. Общественно-политическое влияние зороастрийского жречества, в отличие от жрецов Вавилона и Египта, было невелико. Строго говоря, Александр Македонский не мог долгое время достигнуть соглашения с ним, потому, что в таком соглашении, с его точки зрения, не было смысла.

Список использованных источников и литературы

1. Шофман А.С. Религиозная политика Александра Македонского / А. С. Шофман // ВДИ. – 1977. – № 2. – С. 111–121.
- Shofman A.S. Religioznaja politika Aleksandra Makedonskogo / A. S. Shofman // VDI. – 1977. – № 2. – S. 111–121.
2. Pagliaro A. Alessandro Magno / A. Pagliaro. – Torino, 1960. – 401 p.
3. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского / А. С. Шофман. – Казань : изд-во Казанского ун-та, 1976. – 520 с.
- Shofman A.S. Vostochnaja politika Aleksandra Makedonskogo / A. S. Shofman. – Kazan' : izd-vo Kazanskogo un-ta, 1976. – 520 s.
4. Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке / Е. Э. Бертельс. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1948. – 186 с.
- Bertel's E. Je. Roman ob Aleksandre i ego glavnye versii na Vostoke / E. Je. Bertel's. – М. ; L.: izd-vo AN SSSR, 1948. – 186 s.
5. Дандамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI – V вв. до н. э. / М. А. Дандамаев // ВДИ. – 1974. – № 2. – С. 18–33.

- Dandamaev M. A. Novye dannye o religii v Persii na rubezhe VI–V vv. do n. je. / M. A. Dandamaev // VDI. – 1974. – № 2. – S. 18–33.
6. Дандамаев М. А. Культура и экономика Древнего Ирана / М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. – М. : Наука, 1980. – 416 с.
- Dandamaev M. A. Kul'tura i jekonomika Drevnego Irana / M. A. Dandamaev, V. G. Lukonin. – M. : Nauka, 1980. – 416 s.
7. Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран VII–VI вв. до н. э. : социальные институты и идеология / М. А. Дандамаев ; Факультет филологии и искусств СПбГУ.— СПб., 2009. – 512 с.
- Dandamaev M. A. Mesopotamija i Iran VII–VI vv. do n. je. Social'nye instituty i ideologija / M. A. Dandamaev. – SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009.—512 s.
8. Желтова Е. В. Черты ареталогического жанра в античной традиции о персидских магах / Е. В. Желтова // Вестник СПбГУ : сер. 2. – 1993. – Вып. 1, № 2. – С. 68–73.
- Zheltova E.V. Cherty aretalogicheskogo zhanra v antichnoj tradicii o persidskih magah / Zheltova E.V. // Vestnik SPbGU : ser. 2. – 1993. – Vyp. 1, № 2. – S. 68–73.
9. Абдуллаев Е. В. Идеи Платона между Элладой и Согдианой : очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке / Е. В. Абдуллаев. – СПб. : Алетейя, 2007. – 320 с.
- Abdullaev E. V. Idei Platona mezhdue Jelladoj i Sogdianoj : ocherki rannej istorii platonizma na Srednem Vostoke / E.V. Abdullaev. – SPb. : Aletejja, 2007. –320 s.
10. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. прил. : Сочинения Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Руф Квинт Курций / отв. ред. А. А. Вигасин. – М. : изд-во МГУ, 1993. – 464 с.
- Kvint Kurcij Ruf. Istorija Aleksandra Makedonskogo. Pril. : Sochinenija Diodora, Justina, Plutarha ob Aleksandre / Ruf Kvint Kurcij / otv. red. A. A. Vigasin. – M. : izd-vo MGU, 1993. – 464 s.
11. Гафуров Б. Г. Александр Македонский и Восток / Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис. – М. : Наука, 1980. – 456 с.
- Gafurov B. G. Aleksandr Makedonskij i Vostok / B. G. Gafurov, D.I. Cibukidis. – M. : Nauka, 1980. – 456 s.
12. Boyce M. A History of Zoroastrianism / M. Boyce, F. Grenet.– Leiden; New York; Köln : E. J. Brill, 1991. – Vol. 3: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule. – 596 p.
13. Арриан Флавий. Поход Александра / Флавий Арриан ; пер. М. Е. Сергеевко. – М. : Миф, 1993. – 272 с.
- Arrian Flavij. Pohod Aleksandra / Flavij Arrian ; per. M. E. Sergeenکو. – M. : Mif, 1993. – 272 s.
14. Плутарх. Александр и Цезарь / Плутарх // Плутарх. Избр. жизнеописания : в 2 т. / пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 361–436.
- Plutarh. Aleksandr i Cezar' / Plutarh // Plutarh. Izbr. zhizneopisanija : v 2 t. / per. M. Botvinnika i I. Perel'mutera. – M. : Pravda, 1987. – T. 2. – S. 361–436.
15. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 17 / Диодор ; пер. М.Е. Сергеевко // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Прил. : Сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / отв. ред. А. А. Вигасин. – М. : изд-во МГУ, 1993. – С. 276–347.
- Diodor Sicilijskij. Istoricheskaja biblioteka. Kn. 17 / Diodor ; per. M.E. Sergeenکو // Kvint Kurcij Ruf. Istorija Aleksandra Makedonskogo. Pril.: Sochinenij Diodora, Justina, Plutarha ob Aleksandre / otv. red. A.A. Vigasin. – M. : izd-vo MGU, 1993. – S. 276–347.
16. Страбон. География / Страбон ; пер., ст. и комм. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко : в 17 кн.. – М. : Ладомир, 1994. – 944 с.
- Strabon. Geografija: v 17 kn. / Strabon ; per., st. i komm. G. A. Stratanovskogo ; pod obshh. red. S. L. Utchenکو. – M. : Ladomir, 1994. – 944 s.
17. Бонгард-Левин Г. М. Индия в античной литературе / Г. М. Бонгард-Левин // Бонгард-Левин Г. М. Индия и античный мир / Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин, А. А. Вигасин. – М. : Восточная литература, 2002. – С. 4–16.
- Bongard-Levin G. M. Indija v antichnoj literature / G. M. Bongard-Levin // Bongard-Levin G. M. Indija i antichnyj mir / G. M. Bongard-Levin, M. D. Buharin, A. A. Vigasin. – M. : Vostochnaja literatura, 2002. – S. 4–16.
18. Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции / Е. А. Костюхин. – М.: Наука, 1972. – 160 с.

- Kostjuhin E. A. Aleksandr Makedonskij v literaturnoj i fol'klornoj tradicii / E. A. Kostjuhin. – M. : Nauka, 1972. – 160 s.
19. Бонгард-Левин Г. М. Религиозно-философские течения древней Индии и античные свидетельства / Г. М. Бонгард-Левин // Бонгард-Левин Г. М. Индия и античный мир / Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин, А. А. Вигасин. – М. : Восточная литература, 2002. – С. 191–203.
- Bongard-Levin G. M. Religiozno-filosofskie techenija drevnej Indii i antichnye svidetel'stva / G. M. Bongard-Levin // Bongard-Levin G. M. Indija i antichnyj mir / G. M. Bongard-Levin, M. D. Buharin, A. A. Vigasin. – M. : Vostochnaja literatura, 2002. – S. 191–203.
20. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский ; пер. М. Л. Гаспарова ; под общ. ред. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1979. – 620 с.
- Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov / Diogen Lajertskij ; per. M. L. Gasparova ; pod obshh. red. A. F. Loseva. – M. : Mysl', 1979. – 620 s.
21. Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского / Флавий Филострат ; пер., ст., прим. Е. Г. Рабинович. – М. : Наука, 1985. – 328 с.
- Filostrat Flavij. Zhizn' Apollonija Tianskogo / Flavij Filostrat ; per., st., prim. E. G. Rabinovich. – M. : Nauka, 1985. – 328 s.
22. Порфирий. Жизнь Плотина / Порфирий // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова ; под общ. ред. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1979. – С. 462–476.
- Porfirij. Zhizn' Plotina / Porfirij // Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov / per. M. L. Gasparova ; pod obshh. red. A. F. Loseva. – M. : Mysl', 1979. – S. 462–476.
23. Марцеллин Аммиан. Римская История / Аммиан Марцеллин / пер. Ю. Кулаковского, А. Сони, Л. Лукомского. – СПб. : Алетейя, 1994. – 559 с.
- Marcellin Ammian. Rimskaja Istorija / Ammian Marcellin / Per. Ju. Kulakovskogo, A. Soni, L. Lukomskogo. – SPb. : Aletejja, 1994. – 559
24. Спивак И. А. Зороастрийские «симпатии» Александра / И. А. Спивак // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (МАИЭТ). – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 383–400.
- Spivak I. A. Zoroastrijskie «simpatii» Aleksandra / I. A. Spivak // MAIJeT. – Simferopol', 2007. – Vyp. 13. – S. 383–400.
25. Геродот. История / Геродот / пер. и прим. Г. А. Стратановского. – М. : Ладомир, 1993. – 600 с.
- Gerodot. Istorija / Gerodot / per. i prim. G. A. Stratanovskogo. – M. : Lodomir, 1993. – 600 s.
26. Bosworth A. B. Alexander and the Iranians / A. B. Bosworth // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 100. – 1980. – P. 1–21.
27. Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане / Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент, 2002. – 182 с.
- Rtveladze Je. V. Aleksandr Makedonskij v Baktrii i Sogdiane / Je. V. Rtveladze. – Tashkent, 2002. – 182 s.

Співак І. О. «Религиозная політика Александра Македонского» — тридцять шість років потому / І. О. Співак // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 167–177.

Стаття присвячена особливостям релігійної політики Олександра Македонського на території Ірану. Уперше в російськомовній історіографії ця проблема була сформульована в роботах А. С. Шофмана Наукова творчість Шофмана А.С. прийшла на радянську епоху та получила розвиток в її ідеологічних рамках. Сьогодні, коли від дня народження вченого здійснилося 100 років, відчувається необхідність ще раз повернутися до проблеми релігійної політики Олександра Македонського й спробувати об'єктивно оцінити внесок Шофмана А.С. у її розробку. Зроблена робота дозволяє сказати, що багато ідей, які були висловлені Аркадієм Семеновичем Шофманом тридцять шість років тому про релігійну політику Олександра Македонського, зберігають свою наукову актуальність. До таких варто віднести, насамперед, відмову від ідеалізації цієї політики, що було пов'язано з необґрунтовано перебільшеними зороастрийськими симпатіями македонського царя. Пошук її причин та особливостей у соціально-політичних реаліях того часу. Нарешті, принципово важливий висновок про те, що релігійна політика Олександра Македонського на території Ірану відрізнялася від його політики в країнах Середземномор'я. На жаль, вузькість ідеологічних рамок радянської історичної

науки не дозволила, вченому відповісти на запитання про причини цих розходжень. Не знаходить підтвердження в джерелах теза про зороастрийськом характері антимакедонського руху на сході Ірану. Порівняльний аналіз повідомлень античних джерел про магів й індійських брахманів не дозволяє казати про переслідування іранських жерців, в організації якого Олександра Македонського обвинувачують пізні зороастрийські джерела. Зороастризм на території Ірану в часи греко-македонського завоювання не був ні пануючою, ні широко розповсюдженою релігією. Населення Ірану в більшості поклонялося старим іранським божествам. Суспільно-політичний вплив зороастрийського жрецтва, на відміну від жерців Вавилону і Єгипту, було невеликим. Таким чином, позиція македонського царя стосовно зороастрийського жрецтва визначалася не його ворожістю, а тим, яку роль воно грало в ахемідському Ірані.

Ключові слова: Олександр Македонський, зороастризм, релігійна політика, жрецтво, А. С. Шофман.

Spivak I. A. «Religious policy of Alexander Makedonian» — thirty six years later / I. A. Spivak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 167–177.

This article is devoted to the features of religious policy of Alexander Macedonian on territory of Iran. First in Russian-language historiography this problem was formulated by the Shofman's works, which a researcher should apply on regular basis. For a long time the article of this scientist «Religious policy of Alexander Makedonian» - the main work on this theme published in «Announcer of ancient history» published in 1977, remained in Russian historiography as a special unique research. The scientific search of Shofman was held during soviet epoch and was developed in its ideological limits. Today, when we celebrate 100 anniversary of this scientist, we feel necessity to back to the problem of religious policy of Alexander Macedonian and to try objectively estimate the Shofman's contribution of its development. It should be noted that the researcher in his analysis of situation used the following important moments: at first, Zoroaster was official religion of the Achaemenid empire, secondly, in Alexander's time this religion was of brightly expressed ethic character, thirdly, Zoroaster's priestess offered serious resistance to the Greek-Macedonian conquest of Iran. This work do allows us to say that many ideas of religious policy of Alexander Macedonian outspoken by Arkadiy Shofman thirty six years ago keep their scientific actuality. First of all, it's the declining of this policy idealization connected with the groundlessly exaggerated Zoroaster sympathies of Macedonian tsar. Next - searching policy reasons and features in that time socio-political realities. And finally here is principle important conclusion that the religious policy of Alexander Macedonian in Iran substantially differed from his policy in the Mediterranean countries. Unfortunately, narrowness of ideological limits of soviet history science not permits to the scientist to answer a question about the reasons of these distinctions. He supposed that the main one was in resistance of east Iran people often has adopted the religious (Zoroaster) colouring. Thus this, as considered scientist, long time hindered to rapprochement of Alexander Macedonian with Zoroaster priestess, where he aimed as the Achaemenid's heir. It should be noted that a thesis that Zoroaster character of antimacedonian motion of Iran east have no confirmations in sources. Vice versa, there are reports of transition of some magicians on the side of Greek-Macedonian conquerors of ancient authors. It is important to underline that on Iran's east noblemen not everyone was against Macedonian tsar, many passed for his side. The comparative analysis of ancient sources about magicians and Indian brahmanah does not allow us to speak about pursuit of the Iranian priests, although Alexander Macedonian was accused in it by late Zoroaster sources. Otherwise it is impossible to explain their silence of Zoroaster priestess repressions, with a background numerous recitals of Macedonian tsar relationship with Brahmins. Thus should be noted with circumstance that most ancient authors suppose isometric «wisdom» of Brahmins and magicians, and some even asserted, that wisdom of magicians came from India. Thus there are no grounds to consider that antimacedonian risings in Iran had religious colouring. We suppose that the features of religious policy of Alexander Macedonian in Iran could be explained with the religious situation held in Achaemenid state. Today situation is considered little different than in 1970-s when most researchers were sure that Zoroaster religion widespread in Iran on the eve of Greek-Macedonian conquest of country, and that influence of Zoroaster priestess was very substantial. To the moment of Greek-Macedonian conquest Zoroaster religion on territory was not religion neither dominating, nor wide-spread in Iran. The population in majority worshiped to the ancient Iranian deities in Iran. Zoroaster priestess social and political influencing, unlike the priests of Babylon and Egypt, was small. The critical study of ancient tradition about magicians helped to overestimating of the religious situation in Achaemenid's

Iran. As researches showed, ancient certificates about Zoroastre and magicians not reflected the Achaemenid Empire's situation, which most scientists of the last century used in their works. It is necessary to suppose these certificates, foremost, as monuments of ancient aretology – genre of the invented biographies of «philosophers-magicians». The reports about Zoroaster in ancient sources today are examined in a flow of the pedagogical myth created by Plato. From other side, the analysis of Persian documents also does not ground to speak about the Zoroaster study and Zoroaster rite general distribution in Iran IV c. A.C. The idea outspoken by the scientist about the Macedonian tsar personal non-acceptance of Zoroaster religion looked very perspective. However in this case, the main idea goes, on our opinion, on irreconcilable contradictions in sacral practice of Hellenic and Iranian traditions, but not about dogmatic distinctions between religions of Alexander and Zoroaster. Both the funeral ceremonies of Zoroaster and consuetude of blood-relative marriages were deeply strange to Hellenic consciousness. And Zoroastrers protested of practical worker of the Hellenic offering, when a fire was «desecrated» with the killed animals. That is why both Hellenes and Iranians which used the sacral elements of Zoroaster should experience cultural shock from the acquaintance of each other religious practice. That is why we should consider that Macedonian tsar position to Zoroaster priestess was determined by not by his hostility, but because of insignificant role of it in Achaemenid's Iran. Probably for a long time a Macedonian tsar did not see the special sense in rapprochement with it. Also we should consider that this rapprochement was impossible because of hellenes and Iranians non-acceptance of sacral practice elements of each other. A situation could be changed after the Indian expedition of Alexander Macedonian, which is related both to the unwillingness of Greek-Macedonian troops to go far to east and with their revolt on the Mesopotamia territory. Touching Zoroastrian texts Arkadiy Shofman quite well notes his opinion that most accusations against Alexander were formulated in late Sasanian epoch, under influencing of that time political state, when Zoroaster religion got universal confession on territory of Iran indeed, and Zoroaster priestess was required ground for the dominating position.

Keywords: Alexander Makedonsky, zoroastrizm, religious policy, priestism, Shofman Arkadiy.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

УДК 908:264-931+281.9:021.7 «1899/1917» (477.75)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДОСОВЕТСКИХ ОТКРЫТКАХ (1895–1917)

Яшный Д. В.

*Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК, Украина, Киев
e-mail: Yashnyy@ukr.net*

Проанализированы художественные почтовые открытки как источник в изучении культурного наследия Крыма. Рассмотрено становление и развитие термина «художественная открытка» и его значение в современной науке и филокартии. Анализ открыток проведен на основе предметно-объектного поля памятниковедческих исследований. Установлено авторство досоветских художественных почтовых карточек, времени создания сюжетов. Вводится в научный оборот ранее неисследованная группа визуальных источников по истории Крыма.

Корпус художественных открыток, в основу которых легли крымские сюжеты, рассмотрен как уникальное наследие культуры начала XX века, в котором заложена информация для выявления, узнаваемых элементов застройки – так называемого «силуэта города». Биографии художников, которые посвятили свои картины Крыму, освещены в рамках атрибуции почтовых карточек.

Ключевые слова: культурное наследие, Крым, художественные открытки.

В 1899 году в журнале «Искусство и промышленность» увидела свет статья известного коллекционера своего времени – Натальи Леонидовны Шабельской «Новая отрасль художественной промышленности», которая положила начало традиции собирания почтовых открыток в Российской Империи [1]. Там же впервые широкой общественности был предложен и термин «художественная открытка», объединявший в себе все разнообразие иллюстрированных почтовых карточек, иллюстрированных как фотографиями, так и копиями картин и виньетками [1, с. 670].

За более чем столетнюю историю открытки и ее коллекционирования, термин «художественная открытка» претерпел значительные изменения и стал включать в себя почтовые бланки непосредственно иллюстрированные художниками (так называемые «авторские» или «рисованные» открытки) или репродукциями картин (собственно «художественные открытки») [2, с. 5; 3, с. 19].

Становление издания открыток в Российской Империи, как и повсеместно, в Европе началось именно с художественных открыток, в современном понимании этого термина. Первым издательством в России, которое начало массово издавать художественные открытки, иллюстрированные репродукциями картин русских художников и рисунками созданными специально для почтового бланка стала Община Св. Евгении (Комитет попечительства о сестрах милосердия Красного Креста г. Санкт-Петербурга), выпускавшая почтовые карточки в благотворительных целях. Первая серия открытых писем из четырех выпусков была иллюстрирована акварелями Николая Николаевича Каразина, акварелями и увидела свет в 1898 году (по мнению неко-

торых исследователей серия была выпущена к Пасхе 1897 года) [3, с. 54; 6, с. 8]. Позже Община станет общероссийским лидером в издании художественных открытых писем. На ее почтовых бланках тиражируются картины В. М. Васнецова, Е. И. Репина, Н. С. Самокиша, С. С. Соломко, В. Е. Маковского, К. Е. Маковского; авторские открытки для Общины создают Е. М. Бем и Ф. Г. Беренштам [3, с. 55].

Крымская тематика в художественных открытках так же стала предметом издательского интереса Общины Святой Евгении. Между 1901 и 1902 годом свет увидела почтовая карточка, иллюстрированная акварелью Льва Феликсовича Лагорио «Ласточкино гнездо», напечатанная в литографии Алексея Алексеевича Ильина (картографическое заведение А. А. Ильина) [7; 8, с. 234, 259; 9, с. 27]. После 1904 года в той же литографии был выпущен потовый бланк, иллюстрированный акварельным видом 1903 года дачи Адальберга Карловича Тобина кисти Льва Феликсовича [10].

В одно время с общероссийским изданием Общины, начинает печатать художественные открытки владельца книжного магазина в Ялте – Ю. В. Волкова. В сотрудничестве с литографией «E. Nister» в Нюрнберге и издательством «Roma-Danesi inc.», она тиражирует на открытках акварели крымского художника Анастасия Николаевича Тахчи [11–16]. В это же время, выпуском тонированных открыток по работам Анастасия Николаевича занимался другой ялтинский издатель – фотограф И. Семенов [16; 17].

После 1904 года изданием крымских художественных открыток начинают заниматься общероссийские так и региональные типографии, фотоателье, полиграфические предприятия, но лидерство на крымском рынке продолжает удерживать Община Святой Евгении. На уровень её издательских мощностей после 1904 года вышла петербургская фирма «Ришар» (Richard) [18–25].

В 1916 году Любанское общество попечения о бедных начинает выпуск художественных почтовых карточек, посвященных Крыму [26, с. 17]. За двухлетний период до Октябрьского переворота по его заказу выходит серия открыток посвященных Крыму в типографии товарищества Р. Голике и А. Вильборг, типографии «Современное искусство» и фотоцинкографии А. С. Суворина «Новое время», товариществе Р. Голике и А. Вильборга [27–29].

Внимание остальных издателей к выпуску крымских художественных открыток было намного меньшим. Лидером по выпуску фотооткрыток – акционерным обществом «Гранбрег», было напечатано несколько художественных бланков [30; 31].

Среди всего многообразия корпуса художественных открыток, посвященных Крыму, акварели и графика, запечатлевшие памятники истории, градостроительства, архитектуры и занимают значительную часть. Разнообразие сюжетов таких почтовых бланков, если учитывать соотношение оригинальных видов к общему объему выпусков, выше, нежели в корпусе документальных почтовых карточек. Причина этого, в том, что фотографии заказывались и создавались с целью тиражирования, а рыночные условия спроса на популярные виды, вынуждали фотографов и издателей сосредотачивать внимание на таких сюжетах [32, с. 115]. Иллюстрированная сторона художественной открытки часто представляла собой копию самостоятельного произведения, авторство которого становилось лучшим стимулом для покупки карточки.

Из памятников Юго-Восточного Крыма черпали вдохновение ученики Архипа Ивановича Куинджи, посещавшие вместе с ним Крым: Николай Петрович Химона, Григорий Одиссеевич Калмыков и Виктор Иванович Зарубин. Среди акварелей Н. П. Химоны (Химони), тиражированных на открытках, мы находим посвященные генуэзским укреплениям в Судак [33–34]. На первой из них изображена «Георгиевская» башня и часть консульского замка (конец XIV века), на второй – башня Лукини де Флиско Лавани (1409 год). К сожалению, точно датировать время написания картин не представляется возможным, в связи с малой освещенностью крымского периода жизни художника, но можно предположить, что они написаны в период с 1900 года до 1914. Нижняя граница связана с началом преподавательской деятельности Н. П. Химоны в художественной школе при Императорском обществе поощрения художеств, которое имело тесные связи с общиной Святой Евгении, а верхняя – с введением всеобщей цензуры и размещением цензорского разрешения после 1914 года, связанным с началом Первой Мировой войны [35, с. 130; 36, с. 27–28].

Кисти харьковского художника Виктора Ивановича Зарубина принадлежит серия из трех акварелей, изданная на открытках по заказу Общины Святой Евгении в литографии А. Ильина (Санкт-Петербург) [37–39]. Издательством была аннотирована как вид монастыря Св. Георгия в окрестностях Феодосии только одна из них [37]. Вместе с тем, сравнительный анализ плана монастыря Сурб-Хач вблизи города Старый Крым и иллюстрированной стороны почтовых бланков показывает высокую степень сходства, как с общим архитектурным обликом, так и взаимным расположением элементов застройки [37–39; 40, с. 21]. Неаннотированная открытка серии была опубликована Ростиславом Степановичем Лихотвориком как вид армянского монастыря Сурб-Хач [37; 41, с. 128].

Наиболее вероятный период создания картин с 1896 по 1914 год. В 1896 году Виктор Иванович Зарубин поступает учеником к А. И. Куинджи, благодаря которому имеет возможность осуществлять поездки в Крым, которые организовывал Архип Иванович. Датировать картины не позже 1914 года позволяет отсутствие на почтовых бланках цензорского разрешения.

Наследие другого крымского художника, так же воспитанника Архипа Ивановича Куинджи – Григория Одиссеевича Калмыкова, тиражированное на иллюстрированной стороне открытых писем Санкт-Петербургского издательства «Ришар», представляет собой наиболее многочисленный корпус художественных открыток с видами юго-восточного Крыма [42, с. 27–29; 43–47]. Предметом наибольшей заинтересованности художника, выраженной в его работах, стал Судак и окрестности Феодосии (Отузы и Кара-Даг).

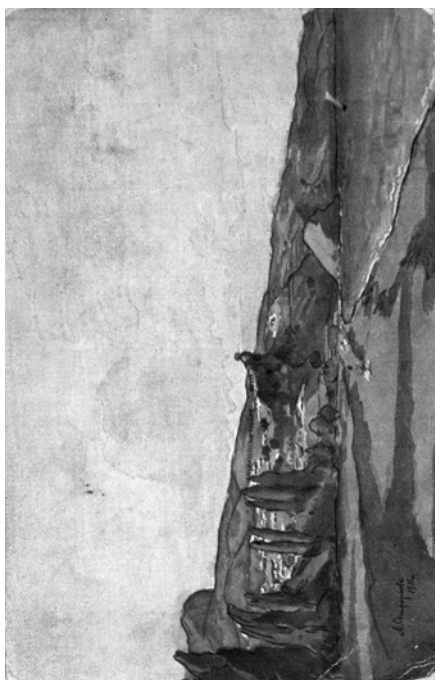
В судакских этюдах Григорий Одиссеевич запечатлел комплекс прибрежных дач города, в том числе дачу композитора И. И. Рачинского [43; 46]. На работе рисованной в Отузах (Щебетовка), художник сохранил облик постройки, которую, с большой долей вероятности можно назвать первоначальным зданием биостанции Терентия Ивановича Вяземского, ставшей позже частью Карадагского природного заповедника [42].

Развалины Генуэзского замка в Крыму.

Этюд Н. П. Химона.

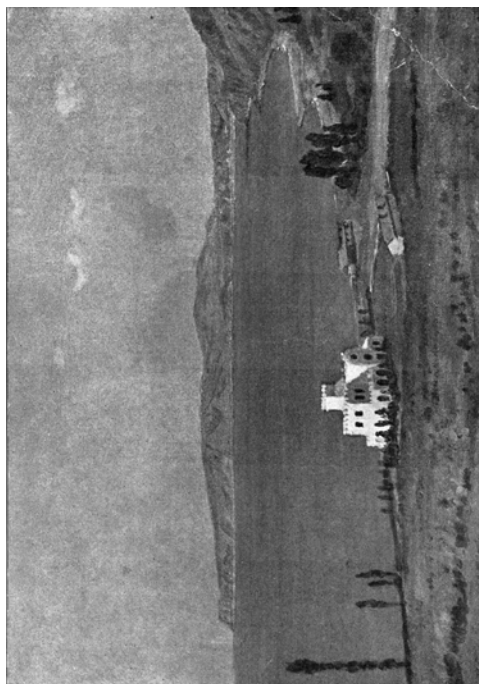
Развалины Генуэзских укреплений в Крыму : открытое письмо / худ. Н. П. Химона ; изд. Общ. Св. Евгении. – [СПб.] : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904]. – [илл. стор. по этюду Н. П. Химоны]

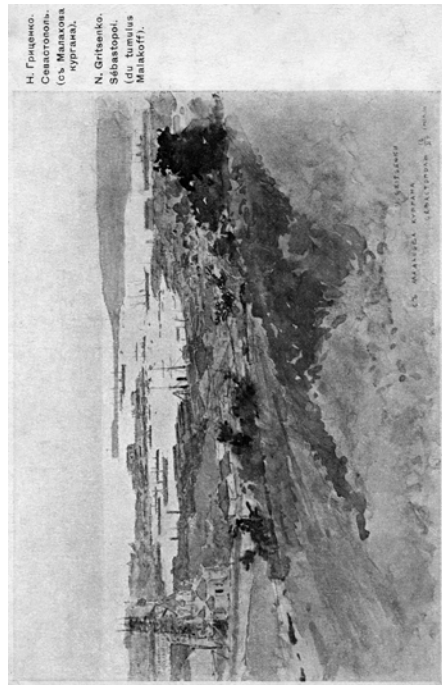
[№ 42–83] : Крым : деревня на месте старинного поселка «Партеноса» близ Гурзуфа : открытое письмо / худ. А. Остроумова ; изд. Общины Св. Евгении. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [1911–1912]

[№ 133] : [Ласточкино гнездо] : открытое письмо / [худ. Л. Ф. Лагорио] ; изд. Общины Святой Евгении. – [СПб.] : [литотрафия А. А. Ильина], [1901–1902]. – [по акварели Л. Ф. Лагорио «Ласточкино гнездо», 1901 г.]

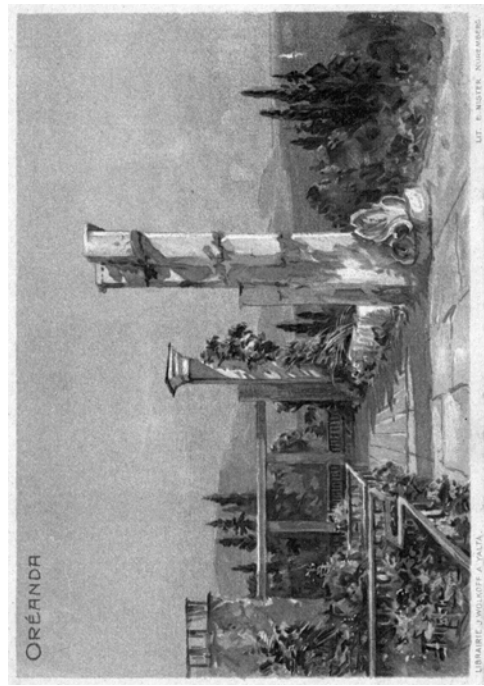

[№ 1203] : Крым : Огузы и мыс Меганом : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – Петроград. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», 1916. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках]

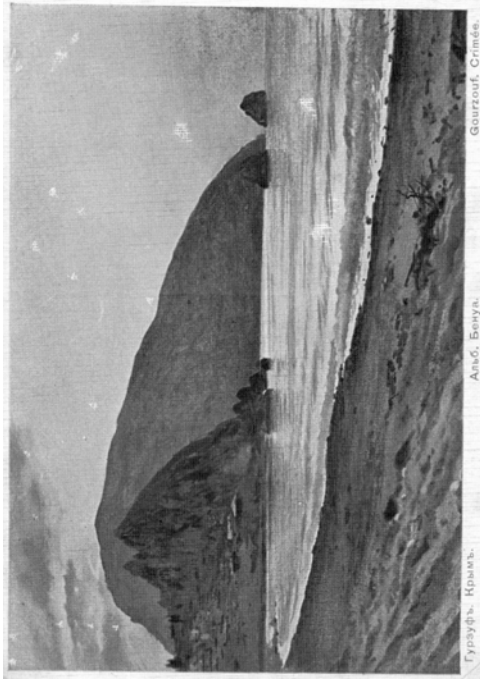

Н. Гриценко.
Севастополь.
(с Малахова
кургана).
N. Griekenko.
Sevastopol.
(du tumulus
Malakoff).

Севастополь (с Малахового кургана) : открытое письмо / худ. Н. Н. Гриценко ; изд. Общины Святой Евгении. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904]. – [аннот. ил. стор на рус. и фр. языках]

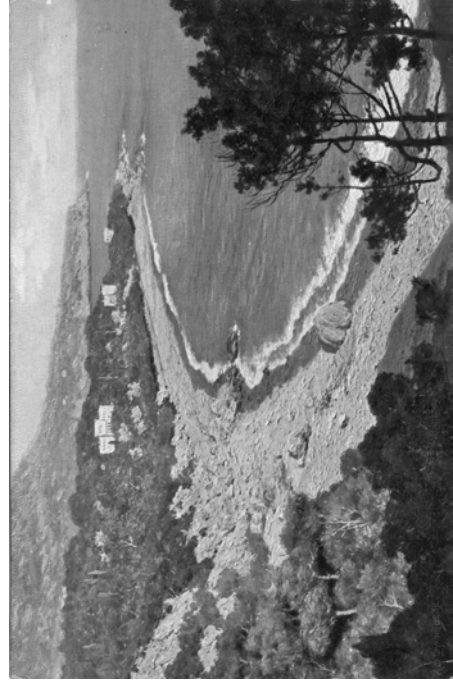

Oreanda [Ореанда] : открытое письмо / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904] . – [по акварели А. Н. Тахчи]

Гурзуф. Крым. Альб. Бенуа. Gourzouf Grineé.

Крым : Гурзуф : открытое письмо / худ. Альб. Н. Бенуа ; изд. Общины Святой Евгении. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904]. – [аннот. ил. стор на рус. и фр. языках]

[№ 979] : берет у Симеиза : открытое письмо / худ. Ф. И. Шульце ; изд. «Ришар».. – [Б.м.], [после 1912]. – [аннот. об. стор на рус. и фр. языках]

Благодаря сквозной нумерации почтовых бланков фирмы «Ришар», мы можем предположить, что более раннее издание открыток по картинам Г. О. Калымкова была напечатана незадолго до серии, датируемой по цензорскому разрешению 1916 года [44–46; 42–43]. Этот факт позволяет отнести издание почтовых карточек к 1914–1916 гг.

Картины известного мариниста и почетного жителя города Феодосия – Ивана Константиновича Айвазовского неоднократно издавались на открытках отечественных и зарубежных издательств: «Ришар», «Ернст и Сванстрем», «Акционерное общество Гранберга», несколько выпусков были сделаны товариществом «Р. Голике и А. Вильбог» по заказу Музея Русского Императора Александра III [48–52]. Несмотря на то, что все творчество Ивана Константиновича, было, посвящено морю, часть сюжетов его картин становились также порты и набережные городов, среди которых и прибрежная застройка Гурзуфа [49; 51].

Открытка, выпущенная стокгольмским издательством «Акционерное общество Гранберга», иллюстрирована картиной И. К. Айвазовского «Гурзуф ночью», написанной в 1849 году. На картине, и, как следствие на почтовом бланке запечатлена часть побережья у скалы Дженовез-Кая, на правом берегу реки Авунда. Иллюстрированная часть открытки высветлена, по сравнению с оригиналом, что позволяет рассмотреть на ней остатки укрепления «Горзувиты» и старую часть поселка, с сохранившейся застройкой конца XVII века.

Виды Гурзуфа начала XX века, запечатленные в акварелях Альберта Николаевича Бенуа, Анастаса Николаевича Тахчи и Филиппа Филипповича Клименко, был выпущен на почтовых бланках Общиной Святой Евгении, ялтинским издателем В. Ю. Волковой и акционерным обществом «Гранберг» [53–55]. Нужно отметить, что на известных нам художественных открытках, а тиражированы картины, на которых художники, вслед за И. К. Айвазовским изобразили видовое раскрытие восточной части гурзуфской бухты. Открытка с акварелью А. Н. Тахчи была издана Ю. В. Волковой в серии до 1904 года, и ее можно считать самым ранним тиражированным художественным видом Гурзуфа [54]. Почтовые бланки, иллюстрированные картинами Альберта Бенуа и Филиппа Клименко можно отнести к периоду с 1904 по 1914, и к времени после 1909 соответственно [53; 55].

Исторической застройке, Партенита, Севастополя и Симеиза начала XX века, свои работы посвятили, Анна Петровна Остроумова-Лебедева, Николай Николаевич Гриценко и Федор Иванович Шульце. Редкий вид Партенита под названием «Вид на Кале-Поти» был написан А. П. Остроумовой-Лебедевой в 1911 году. Не позднее чем через год, он был тиражирован на почтовой карточке в типографии «товарищества Р. Голике и А. Вильборга» для Общины Св. Евгении [56]. Виды Партенита начала XX века на почтовых бланках представляют собой большую редкость как в корпусе художественных открыток та и документальных. Анна Петровна изобразила мыс Кучук-Ламбат, на котором в 1907 году был построен дворец княгини Анастасии Давидовны Гагариной, но, к сожалению, малая детализация ландшафта и выбор ракурса не позволили запечатлеть памятник [57, с. 20]. Вместе с тем, художница запечатлела часть старой застройки поселка у подножия мыса.

По картинам Николая Николаевича Гриценко – автора многочисленных видов приморских городов Российской Империи, не ранее 1904 года Общиной Св. Евгении и крымским издателем З. В. Несветайловым из Ялты были выпущены открытки [58–59]. Запечатленный на одной из акварелей процесс строительства Покровского собора на ул. Большой Морской в его завершающей стадии позволяет датировать собственно работы художника периодом в первые пять лет XX века [58; 60, с. 228]. Почтовый бланк, выпущенный З. В. Несветайловым, иллюстрирован акварелью с видом Графской пристани и Лазаревских казарм [59].

Общий вид побережья Симеиза и пансиона Николая Константиновича Александрова-Дольник был написан выдающимся русским живописцем, пейзажистом Иваном Федоровичем Шультце в 1912 году [61, с. 125]. Несколько позднее петербургской фирмой «Ришар» была издана открытка, иллюстрированная этой картиной [62]. Точкой видового раскрытия художник выбрал отвесный склон побережья возле скалы Диво, благодаря чему создал панорамную акварель побережья и прилегающей к ней парковой частью имения Ивана Сергеевича Мальцова.

Историческая застройка столицы Крымского Ханства – Бахчисарая, была запечатлена на дипломной картине Гавриила Павловича Кондратенко «Ночь в Бахчисарае», за которую он получил звание «художник II степени» и малую золотую медаль по окончании Академии художеств в 1882 году. Спустя три десятилетия, по заказу Музея Русского Императора Александра III, акционерным обществом Гранберг была напечатана открытка иллюстрированная этой картиной [63]. Карточка аннотирована авторским названием полотна, что в корпусе таких выпусков – редкость. Центральным объектом творчества Гавриила Павловича начала XX века стал дворцово-парковый ансамбль М. С. Воронцова в Алушке. Виды дворца художник писал с начала XX века, и они составили значительную часть его наследия. Любанским обществом попечения о бедных было выпущено на открытках несколько его работ с видами часовой башни и арки внутреннего двора [27–29].

Другой дворцово-парковый ансамбль – имение «Ореанда» к началу XX века понес значительные потери – в результате пожара в 1881 году сгорел дворец Александры Федоровны, построенный по проекту А. И. Штакеншнейдера. Но, учитывая значительное количество художественных и документальных открыток с видами Ореанды, парк, руины дворца, беседка-полуротонда пользовались большой популярностью. Свои картины, позже тиражированные на открытках Ю. В. Волоковой и Общины Св. Евгении, им посвятили А. П. Остроумова-Лебедева и А. Н. Тахчи [11; 64–66].

Значительный корпус крымских художественных открыток, сохранившийся до нашего времени в собраниях музеев, библиотек и частных коллекциях, формировался в «золотой век открытки» начала XX столетия. Для своего времени художественная открытка была не только видом корреспонденции, но и средством популяризации произведений живописи. Так, издание почтовых бланков Общиной Святой Евгении, иллюстрированных картинами художников второй половины XIX – начала XX века – было благотворительным проектом объединения «Мир искусства». Изданные на высоком полиграфическом уровне, почтовые карточки Общины, стали общедоступной экспозицией русской живописи в миниатюре. Вместе с тем, учиты-

вался общественный спрос на виды отдельных местностей, городов, объектов [67]. Эти факторы, были учтены всеми издателями и стали основой для формирования качественного и многочисленного корпуса художественных открыток. Авторами видов для изданий крымских сюжетов, были выбраны художники, картин которых входили в число лидеров по количеству переизданий [67, с. 147].

Низкий уровень участия местных – крымских издателей на рынке художественных почтовых бланков объясняется ограниченностью материальных возможностей и удаленностью от крупных культурных центров. Поэтом лидерами в этом секторе издательского дела были Община Святой Евгении, «Ришар», Любанское общество попечения о бедных. Единственным серийным выпуском художественных открыток в Крыму были карточки, сделанные по заказу В. Ю. Волковой, иллюстрированные картинами А. Н. Тахчи. Бланки этой серии, выпущенные после 1904 года неизвестны, что объясняется неспособностью местного издателя конкурировать с общероссийскими.

Использование досоветских художественных открыток, как информативного источника в изучении и сохранение культурного наследия, возможно только с учетом всей специфичности корпуса этих документов. Для исторического источниковедения фотооткрытки и художественные бланки считаются в равной степени достоверными источниками [32, с. 113]. В памятниковедческих исследованиях, которые являются комплексными и включают в себя изыскания по истории, архитектуре, инженерии зданий и сооружений, наибольшую ценность представляют документы, испытавшие наименьшую степень вмешательства автора.

Возможности использования художественных открыток для изучения культурного наследия заключаются в более узком, выборочном охвате сюжетов для их иллюстрации, часто не отраженных в фотографиях. Географически можно локализовать сюжеты Юго-Восточным побережьем, Южным берегом Крыма и городом Севастополем. Такая локализация соответствует не только расположению крупнейших на полуострове издательств, но и центров культурной жизни.

В отличие черно-белой автотипии, с помощью которой печаталась значительная часть фотооткрыток, для изготовления художественных бланков использовался способ трехцветной автотипии, максимально передававший цвета, что расширяет возможность использования последних. Так, методологическое направление в визуальной социологии выделяет многоцветные открытки, как способ фиксации социальной реальности – среды в которой памятник функционировал как объект старины, или сооружение с утилитарными функциями [67, с. 68].

Вместе с тем, многоцветность художественной открытки ставит исследователя в зависимость не только от технических возможностей начала XX века, но и личного восприятия цвета каждым художником, освещения при котором писалась картина. Существенные цветовые трансформации, имеющие место на большинстве фотооткрыток начала XX века, наиболее всего нашли выражения в художественных бланках, объясняются тем, что цвет здесь использовался для создания композиции – особой совокупности цветовых пятен (на плоскости, объемной форме или в пространстве), организованных по какой-либо закономерности и рассчитанных на эстетическое впечатление. Два или несколько цветов располагались рядом таким обра-

зом, чтобы их сочетание было предельно выразительным [68, с. 90]. Эти две особенности цветофиксации и цветопередачи художественных открытых писем, требуют от исследователей обращения к письменным и документальным изобразительным источникам.

Корпус художественных открыток, в основу которых легли крымские сюжеты, представляет собой уникальное наследие начала XX века, не только по причине, заложенной в них информации, но, и в значительной мере, как продукт совместных усилий издателей и художников, сохранивших в массовых репродукциях значительный пласт малоизвестного наследия художественной культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Шабельская Н. Л. Новая отрасль художественной промышленности / Н. Л. Шабельская // Искусство и художественная промышленность. – 1899. – № 8. – С. 670–682.
Shabeljskaya N. L. Novaya otraslj khudozhestvennoy promishlennosti / N. L. Shabeljskaya // Iskusstvo i khudozhestvennaya promishlennostj. – 1899. – № 8. – S. 670–682.
2. Третьяков В. П. Поговорим о терминах / В. П. Третьяков // ЖУК. – 2009. – № 2/3(21/22). – С. 4–7.
Tretjyakov V. P. Pogovorim o terminakh / V. P. Tretjyakov // ZhUK. – 2009. – № 2/3(21/22). – S. 4–7.
3. Нащокина М. Художественная открытка русского модерна / М. Нащокина; НИИ теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук. – М., 2004. – 471 с.
Nathokina M. Khudozhestvennaya otkrihtka russkogo moderna / M. Nathokina; NII teorii arkhitekturih i gradostroitelstva Rossijskoy akademii arkhitekturih i stroitel'nykh nauk. – M. 2004. – 471 s.
4. Ялта : Ай-Тодор : открытое письмо. – [Б. м.], 1895.
Yalta : Ayj-Todor : otkryhtoe pisjmo. – [B. m.], 1895.
5. Филиппов В. Л. О первых открытках Ялты и Южного берега Крыма / В. Л. Филиппов // Филокартия. – 2013. – № 2(32). – С. 2.
Filippov V. L. O pervykh otkrihtkakh Yaltih i Yuzhnogo berega Krihma / V. L. Filipov // Filokartiya. – 2013. – № 2(32). – S. 2.
6. Конякина Т. Ю. Художественная открытка конца XIX – начала XX вв. / Т. Ю. Конякина, М. В. Агафонова // Из истории музейных коллекций. – 2003. – Вып. 1. – С. 5–12.
Konyakina T. Yu. Khudozhestvennaya otkrihtka konca XIX – nachala XX vv. / T. Yu. Konyakina, M. V. Agafonova // Iz istorii muzeynykh kollekcij. – 2003. – Vihp. 1. – S. 5–12.
7. [№ 133] : [Ласточкино гнездо] : открытое письмо / [худ. Л. Ф. Лагорио] ; изд. Общины Святой Евгении. – [СПб.] : [литография А. А. Ильина], [1901–1902]. – [по акварели Л. Ф. Лагорио «Ласточкино гнездо», 1901 г].
[№ 133] : [Lastochkino gnezdo] : otkryhtoe pisjmo / [khud. L. F. Lagorio] ; izd. Obthinih Svyatoyj Evgenii. – [SPb.] : [litografiya A. A. Iljina], [1901–1902]. – [po akvareli L. F. Lagorio «Lastochkino gnezdo», 1901 g.]
8. Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград : энциклопедический справочник / ред. кол. : Л. Н. Белова, Г. Н. Булдаков., А. Я. Дегтярев и др. – М. : науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1992. – 687 с.
Sankt-Peterburg, Petrograd, Leningrad : ehnciklopedicheskiy spravochnik / red. kol. : L. N Belova, G. N. Buldakov., A. Ya. Degtyarev i dr. – M. : nauch. izd-vo «Boljshaya Rossijskaya Ehnciklopediya», 1992. – 687 s.
9. Шестимиров А. Поэзия крымских пейзажей Льва Лагорио / А. Шестимиров // Антикварное обозрение. – 2005. – № 1. – С. 22–27.
Shestimirov A. Poehziya krihmskikh peyjazheyj Ljva Lagorio / A. Shestimirov // Antikvarnoe obozrenie. – 2005. – № 1. – S. 22–27.
10. [Ласточкино гнездо] : открытое письмо / [худ. Л. Ф. Лагорио] ; изд. Общины Святой Евгении. – [СПб.] : [литография А. А. Ильина], [после 1904]. – [по акварели Л. Ф. Лагорио «Ласточкино гнездо», 1903 г].

- [Lastochkino gnezdo] : otkryhtoe pisjmo / [khud. L. F. Lagorio] ; izd. Obthinih Svyatoyj Evgenii. – [SPb.] : [litografiya A. A. Iljina], [posle 1904]. – [po akvareli L. F. Lagorio «Lastochkino gnezdo», 1901 g.]
11. Oreanda [Ореанда] : otkryhtoe pisjmo / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- Oreanda [Oreanda] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoyj. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
12. Crimee [Крым] : otkryhtoe pisjmo / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- Crimee [Krihm] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoyj. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
13. Alupka [Алупка] : otkryhtoe pisjmo / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- Alupka [Alupka] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoyj. – Nuremberg : lit. E. Nister, [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
14. [Погрудный портрет крымского татарина] : otkryhtoe pisjmo / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – [Б. м.] : «Roma-Danesi inc.», [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- [Pogrudniyj portret krihmskogo tatarina] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoyj. – [Б. м.] : «Roma-Danesi inc.», [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
15. [Погрудный портрет крымской татарки] : otkryhtoe pisjmo / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – [Б. м.] : «Roma-Danesi inc.», [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- [Pogrudniyj portret krihmskoj tatariki] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoyj. – [Б. м.] : «Roma-Danesi inc.», [до 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
16. Мусбахова В. Спиридис О. Художник Анастасий Тахчи / В. Мусбахова, О Спиридис // Филокартия. – 2007 – № 4(6). – С. 22–23.
- Musbakhova V. Spiridis O. Khudozhnik Anastasiy Takhchi / V. Musbakhova, O Spiridis // Filokartiya. – 2007 – № 4(6). – S. 22–23.
17. [Арба. Байдары] : otkryhtoe pisjmo / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. И. Семенова. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [до 1904]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- [Arba. Baydarih] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. I. Semenova. – Stokgoljm : акц. о-во «Granberg», [до 1904]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
18. [№ 957] : Черное море : otkryhtoe pisjmo / худ. А. А. Киселев ; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 957] : Chernoe more : otkryhtoe pisjmo / khud. A. A. Kiselev ; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
19. [№ 155] : Ласточкино гнездо : otkryhtoe pisjmo / худ. Л. Ф. Лагорио ; изд. «Ришар». – [Б. м.], [после 1904].
- [№ 155] : Lastochkino gnezdo : otkryhtoe pisjmo / khud. L. F. Lagorio ; izd. «Rishar». – [Б. м.], [posle 1904].
20. [№ 1180] : Ужин рыбаков : otkryhtoe pisjmo / худ. Г. О. Калмыков ; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 1180] : Uzhin rybakov : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov ; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
21. [№ 1179] : Утес Фиолент в лунную ночь : otkryhtoe pisjmo / худ. Г. О. Калмыков ; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 1179] : Utes Fiolent v lunnuyu nochj : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov ; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
22. [№ 856] : Императорская яхта «Штандарт» в открытом море : otkryhtoe pisjmo / худ. Г. О. Калмыков ; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 856] : Imperatorskaya yakhta «Shtandart» v otkrihtom more : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov ; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
23. [№ 560] : Лунная ночь у берегов Крыма : otkryhtoe pisjmo / худ. Г. О. Калмыков ; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 560] : Lunnaya nochj u beregov Krihma : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov ; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].

24. [№ 722] : Утро после бури у крымских берегов : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 722] : Utro posle buri u krihmskikh beregov : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
25. [№ 389] : Южная ночь : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 389] : Yuzhnaya nochj : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
26. Толмачев А. Л. Век Любани : альбом открыток / А. Л. Толмачев, П. Д. Цуканов ; Санкт-Петербургский фонд культуры. – СПб. : Лига-Плюс, 2001. – 175 с. (Серия : Русская открытка : вып. 1.)
- Tolmachev A. L. Vek Lyubani : aljbom otkrihtok / A. L. Tolmachev, P. D. Cukanov ; Sankt-Peterburgskiy fond kul'turii. – SPb. : Liga-Plyus, 2001. – 175 s. (Seriya : Russkaya otkrihtka : vihp. 1.)
27. [серия 7] : [№ 69] : Алупка : открытое письмо / худ. Г. П. Кондратенко : изд. Любанское общество попечения о бедных. – [Б.м.] : Современное искусство, 1916.
- [seriya 7] : [№ 69] : Alupka : otkryhtoe pisjmo / khud. G. P. Kondratenko : izd. Lyubanskoe obthestvo popedeniya o bednihkh. – [B.m.] : Sovremennoe iskusstvo, 1916.
28. Весна в Крыму : открытое письмо / худ. Н. Н. Беккер : изд. Любанское общество попечения о бедных. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», 1916.
- Vesna v Krihmu : otkryhtoe pisjmo / khud. N. N. Bekker : izd. Lyubanskoe obthestvo popedeniya o bednihkh. – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», 1916.
29. [серия 16] : [№ 189] : Алупка : утро : открытое письмо / худ. Г. П. Кондратенко : изд. Любанское общество попечения о бедных. – [Б.м.] : фотоцинкография т-ва А. С. Суворина «Новое время», [после 1904].
- [seriya 16] : [№ 189] : Alupka : utro : otkryhtoe pisjmo / khud. G. P. Kondratenko : izd. Lyubanskoe obthestvo popedeniya o bednihkh. – [B.m.] : fotocinkografiya t-va A. S. Suvorina «Novoe vremya», [posle 1904].
30. [№ 543] : [ночь в Крыму] : открытое письмо / худ. Ф. Клименко ; изд. «Granbergs brefkort». – Стокгольм : [акц. о-во «Гранберг»], 1914.
- [№ 543] : [nochj v Krihmu] : otkryhtoe pisjmo / khud. F. Klimenko ; izd. «Granbergs brefkort». – Stokgoljm : [akc. o-vo «Granberg»], 1914.
31. [№ 9358] : Крым : Гурзуф : открытое письмо / худ. Ф. Клименко ; изд. «Granbergs brefkort». – Стокгольм : [акц. о-во «Гранберг»], [после 1909].
- [№ 9358] : Krihm : Gurzuf : otkryhtoe pisjmo / khud. F. Klimenko ; izd. «Granbergs brefkort». – Stokgoljm : [akc. o-vo «Granberg»], [posle 1909].
32. Ларина А. Почтовая открытка в руках историка / А. Ларина // Историк и художник. – 2004. – № 2. – С. 109–121.
- Larina A. Pochtovaya otkrihtka v rukakh istorika / A. Larina // Istorik i khudozhnik. – 2004. – № 2. – S. 109–121.
33. Развалины Генуэзских укреплений в Крыму : открытое письмо / худ. Н. П. Химона ; изд. Общ. Св. Евгении. – [СПб] : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904]. – [илл. стор. по этюду Н. П. Химоны].
- Razvalinih Genuehzhskikh ukreplenyj v Krihmu : otkryhtoe pisjmo / khud. N. P. Khimona ; izd. Obth. Sv. Evgenii. – [SPb] : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904]. – [ill. stor. po ehtyudu N. P. Khimonih].
34. Развалины генуэзского замка в Крыму : открытое письмо / худ. Н. П. Химона ; изд. Общ. Св. Евгении. – [СПб] : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904]. – [илл. стор. по этюду Н. П. Химоны].
- Razvalinih genuehzhskogo zamka v Krihmu : otkryhtoe pisjmo / khud. N. P. Khimona ; izd. Obth. Sv. Evgenii. – [SPb] : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904]. – [ill. stor. po ehtyudu N. P. Khimonih].
35. Василькиотти Т. Судьба крымского художника Николая Петровича Химоны (1864–1929) / Т. Василькиотти, И. Жалнина-Василькиотти // Крым : историко-краеведческий альманах. – М. : АНО ИЦ «Москвоведение», 2004. – 288 с.
- Vasiljkiotti T. Sudjba krihmskogo khudozhnika Nikolaya Petrovicha Khimonih (1864–1929) / T. Vasiljkiotti, I. Zhalnina-Vasiljkiotti // Krihm : istoriko-kraevedcheskiy aljmanakh. – M. : ANO IC «Moskvovedenie», 2004. – 288 s.

36. Салтык Г. А. Первая мировая война : к истории военной цензуры / Г. А. Салтык, А. А. Строева // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – №3(10). – Т. 1. [Режим доступа] : <http://www.august-1914.ru/saltyk.html>. [Проверено 29. 09. 2013].
- Saltihk G.A. Pervaya mirovaya voyjna : k istorii voennoy cenzurii / G. A. Saltihk, A. A. Stroeve // Ucheniye zapiski : ehlektronniy nauchniy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – №3(10). – Т. 1. [Rezhim dostupa] : <http://www.august-1914.ru/saltyk.html>. [Provereno 29. 09. 2013].
37. Монастырь Св. Георгия близ Феодосии [ошибка], [монастырь Сурб-Хач] : открытое письмо / худ. В. И. Зарубин; изд. Общ. Св. Евгении. – [СПб.] : лит. А. Ильина [после 1904]. – [илл. стор. по картине В. И. Зарубина].
- Monastirj Sv. Georgiya bliz Feodosii [oshibka], [monastirj Surb-Khach] : otkrytoe pis'mo / khud. V. I. Zarubin; izd. Obsh. Sv. Evgenii. – [SPb.] : lit. A. Il'ina [posle 1904]. – [ill. stor. po kartine V. I. Zarubina].
38. [Монастырь Сурб-Хач : кельи] : открытое письмо / худ. В. И. Зарубин; изд. Общ. Св. Евгении. – [СПб.] : лит. А. Ильина [после 1904]. – [илл. стор. по картине В. И. Зарубина].
- [Monastirj Surb-Khach : kelji] : otkrytoe pis'mo / khud. V. I. Zarubin; izd. Obsh. Sv. Evgenii. – [SPb.] : lit. A. Il'ina [posle 1904]. – [ill. stor. po kartine V. I. Zarubina].
39. [Монастырь Сурб-Хач : кельи и храм Сурб-Ншан] : открытое письмо / худ. В. И. Зарубин; изд. Общ. Св. Евгении. – [СПб.] : лит. А. Ильина [после 1904]. – [илл. стор. по картине В. И. Зарубина].
- [Monastirj Surb-Khach : kelji i khram Surb-Nshan] : otkrytoe pis'mo / khud. V. I. Zarubin; izd. Obsh. Sv. Evgenii. – [SPb.] : lit. A. Il'ina [posle 1904]. – [ill. stor. po kartine V. I. Zarubina].
40. Крикун Е. Архитектурные памятники Крыма / Е. Крикун ; ред. О. И. Домбровский. – Симферополь : Таврия, 1977. – 56 с.
- Krikun E. Arkhitekturniye pamyatniki Krihma / E. Krikun ; red. O. I. Dombrovskiy. – Simferopolj : Tavriya, 1977. – 56 s.
41. Лихотворик Р. С. Путешествие со старой открыткой : Феодосия, Старый Крым, Коттебель, Отузы, Кизилташ, Судак, Карасубазар на рубеже XIX–XX столетий / Р. С. Лихотворик. – Феодосия : Арт Лайф, 2007. – 172 с.
- Likhotvorik R. S. Puteshestvie so staroy otkrytkoy : Feodosiya, Stariy Krim, Kotebelj, Otuzih, Kiziltash, Sudak, Karasubazar na rubezhe XIX–XX stoletiy / R. S. Likhotvorik. – Feodosiya : Art Layf, 2007. – 172 s.
42. Купченко В. Киммерийские этюды: события, люди, памятники / В. Купченко. – Феодосия : изд. дом «Коктебель», 1998. – 175 с.
- Kupchenko V. Kimmerijskie ehtyudih : sobihtiya, lyudi, pamyatniki / V. Kupchenko. – Feodosiya : izd. dom «Koktebelj», 1998. – 175 s.
43. [№ 1203] : Крым : Отузы и мыс Меганом : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – Пг. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1916. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].
- [№ 1203] : Krim : Otuzih i mihz Meganom : otkrytoe pis'mo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – Pg. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, 1916. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
44. [№ 1202] : Крым : утес Кыз-Кайя в Судак : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – Пг. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1916. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].
- [№ 1202] : Krim : utes Kihz-Kayya v Sudake : otkrytoe pis'mo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – Pg. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, 1916. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
45. [№ 1184] : Крым : Судак : имение Е. И. В. Государя Императора : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – Пг. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, [после 1904]. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].
- [№ 1184] : Krim : Sudak : imenie E. I. V. Gosudarya Imperatora : otkrytoe pis'mo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – Pg. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, [posle 1904]. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
46. [№ 1185] : Крым : «Судакская бухта» : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – Пг. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, [после 1904]. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].
- [№ 1185] : Krim : «Sudakskaya bukhta» : otkrytoe pis'mo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – Pg. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, [posle 1904]. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
47. [№ 1183] : Крым : Судак : гора Св. Георгия : открытое письмо / худ. Г. О. Калмыков; изд. «Ришар». – Пг. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, [после 1904]. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].

- [№ 1183] : Krim : Sudak : gora Sv. Georgiya : otkryhtoe pisjmo / khud. G. O. Kalmihkov; izd. «Rishar». – Pg. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, [posle 1904]. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
48. Вид г. Одессы : открытое письмо / худ. И. К. Айвазовский ; изд. «Ришар». – СПб. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, [после 1904].
- Vid g. Odessih : otkryhtoe pisjmo / khud. I. K. Ayjvazovskiij ; izd. «Rishar». – SPb. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, [posle 1904].
49. [№ 49] : волнение : [порт Константинополя] : открытое письмо / худ. И. К. Айвазовский ; E. G. S[vanstrem]. – S[tockholm], [после 1904].
- [№ 49] : volnenie : [port Konstantinopolya] : otkryhtoe pisjmo / khud. I. K. Ayjvazovskiij ; E. G. S[vanstrem]. – S[tockholm], [после 1904].
50. [№ 50] : волнение : открытое письмо / худ. И. К. Айвазовский ; E. G. S[vanstrem]. – S[tockholm], [после 1904].
- [№ 50] : volnenie : otkryhtoe pisjmo / khud. I. K. Ayjvazovskiij ; E. G. S[vanstrem]. – S[tockholm], [после 1904].
51. [№ 235] : Гурзуф : открытое письмо / худ. И. К. Айвазовский. – Stockholm : Granbergs K. A., [после 1904].
- [№ 235] : Gurzuf : otkryhtoe pisjmo / khud. I. K. Ayjvazovskiij. – Stockholm : Granbergs K. A., [posle 1904].
52. [№ 100] : «Этюд облаков» : почтовая карточка / худ. И. К. Айвазовский ; Рус. муз. имп. Александра III. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904].
- [№ 100] : «Ehtyud oblakov» : pochtovaia kartochka / khud. I. K. Ayjvazovskiij ; Rus. muz. imp. Aleksandra III. – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904].
53. Крым : Гурзуф : открытое письмо / худ. Альб. Н. Бенуа ; изд. Общины Святой Евгении. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборг», [после 1904]. – [аннот. ил. стор на рус. и фр. языках].
- Krihm : Gurzuf : otkryhtoe pisjmo / khud. Aljb. N. Benua ; izd. Obthinih Svyatoyj Evgenii. – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborg», [posle 1904]. – [annot. il. stor na rus. i fr. yazihkakh]
54. [Крым] : [Гурзуф] : открытое письмо / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – Nuremberg : lit. E. Nister, [do 1904]]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
- [Krihm] : [Gurzuf] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoyj. – Nuremberg : lit. E. Nister, [do 1904]]. – [po akvareli A. N. Takhchi].
55. [№ 9358] : Крым : Гурзуф : почтовая карточка / худ. Ф. [Ф.] Клименко ; Granbergs brefkort. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1909].
- [№ 9358] : Krihm : Gurzuf : pochtovaia kartochka / khud. F. [F.] Klimenko ; Granbergs brefkort. – Stokgoljm : акс. о-во «Granberg», [posle 1909].
56. [№ 42–83] : Крым : деревня на месте старинного поселка «Партеноса» близ Гурзуфа : открытое письмо / худ. А. Остроумова ; изд. Общины Св. Евгении. – СПб. : «тов-во Р. Голике и А. Вильборга», [1911–1912].
- [№ 42–83] : Krihm : derevnya na meste starinnogo poselka «Partenosa» bliz Gurzufa : otkryhtoe pisjmo / khud. A. Ostroumova ; izd. Obthinih Sv. Evgenii. – SPb. : «tov-vo R. Golike i A. Viljborga», [1911–1912].
57. Горбатюк Т. Кучук-Ламбат – дворец Южнобережья / Т. Горбатюк // Творцы истории : спец. вып. крым. альм. «Личность». – № 26/27. – Симферополь : ОРК «Личность»–РГ «Вечерний Крым», 2007. – С. 5–21.
- Gorbatyuk T. Kuchuk-Lambat – dvorec Yuzhnberezhjya / T. Gorbatyuk // Tvorcih istorii : spec. vihp. krihm. aljm. «Lichnostj». – № 26/27. – Simferopolj : ORK «Lichnostj»–RG «Vechernijj Krihm», 2007. – S. 5–21.
58. Севастополь (с Малахового кургана) : открытое письмо / худ. Н. Н. Гриценко ; изд. Общины Святой Евгении. – СПб. : тов-во Р. Голике и А. Вильборг, [после 1904]. – [аннот. ил. стор на рус. и фр. языках].
- Sevastopolj (s Malakhovogo kurgana) : otkryhtoe pisjmo / khud. N. N. Gricenko ; izd. Obthinih Svyatoyj Evgenii. – SPb. : tov-vo R. Golike i A. Viljborg, [posle 1904]. – [annot. il. stor na rus. i fr. yazihkakh].
59. [№ 266] : Севастополь : Графская пристань : открытое письмо / худ. Н. Н. Гриценко ; изд. З. В. Несветайлова. – [М.] : [фототип. Карла Фишера], [после 1904]. – [№ 90594].
- [№ 266] : Sevastopolj : Grafskaya pristanj : otkryhtoe pisjmo / khud. N. N. Gricenko ; izd. Z. V. Nesvetajlova. – [M.]. : [fototip. Karla Fishera], [posle 1904]. – [№ 90594].

60. Терещук Н. М. Покровский собор // Севастополь : взгляд в прошлое : сб. науч. ст. / сост. В. В. Крестьянников – Севастополь, 2006. – С. 228–234.
Terethuk N. M. Pokrovskiy sobor // Sevastopolj : vzglyad v proshloe : sb. nauch. st. / sos. V. V. Krestjannikov – Sevastopolj, 2006. – S. 228–234.
61. Мальгин А. Русская Ривьера : курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи (конец XVIII – начало XX вв.) / А. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 325 с.
Maljgin A. Russkaya Rivjera : kurortih, turizm i odihkh v Krihmu v ehpokhu Imperii (konec XVIII – nachalo XX vv.) / A. Maljgin. – Simferopolj : SONAT, 2006. – 325 с.
62. [№ 979] : берег у Симеиза : открытое письмо / худ. Ф. И. Шульце ; изд. «Ришар».. – [Б. м.], [после 1912]. – [аннот. об. стор на рус. и фр. языках].
[№ 979] : bereg u Simeiza : otkryhtoe pisjmo / khud. F. I. Shuljtce ; izd. «Rishar».. – [B. m.], [posle 1912]. – [annot. ob. stor na rus. i fr. yazihkakh].
63. Ночь в Бахчисарае : [почтовая карточка] / худ. Г. П. Кондратенко ; Рус. музей имп. Александра III ; Granbergs brefkort. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1909]. – [аннот. ил. стор. на рус. и фр. языках]. – [по картине Г. П. Кондратенко «Ночь в Бахчисарае», 1882 год].
Nochj v Bakhchisarae : [pochtovaya kartochka] / khud. G. P. Kondratenko ; Rus. muz. imp. Aleksandra III ; Granbergs brefkort. – Stokgoljm : aks. o-vo «Granberg», [posle 1909]. – [annot. il. stor. na rus. i fr. yazihkakh]. – [po kartine G. P. Kondratenko «Nochj v Bakhchisarae», 1882 god].
64. [№ 49–13] : Крым : Ореанда : открытое письмо / худ. А. Остроумова ; изд. Общины Св. Евгении. – СПб. : «Современное искусство», [после 1904]. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].
[№ 49–13] : Krihm : Oreanda : otkryhtoe pisjmo / khud. A. Ostroumova ; izd. Obthinih Sv. Evgenii. – SPb. : «Sovremennoe iskusstvo», [posle 1904]. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
65. [№ 49–83] : Крым : Ореанда : [беседка-полуротонда] : открытое письмо / худ. А. Остроумова ; изд. Общины Св. Евгении. – СПб. : «Современное искусство», [после 1904]. – [аннот. об. стор. на рус. и фр. языках].
[№ 49–83] : Krihm : Oreanda : [besedka-polurojonda] : otkryhtoe pisjmo / khud. A. Ostroumova ; izd. Obthinih Sv. Evgenii. – SPb. : «Sovremennoe iskusstvo», [posle 1904]. – [annot. ob. stor. na rus. i fr. yazihkakh].
66. [Крым] : [Ореанда] : [беседка-полуротонда] : открытое письмо / [худ. А. Н. Тахчи] ; изд. Ю. В. Волковой. – [Б. м.] : «Roma-Danesi inc.», [до 1904]. – [по акварели А. Н. Тахчи].
[Krihm] : [Oreanda] : [besedka-polurotonda] : otkryhtoe pisjmo / [khud. A. N. Takhchi] ; izd. Yu. V. Volkovoj. – [B. m.] : «Roma-Danesi inc.», [do 1904]. – [po akvareli A. N. Takhchi].
67. Третьяков В. П. Возможности использования открыток для анализа некоторых явлений быденного сознания россиян с 1890 по 1917 гг. / В. П. Третьяков, А. А. Гутерман // КЛИО. – 2001. – № 2. – С. 144–149.
Tretjyakov V. P., Guterman A. A. Vozmozhnosti ispoljzovaniya otkrihtok dlya analiza nekotorigkh yavlenij obihdenного soznaniya rossiyan s 1890 po 1917 gg. / V. P. Tretjyakov, A. A. Guterman // KLIO. – 2001. – № 2. – S. 144–149.
68. Грибер Ю. А. Многоцветная открытка как источник изучения колористики города начала XX века / Ю. А. Грибер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствование : вопросы теории и практики. – 2011. – № 6 (12), ч. 3. – С. 68–72.
Giber Yu. A. Mnogocvetnaya otkrihtka kak istochnik izucheniya koloristiki goroda nachala XX veka / Yu. A. Giber // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kuljturologiya i iskusstvovedenie : voprosih teorii i praktiki. – 2011. – № 6 (12), ch. 3. – S. 68–72.
69. Иттен И. Искусство цвета / пер. с нем. и предисл. Л. Монаховой. – М. : Д. Аронов. – 2000. – 95 с.
Itten I. Iskusstvo cveta / per. s nem. i predisl. L. Monakhovoj. – M. : D. Aronov. – 2000. – 95 s.

Яшний Д. В. Культурна спадщина Криму на художніх дорадянських листівках (1895–1917) / Д. В. Яшний // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 178–192.

Стаття присвячена художнім поштовим листівкам, як джерелу у вивченні культурної спадщини Криму. Автор розглядає становлення й розвиток терміна «художня листівка» і його значення в сучас-

ній науці і філокартії. Аналіз листівок проведений на основі предметно - об'єктного поля пам'яткознавчих досліджень.

Піднімаються проблеми пов'язані із встановленням авторства дорадянських художніх поштових карток, часу створення сюжетів. Вводиться в науковий обіг малодосліджена група візуальних джерел з історії Криму.

Корпус художніх листівок, в основу яких лягли кримські сюжети, розглянутий як унікальна спадщина культури початку XX століття, в якому закладена інформація для виявлення, відомих елементів забудови – так званого «силуету міста». Біографії художників, які присвятили свої картини Криму, розглянуті в рамках атрибуції поштових карток.

Ключові слова: культурна спадщина, Крим, художні листівки.

Yashny D. Cultural heritage of Crimea on the pre-soviet art postcards (1895–1917) / D. Yashny // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 178–192.

Art postcards pre-Soviet period covered in this article as a source of study and restoration of cultural heritage.

In this article, the author analyzes the evolution of the term «art card» and its importance in modern science and deltiology.

The author presents the history of art postcards publications in the Russian Empire and the Crimea, highlights the major publishers and publishing.

Forms marked with scenes of the Crimean cultural heritage of the total art postcards. Much attention is given in the article biographies of artists whose pictures were published on postcards.

For each of the cards, which are used in this article, is set to produce a picture and publishing mailers.

The author analyzes the reasons for choosing particular species and ignoring others.

The methodology of research work with the cards to improve the protection of cultural heritage has been developed based on common historical research and theoretical studies of the monuments.

To use the source adequately, state data for developing landscape postcards in general and the role of each publisher and publisher in the formation of the Fund are listed; classification cards designed according to the research objectives. In the practical part of the paper, on the example of the historical development of cities and towns, famous places and specific disclosures shown the possibility of using art postcards for the study and reconstruction of the authenticity of complex man-made landscapes and their elements are considered.

Keywords: cultural heritage, Crimea, picture postcards.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

**MAIN STAGES OF THE HISTORY DOROS-THEODORO (MANGUP)
IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH EXPEDITION
TAURIDA VERNADSKY NATIONAL UNIVERSITY**

Gertsen A. G.

Taurida National V. I. Vernadsky University, Simferopol, Ukraine

The article outlines the main stages of the life of the largest settlements of the group of the «cave cities» of Crimea, Mangup, which reconstructed on the basis of known written sources and materials of excavations of the last decades of the archaeological expedition of TNU. Identify the steps of evolution of the evolution of settlement from the IV to the XVIII centuries; It has passed a way from the early Byzantine fortress, which was located on the territory of the allies of the Empire, Goths and Alans, to the provincial Byzantine city, the capital of Feodoro principality. It was captured by the Ottomans in 1475 after a half-year siege and three hundred years was a Turkish fortress, the administrative centre of kadylyk.

Key words: Byzantine Empire, Crimea, «Cave cities», Mangup, Feodoro.

The article reflects the main results of the archaeological research of the medieval fortress Mangup. These excavations were conducted during the last thirty years of the expedition of the Taurida National V. I. Vernadsky University (TNU). Mangup is one of the largest monuments of the group of the so-called «cave towns». Materials of excavations significantly complement the scanty news written sources. Strategy of archaeological research was built on sounding of various elements of the complex in order to obtain the most complete picture of his topography, stratigraphy and chronology. In tactically we priority completion of investigation, excavations, which have started our predecessors in the XIX century, as well as examination of monuments, most exposed to the danger of destruction or looting (cemeteries). Based on these studies, certain specified milestones in the evolution of the settlement. In General, this process can be characterise as the formation of early Byzantine fortress, which created in the territory of settlement Goths and Alans, allies of the Empire in the Southwestern Taurica, in the provincial Byzantine city, the residence of the rulers of the Theodoro principality.

The process of formation of towns at the periphery of Byzantine world was determined by several factors, but the major one was the extent and duration of the external military threat. This reason was the most important for Byzantine possessions in Taurica. Gothic campaigns of the third century, Huns invasion in seventies of fourth century, return of part of Huns to Kerch peninsula in the second half of fifth century, neighboring of Turkic kaganat from the second half of the sixth century, and of Khazar kaganat from the second half of the seventh century, the threat of invasion from Magyars – the second half of ninth century, from pechenegs – the end of ninth – middle of eleventh century, from comans – eleventh – beginning of thirteen centuries, shattering invasion of Mongols in 1223, second arrival of Tatars in 1236, the bloody intestine wars in Golden Horde, which were the reason of military raids of the opposing groups of Tatars nobility to the lands of

the enemies [1]. The most devastating for the settled agricultural population at the coastal and mountainous areas were the campaigns of emirs Nogai in 1299 and Tamerlan (end of fourteenth centuries). The existence «of the last piece of Byzantium at the Black Sea», as Alexander Vasiliev called the Crimea, was put to an end by Turkish invasion in 1475.

This is not the full list of the events dangerous for the «extreme North» of the Byzantine reveals that the military threat was present at different during one and a half thousand years. It was the stimulating reason for creation of new and support for old fortresses.

The special attention the Empire paid to Kherson, the main Byzantine base in South-western Taurica [2]. In the sources the measures on strengthening of a defence of city are mentioned [3]. Kherson during all medieval period of the life was the present city keeping an antique design and even some institutes of Antique City State of the device. And though the urban life step-by-step died away, however down to its full termination in the end XIV century, its tracks are quite distinctive by archaeological methods [4].

But what was happening at the outskirts of this city? The military events of third-fourth centuries clearly revealed that the enemy must not be allowed to approach the city walls. This experience was gained during «Diophant Wars» in the last decade of second century B.C. But we don't see features of external defensive system till sixth century [5], however we can't exclude its existence or at least appearance since allied relationships appear between Kherson and barbarian population of the closest periphery. Until the mentioned date there were no fortresses in mountainous area of Taurica. I remind that in second half of third century Goths destroyed the last later-Scythian settlements, which survived Sarmathian raid at the edge of first and second centuries [6].

The opinion that the peak of fortress construction on Taurica falls on the reign of Justinian I («the first») began to form in the beginning of nineteenth century (Duybua de Monpere) and was developed later on by V. Vasiliev, A. Vasiliev, V. Jacobsonom. These authors used written sources as well as architectural and archaeological monuments, among them the special attention was paid to so-called «cave towns» [7]. The feature of these settlements, exotic for the first glance, is presence of artificial cave constructions of different purpose: household, defensive, civil engineering, habitable, cult. These impressive ensembles were interpreted as towns and fortresses, built by Byzantines for protection of territory identified as «Dori country», mentioned by Procopius of Ceasarea [8]. Critics of this hypothesis (E. Veymarn, O. Dombrovskiy, D. Talis) pointed out at variety of these settlements, marking out the real towns, castles, monasteries, unfortified rural settlement [9]. Their probable non-synchronism to each other was also mentioned. To determine the types of the «cave towns» the authors applied the model of feudal relationship genesis, invented by Soviet historians for Kievan Russia. The largest settlements, such as Mangup, Eski-Kermen, Chufut Kale was similar to trade and craft city centres, which appeared at the cross of trade routes. The smaller settlements as Bacla, Tepe-Kermen, Syurenskaya fortress, Kalamita were defined as feudal castles, and settlements without defensive system – as villages and monasteries.

Out long-term study at Mangup and Chifit-Kale revealed that both approaches to the problem could not provide the full solution. We found that during the whole existence these settlements several times changed their type and status [10]. An example of Mangup is very indicative.

Some words about a topographical situation. Mangoup – limestone insulated plateau, its max height above sea level about 600 m. From three parties it is limited to vertical steeps reaching on the western party an altitude 70 m.. Northern decline is cut by three steep gorges dividing capes, doing in the plan Mangoup similar on a paintbrush of an arm with four fingers. In upper reaches of canyons there are powerful sources of water. The general area of a plateau is about 1 square kilometre [11].

According to the Evliya Cheleby, Turkish traveller XVII century, the plateau was generated by the Lord to be a fortress, and not only due to its natural inaccessibility, but also because of availability of natural sources of water [12].

The earliest artefacts found at the plateau are dated back to Eneolit Epoch - early Bronze, however, the significant inflow of people takes place from second half of third century, that coincides with appearance at the peninsula of Germanic tribes and, probably, of their allies – Alanic tribes. Probably since that time unprotected settlement begins to appear, up to now no remnants of fortifications of that period were detected. The artefacts of that period represented by Late Antique ceramics (amphora's, red-lacquered vessels). Bronze Late Roman coins are also found. These materials are usually located at the layers of later periods. At the time of the colonisation of the plateau the major part of its cliff surface was not covered by soil. Only after development of the settlement the cultural layer began to deposit at the inhabited areas. I should mention that even in the period of prosperity the inhabited territory didn't exceed one third of its total area. The free area was intended to shelter the neighbouring population with property and cattle in case of military threat.

After allied relationships were established among newcomers and Byzantium, the territory known as «Dori country» was formed. Fifteen years ago expedition of V. Sidorenko revealed the remnants of strong defensive wall, which crossed the valley, in which Mangoup plateau is located [13]. Probably it was one of sections of the system, called «the long walls» by Prokopius. It protected one of the main mountain passes leading to Kherson, the distance to which is 20 kilometres from this place.

It became clear during the last ten years of Justinian I reign that «long walls» – is insufficient defence from invasion from steppes, where power of Turcic Kaganat strengthened. Then in back of these barriers the erection of strong fortresses began, which one could except for constant garrisons could receive under the protection of a fair amount of the outskirts population with his main property – livestock.

From the end of fourth century cemeteries begin to appear at the plateau, mostly consisted of burial vaults of northern Caucasus type, also usual graves are present here. Such three necropolises are open on southern peripherals. Largest, takes bottom of a gully Al-malyk-dere (Apple-gully), its proven area, probably, reaches 6 hectare. The unique road started with this party, on which one the wheel transport could mount. Earliest here are detected funeral complexes of the end IV–V century. It is deep crypts. In their chambers conduct lengthy dromoses, one of them have thirteen footsteps.

Unfortunately cemeteries several times starting from ninth century were raided and the last and largest raid which last up to now started in ninetieth of last century. Nevertheless even the remaining materials allow tracking the gradual penetration of Christian culture to Gothic-Alanic environment. At the time when ceremony was pagan, Christian

symbols such as wall drawings of typical early Byzantine crosses appear. The earliest artefacts of Christianity expansion were found in one of the vaults of fifth century - Bronze body cross and gemma on Cornelia, embedding from fingering with a figure of cherub with wings behind the back and fire-sword in his hand. Similar object, which originates from Syria-Palestine area, is stored in National Library in Paris [14].

The most studied vaults at the three excavated cemeteries at the southern periphery contained artefacts of sixth - first half of eighth century. The most artefacts are golden triangle pendants. Besides eagle-headed buckles, zoomorphing Scandinavian fibulas, golden earrings and other items. Pair of round cast fibula, covered by thin layer of sheet gold with Cornelia embedding. Stone mould for similar paired fibula was found at Northern Danube in Romania and dated back to fifth-seventh century. In our case these items found together with glasses with blue drops, dated back to the end of fourth-first half of fifth century [15]. Found deformed skulls are connected with this early material. They are not found in graves of sixth century. I'd like to mention also stamped golden plaques with human face. Part of artefacts from robbed vaults was found at the surface of the plateau in the ruins of tenth-eleventh century (Teshkly-burun treasure) [16].

Architecture of the vaults is featured with variety of decoration. In three cases imitation of surface temple was found. The most significant is the vault, where the wall opposing the entrance looks like an apse with three deep arched niches. There are lines imitating arched structure at the surface of the conch and at the ceiling. Probably in this case the interior of the vault reflects the view of real surface temple.

Last years several new cemeteries were found at the territory between Mangup and Inkerman. Probably they mark the core of the area of Dori country, with populated allies of Byzantium. Namely here was the most intensive religious transformation of Barbarian neighbourhood of Byzantine Kherson. Its final result was the medieval ethnic and cultural state of population in Taurica.

All the mentioned cemeteries stop functioning no later than the end of eighth century. They are synchronous to the second phase of the settlement life, which may be defined as early Byzantine.

The construction of fortifications at Mangup plateau started, probably, in the last decade of Justinian I reign (fiftieth-sixtieth of sixth century). At that time immense fortress ensemble was built, taking into account and using all factor of natural protection of the flat plateau. There was no larger and stronger fortress in medieval Crimea.

The defensive system of Mangup-Doros is not typical for the medieval town. This is the huge fortress-shelter, which had garrison and had space for additional troops and could shelter the population from neighbouring valleys with cattle and property. The total area of the fortress is ninety hectares. It included the flat surface of the mountain and the upper course of the valleys that cut the plateau from the north. The main efforts of the builders were required at construction of walls crossing gorge between capes.

Western, southern and south-eastern edge of the plateau are cliffs with the height up to 70 meters. There are separate narrow abrupt rifts and, places, rather vast segments sloping, more precisely, stepped decline. It is in case of the former in the gorge the short one - curtain walls connected rocky side rift were carried up, in second it was necessary to construct a wall, which one as though connected on a upper edge of a plateau segments of an

abrupt decline. Thus, fortifications filled gaps in a rocky massif, which set up by the nature. Such fortifications became the major defensive line MDL, which provided defence for the maximum possible area of plateau. There were almost no walls higher than the edge of the plateau and no closed fortification boundary. System contained separate, discrete sections, the main task of such wall sections was to supplement natural borders of the plateau and to create continuous defensive contour with total length about 7 kilometres.

This line existed without any considerable changes up to the beginning of sixteenth century. Only some repairs of separate sections were made, – those, destroyed in battles or by natural forces. The major reconstruction was made twenty-five years after Mangup was captured by Turks-Osmans.

Except of MDL in a fortress ensemble there are two important and well noticeable complexes: the second defence line (SDL) and citadel. However these last two defensive complexes have appeared not earlier XIV century. They already mirror process of becoming and development of city in other historical epoch.

There was one of the biggest in Taurica basilica constructed at the centre of the plateau, its size corresponded to the size of the fortress. Basilica had three naves and two lateral galleries. Central nave separated from lateral series Corinthian columns, with caps of prokoness marble. Floors of the temple were covered with colourful mosaic, walls were covered with frescos. During its excavation in 1912, there was inscription fragment on limestone slab found with the name of Justinian I [17]. That means, that the fortress had not only military purpose, but also became an important ideological centre – the starting point of Christianisation of local population. However, as it was mentioned earlier, this process was not fast and mainly was finished by the edge of firstly and seconds millennium AD.

By the end of Justinian's reign, Byzantium had no possibility to maintain fortresses at the remote frontiers, such responsibility was transferred to local authorities. The situation became worth in the second half of seventh century. However according to archaeological sources and to scarce written sources, relationship of south-western Taurica with Byzantium was not terminated due to proximity of Kherson and due to preservation of nomads' threat. The seal found last year is evidence to this fact. The inscription says that Emperor's Logophet, Patrikiy Dorothey, owned the seal. The type and the features of the font suggest the date of the second half of sixth-seventh century. The high rank of the owner undoubtedly suggests that he be from noble Byzantium society.

Unfortunately the short title of the owner's position makes difficult to study the seal and to search data on the person. The first fair question arises: which one from numerous Logophets owned the seal: Logophet of Genikon, Logophet of droma, Logophet of troops or some other?

The study of sources on structure of early Byzantine administration suggests that the owner of the seal was Senior Logophet. Besides that makes possible to narrow the time frame of usage of the artefact.

Noteworthy, that the person of patrikiy Dorothey is known in Byzantium history. The person with the same name is mentioned in written sources during the reign of Constant II (641–668). He was a witness at the Pope Martin's trial in 654 being in position of Stratig of Sicily Thema. R.Guilland considers the seal with name of Dorothey, published by

V. Laurent, to be owned to that person. Our artefact probably connected to the previous period of his career. It ascertains the fact of relationship between local authorities with Byzantine administration connected with export and import and taxation in the first half of seventh century [18].

Since the second half of seventh century, Khazars appear at the Crimean peninsula, they gradually advance from Bospor to the western part. In the beginning VIII century their effect becomes already appreciable close Kherson, in the city as appears from the story about events bound with punitive measures against cities implemented Justinian II, there was a representative of khasar authority, «tudun» [19]. The Byzantine-khasars political-military alliance induced common for the parties by Arabian hazard, did not allow empire to undertake as – or fissile operations on protection of territories traditionally considered as of its possession.

Crisis broke out by the end of eighth century, when Khazars captured Doros-Mangup and that caused rebellion of Christian population of Gothia. The leaders of rebellion were local icon-respecting party, which was in opposition to official iconoclasm position of authorities, dominating in Kherson and probably at the most territory with Byzantium influence. In such conditions anti-Khazar reconquest was condemned to fail, because there were no hope to get Byzantine support to the rebellion with anti-government mottoes. Not incidentally lesion of revolt main and as a matter of fact unique source communicating about it: Hagiography Jhons Gothes, explains, that the chiefs were betrayed one of village, and on more precise explanation of this piece of the text, were given to khazars « by the his people» [20].

Archaeological situation detected at Mangup allows to connect its specific features to events of anti-khazar rebellion under leadership of bishop Ioann the Goth, the cause of which was the capture of the main fortress of Crimean Gothia by Khazars. Its second capture probably was accompanied by destruction of part of constructions of Major defensive line. Soon after these events these constructions were repaired, because Khazars required this fortress as an outpost at the frontier bordering with Byzantium. The evidences of the repair are several sections of fortification system, reconstructed using methods, typical for Khazars (saltovian) fortification (masonry is laid directly on the ground, blocks are marked with trident (Tamga)). It should be remarked that presence of Khasars in the fortress did not last long and stops, probably, after establishing of Thema of Klimate. Excavations revealed scarcity of Saltovomayatsk culture on the plateau [21].

In stratigraphy during the «khazars» time typical early-Byzantium material complex is replaced with Black Sea area typical materials of ninth-tenth centuries. (jugs with high neck and flat handle, egg-bodied amphoras, household white-clay Glazed wares). It is unlikely to be the fast replacement of population. It is mainly the indication of changes in household, when export started to play important role, first of all – wine. Before ninth century wine was imported to the fortresses of south-western Taurica by the traditional since antiquity Black sea trade routes. But later on, the wine was produced locally, the evidence is appearance of several large winepresses and pottery facilities for mass production of amphora's (at present nine winepresses are discovered at Mangup). Possibly, normalisation of political relationship between Byzantium and Khazaria in the second half of ninth-beginning of tenth century and also openness and safety for Trade of steppe areas of

Northern Caucasus and Don areas, stimulated burst of vineyard growing and winery at the interior areas of Taurica, where such activity was not spread in antiquity.

About the edge of tenth and eleventh century, life in the fortress declined, the reasons are not clear up to now, but chronologically it is connected with the decline of Khazars khaganat. The long pause starts, which continues at least to the beginning of the fifteenth century, when Mangup became a capital of Feodoro principality. At the sites of some desolated wineries Christian churches appear. Maybe the reason of decline was catastrophic earthquake.

In the middle of eleventh century in the steppes between Crimea and Russia, Polovtsian came. Almost entire Crimean peninsula, including southern coast, was taken under authority of Polovtsian Khans. Before the restoration of Byzantium Empire in 1261, Crimean territories of Byzantium were taken by Trapezund Empire, which collected taxes from Gothia. The situation became worth when in 1223 Tatar-mongols invaded. By the middle of thirteenth century Crimean Ulus of Golder Ord already existed, its representative headquarters were situated in new city Krym or Solkhat (at present Stariy Krym) [22]. In sixtieth Genoese appear at the coastal areas, later – their main competitors – Venetians, settled in Sudak. On ruins of antique Feodosiya the capital of the Genoa colonies has grown Kafa. Soon she has turned into one of the largest cities of the Black Sea region, major unit of trade between East and West. These functions she has intercepted from extinction Kherson, former main bulwark of the Greek medieval culture on a peninsula.

By that time, population inhabiting peripheries of Kherson, descendants of invaders, of Goths and Alans, who dissolved other ethnic groups in their environment, due to cultural and political influence of Byzantium, became the integral part of medieval Greek Christian world. So, it was not occasion that namely at the south-western part of peninsula conditions for establishing special ethnic and political organism were created. It was Feodoro principality, which was a bright spot in history of Crimea. It appeared at the border between great Mediterranean Greek and Roman civilisation, represented by Byzantium and original, also great, world of Nomads of Eurasian steppes, who started several times but never finishing the process of settling, which was called way from «nomads to cities». However, culture and ethnic composition of principality population was determined by late-Byzantium factor. It was indicated not only by dominating Greek language and Orthodoxy, but also by the location of the capital, which inherited the Justinian's fortress, within the borders of which a large city was situated, having considerable areas of extra space. Although defensive walls at that time were already seven centuries old there were no better option for their location and structure, only repairs and construction of second defensive line was required, which mainly had organisational purpose to limit the city development. Also citadel was constructed at the utmost north-eastern cape, nature prepared it to be the best place for Kremlin.

There is almost no data about the situation and date of principality appearance. This is the issue of both scientific hypotheses and free fantasies with historical background. Approach to this problem takes into account scarce and indefinite information from written sources as well as general background. Political consolidation of Orthodoxy population was caused by several reasons. During reign of khan Uzbek in Golden Ord the Official Religion was Islam (1313/14) and intensive islamisation of this population starts. In

the middle of XIV century Genoese captured from Greek Southern Coastal Area from Alushta to Chembalo (at present Balaklava). In fact, Orthodoxy population had only territories between Khersones and upper flow of river Alma, where so called «cave towns» are situated, archaeological data indicates that there was the biggest concentration of settled agricultural population during the entire medieval epoch. Unstable political situations were also a consolidating factor. By seventieth of the thirteenth century there are signs of instability in Golden Ord and by the beginning of the next century trends to separation, first of all in the west, became clear.

In Crimea, due to separated geographical situation and its role of transit point of «*inter-civilisation*» trade, all these trends were visible very clear. In the end of thirteenth century the peninsula experienced internal Ord separating conflicts, when raid of Ord of Emir Nogai devastated the most important cities. Probably this event stimulated consolidation of Christian Greek-speaking population under the authority of some Byzantium-provincial aristocratic family, maybe having Trapezund roots [23]. The evidence, that namely Mangup became the uniting centre for Medieval Greek population, is the inscription on the stone, found during the excavation of Grand Basilica in the beginning of last century. It directly says about restoration in 1362 of Feodoro and about construction of some Poyka, probably, meaning citadel of the city. This is the first time the future name of principality and its capital Feodoro was mentioned. More seldom and in different version name «Mangup» is used. This name became widely spread only after Turks captured the fortress in 1475.

In the middle of ninetieth of XIV century Crimea was involved into big inter-conflict of Tohtamysh and Timur. South-western part of peninsula was devastated, similar to devastation a century ago by Nogai. Now the main strike was aimed at the capital of Feodoro principality, which was ruined. The picture of awful destruction of city brightly also is expressively described in a poem of the celibate priest of Matthew [24].

In the beginning of XV century it was revived, the principality enters the last period of its existence and of the highest bloom and being renowned. Its east frontiers stretched to Alushta, only coast was possessed by hostile Genoese [25]. River Belbeck in the north was frontier with dominions of Golden Ord, and since fortieth with the separated from Golden Ord Crimean Khanat. Feodoro has allied relationships with the latter. Total population of the principality reached 150 thousand persons. During reign in 20th–30th of principal Alexis, the capital developed with very splendid provincial Byzantium architecture. In fact Basilica and Palace were built from the very beginning. Besides the old, repaired early-Byzantium defensive line (MDL), two new important complexes appear in fortification ensemble. First of all – retrenchment (SDL), similar to fortifications of neighbours-Genoese. SDL represents the continuous line consisting from curtains and towers with an open back part. Its general length about 700 m. One of its wing joints inaccessible south-western section of plateau slope, the other wing is ended by a tower at the western slope of Gamam-dere(Bath-gorge) vale. Here SDL is closed with MDL, the link by which one (A. XV) is as though prolongation of a floor line. And the second – full rehabilitation of citadel, or possibly construction from almost the very beginning. The citadel takes an insulated rule position, taking extreme north-east cape Teshkly-burun (Hole-cape). Territory of this cape is filled with architectural monuments. The most considerable monument is

defensive system, which included three-storied dungeon-palace and two walls, joining the building from two sides, the opposite wings of the walls joined the inaccessible cliffs. Armenian-Byzantium style is expressed in decoration of its facade.

Last years there were remaining of household and residential buildings excavated at the territory of citadel, including large four-room building, probably being barracks for garrison. Special interest is attracted by unique for the Northern Black Sea Region eight-sided temple (octagon). It was mainly excavated in the end of XIX century – beginning of XX century, but unfortunately we have low materials from that time. Such situations gave base for different dating of the construction: from VIII to XIII centuries. Early, I stated judgement on more late date: second half XIV – middle XV [26]. Analogy can serve mausoleums of Gold Order and Crimean Tartars aristocracy, kept, for example, in Bakhchisaray, on Chufut-Kale, in suburb of Bakhchisaray – Salachik. There are examples octagonal temples, which were carried up in the beginning XV century in Constantinople [27]. It is necessary to attribute everything, construction octagon in Mangoup to the reign of prince Alexis. Then there was modern architectural appearance of a citadel. The position of a temple obviously indicates that the selection of a place for it was subordinate composition of planning an ensemble of a citadel. He is arranged precisely on a long axis passing through centre of gate to an end on of cape. Probably, it was prince's chapel.

It is interesting, that in IX–X centuries there was winery at the location of the temple. Outlet chamber of winepress and holes for the vessels with rounded bottom are preserved there. Before the construction of the church started, the surface of the rock was levelled, such works destroyed remaining of complex from previous epoch. Besides, there is information that some other churches of XIV–XV centuries were constructed at the locations of the winepresses. There is an impression that in this period production of wine is sharply reduced in comparison to «khazars period», or possibly it was decentralised, comes out of administrative control and distributed in rural settlements in the valleys.

Beside on-ground constructions, citadel consists of more than 20 caves. First of all these are military-purpose caves, intended to attack the main road, and the second – these are monasteries, located closer to the end of the cape, but in case of threat they were also used for military purpose. The most considerable cave complexes, possibly monastery, are situated at the very end of the cape [28].

Citadel has also independent from the city source of water – well with depth of 24 meters, connected with the spring in the cave under the cliff.

The Turkish conquest became the tragic episode in history of Gothia. Osman troops invaded the Crimean peninsula in 1475, in a week Genoese Kafa surrendered. But siege of Mangup lasted for half year and followed the scenario used twenty-two years ago under the walls of the capital of Byzantium, which resisted only for two months. At that time Greek historian Kritovul, witness of the events, clearly stated the main, according to his opinion, reason of Turks success: «Cannons resolved everything» [29]. Such words entirely fit the situation at Mangup.

On the eve siege to the aid of last mangoup prince Alexander, shortly before these events, mounted on a throne, the squad from three hundred valakhes, directional ruler of Moldavia by the Stefan III has arrived. The brother-in-law related Alexander, to him. In 1472 united in matrimony of the Stefan with Princess Mary from Mangoup. She has gone

through all for two years loss of the native city. The defensive union with the Hungarian king was scheduled also.

First of all, Turks tried to capture the city from the south, i. e. where besieged and researches didn't expect them to do. Last years during excavation of Gothic necropolis near the southern slope of the plateau, the entire cannonball was found and later military positions were found under the foot of the cliff. It was the position, most unprofitable for storm. Combated was necessary on open space of an abrupt decline, crowned by a vertical steep of a plateau. Unique advantage of this position was weak hazard of shelling from flanks. Besides from this party there was a base camp a Turkish troops, to which one the road lead to seaports Balaklava (Chembalo) and Inkerman (Calamita), entrapped by then Turks.

After fail at the south Turks had to start the next phase of siege at the central northern valley Hamam-Dere. That activity left a lot of archaeological evidences. At the middle of the slope of cape Elli-Burun (wind-cape) Turks established breach-battery. Two heavy siege cannons fired from the distance of 200 meters granite cannonballs with diameter of 42 and 35 cm, its weight was 100 and 65 kg correspondingly. From one position they attacked two fortifications. Terrible roar of the cannons had also psychological effect. Most Feodorites knew about such weapon only from the stories. However, the city resisted five storms.

There were breaches found in the walls with stuck Turkish cannonballs and arrows. When cannonballs almost destroyed one of the walls, defenders managed to build the new one of its stones. Turkish source very scarce and state that only with cunning and fake retreat the besieged were taken out and together with them (on their shoulders) Turks entered the fortress [30]. Citadel also resisted for some time and Turks also had to use artillery. After that there was massacre, evidences of which are the mass burials at the Grand Basilica, in fact it was turned at that time into memorial. Cannon master of that time George from Nuremberg, who was forced to serve to Mehmed II, informs that Turks captured 15 thousand persons and three «kings». Although this number is overestimated, it could be understood as a total number of captured during the conquest of the entire principality, which were divided into feudal lands, heads of that were called «kings».

For the three following centuries the capital of Orthodoxy Taurica became the Turkish fortress. New owners maintained the fortifications. To adapt the fortress to usage of firearms some sections of walls were moved higher above the slope, some walls were rounded, old towers were reconstructed, the new ones were added. Architectural details of destroyed building were used during the repair. For example, details of Grand Basilica were used in reconstruction of one of the towers.

However, life at Mangup decayed.

We excavated one of the last churches, which functioned up to the beginning of XVII century. Burial of priest was found there and hidden coins, probably it was treasury of the church – 111 silver coins of Crimean Khanat, dated back to the end of XVI century. It is possible, that this priest was the one, Martin Bronevsky talked to in 1578. Martin Bronevsky is Polish diplomat, who made the first description of Crimea and Mangup in particular. Soon after his visit Christian community here disappeared. Only small Turkish garrison remains here and some Tatars and Karaites blocks with there synagogue at the western part of the

plateau near the ruins of Grand Basilica. At the bottom of valley Tabana-Dere, at the location, where the city had irrigated gardens, large Karaites' necropolis appeared. At present 1008 tombs are registered there, about thirty percent of them carry epitaphs in Ancient Jewish language (Hebrew). There are some inscriptions dated IX–XIII centuries, but unfortunately they are obviously forged, their real dates (XVI–XVII centuries) were altered into more ancient, but it is another, special episode of history of Jewish communities, related to the name of famous Karaite collector and oriental scientist Abram Firkovich. At least archaeological researches allow resolving some of the puzzles left after him [31].

After Kuchuk-Kaynardzshyskiy agreement was signed in 1774, which resumed Russian victories over Osman army at Danube and liberated Crimean khanate from vassalage from Istanbul, Turks left the fortress, and in 1792 the last inhabitants – Karaites forsook it.

So we determined the following phases of evolution of the settlement at Mangup plateau.

1. Pre-fortress period: (middle of third – middle of fourth century). Only the upper parts of the valleys were inhabited at the plateau. The population mostly consisted from Goths, Alans. Christianity was gradually spread among them.

2. Early Byzantium fortress period (sixth–eighth century). Construction of powerful defensive system, Grand Basilica was built in the centre of the plateau.

3. Khazars period (end of eighth – first half of ninth century). Khazars captured the fortress for the short period. The local economy strengthened.

4. Thema period (middle of ninth – tenth centuries). The fortress is back under the Byzantine authority.

5. Period of neglect (ninth–thirteenth centuries)

6. Early-Feodoro period (fifteenth century). The town blocks appear at the plateau, citadel is formed at Teshkli-Burun Cape; at the end of the century the town is devastated by Tamerlan's forces.

7. Late Feodoro period (first–third quarter of fifteenth century). Revival of Feodoro principality, reconstruction of citadel, palace and Basilica, the second defensive line was built.

8. Turkish period (end of fifteenth century – seventieth of eighteenth century). After the town was captured by Turks (1475) it gradually falls into neglect and totally forsook by the residents (karaites) at the very end of eighteenth century.

The last time Doros-Feodoro-Mangup «took part» in war in June 1942. At that time among the ruins of Gothic fortress there was an observation point of commander of eleventh army – Erich Manshtein. In his memoirs he clearly reflected the view from this place: «There was an unforgettable view in front of us. It was the only case in the present war, when commander of the army could see the entire battlefield in front of him» [32]. The remaining of bunkers is preserved at the south-western part of the plateau. Let's hope that they will be the monuments to the last in history usage of Mangup fortress in military purpose.

List of references and literature

1. The newest monograph lighting these events: Ayababin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma* (An ethnic history early Byzantine of Crimea). – Simferopol, 1999.
2. Jakobson A. L. *Vizantiya v istoriyi srednevekovoy Tavriki* (Byzantium in a history of the medieval Taurica) // SA. – 1954. – T. 21. – P. 148–163 ; *Rannesrednekovy Khersones* (Early medieval Chersonesus) // MIA. – 1959. – № 63.

3. The newest review of the literature and sources on the given subject see: Romanchuk A.I. Ocherki istoriyi i arheologiyi vizantiyskogo Hersona (Essays of a history and archaeology of Byzantine Cherson). – Eyekaterinburg, 2000. – P. 37–59.
4. Ibid. – P. 202–207.
5. Zoubar V. M. Hersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya (Chersonesus Tauricanus and Roman Empire). – Kiev, 1994. – P. 74–78.
6. Khrapounov I. N. O prichinah gibel' nekotorykh pozdneskifskikh poseleniy (About reasons of loss some of late scything settlements // MAIET. – 1990. – T. 1 – P. 167–169.
7. The review of the points of view on this problem see: Gertsen A.G. Krepostnoy ansambl Mangoupa. (The fortress ensemble of Mangoup) // MAIET. – 1990. – T. 1. – P. 92–102.
8. Procopius of Ceasarea. O postroykah (About edifice) // VDI. – 1939. – № 4. – P. 249–250.
9. Veymarn E. V. «Peschernye goroda» Kryma v svete arheologicheskikh issledovaniy 1954–55 gg.» A Cave towns» of Crimea in light of archeologically researches // SA. – 1958. – № 1. – P. 77–78 ; item. Escho raz o Tavricheskom limese (It Once again about the Taurican limes) // ADSV. – 1973. – V. 10. – P. 255–258 ; Solomonik E. I., Dombrovskiy O. I. O lokalizacii strany Dorey (About localisation of the country Dorey) // AISK. – P. 29–31; Talis D. L. O klassifikacii i datirovaniy nekotorykh srednevekovykh gorodisch Kryma (About classification and dating some medieval site of ancient settlements Crimea) // Ekspediciyi GIM (Expeditions of the SHM). – M., 1969. – P. 130–142.
10. Gertsen A. G. K probleme tipologiyi srednevekovykh gorodisch Eugo-Zapadnoy Tavriki (To the problem of typology the medieval site of ancient settlements Southwest Taurica // Byzantium and medieval Crimea (ADSV. – V. 27). – Simferopol, 1995. – P. 85–90.
11. The description of the plateau Mangoup see: Gertsen A. G. The fortress ensemble. – P. 103–105.
12. Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya (The Book of the travel). – Simferopol, 1999. – P. 33.
13. Sidorenko V. A. «Gory» oblasti Dorey Procopiya Kesariyskogo i «dlinnye steny» v Krymu («The Goths» of area of a Dorey Procopius of Ceasarea and «lengthy walls « to Crimea) // MAIET. – 1991. – V. 2. – P. 114–115.
14. Gertsen A. G. Rannekhristianskie pamyatniki iz nekropoley Mangupa (Early Christian objects from necropolises of Mangoup) // Kultura i iskusstvo khristian-negrekov (Culture and art of the Christians-non Greeks // The theses of the reports of scientific conference of memory A. V. Bank. – SPb. : publ. house of a State Ermitaje, 2001. – P. 10–12.
15. Gercen A., Maczynska M. Ein fruhvolkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Graberfeld Al-malyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spatromische Kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Vittel-und Osteuropa. – Lodz, 2000. – S. 522–544.
16. Guertsen A. Le tresor de Techklibouroun provenant des fouilles de Mangoup//Archeologie de la Mer Noire. La Crimée a L'epoque des Grandes Invsions IV–VIII siecles. – Caen : musee de Normandie, 1997. – P. 83.
17. Tihanova M. A. Basilica // MIA. – 1953. – № 34. – P. 334–389 ; Barmina N. I. Magoupskaya basilica v svete nekotorykh problem krymskogo srednevekovyaya Basilica of Mangoupl in light of some problems of the Crimean middle ages // Vizantiya i srednevekovy Krym (Byzantium and medieval Crimea). – Simferopol, 1995. – P. 77–84.
18. Gertsen A. G. Alekseenko N. A. Vizantiyskie molivdovuly iz raskopok Mandoup-Kale (Byzantine molivdovuls from the excavations of Mangoup-Kale // Problemy istoriyi i arkheologiyi Ukrainy (A Problems of a history and archaeology of Ukraine). – Kharkov, 2001. – P. 90–92.
19. The newest publications dedicated Byzantine-Khazar relations in the end VII – the beginning VIII centuries see: Tsukerman K. Khazary i Vizantiya: pervye kontakty (Khazars and Byzantium: the first contacts // MAIET. – 2001. – V. 8. – P. 332–333 ; Naumenko V. E. Khazarskiy tudun v Khersone v nachale VIII v.: vizantiyskaya versiya (Khazaring tudun in Cherson in the beginning VIII century.: the Byzantine version) // MAIET. – 2003. – V. 10. – (in printing).
20. The newest publications dedicated interpretation of events described in the Hagiography Johns Goths : M.-F. Auzepy. Gohie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // MAIET. – 2000. – V. 7. – P. 324–331.
21. Gertsen A. G. Khazary v Dorose-Mangoupe (Khazars in Doros-Mangoup) // Khazarskiy almanah Khazars anthology. – Kharkov, 2002. – V. 1. – P. 29–34.
22. The newest data about outcomes of researches Solkhat see: Kramarovskiy M.G. Solkhat-Krym: k vo-prosu o naselehiyi i topografiyi goroda XIII–XIV vv. (Solkhat-Crimea: to a problem on the population and

topography of city XIII–XIV centuries // Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitaja (The totals of activities of archeological expeditions the State Hermitage. The collection of scientific works). – Leningrad, 1989 ; item. Zolotoordynskiy gorod Solkhat-Krym. K probleme formirovaniya gorodskoy kultury (novye materialy) (Gold Oding city Solkhat-Crimea. To a problem of formation of urban culture (new materials) // Tatarskaya arkheologiya (Tartars archaeology). – Kazan, 1997.

23. The newest publications about a parentage of a dynasty see: Stepanenko V.P. Knyazya Feodoro i vizantiyskaya aristokratiya XV v. (The princess of Feodoro and Byzantine aristocracy. International conference «Byzantium and Crimea». The theses of the reports. – Simferopol, 1997. – P. 76–77.

24. The first publication: Mercati S.G. Διήγησις τῆς πόλεως Θεοδοῦρου. Versi di Matteo ieromonacho // Studi bizantini. – 1927. – № 2. – P. 12–30. The newest publication : Bayer H.-F. Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro (The history of Crimean Goths is as interpretation of a Legend of Matthew about city Feodoro). – Ekaterinburg, 2001. – P. 286–309. The archeological comment to the text: Gertsen A.G. Rasskaz o gorode Feodoro: topographicheskoye i arkheologicheskoye realnosti v poeme ieromonaha Matfeya. (The story about city Feodoro: realities in a poem of the celibate priest Matthew) // ADSV. – 2001. – V. 32. – P. 257–282.

25. Veymarn E. V. O dvuh neyasnykh voprosakh srednekovyayugo-Zapadnogo Kryma (About two vague problems of a middle ages of Southwest Crimea) // AISK. – P. 77–82.

26. Gertsen A. G. The fortress ensemble. – P. 144.

27. Schneider A. M. Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt. – Amsterdam, 1967. – Z. 70-71. – Abb. 31.

28. Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. Peschernye cerkvi Mangoupa (The cave churches of Mangoup). – Simferopol, 1996. – P. 6–15.

29. Critobulos. – FHG. – V. 5. – P. I, 80.

30. The newest publications about Turkish siege of Mangoup see: Haybulaeva F.H. Noviy tureckiy istochnik po istorii Kryma (New Turkish source on a history of Crimea) // MAIET. – 2001. – V. 9. – P. 362–365 ; Gertsen A. G. Po povodu novoy publikatsii tureckogo istochnika o zavoevaniy Kryma (Concerning the new publication of a Turkish source about seizure of Crimea). – Ibid. – P. 366–387.

31. Gertsen A. Archaeological investigations of karait settlements in the Crimea // Proceedings of the 11th World Congress of Jewish Studies. Division B. The history of the Jewish people. V. 1. Second Temple period to modern times. Jerusalem, 1994 ; Jewish Community of Mangoup According to Archaeology Data // MAIET. – 2000. – V. 7 ; item. Kultovye pamyatniki iudeyskoy obshchiny Mangoupa (Cult monuments of a Judaic community of Mangoup) // Studia judaica. Trzecia edycja konferencji «Zydzi i judaizm we wspolczesnych badaniach». – Krakow, 2002.

32. Manshteyn E. Uteryanye pobedy (The lost victories). – Rostov-na-Donu, 1999. – P. 277–278.

LIST OF THE USING ABBREVIATIONS

ADSV	Antichnaya drevnost i sredniye veka (Antiquity and the Middle Ages, Sverdlovsk - Ekaterinburg)
AISK	Arkheologicheskie issledovaniya srednekovogo Kryma (Archeological researches of medieval Crimea. – Kiev, 1968)
FHG	Fragmenta Historicorum Graecorum
GIM	Gosudarstvenniy istoricheskiy muzey (State Historical Museum, Moscow)
MAIET	Materialy po arkheologiyi. istorii i etnografiy Tavriyi (Materials by the archaeology, history and ethnography of Tauria, Simferopol)
MIA	Materialy i issledovaniya po arkheologiyi SSSR (Materials and explorations at the archaeology of USSR, Moscow)
SA	Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology, Moscow)
VDI	Vestnik drevney istorii (Bulletin of the ancient history, Moscow)

Герцен А. Г. Основные этапы истории Дороса-Феодоро (Мангула) в свете археологических исследований экспедиции Таврического национального университета им. В.И.Вернадского / А. Г. Герцен // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 193–206.

Охарактеризованы основные стадии жизни крупнейшего поселения из группы «пещерных городов» Крыма – Мангула, реконструированные на основании как известных письменных источников, так и материалов раскопок, проводившихся в последние десятилетия археологической экспедицией Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Выделены этапы эволюции поселения с IV по XVIII вв. Оно прошло путь от ранневизантийской крепости, на территории союзников Империи, готов и аланов, до провинциального византийского города, столицы княжества Феодоро. В 1475 г. Мангул был захвачен османами после полугодовой осады и триста лет был турецкой крепостью, административным центром кадылыка.

Герцен О. Г. Основні етапи історії Доросу-Феодоро (Мангула) в світлі археологічних досліджень експедиції Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського / О. Г. Герцен // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 193–206.

Охарактеризовано основні стадії життя найбільшого поселення з групи «печерних міст» Криму – Мангула, що реконструйовані на підставі як відомих письмових джерел, так і матеріалів розкопок, що проводилися останніми десятиріччями археологічною експедицією Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Виділено етапи еволюції поселення з IV по XVIII ст. Воно пройшло шлях від ранньої візантійської фортеці, на території союзників Імперії, готів та аланів, до провінційного візантійського міста, столиці князівства Феодоро. 1475 р. Мангул був захоплений османами після піврічної облоги і триста років був турецькою фортецею, адміністративним центром кадилика.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., ст. науч. сотр. Н. И. Платонова

THE COUSINS' WAR

Ishchenko N. A.

Taurida National V. I. Vernadsky University, Simferopol, Ukraine

The article deals with the unknown pages of the Pembrokes-Vorontsovs' family history, the details of the activity of Sidney Herbert Pembroke, the Minister of War, and his cousin Semyon Mikhaylovitch Vorontsov during the Crimean War of 1853–1856, as well as the connections of the old English kin modern representatives with the history and culture of their ancestors.

Key words: the Pembrokes, the Vorontsovs, the Crimean War, Wilton-House, Alupka palace.

The Crimean War of 1853–1856 was not a civil war but it did nevertheless bring two members of one famous Russian family into conflict with each other. The men in question were two grandsons of Count Semyon Romanovitch Vorontsov (1744–1832). One of them – Sidney Herbert Pembroke (1810–1861), was British Secretary of State for War at the period of the Crimean War. The other was his cousin, Semyon Mikhailovitch Vorontsov (1823–1882), who took part in the defence of Sevastopol in 1855.

The Vorontsovs' family, and in particular Semyon Romanovitch Vorontsov, played the most active role in the history of Russian-English relations in the late eighteenth and first half of the nineteenth century. During the years of his diplomatic service as a Russian ambassador in Britain from 1784 he attracted many admirers in the various British social and political circles, so much so that, when he retired in 1806 he made Britain his home forever. He lived there for 25 years more, his daughter marrying into one of Britain's most prominent families.

His two children, Mikhail and Ekaterina, enjoyed far differing fortunes. His elder son Mikhail (1782–1856) got a brilliant education in Britain and in 1801 returned to Saint-Petersburg and subsequently enjoyed a very successful civil and military career in Russia. He took part in the Russian-Turkish wars and in the wars with Napoleon, and in the period 1814–1819 he was a commander of Russian Expeditionary troops in France. In 1823 he was appointed a governor-general of Novorossia and in 1824 was made a governor-general of the Caucasus, a post that he held until 1854 when, with the outbreak of the Crimean War, he volunteered for the army. The war aggravated the difficult topographical position of Russia on the Caucasus, with two Turkish armies threatening the Russian frontiers. The czar's armies held them back, however, and Mikhail Vorontsov left Caucasus as a hero in March of 1855. In August of 1856 he was given the rank of field-marshal.

In 1819 Mikhail Semyonovitch married the beautiful Polish countess Elizaveta Ksaveryevna Branitskaya. The Duke of Wellington, with whom Vorontsov had become acquainted in France, was a proxy-father on their wedding. In 1845 Count Vorontsov was made a prince and in 1852 he was awarded a title of «serenity».

There is a popular Russian saying: a real man must do three things in his life – to give birth to a son, to build a house and to plant a tree. Mikhail Semyonovitch fulfilled all three of

these successfully. His wife gave birth to son, Semyon (1823–1882), and daughter Sophia (1825–1879), he built a magnificent palace in Alupka in 1848 and laid there out a unique park.

His sister, the daughter of Russian ambassador, Ekaterina (1783–1856) spent nearly all her life in Britain. In 1808 she became the wife of George Augustus Herbert, 11th Earl of Pembroke and 8th Earl of Montgomery (1759–1827). Her husband was a representative of one of the noblest aristocratic English families and an old friend of her father. That marriage was a unique case – such marriages were very rare both amidst Russian and Britain nobility. That unity between Russian aristocracy and British peerage was the second case in its way. As J. Debrett stated in 1820 in his book *The Peerage of England, Scotland and Ireland*, the first one was a marriage of Prince I.I. Baryatinsky in 1806 with Lord Sherborne's daughter Ann Margaret Datton. The marriage of Vorontsov's daughter and Earl Pembroke became possible thanks to Semyon Romanovitch's services for the British crown and his long years of residence in England.

Ekaterina was George Augustus Herbert's second wife. He became a widower at an early age and had four children after the first marriage (two of them died in their childhood). Unlike his private life, the military and civil career of the 11th Earl of Pembroke was more successful. In 1773 he joined the British army. In 1782 he became a lieutenant colonel of the Royal Dragoons and in 1812 reached the rank of general. As early as in 1788 Pembroke became a member of King's Secret Council and his vice-chamberlain. In 1794 he succeeded to his father and occupied a place in House of Lords, being a governor-general of Wiltshire. In 1805 he became a Cavalier of the Garter order.

The new family took up their residence in Wilton House, the family estate of the Pembrokes, which was founded by William Herbert in 1544. Here, in the period from 1809 to 1819, their children were born, one son and five daughters. Ekaterina Semyonovna occupied a fitting place at English court. She had a beautiful voice and very often sang in duet with the poet T. Moore. She even presented him a number of Russian melodies for his album.

Being connected as relatives, the Vorontsovs and the Pembrokes kept up close and warm relations. Semyon Romanovitch stayed with his daughter and grandchildren in Wilton for a long time. From time to time Mikhail Semyonovitch and his family visited England and his sister. Mikhail Semyonovitch himself wrote in his «Memoirs» (in chapter «1832»): «We spent the beginning of 1832 in London with trips to Brighton where we placed our son Semyon in school and our daughter Sophia – temporarily to Miss Persey». His aide-de-camp M.P. Scherbinin recollected in the «Memoirs», published in 1876, that in the late 1830s he «went with count to England and spent a winter in Wilton, near Solsberry, in magnificent estate of countess Pembroke, sister of Mikhail Semyonovitch. The countess lived there with her son Sidney Herbert, who got his education in Oxford University and had already demonstrated his brilliant talents, and her daughters, who were distinguished by their extraordinary beauty and courtesy. This pious family presented the most pleasant picture. All its members were connected with each other with the ties of friendship and unanimous consent. «Full harmony of feelings and faiths, based on the unconditional laws of morality, ruled in that family».

Most likely, it was George Herbert who recommended his brother-in-law to engage one of the best English architects Edward Blore (1789–1879) to design the future palace in

Alupka. Pembroke knew Blore as a talented specialist able to fulfill an order in a short period of time because in 1831 hospital of St. Magdalene was built in Wilton according to Blore's project.

So, the younger Vorontsov's and Pembrokes knew each other very well. But what of Sidney Herbert? In the collection of Western European graphics of the Alupka palace-museum there is his portrait, painted in the manner of mezzo-tinto by the English engraver George Raphael Ward (1798–1878) from the original portrait, painted by Francis Grant (1803–1878) in 1847. A young man is painted against a background of rural landscape with the hills, river and field paths. Classical regular features of handsome face, open look, graceful pose and elegant suit speak about inborn natural nobility of English aristocrat. His autograph, which is pasted under the portrait, was kept with care by many Vorontsovs' generations. The signs on the engraving explain that the publisher to Her Majesty Paul Colnagi, who was a friend of the Vorontsovs and the Pembrokes, made this print on November 29, 1847. Sidney Herbert's autograph proves that the young man maintained friendly relations with his Russian relatives. His mother Ekaterina Semyonovna was constantly anxious about it. In late 1830s from Russian government she obtained for her son a right to own an estate in Finland, which was left for her after the death of her father. But further events didn't favour the English aristocrat's attempt to become a Russian landowner.

Sidney Herbert started his political career as a conservative MP for Wiltshire South in 1832. In 1845–1846 he became Secretary at War under Sir Robert Peel. His activity was especially productive in the period of the Crimean campaign. From 1852 till 1855 he was Secretary of War under Lord Aberdeen. The Longstanding friendship tied Sidney Herbert and Florence Nightingale (1820–1910). Holding the progressive ideas as to the woman's role in society, it was he who sent her with 38 nurses to Scutari to care for the soldiers.

The Secretary at War has got a tough time during the Crimean War. Health of Sidney Herbert was failing under the pressure of his job. According to the public opinion, he mismanaged the Crimean War. In January 1855, the government of Lord Aberdeen fell, largely because of its mishandling of the war and he lost his position in the War Office. From February 2 till February 28, 1855 he was Home Secretary, from March till May 1855 – Secretary at Colonial Affairs. In 1856 he was in favour of military reform and some expected him to become a Prime Minister. In 1859 he became Secretary at War for the last time under Lord Palmerston. In 1861, the year of his untimely death, he was awarded with a title of «baron» with a right to be in sessions in the House of Lords.

In 1846 Sidney Herbert married his childhood love Elizabeth Ashe, a Court-Repingham, the daughter of General a Court, who became a famous correspondent of many high society ladies' magazines as it was stated in «Who is Who» in 1910. She also supported Florence Nightingale's campaign to show that women should be allowed to nurse men. After her husband's death she met Florence in Rome and they became friends. In the gothic hall of Wilton House stands a sculptural portrait of Florence Nightingale and everybody can see her white armband with red border. The text, written by Sidney Herbert, is fastened to it and runs: «Sign, which Florence Nightingale and all the nurses in the army hospitals wore during the Crimean War».

Sidney Herbert's activity as Secretary at War during the Crimean War divided the united family into two expostulated camps and painfully resounded in the hearts of his

Russian relatives. His cousin Semyon Mikhailovitch Vorontsov, the only son of Mikhail Semyonovitch, got his education in Russia. In 1842 he graduated from lyceum in Odessa and worked at War Office. In October 1847 titular councillor (the lowest civil rank in tsar's Russia) prince Semyon Mikhailovitch, bearing the court title of, «gentleman of the monarch's bed-chamber», was sent to Life Guards Preobrazhensky regiment and appointed aide-de-camp to His Emperor Majesty. Usually an appointment to Retinue «was given for the charge of combatant forces into proper order, for outstanding distinguished services and selfless fulfillment of one's duties». But at that period Semyon Mikhailovitch was said «not to be distinguished with any talents». There is documentary evidence that he was given the retinue rank for his father's services. In Nicholas' prescripts, addressed to the name of prince Mikhail Semyonovitch Vorontsov, it was stated: «Recollecting that the initial field of your services was the civil one and that you changed it for the military service following your own wish in the region, where your son, prince Semyon, was constantly with you, sharing all the hardships and difficulties of war, I couldn't deny myself a pleasure to direct his service to the way you follow. That's why I appointed your son my aide-de-camp and enlisted him in Life Guards Preobrazhensky regiment for staying with you. I hope that he'll follow his brave father's footsteps and, like he, become a worthy and excellent warrior». Being a commander of Kurinsky foot regiment on the Caucasus, Semyon Mikhailovitch took part in many military operations. In 1851 Khadzhi-Murat came down to him from the mountains and surrendered to Russians.

That period in the life of Semyon Vorontsov was coloured by two events, which were considered among the happy events in the life of family and were specially noted by Mikhail Semyonovitch Vorontsov in his «Memoirs». On August 26, 1851 in Alupka palace Semyon Vorontsov married the widow of colonel Spolypin Maria Vasilyevna, born Princess Trubetskaya. On October 1, 1852 «Vorontsov, Prince Semyon Mikhailovitch, commander of M. Vorontsov's Chasseur regiment, aide-de-camp, colonel was promoted Major-General for his distinguished services against mountaineers».

Contemporary opinions differ on Semyon Mikhailovitch. One of them gave him deteriorative characteristics, calling him «a man not interesting at all, sluggish and flabby», which «didn't resemble his father neither in appearance nor in soul. Others mentioned the prince's practical mind and his bravery. Somehow or other, Semyon Mikhailovitch was a defender of Sevastopol. The letter of A. O. Smirnova from September 1855 is an evidence of it: «These 11 months of Sevastopol siege was a real nightmare. Vorontsov (Prince Semyon Mikhailovitch) was wounded more badly than I was told: he's got a contusion with a bomb splinter». And further: «He (Prince A. I. Baryatinsky, head of Caucasian corps during the Crimean War) respects Semyon Vorontsov and is very happy that at last he's got the brigade he asked for at the beginning of the war. He saw him in an affair in the Caucasus where he was prepared to sacrifice his life. He told me: «We've got enough generals for parades; Semyon Mikhailovitch is not suited for the parade generals; he is a military and battle general. I don't tell you that he is a military leader, but they are so few». Semyon Vorontsov finished the war in the rank of aide-de-camp general, which was given to him on December 6, 1856.

The cognate relations of the Vorontsovs and the Pembrokes played a positive role in the fortunes of the Alupka palace in the period of the Crimean War. The names of the

owners of the Crimean estates were well known for the allies not only from the Tatar guides but also mainly from the pages of numerous guide-books, travelers' descriptions and engravings, replicated in Europe before the war. Captain William Jess, having seen this palace shortly before the Crimean War, complained in his book «Russia and the War» that Edward Blore has erected the monument to his glory too far from England. So, the civilized Britain in non-civilized Russia regarded it as their duty to preserve a masterpiece of English palace and park art. Besides, there was a portrait of Queen Victoria in Alupka palace, which she, at that time – a young girl, herself presented to Mikhail Semyonovitch Vorontsov. The wise prince ordered the portrait to be hung in the honorary place so that the one, entering his palace, could see it at once.

Somehow or other, when Britain soldiers landed in Alupka they spared it, being restrained by with respect for the great services of its owner in England, the English character of both the palace and park around it, and the portrait of Queen Victoria which was displayed quite prominently.

By a strange coincidence the last year of the Crimean War – 1856 – saw the death of both brother and sister, Prince Mikhail Vorontsov and Lady Pembroke. The war, which separated their children, advanced the deaths of the parents. A thread, which connected the closely-related people, was broken. The Prince died in November in Odessa, Lady Pembroke in March in Wilton. He was buried in Odessa cathedral, she in Wilton parish church, to which she contributed so much during her life.

After his father's death Semyon Mikhailovitch inherited a large Alupka entailed estate and proved to be a diligent landowner, especially in wine-growing and wine-making. The wines of his southern coast estates gained a well-deserved reputation and, as they say, excelled the foreign ones in quality. The mayor of Yalta of that time V.A. Rybitsky stated that Emperor Alexander II, when staying in Livadia, «often went to Alupka to have afternoon tea».

Family relations between the Russian and English cousins were not, fortunately, broken after the Crimean War. The Head of Alupka Palace exposition department Galina Filatova has found in the palace an interesting photograph with the dedicatory inscription on it: «For Simon Woronzow from Ema de Vessey». Emma Herbert, Sidney Herbert's youngest sister (1819–1884) married Viscount de Vessey from Lakes Abbey in Ireland in 1839. An old gentleman in the picture is her husband, a young lady – her daughter Fanny.

One of the richest Crimean landowners, the first Mayor of Odessa Semyon Mikhailovitch Vorontsov died on May 6, 1882 in Saint-Petersburg. He was buried in Alexandro-Newskaya lavra. The year after his death an old friend of his family Vladimir Poltoratsky noted in his diary: «The late prince Semyon Mikhailovitch Vorontsov represented an odd mixture of crazy generosity and dirty stinginess, jealousy and unbelief with boundless trustfulness». Let us leave this opinion to the conscience of his contemporary and recollect that it was Semyon Mikhailovitch who initiated the publication of «An Archive of Prince Vorontsov». Thus, his name was immortalized with this unique edition of the written sources of the XVIII–XIX centuries.

Semyon Mikhailovitch died childless and thus the ancient line of the Vorontsovs died with him. After his death the life of Alupka entailed estate was frozen for 20 years. Only in 1904 the new owner came to it – the Vorontsovs-Dashkovs, the representatives of the offshoot of the Vorontsov's kin.

The son of Ekaterina Vorontsov, Lord Sidney Herbert, outlived his mother only for 5 years. He died when he was 51 and left seven children. In 1861 near a tombstone of Ekaterina in Wilton church appeared a tombstone of her only son. The photographs of two tombstones were sent from England to Alupka, where they are kept now. In 1869 a bronze statue of Secretary of War Sidney Herbert by J. H. Foley (1818–1874) was erected at Waterloo Square in London near the old War Office in front of the Crimean Memorial. In 1915 he was joined by a neighbor in the shape of a bronze statue of Florence Nightingale by A.G. Walker (1861–1936). The grateful descendants immortalized memory of the English, whose destinies were determined by the Crimea and the Crimean War.

List of references and literature

1. Воспоминания М. П. Щербинина // Русский архив. – 1876. – № 11.
Vosponinaniya M.P. Scherbinina // Russkiy Arhiv. – 1876. – № 11.
2. Записки В. А. Рыбницкого, ялтинского городского головы / публ., предисл. Г. Г. Филатовой // Дворянство в истории Российского государства : III Крымские Воронцовские чтения. Крым, Симферополь – Севастополь 9–15 ноября 2000 г. : материалы. – Симферополь : Крымский архив, 2001. – (Прил. к журналу «Вопросы русской литературы»). – С. 194–205.
Zapiski V.A. Rybitskogo, yaltinskogo gorodskogo golovy // Dvoryanstvo v istorii Rossiyskogo gosudarstva: materialy III Krymskih Vorontsovskih chteniy, Simferopol : Krymskiy Arhiv, 2001. – P. 194–205.
3. Филатова Г. Г. Портреты английских родственников Воронцовых в собрании Алупинского дворцово-паркового заповедника // Воронцовы и Англия: матер. VI Крымских Воронцовских чтений. – Симферополь : Крымский архив, 2002. – С. 115–121.
Filatova G.G. Portrety angliyskih rodstvennikov Vorontsovyh v sobranii Alupkinskogo dvortsovo-parkovogo zapovednika // Vorontsovy I Angliya : mater. VI Krymskih Vorontsovskih chteniy. – Simferopol : Krymskiy Arhiv, 2002. – P. 115–121.
4. Eyewitness in the Crimea: the Crimean War Letters of Lieutenant Colonel George Frederick Dallas / edit. by M. H. Mawson. London : Greenhill Books ; Pensilvania : Stackpole Books, 2001.
5. Jesse C. Russia and the War. – London, 1854.

Ищенко Н. А. Братская война / Н. А. Ищенко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 207–212.

Раскрываются малоизвестные страницы семейной истории Пемброков-Воронцовых, подробности деятельности военного министра Сиднея Герберта Пемброка и его двоюродного брата Семёна Михайловича Воронцова в период Крымской войны 1853–1856 гг., а также связь современных представителей старинного английского рода с историей и культурой их предков.

Ключевые слова: Пемброки, Воронцовы, Крымская война, Вилтон-хауз, Алупинский дворец.

Ищенко Н. О. Братська війна / Н. О. Іщенко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 207–212.

Аналізуються маловідомі сторінки родинної історії Пемброків-Воронцових. Розглянуті подробиці діяльності військового міністра Сіднея Герберта Пемброка та його двоюрідного брата Семёна Михайловича Воронцова у роки Кримської війни 1853–1856 років, а також зв'язок сучасних представників старовинної англійської родини з історією та культурою предків.

Ключові слова: Пемброки, Воронцови, Кримська війна, Вілтон-хауз, Алупкінський палац.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. И. В. Тункина

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

THE GREEK POPULATION OF THE GENOESE COLONIES IN CRIMEA

Moiseyenkova L. S.

Taurida National V. I. Vernadsky University, Simferopol, Ukraine

The article covers several aspects of history of the Greek population in the Crimea in the period of the Genoese conquest (XIII–XV centuries). It is also substantiated a dominant role of the Greeks among polyethnic and multiconfessional population of the Crimean colonies. Greeks had not always been superior in numbers however their cultural advantages are unquestionable. The conquerors because of their small number were forced to cooperate with the local conquered population, grant political rights, and engage local nobles in management of towns and trading stations. Greek language together with Latin one was the main language of colonial clerical work. The Greeks were business partners of Genoese in trade and seafaring. However at the times of aggravation of contradictions between catholic conquerors and local population Greek Orthodoxy played a unifying role for many ethnic groups including Turcoman. The article is also dedicated to mutual influence between Western and Eastern cultures and a role played by the Crimean Greeks in delivery of the Byzantine cultural heritage.

In the middle of the 1260`s Genoese have strongly established themselves in Crimea. Having been settled the matters with Mongols-Tatars who by this time have transformed Crimea into the province of the Golden Horde, they have achieved a sanction to base the whole network of polytypic settlements at the Crimean coast. Trading stations appeared there very fast one after the other. Some of them turned to be really large and influential cities (Caffa).

In order to protect these acquisitions in such «Far East» of the Mediterranean Genoese constructed powerful fortresses Vosporo (Kerch), Soldaia (Sudak), Chembalo (Balaklava), etc., quite often using foundations and walls of Byzantine and even antique defensive constructions which remained intact. In 1381 under the treaty with the Tatars Italians have secured for themselves 18 villages of Soldaia region and have got the «Captainship of Gothia» which in the Middle Ages was the name of the Southern coast of Crimea. The Italian settlements in Crimea have received the general name – Genoese Gazarie.

The main trading and political center of Gazarie has become Caffa. Already by the end of the 13th century, dynamically developing it turned into densely populated, polyethnic city, and by the 15th century Caffa on intensity of a city life and population could has been compared with Constantinople. The rise of Caffa was promoted by strengthening role of the Northern Pontos in international trade of the western countries with the East. Caffa became a large trans-shipment point on trade of the transit goods: Russian furs, leather, canvas, wax, and weapon; spices, dyes, silk and jewels from Far East countries. The local goods were in great demand also: salt, salty fish, caviar, bread, unmanufactured skins. Huge incomes to Genoese brought also slave trade.

Impressing successes of Genoese on development of the region could not be explained only by their military and diplomatic experience, enterprise aggressiveness, and

business quick. The Genoa colonization had trading character, and the number of colonists was always insignificant. Towns and fortresses of the Crimean coast which visible traces were kept till our times, were erected by hands of the local Crimean population, which work and talents Italians tried to turn to own advantage with highest possible effectiveness.

All researchers from the very first steps of studying history of the Genoese colonies ascertained extraordinary diversity of the Crimean population, at times admitting their inability not only to define an ethnic characteristic of its separate components, but even to list all nations known to a science which representatives lived in trading stations. Not the full list can far look so: Greeks, Armenians, Tatars, Jews, Cumans, Russians, Syrians, Abkhazians, Circassians, Georgians, Hungarians, etc. There were adherents of various religions among named nations: Christianity, Islam and Judaism. In the process of growth of economic appeal of trading stations, this diversity only intensified.

Ethnic-religious picture of the medieval Crimea represented such a mix, which could be defined as «the European Babylon» or «the European Jerusalem.» However, the mix as has noticed Fernand Braudel «must consist of different elements. Their diversity is evidence that they do not merge in homogeneous mass, remain separate, isolated, and more and more distinct in the process of moving from the basic centers in which they are closely bound» [1, p. 597].

The most significant ethnic communities with which the Italian conquerors have interacted were Greek, Armenian, Tatar and Jewish. The Greek population prevailed over representatives of other ethnic groups (Tatars, Circassians) in coastal cities of Crimea. In Caffa and Soldaia Armenians made the competition to Greeks. Existing data about absolute prevalence of Armenians in Caffa of the middle of 15th century now called in question. To this doubt, would be desirable to add the following: in the 30's years of the 14th century «infusion» of a large ethnic group of Armenians in the region, which ran from oppressions initiated by the Turks, has made impression upon contemporaries. Reflection of an innovation, instead of routine of daily occurrence is more frequent in sources. Establishing themselves on a new place, Armenians required greater communal definiteness among native population, showed activity on building up of space in conformity with cultural and religious needs, built up temples, transferred to them the rescued relics. Probably, this active self-affirmation of Armenians has also caused a use of the name «Seaside Armenia» which referred to Caffa and its district.

Greeks donated Armenians-coreligionists their temples, joint participation in divine service practiced also. Parishioners of the same Orthodox temples could be both Greeks, and Armenians, and representatives of other ethnic groups. All this does ethnic components of the Crimean population almost indiscernible.

Nevertheless, special researches are devoted to separate ethnic communities (Armenian, Russian, Jewish) of the Genoa settlements [See for ex.: 2, p. 142–154; 3, p. 169–177]. Thus the Greek population is represented as a background which should shade and give more precise outlines to considered ethnos. However, the background which characteristics suppose the certain homogeneity and stability looks a little bit vague.

History of ethnogeny of the Crimean Greeks leaves many questions. Relations with the Greek population of antique colonies of Crimea are hardly traced. However, research-

ers do not deny, that «barbarized» Greeks and «Hellenized» barbarians participated in ethnogeny of the Crimean Greeks. During all history of Byzantium Crimea was considered by empire as the major stronghold of its influence in the Northern Pontos. Under active missionary, economic and political influence of Byzantium local Greek, Goth-Alan and partly Turkic population was converted to Christianity, has acquired Greek as a language of religious and daily dialogue, accepted elements of the Byzantine culture and ideology. In this case, we observe generating role of a religious-cultural component in relation to an ethnic generality. Processes of assimilation have been completed by the end of the 10th century. The Greek population of the Genoa settlements in Crimea, defining the religious and ethnic identity, named itself «Romans.»

Because of the Genoese conquest the Crimean settlements have become sort of liege dependent on Genoa. In this system of feudal submission, Greeks were from the point of view of the colonial authorities vassals of the first grade. Apparently, Latins have not seen special distinctions between the Crimean Greek population and the Byzantine Greeks with which they were in the closest intercourse long before they settled on the Crimean peninsula.

Not numerous conquerors willingly went on cooperation with the local nobility and first of all Greek which originally acted Circassians on behalf of the population of the colonies. The Greek names more frequently met among members of city authorities and trustee boards. Greeks more often than others were charged with the posts of captains, company's leaders. They more often than others assumed responsibility for food and other supply of cities, acted as tax-farmers of the state monopolies, and from the end of the 14th century when it became possible, as buyers of positions.

Prevalence of the Greek population, its business, public and cultural activity was admitted and taken into account by the Genoese authorities. Capital curia of Caffa on the constant salary kept the secretary of the Greek letter. Officials with knowledge of other languages (Arabian, Cuman, Tatar and so forth) were involved as required. Alongside with Latin notaries above drawing up of necessary documents worked officially approved by the consul of Caffa Greek notaries. They had the right to make notaries certificates in the Greek language. The statute of 1449 has officially legalized existence of the Greek notaries. And in the 60's – 70's of the 15th century already met mentions of existence in Caffa special Greeks loggia, i.e. an official building where curia, office, scribes, and notaries should have been placed [4, p. 133].

Greeks that, in general, is natural for native population were presented at all steps of a social scale of coastal cities and rural district. Natives of the Greek nobility alongside with other representatives of local elite were often ranked to so-called to «white Genoese,» i.e. found the status among those who, not being actually Genoese, had their rights and privileges.

Activity of the Greek population is especially appreciable where it was not required to have a special social or a legal status. Latins have found qualified partners among the Greek merchants. In the organization of trade on a new place colonists, most likely, leaned on experience and knowledge of the Greek merchant class, which took the lead positions in trade of the region in the pre-Genoese period. Already by the end of the 80's of the 13th century practically from the first steps of existence of the trading stations Genoese, coop-

erating with Greeks could arrange mass export of grain from Crimea and the Northern and Eastern Pontos. Caffa's trade in grain was especially intensive [5, p. 28; 6, p. 29–30].

At Genoese, joining the advanced forms and methods of business, getting certain access to extensive trading contacts of Italians, the Crimean Greeks acted in the merchant environment not only as the subsidiary personnel serving needs of colonial trade, but also as proprietors of ships, solvent and exclusive dealers of spices and cloth.

The craft on the economic importance in the Crimean cities conceded to trade, but its role in economic development of the region did not have to be underestimated. Caffa's statements of the end of the 13th century name about 30 craft specialties, which, certainly, have arisen not suddenly. Genoese have found in the Crimean settlements highly developed craft manufacture. Archeological data testify about advanced local ceramic products and bronze foundry craft in the period before the conquest. Ceramic finds kept brands in the form of the Greek monograms, which have allowed ascertaining, that ceramic production of the seaside masters extended all over Crimea and beyond its bounds.

Not all Italians who arrived to Crimea were engaged exclusively in trade. Some of them found additional incomes in the organization of craft manufacture, mainly in metal working weapon manufacturing and tailoring. The crafts connected with manufacture of leather, furs, manufacturing of footwear, local fabrics – everything connected with supply of cities and fortresses with the foodstuffs belonged to local population activity. Millers, bakers, butchers were Greeks, Armenians and Jews. Foodstuffs were receiving from the rural district which population on the ethnic variety did not concede to cities. First of all the Greeks are appreciable here as wine growers and wine-makers. West-European traveler I. Schiltberger who has visited Crimea in the first half of the 15th century informed of the Greek Christians, «who make excellent wine»[7, p. 58]. Grapes grew up in the vicinities of Soldaia, Caffa, Chembalo. Every spring in Soldaia were electing two confidential persons. One of which had to be the Greek who was entrusted with the distribution of water between owners of vineyards. The Caffa's Charter of 1449 mentioned about the special tax collection from vineyards, and about sale of wine wholesale and retail in the towns of Crimea.

The Genoa authorities actively used local builders. Greeks and Armenians were skilful masons, marble workers, carvers on a stone. Documents name also many craft specialties connected with construction repair and equipment of vessels. The shipbuilding on peninsula had old, mainly, the Greek traditions. There are records of existence of a shipyard in the 12th century in Partenit. The Genoese highly rated the Greek shipbuilders. In the documents of Caffa dated by 1480's were named carpenters from among Greeks who supervised over construction of the ships. By this time, there was a state shipyard in Caffa, which were carrying out orders of the city. A little later, a shipyard had been organized also in Chembalo.

Latin's activity in the Northern Pontos was not limited only to economic sphere. Latins had quite certain missionary goals, which achievement has appeared to be not so impressive. The uniting principles for all Greek and significant part of not Greek population was the Orthodox Christianity. Greeks continued to live in old ideas of communication with empire and patriarchy. In the list of eparchies of Constantinople patriarchy were named four Crimean: Kherson, Gothia and Sugdeya united with Fulle and Bospor. Their

representatives, which appointments depend on the patriarch, were in close relationships with the synod of Constantinople and took part in cathedrals. At the end of the 13th century bishop of Sugdeya and in the 14th century, the other bishops have been raised in a rank and became metropolitans.

There were numerous cult constructions in charge of the Crimean bishops. The abundance of temples, churches, and chapels has amazed the Polish diplomat M. Bronevsky who has visited Crimea in the second half of the 16th century. «Proud, not consent and rebellious Greeks», as considered M. Bronevsky, because of the disagreement easily defeated by the Genoese, «reached such intestine enmity, that the families most suffered from these distempers, did not wish even to be present and participate in public divine services. From here there was such set of churches that according to Christians their number reached several hundred» [8, p. 343]. However, it was not the matter. Really, the eyes of the diplomat have got used to the European town built around the central cathedral. The Crimean medieval towns developed spontaneously and were constructed according to the principle of functionality. Every residential area usually occupied by handicraftsmen of one specialty had own church as a rule devoted to the patron saint. The rich townspeople had also their own churches, which served also as patrimonial burial-vaults. As a rule, all of them were small erected on a plan typical for the Byzantine provincial architecture: rectangular basilica under gable roof and with a semicircular apse. Cross-domical temples, such as John Predtechia's temple in Kerch dated 10th–14th centuries were much less frequent. Unassuming external decoration of the majority of churches was compensated by the expressive internal decor presented by frescos. The kept frescos of Caffa's Saint Stephen church testify to a high level of skill of the Greek artists. Moreover, researchers found the bases to connect painting of the Saint Stephen church and creation of Dejesus and Eucharist images with a name of great Byzantine painter Feofan Grek who, according to some information, in the beginning of the 14th century stopped at Caffa on the way from Constantinople to Novgorod and Moscow [9, p. 49; 10, p. 51–52].

The Orthodox Church was for Greeks not only the consolidating basis in conditions of opposition to a pressure of Tatars-Moslems from one side and Latin-Catholics from another. Temples and monasteries were a place of dialogue, center of culture and education. There were schools at monasteries. There is information of school's existence at Saint Peter's monastery dated 1366. Besides the theological literature at schools were studied Greek classics by which enlightened Byzantines always have been so passionately keen. The Crimean Greeks could get not only church education. At educational institutions teaching was built by the principle of «seven free arts» studying. Greek as a language of antique erudition and culture and as the second (after Latin) official language of the settlements was taught not only at the Greek schools, but also at Armenian and at the schools established by the Italians.

The Genoese inevitably acquired local Greek customs and traditions. Some of them could organically blend with rites of official holidays, which were ordered from Genoa. On the common for Orthodox and Catholics holiday of the Epiphany which fell on January, 6th, Greeks were coming to the consular's castle and sang there «calimeras» («happy day»). The same day Orthodox priests (papas) were making a ceremony of consecration of the sea. Then boys jumped in sea waves, receiving gratuity for this.

Such a fact as that in far Crimean settlements the Genoese preferred to marry Greek women could be explained by the absence of serious cultural distinctions between Greeks and Italians.

Firstly, the Catholic clergy negatively reacted to such conjugal units, being afraid of a converting Latinas into schism because of everyday contemplation of customs and rites of Orthodoxy. Indispensable condition of the marriage was the promise of the bride to accept Catholic faith. However, Orthodox women far not always fulfilled the promises. Pope John XXII ordered to the bishop of Caffa to admonish and punish such wives who have not fulfilled the promise to be christened on a Catholic ceremony [11, p. 179; 12, p. 110].

In the middle of the 15th century in conditions of increasing Turkish threat, the Genoa authorities trying to keep colonists in the Black Sea settlements began to encourage marriages with local women, giving monetary payments on acquisition of families. Marriages with privileged and well-off Italians for local Greeks women were considered prestigious, but at times led to the real human dramas. Probably one of them has found reflection in a legend about young man Nikita from Soldaya and its love to a beautiful daughter of local shroff Ilya. The girl whose name was Nadiya has preferred to the not so rich young man who prepared himself to become a priest, the Genoese-Catholic who was the officer of palace guard. When Nikita has learned about a taken place wedding the beloved, he has gone to suburb of the town and settled in a cave by the spring where soon died of famine and sufferings. Therefore, as the legend says there was a spring of fidelity and a monastery of unrequited love in Sudak (modern name of Soldaya).

Thus, the Greek population of Crimea during the Genoa dominion held position of dominating ethnos among polyethnic and multireligious population of the settlements. In many respects, Greeks set the fashion in economic, public, and cultural life of the Crimean towns and were empowered by the Genoese to represent all Crimean population.

List of references and literature

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. – М., 2003. – Ч. 2. Broudel F. Sredizemnoye more i sredizemnomorskiy mir v epohu Filippa II. – Moscow, 2003. – P. 2.
2. Старокадомская М.К. Русское торговое население генуэзской Каффы // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958.
Starocadomckaya M. K. Russkoye trgovoye naseleniye genuezskoy Kaffi, Istoriya i arheologiya srednevekovogo Krima. – Moscow, 1958.
3. Микаэлян В. А. Когда и как возникли армянские поселения в Крыму // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Киев, 1965.
Mikaelyan V. A. Kogda i kak vznikli armyanskiye poseleniya v Krimu, Istoricheskiye svyazi i drujba ukrainskogo i armyanskogo narodov. – Kiev, 1965.
4. Еманов А. Г. Образование городской коммуны Каффы. – Екатеринбург, 1997.
Emanov A. G. Obrazovaniye gorodskoy communi Kaffi. – Ekaterinburg, 1997.
5. Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. // Византийский вестник. – М., 1989. – Т. 50.
Karpov S. P. Torgovlya zernom v Yuzhnom Prichernomorye v XIII – XV vv. // Vizantiyskiy vestnik. – Moscow, 1989. – Vol. 50.
6. Карпов С. П. Латинская Романия. – СПб., 2000.
Karpov S. P. Latinskaya Romaniya. – SPb., 2000.
7. Schiltberger I. Reisen in Europa, Azia und Africa von 1394 bis 1427. – München, 1859.
8. Бронеvский М. Описание Татарии // Записки Одесского общества истории древностей. – 1867. – Т. 6.

- Bronevsky M. Opisanie Tatarii, Zapiski Odesskogo obshestva istorii drevnostey. – 1867. – Vol. 6.
 9. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – Киев, 1966.
 Dombrovsky O. I. Freski srednevekovogo Krima. – Kiev, 1966.
 10. Сайко Н. Фрески церкви Св. Стефана // Декоративное искусство. – № 7. – М., 1969.
 Saiko N. Freski tserkvi Sv. Stefana // Dekorativnoe iskusstvo. – Moskow, 1969. – № 7.
 11. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – Киев, 2002.
 Kulakovsky J. Proshloe Tavridi. – Kiev, 2002.
 12. Еманов А. Г. Латиняне и нелатиняне в Каффе (XIII – XV вв.) // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991.
 Emanov F. G. Latinane i nelatinane v Kaffe (XIII – XV vv.) // Is istorii Vizantii i vizantinovedenia. – L., 1991.

Моисеєнкова Л. С. Грецьке населення генуезьких колоній в Криму / Л. С. Моисеєнкова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 213–219.

Рассматривается ряд аспектов истории греческого населения Крыма в период генуезьского завоевания (XIII – XV вв.), обосновывается доминирующая роль греков среди полиэтничного и многоконфессионального населения крымских колоний. Греки не всегда преобладали численно, но их культурологические преимущества представляются несомненными. Завоеватели в силу своей малочисленности вынуждены были идти на сотрудничество с покоренным населением, наделять политическими правами, привлекать к управлению городами и факториями местную знать. Греческий язык, наряду с латинским, был основным языком колониального делопроизводства. Греки выступали деловыми партнерами генуезцев в торговле и мореплавании. Однако в периоды обострения противоречий между завоевателями-католиками и местным населением греческое православие становилось объединяющим началом для многих этносов, в том числе и тюрок. Уделяется также внимание вопросам взаимовлияния восточной и западной культур, отмечается роль крымских греков в передаче Западу византийского культурного наследия.

Моїсеєнкова Л. С. Грецьке населення генуезьких колоній в Криму / Л. С. Моїсеєнкова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 213–219.

Розглядається ряд аспектів історії грецького населення Криму в період генуезького завоювання (XIII – XV вв.), обґрунтовується домінуюча роль греків серед поліетнічного і багатоконфесійного населення кримських колоній. Греки не завжди переважали чисельно, але їх культурологічні переваги представляються безперечними. Завойовники в силу своєї нечисленності вимушені були йти на співпрацю із скореним населенням, наділяти політичними правами, залучати до управління містами і факторіями місцеву знать. Грецька мова, разом з латинською, була основною мовою колониального діловодства. Греки виступали діловими партнерами генуезців в торгівлі і мореплаванні. Проте в періоди загострення протиріч між завойовниками-католиками і місцевим населенням грецьке православ'я ставало об'єднуючим початком для багатьох етносів, у тому числі і тюрок. Приділяється також увага питанням взаємовпливу східної і західної культур, відзначається роль кримських греків в передачі Заходу візантійської культурної спадщини.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий
 д.и.н., проф. В. М. Хмарский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авсенёва Светлана Николаевна	аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Герцен Александр Германович	кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, декан исторического факультета Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Главацкий Максим Володимирович	аспірант кафедри історії України Інституту історичної освіти Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова (м. Київ)
Двірна Катерина Петрівна	кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Інституту історичної освіти Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова (м. Київ)
Ищенко Наталья Анатольевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Кармазина Наталья Валериевна	кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебно-методической работе Университета экономики и управления (г. Симферополь)
Кравчук Александр Сергеевич	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Крюков Виктор Григорьевич	доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
Левченко Юрий Иванович	аспирант кафедры истории Украины Института исторического образования Национального педагогического университета Украины имени М. П. Драгоманова (г. Киев)
Моисеевкова Людмила Сергеевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Османов Элвис Эдемвич	преподаватель кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь)
Пасечников Игорь Александрович	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Руев Владимир Леонидович	кандидат исторических наук, главный специалист Республиканского комитета Автономной Республики Крым по охране культурного наследия (г. Симферополь)
Севастьянов Александр Валериевич	кандидат исторических наук, и. о. доцента РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь)
Сейт-Маметов Шукри Энверович	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Соколов Андрей Андреевич	соискатель Центра памятниковедения НАН Украины и УТОПИК (г. Киев)
Спивак Игорь Александрович	кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Яшный Денис Владимирович	аспирант Центра памятниковедения НАН Украины и УТОПИК (г. Киев)

СОДЕРЖАНИЕ

Авсенёва С. Н.

Керчь конца XVIII – первой четверти XIX века
в записках иностранных путешественников3

Двірня К.П., Главацький М.В.

Фінансово-податкова політика окупаційних органів влади
та специфіка її реалізації на прикладі рейхскомісаріату «Україна»
та генеральної області «Київ» (1941–1944).....16

Кармазина Н. В.

Материалы VI Археологического съезда в Одессе
как источник о развитии исторического памятниковедения
на Юге Украины28

Крюков В. Г.

Уявлення про Північне узбережжя Чорного моря
та про Кримський півострів арабського вченого
першої половини IX століття Ал-Хуварізімі37

Левченко Ю. І.

Особливості окупаційної політики щодо сільського господарства
в адміністративно-територіальних одиницях України 1941–1944 рр.49

Леписевич Н. З.

Династия Романовых и Крым:
взгляд со страниц журнала «Морской сборник»65

Османов Э.Э.

Мечеть «Ешиль-Джами» в Бахчисарае76

Парафило Д. М.

Научное изучение книжных богатств «Карай-Битиклиги»
(довоенный период).....85

Пасечников И. А.

Таврическое охранное отделение
в борьбе с революционным движением (1902–1904)97

Рувев В. Л.

Объекты культурного наследия на природно-заповедных территориях в
ракурсе комплексной охраны биоразнообразия и культурного наследия.....119

Севастьянов А. В.

Возвращение ученого: вокруг реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского
(конец 30-х – начало 40-х гг. XX в.)125

Сейт-Маметов Ш. Э.

Крымская коллекция источников дворца-музея Торкари
как объект научного изучения.....143

Соколов А. А.

Деятельность севастопольской городской организации украинского общества охраны памятников истории и культуры (60-е – 80-е годы XX века)	152
---	-----

Спивак И. А.

«Религиозная политика Александра Македонского» – тридцать шесть лет спустя	167
---	-----

Яшный Д. В.

Культурное наследие крыма на художественных досоветских открытках (1895–1917)	178
--	-----

Gertsen A. G.

Main stages of the history Doros-Theodoro (Mangup) in the light of archaeological research expedition Taurida Vernadsky National University	193
--	-----

Ishchenko N.

The Cousins' War	207
------------------------	-----

Moiseyenko L.S.

The Greek population of the Genoese colonies in Crimea	213
--	-----

Сведения об авторах	220
----------------------------------	-----